



ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
**ИСТОРИЯ
КРАСНОЯРЬЯ**
(XVI — начало XX века)

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2015

Авторы текста

Безруких В.А., доктор географических наук (гл. I)
Быконя Г.Ф., доктор исторических наук (гл. II, III, IV)
Федорова В.И., доктор исторических наук (гл. V, VI)

Рецензенты

Коновалова О.В., д.и.н., профессор Сибирского юридического института
ФСИН России
Ампилогов О.К., профессор кафедры «Рисунок, живопись и скульптура» СФУ

При подготовке книги использованы материалы из архивов и фондов
Российского государственного архива древних актов (РГАДА), г. Москва;
Российского государственного исторического архива (РГИА), г. Санкт-Петербург;
Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург;
Государственного архива Тюменской области, Тобольский филиал (ГАТО ТФ), г. Тобольск;
Государственного архива Томской области (ГАТО), г. Томск;
Государственного архива Красноярского края (ГАКК), г. Красноярск;
Российской государственной публичной библиотеки (РГБ), г. Москва;
Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), г. Санкт-Петербург;
Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ);
Музея-усадьбы В.И. Сурикова;
Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (МКМ);
Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»;
Хакасского республиканского краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова;
Северо-Енисейского музея истории золотодобычи;
Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края;
Славянской части Национальной библиотеки Конгресса США;
библиотеки Хаутона Гарвардского университета в Кембридже, США;
издательства «Растр»;
личных архивов Г.Ф. Быкони, В.И. Федоровой.

В книге использованы фотографии

А.А. Белоногова, М.П. Вершинина, А.В. Мищенко, В.И. Чин-Мо-Цая

Дизайн — **А.Ю. Кирюшин**, под редакцией О.К. Ампилогова

Допечатная подготовка издательства «РАСТР»

Верстка — **Д.М. Бакуров**

Корректор **О.В. Разумова**

Б 40 Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX века) / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, В.А. Безруких; [Электронный ресурс] / Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. — Красноярск, 2015. — Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. — Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-944-7

Предлагаемая читателю книга — увлекательное изложение досоветской истории Красноярского края. Этапы его истории раскрыты на основе различных письменных источников и многочисленных картографических и изобразительных материалов, в том числе из библиотек Конгресса США и Гарвардского университета. Прослежены все стороны многовековой истории Красноярья, в том числе изменение численности, состава хозяйственных занятий, структуры изменения населения по сословиям и классам. Характеризованы особенности управления, материальной и духовной культуры. Красноярье являлось уникальной социологической площадкой, где одновременно существовали разновременные уклады и формы жизни, многоязычные и поликонфессиональные группы. Становится понятным, почему наша Центральная Сибирь стала локомотивом развития не только Сибири, но и России.

Книга адресована всем, кому интересна история России, Сибири и Красноярского края, и будет полезна в учебных целях для подрастающего поколения сибиряков.

ISBN 978-5-85981-944-7

© Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Безруких В.А., текст, 2015
© Кирюшин Ю.А., составление, макет, 2015
© Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2015



ОТ АВТОРОВ

Мы живем в эпоху глобальных перемен, когда современные технологии ведут к стиранию временных и пространственных границ, стремительно унифицируется образ жизни людей в разных концах Земли, уходят в прошлое своеобразие национально-культурных типов и традиций. И кажется, что обращение к прошлому своей малой Родины, ограниченному определенными локальными и культурно-историческими рамками, для человека эпохи Интернета, ощущающего себя гражданином мира, будет выглядеть несколько старомодно в духе гоголевских «старосветских помещиков». И тем не менее, пока человек еще не окончательно стал приставкой к компьютеру, в нем живет не поддающаяся оцифровке потребность чувствовать себя не «общечеловеком», а частью своего народа, хранить в своей памяти то, что было дорого отцам и дедам. А прочность этой памяти во многом зависит от того, насколько научная история насыщена зримыми образами и сплетена с личной судьбой человека, его рода, семьи. Вот почему авторы предлагаемой вниманию читателя книги обратились к особому жанру — иллюстрированной истории Красноярского края.

Это первая попытка объединить историческое исследование с широким иллюстративным рядом, который не просто служит вспомогательным фоном, оживляющим текст, а является вполне самостоятельной и полноценной частью исследования.

Иллюстрации являются уникальными источниками, несущими в себе не только конкретную информацию, но передающими колорит эпохи, живой пульсирующий ток истории. Почти каждый сюжет повествования (хозяйственные занятия, бытовой уклад, этнические и социальные типы населения, персоналии и т.д.) имеет свой иллюстративный блок. При этом часть приводимых иллюстраций впервые вводится в оборот из архивных фондов, частных собраний и раритетных изданий. Так, например, читатель найдет в книге редкие карты Сибири XVII-XVIII веков из Славянского отдела Национальной библиотеки Конгресса США, а также из библиотеки Гарвардского университета, впервые вводимые в научный оборот планы уездов Приенисейского края по административной реформе 1783 года и планы Боготольского и Краснояреченского винокуренных заводов из фондов Российского государственного архива древних актов и Российского государственного исторического архива, малоизвестные рисунки, изображающие виды жилищ, одежду сибиряков из собраний знаменитых путешественников XVIII века И.Г. Георги, А. Паули, Аткинсона, рисунки и акварели художников XIX века А. Мартынова и С. Корнеева, картины, гравюры, рисунки красноярских художников второй половины XIX — начала XX века на исторические темы.

Особенно богато представлен фотоматериал, отражающий пореформенную эпоху: фотографии типажей крестьян, купцов, мещан, ссыльных, интерьеры жилищ разных социальных групп, виды церквей и зданий, являющиеся



архитектурными достопримечательностями, панорамы городов и селений Енисейской губернии. При этом многие фотографии впервые вводятся в оборот из фондов Красноярского краевого краеведческого и Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова.

Особенную ценность представляют фотографии российского фотографа С.М. Прокудина-Горского, явившегося в начале XX века пионером цветной фотографии в России. Его коллекция цветных фотографий, сделанных в 1903-1916 годах, является своего рода визуальной энциклопедией Российской империи в последние годы ее существования. Она охватывала различные уголки России (в том числе и Сибири) и насчитывала около четырех тысяч снимков. Однако большая ее часть после отъезда Прокудина-Горского в 1918 году из России оказалась за границей. В конце 1940-х годов более двух тысяч негативов было продано родственниками фотографа в Библиотеку Конгресса США. В 2000 году часть их была выставлена на сервере Библиотеки в сети Интернет.

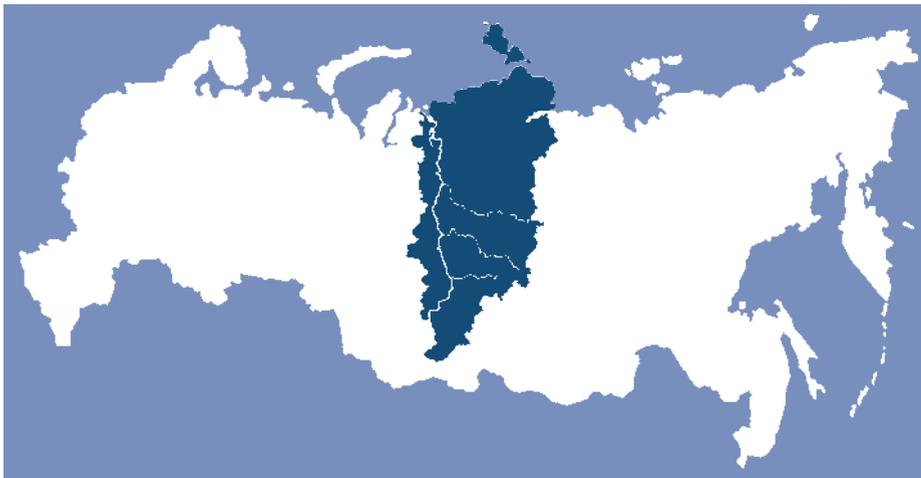
В книге дана полномасштабная картина истории Приенисейского края, начиная с первых поселений русских землепроходцев и до краха Российской империи. Прослеживается динамика численности населения, места его выхода, сословный и классовый состав, географическое размещение. Изучаются особенности хозяйственного уклада, характерные для сибирской окраины. Дается новая трактовка характера социальных отношений, в которых социальные конфликты и классовое сотрудничество выступали в их сложной диалектике. Подробно освещается эволюция административно-территориального деления, функции бюрократического аппарата и органов самоуправления, показывается, что власть обеспечивала не только эксплуататорские функции центра, но и публичные, то есть защиту имущественных, гражданских прав и прав личности русского и ясачного населения.

Авторы и издатели книги выражают самую искреннюю благодарность за помощь в подборе иллюстраций директору Красноярского краеведческого музея В.М. Ярошевской, сотрудникам музея А.А. Гуляеву и Т.В. Зыковой; директору Минусинского регионального краеведческого музея Л.Н. Ермолаевой и сотруднику Л.И. Порошиной; директору Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» Г.А. Бугаевой и главному хранителю музея А.П. Фишову; зав. отделом Музея-усадыбы В.И. Сурикова Е.Г. Аверкиной; директору Красноярского музейного центра М.П. Шубскому, директору Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края Т.Л. Савельевой, сотрудникам библиотеки Е.В. Бурцевой и Г.А. Лаптевой.

Глава I

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАСНОЯРЬЯ





Челюскин — крайняя северная точка материковой части России и всей Азии. Но не Красноярского края, потому что к последнему еще относятся архипелаг Северная Земля, а также острова Норденшельда, Вилькицкого, Сибирякова, Диксон и другие.

Политико-административная граница края примыкает к Тюменской, Томской, Кемеровской областям и Алтайскому краю, к республикам Хакасия, Тува и Саха, а также к Иркутской области.

Географическое положение и границы



Озеро Виви в Красноярском крае, географический центр России

Огромные неизведанные пространства встретили людей, впервые пришедших в Приенисейский край. И ныне выражение «малая родина» тоже не слишком подходит нашему региону. Ведь он занимает огромную территорию площадью 2,34 миллиона квадратных километров. На ней могли бы свободно разместиться несколько европейских государств. В Российской Федерации наш край относится к наиболее крупным административным районам.

Красноярский край расположен практически посередине страны. Именно здесь, у озера Виви (Эвенкийский муниципальный район), находится географический центр России с координатами $66^{\circ}25'$ с. ш., $94^{\circ}15'$ в. д. Кроме того, на территории края находится мыс

Рельеф и геологическое строение

Рельеф Красноярского края весьма разнообразен. На большом протяжении северной части края могучий Енисей проложил долину на стыке двух тектонических структур. С правобережья к долине реки уступами спускается сложенное древними породами Среднесибирское плоскогорье и Енисейский кряж. С левого берега реки расположена Западно-Сибирская низменность, которая на севере смыкается с обширной Енисейско-Хатангской низменностью, занимающей общую часть Таймырского полуострова. Юг края занимают горы и межгорные впадины Алтае-Саянской горной страны. Наиболее древней на территории края является Сибирская платформа.



Среднесибирское плоскогорье сложено песчаниками, известняками, сланцами, углем, которые во многих местах перекрыты магматическими излияниями — траппами.

В северо-западной части плоскогорья поднимаются горы (плато) Путорана. Высоты Путорана местами превышают 1600 метров, а высшая точка (гора Камень) — 1701 метр. На юге горы постепенно понижаются и переходят в плато Сыверма.

На левобережье Енисея расположена восточная часть Западно-Сибирской низменности. Она неоднократно перекрывалась ледниками, поэтому рельеф здесь равнинный и холмисто-увалистый, имеется много озер, болот и рек.

Северо-Сибирская низменность занимает большую часть Таймырского полуострова. Далеко простираются холмы и гряды высотой до 12 метров. На севере полуострова от Енисейского залива до моря Лаптевых протянулись невысокие, сильно разрушенные горы Бырранга, средняя высота которых 400-600 метров.

Наиболее сложный рельеф в южной части края. Здесь высятся мощные хребты Восточного и Западного Саян и Кузнецкого Алатау. У их подножия легла знаменитая Минусинская котловина, известная своими благоприятными климатическими условиями.

Восточный Саян начинается несколько западнее г. Красноярска и проходит на



Типичный пейзаж тундры на севере края



В южной части края

Хребты Восточного Саяна





*Большой грот в пещере
Бирюсинского залива*

юго-востоке до гор Забайкалья. Эта обширная горная область состоит из многих горных хребтов, впадин и высоких плато. Здесь есть несколько плосковершинных хребтов высотой до 900 метров, которые обычно называют «белогорьями» — Манское, Канское, Пезинское и другие. Название «белогорье» пошло от русских первопроходцев, именовавших так в XVII веке «горы, в летнее время снегом покрытые». В горах Восточного Саяна имеется много карстово-спелеологических участков. Сегодня на территории края зафиксировано самое большое в стране количество пещер — около 150. Среди них длиннейшая пещера России Большая Орешная протяженностью свыше 50 километров.

Западный Саян протянулся по южной границе Красноярского края более чем на

650 километров. Он состоит из многих горных хребтов (Саянский, Куртушибинский, Тазарама, Джебашский, Араданский и др.) и древних поверхностей выравнивания.

На юго-западной границе края в меридиональном направлении протянулся Кузнецкий Алатау, отделяющий Минусинскую впадину от Кузнецкой.

Полезные ископаемые

Красноярский край — самая обеспеченная минеральными ресурсами территория нашей страны. Более того, в его недрах встречаются почти все виды минерального сырья, используемые в народном хозяйстве. В крае сосредоточено свыше 16 процентов российских и около 4 процентов мировых запасов минерального сырья.

Краю принадлежит первенство в России по общегеологическим запасам угля — 70 процентов (что составляет 1/5 мировых запасов). Находятся они в четырех угольных бассейнах: Канско-Ачинском, Минусинском, Таймырском и Тунгусском. В крае много железных руд, добываемых в Анзасской, Тейской, Ирбинской, Краснокаменной группах железорудных месторождений. Их наиболее богатые запасы находятся в Приангарье, на Енисейском кряже и в северных частях края.

Среди полезных ископаемых особо выделяются цветные, легирующие, благородные и редкие металлы. Мировой известностью пользуется



*Красноярский край
опережает все регионы
России по добыче
золота.
Коренное золото
в породе*

Норильский горнорудный район (медно-никель-кобальтовое месторождение). Красноярский край опережает все регионы России по добыче золота.

Богатые месторождения бокситов — на юге края и на Енисейском кряже. Там же встречаются магнезиты и сурьма, которые используются в различных отраслях хозяйства. Мощные залежи нефелиновых сиенитов Кузнецкого Алатау являются базой для алюминиевого производства, а попутно соды и цемента. Разведаны месторождения графита, талька, каменной соли, асбеста, маршалитов.

Кроме того, в нашем крае выявлено 25 месторождений нефти и газа, и теперь это наиболее перспективный район нефтедобычи в стране после Западной Сибири.

Климат и агроклиматические ресурсы

Взгляните на карту. Почти на три тысячи километров протянулся наш край с севера на юг. Неудивительно, что на его территории выделяются несколько климатических поясов: арктический, субарктический и умеренный. В первом находятся арктическая пустыня и тундра, во втором — лесотундра и северное редколесье, в третьем — тайга, лесостепи и степи.

Граница западной и восточной климатических зон проходит по долине Енисея



(лишь на Таймырском полуострове она отступает на восток почти до широты поселка Хатанга).

Высокими горами отделен наш край от влияния теплых морей Тихого и Индийского океанов. Прогретые воздушные массы достигают приенисейской территории сильно измененными. Кроме того, на климат влияет разнообразие рельефа, из-за чего климатические изменения порой заметны даже в пределах одного административного района.

В крае выделяются северная, центральная, южная, западная и восточная климатические области. Климат северной области особенно суровый. Смягчающее

На Таймырском полуострове безморозный период практически отсутствует

Климат центральной области, имеющей равнинный рельеф, отличается относительно жаркое и короткое лето





Климат центральной области края отличается продолжительная холодная зима

влияние Северного Ледовитого океана невелико и распространяется только на прибрежные низменности Таймыра. Длительная суровая зима сопровождается сильными ветрами и высокой влажностью. Прохладное северное лето очень коротко. На Таймырском полуострове безморозный период практически отсутствует, то есть каждый день года температура может быть ниже ноля градусов.

Климат центральной области, имеющей равнинный рельеф, отличается относительно жаркое и короткое лето, продолжительная холодная зима, быстрая смена сезонов года и значительные колебания температуры.

Южная часть края отличается теплым летом и умеренной зимой. Продолжительный вегетационный период позволяет вести здесь многоотраслевое сельское хозяйство. Сухой чистый воздух, обилие солнечных дней, целебные воды создают благоприятные условия для лечения и отдыха.

В западной климатической области в отличие от восточной выпадает большее количество осадков, здесь прохладнее лето и теплее зима.

Красноярский край не богат агроклиматическими ресурсами. Продолжительность вегетационного периода на севере — 40 дней, а на юге — 110-120. Земледелие в крае возможно примерно до широты г. Енисейска, а севернее — только очагами.

Воды: моря, реки, озера

Красноярский край — богатейший регион России по обеспеченности водными ресурсами. По его территории протекает самая многоводная река страны — Енисей. Его воды оказывают серьезное согревающее и опресняющее влияние на Карское море, которое омывает северные территории края наряду с морем Лаптевых.

Наиболее яркая особенность северных морей — круглогодичное присутствие льдов. Карское море имеет холодный, арктический климат, неустойчивую погоду с резкими колебаниями температуры и штормовыми ветрами. Образование льда начинается в сентябре, а таяние — в июне. Растительность и животный мир представляют водоросли, многочисленные беспозвоночные, различные виды рыб.

Море Лаптевых является самым глубоким морем Северного Ледовитого океана (максимальная глубина 3385 метров, средняя — 533 метра).

Ежегодно реки края вливают в северные моря около 20 процентов общего стока рек России. Речная сеть Красноярского края — самая обширная в стране, она насчитывает более 150 тысяч рек и речек. Крупнейшей рекой края является Енисей. Он образуется от слияния Большого Енисея (Бий-Хем) и Малого Енисея (Ка-Хем). В городе Кызыле на месте их слияния стоит обелиск с надписью «Центр Азии».

Енисей — крупнейшая река края



Другими наиболее крупными реками являются Туба, Мана, Кан, Ангара, Подкаменная и Нижняя Тунгуски, Хатанга, Пяси́на, Таймыра. По территории края протекают также два крупных притока Оби — Чулым и Кеть.

Реки обладают огромными запасами дешевой гидроэнергии. Одной из крупнейших на планете является Красноярская ГЭС, а самой северной в мире — Усть-Хантайская ГЭС. Гидроэлектростанции образуют ряд огромных водохранилищ, которые оказывают серьезное влияние на климат. Зимой ниже Красноярской ГЭС Енисей не замерзает на протяжении десятков километров. Летом же вода на этом участке настолько холодна, что невозможно купаться.

Реки связывают северные районы с Красноярском — промышленным и транспортным центром Средней Сибири. Кроме того, они образуют выход к Северному морскому пути, обеспечивая связь с другими регионами страны и зарубежными странами.

Помимо рек в нашем крае очень много озер — свыше полумиллиона. На севере крупнейшим является озеро Таймыр — оно занимает площадь около 800 тысяч кв. км. Большая его часть имеет глубину около метра, и только к северу достигает 26 метров. В озере водятся холодолюбивые рыбы, в том числе ценные промысловые виды: сиг, муксун, хариус, омуль.

На юге много озер в Минусинской впадине. Озеро Тагарское имеет около

двух километров в длину, его пологие берега окаймлены преимущественно степной и луговой растительностью. Вода озера горько-соленая, его дно покрыто илом, который издавна используется для лечебных целей. Своими лечебными свойствами известны и озера в Чулымско-Енисейской котловине. Среди них Ши́ра и Учум, имеющие бальнеологическое значение.

Почвы и земельные ресурсы

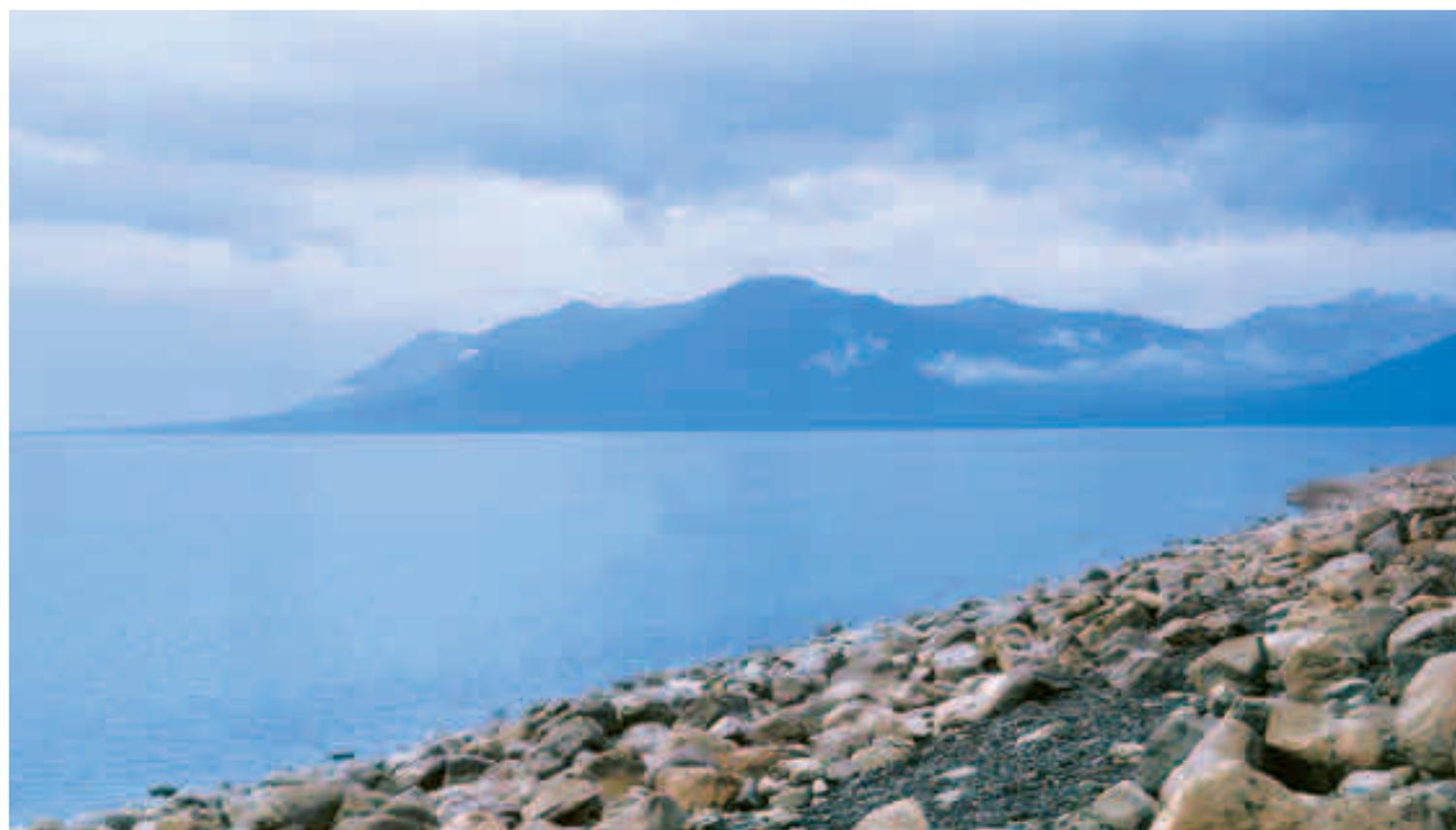
Земли в Красноярском крае много, но под сельское хозяйство используется чуть более 4 процентов, а под земледелие — и того меньше.

Причин тому несколько. На севере, где обычны высокая влажность, низкие температуры и слабое испарение, распространены различные тундровые почвы. В них медленно разлагаются органические остатки, они обладают плохими водными и воздушными свойствами, содержат мало питательных веществ для растений. В тундре более 75 процентов территории занято оленьими пастбищами, на остальной — болота и неудобные земли. В итоге земледелие здесь возможно только в условиях закрытого грунта.

Южнее тундры находятся подзолистые почвы, которые образуются главным образом под хвойными и смешанными лесами. Подзолистые почвы содержат мало перегноя, имеют кислую реакцию,



На севере края преобладают болота и неудобные земли



Озеро Лама



Лесостепь
Минусинской впадины

вредную для большинства сельскохозяйственных культур, и небольшой запас питательных веществ.

Мерзлотно-таежные почвы занимают обширную площадь на Среднесибирском плоскогорье и образуются под влиянием вечной мерзлоты. Серые лесные почвы характерны для подтайги и северной части лесостепи.

Чернозем — лучшая и наиболее плодородная почва. Он образуется под травянистыми растениями типичной степи и лесостепи. Чернозем имеет благоприятную для растений нейтральную реакцию, хорошие физические свойства и большой запас питательных веществ. Однако в отдельные годы в нем бывает недостаточно влаги. В Красноярском крае черноземы распространены в Ачинско-Боготольской, Красноярской, Канской лесостепях, а также в лесостепи и степи Минусинской впадины.

Природные зоны, растительность и животный мир

Природные зоны России, в том числе Красноярского края, простираются на обширных равнинах с запада на восток. На территории края выделяют следующие зоны.

Ледяная (арктическая) пустыня

Она занимает самую северную часть края. Рельеф пустыни сложный, неровный, местами скалистый. Климат здесь чрезвычайно суров. Достаточно сказать, что средняя температура июля всего плюс 1,7°С, января же — минус 29,6°С. Весна короткая и холодная, а средние суточные температуры даже в июне отрицательные. Полярные ночи в районах 80° с. ш. продолжаются до 120 дней. При безветренной погоде полярные ночи особенно морозны и длительны, с изумительно красивым северным сиянием.

Тундра

В Восточной Сибири тундрой называют голые равнины, болотные, покрытые мхом и лишайниками низменные места, кустарниковые и торфяные болота. На территории края находится самая широкая и северная в стране зона тундры: она занимает почти весь Таймырский полуостров. В тундре длительная (до 280 дней) холодная зима, полярные ночи и короткий теплый период. Абсолютная минимальная температура доходит до минус 61°С. При сильных морозах почва



Хозяин Арктики —
белый медведь

и грунт глубоко промерзают, а некоторые реки и озера при этом — до дна.

Всюду распространена вечная мерзлота, которая местами превышает толщину 500 метров. Весна в тундре коротка и незаметно переходит в лето.

Фауна тундры бедна по видовому составу. Типичные животные — песец (полярная лисица), лемминг, северный олень, волк, белая сова, тундровая куропатка, овцебык.

Лесотундра

Зона лесотундры занимает неширокую полосу, ограниченную тундрой на севере и Среднесибирским плоскогорьем на юге. В западной части граница лесотундры, окаймляя горы Путорана, опускается к югу до 66°30' с. ш. и смыкается с северной тайгой.

Климатические условия лесотундры также суровы. Животный мир отражает ее переходное положение, поэтому здесь встречаются животные той и другой зоны: белая куропатка, вьюрок, дятел трехпалый, клест белокрылый, белка, горноста́й, а из крупных млекопитающих — россомаха, северный олень, волк, песец.

Тайга

Для этой природной зоны умеренного пояса характерны прохладный и влажный климат, преобладание хвойных лесов, подзолистых почв и обширных площадей в левобережье Енисея, занятых болотами.

Всю зону тайги делят на три подзоны: северную, среднюю и южную. В северной



Хозяин тайги — бурый медведь

тайге лес редкий, низкорослый, плохого качества и состоит из лиственницы, ели, березы, зарослей ив, ольхи, заболоченных елово-кедровых лесов. Здесь много болот.

В средней тайге легкие песчаные почвы покрыты сосновым лесом, а суглинистые и глинистые почвы — кедрово-еловыми и елово-пихтовыми лесами с примесью кедра. Места пожарищ и рубок заняты березовым и осино-березовым вторичным лесом.

Южная тайга имеет ценные леса из кедра, ели и пихты. Супесчаные и песчаные почвы на террасах рек покрыты сосновыми борами и вторичными лесами из березы и осины.

Животный мир тайги более разнообразен, чем лесотундры и тундры. Здесь

Тайга





Глухарь — самая крупная птица в хвойных и смешанных лесах

встречаются лось, соболь, росомаха, красная полевка, а из птиц — глухарь, рябчик, бородатая сова, трехпалый дятел, черный дятел, кедровка.

Такие животные, как северный олень, заяц-беляк, белая куропатка, гусь-гуменник, живут не только в тайге, но и в более северных зонах, а бурый медведь, волк, рысь, лисица и некоторые другие встречаются на всем протяжении лесов Евразии.

Подтайга

Южнее тайги проходит переходная полоса своеобразного ландшафта, в которой сочетаются элементы тайги и лесостепи. Эта полоса сильно изменена производственной деятельностью человека. Леса здесь массово вырубались, затем территория вновь зарастала. Но теперь на ней господствуют травяные сосновые леса и производные от них березовые и осиновые. По долинам рек нередко можно встретить пихту, ель, а местами кедр. Большие площади заняты пойменными лугами.

Климат подтайги суров, но несколько мягче, чем в тайге. В подтайге, как и в других природных зонах, климат изменяется с запада на восток.

Лесостепь

На территории края нет сплошной полосы лесостепи, она имеет островное распространение: Ачинско-Боготольская, Красноярская, Канская и лесостепи Минусинской котловины.

Климатические условия островных лесостепей изменяются с запада на восток: понижаются среднегодовые и минимальные температуры, уменьшается количество осадков и продолжительность периода активной вегетации растений.

Наиболее распространены в лесостепи черноземы и самые плодородные — серые лесные почвы Красноярского края. В растительном покрове встречается флора степей и леса. На южных, хорошо обогреваемых склонах обычны тонконог стройный, типчак, вероника. Леса в лесостепи образуют колки и перелески, состоящие из берез, сосен и реже из лиственниц. Луговые степи используются под пастбища и сенокосы, но в настоящее время большая их часть освоена под земледелие.

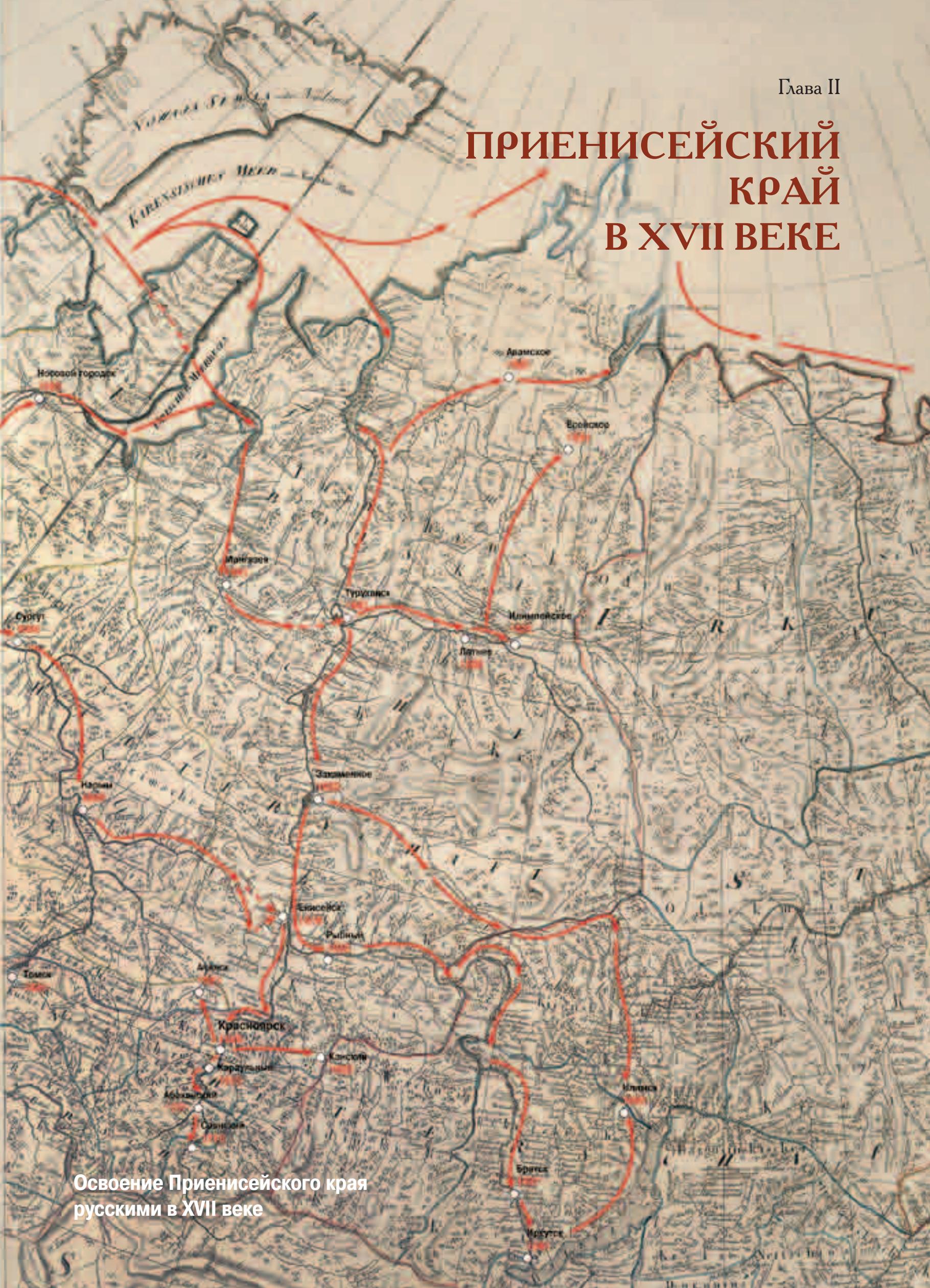
Среди животных лесостепи есть представители степной и лесной фауны: серая славка, садовая камышовка, обыкновенная овсянка, седой дятел, ястребиная сова, балобан, орел-могильник, степной жаворонок, степная пустельга, а из млекопитающих — степной хорь, ласка, бурндук, обыкновенный хомяк, полевая мышь, длиннохвостый суслик, волк, лисица, заяц.

Много зверей и птиц приспособились жить вблизи населенных пунктов: вороны, воробьи, сороки, галки, в перелесках и колках — дятлы, синицы, очень редко — рябчики, глухари, белки и другие лесные звери и птицы. Но в целом лесостепь бедна лесными и степными животными.

Подтайга в Саянах — самая южная полоса таежной зоны



ПРИЕНИСЕЙСКИЙ КРАЙ В XVII ВЕКЕ



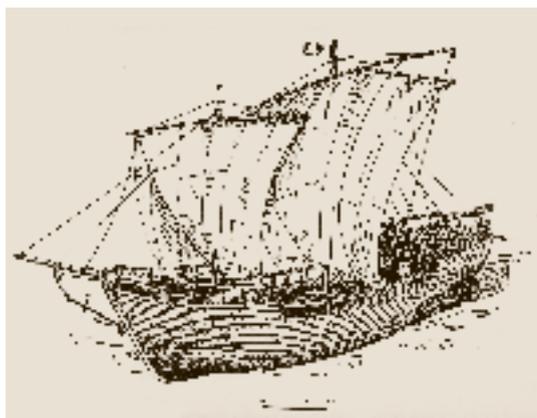
Освоение Приенисейского края
русскими в XVII веке

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский видел одну из характернейших особенностей развития России в том, что ее история — есть история страны, которая колонизируется. И действительно, из века в век восточные славяне-русичи, средневековые московиты и россияне осваивали все новые и новые слабозаселенные пространства на севере, юге, востоке и далее до Тихого океана. Географический центр их расселения передвигался с Днепра на Волгу, Урал и Енисей.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ К РОССИИ

Первоначальное освоение Сибири

Заселение и освоение Сибири стало одним из славных подвигов русского народа. Движение на восток, «встречь солнцу», началось очень давно, еще в XI веке. К Енисею землепроходцы вышли в середине XVI века. В это время в его устье уже заходили поморские суда-кочи. Благодаря яйцеобразной, зауженной вниз подводной части корпуса судно при сжатии льдами выдавливалось на ледовую поверхность.



Коч. Реконструкция по раскопкам Мангазеи М.И. Белова

Исаак МАССА (1587-1635), голландский купец, собрал много документов по истории России и освоению Сибири. Карта составлена по русским материалам и является одним из первых относительно достоверных сведений о Сибири, появившихся в западноевропейской научной литературе. Впервые на территории края отмечены низовья Енисея, Пясины и остров Диксон

После зимовки поморы продолжали путь на восток. Коч имел двойные борта, просмоленные и законопаченные пенькой стыки закреплялись кованными скобками. Ребра судна из деревянных брусьев жестко не закреплялись в киле, что позволяло смягчать и даже спружинивать нажим льдов на внешние борта. Кроме скобок и матки-компаса, никаких железных деталей в коче не было.

В конце XVI — начале XVII века первые изображения Енисея стали появляться на русских и иностранных картах. Это видно из чертежа царевича Федора Годунова, который обобщил русские картографические материалы за период с 1494 по 1600 год. Карту Годунова картограф Гессель Герритс опубликовал в 1613 году, и ее поднесли царю Михаилу Федоровичу, первому из династии Романовых. В ней за рекой Обь на крайнем северо-востоке впервые показана река Пясида (Пясины), а между ними — Енисей. Аналогичное изображение Енисея имеется и на опубликованной в 1609 году карте Исаака Массы, который не раз бывал в России и жил в Москве в 1601-1609 годах.

Движение русских в Сибирь активизировалось с конца XVI века. Крепнущее Российское государство расширяло торговые связи с развитыми западноевро-



Карта севера Сибири Исаака Массы



Мангазейский острог с посадом. Реконструкция по раскопкам М.И. Белова

пейскими странами. Пушнина там пользовалась большим спросом, а ее запасы в Европейской России истощались. Крупное купечество тоже стремилось к сибирскому «мягкому золоту». В свою очередь, английские и голландские частные компании пытались самостоятельно торговать в Сибири, что вызвало запретные меры в 1615-1619 годах со стороны

царских властей. Но главная причина усиления миграции русских на восток лежала в социальной области. Ставший уже крепостническим феодальный гнет усилил отток трудового люда на окраины. Там дышалось и жилось легче. В первую очередь в Сибирь шли с русского Поморья и приуральских вотчин торговых людей Строгановых.

В 1667 г. тобольский воевода Петр Годунов составил «Чертеж Сибирской Земли» — первую сводную карту всей Сибири. Шведская копия





*Казацкий атаман
Ермак в представлении
иностранцев*

*Решающее сражение
произошло 23 октября
1582 года у Чувашива
мыса с войском сына
Кучума Маметкула.
Рисунки из летописи
С.У. Ремезова*

Пути на Енисей

Разгром Ермаком Сибирского ханства в 1582 году и основание ряда крепостей-острогов по рекам Иртышу и Оби открыли более легкие и доступные пути за Урал. Требующая больших затрат старая морская дорога в бассейн Енисея по «Дышучему морю» (так называли в то время Ледовитый океан) была почти оставлена. Был найден довольно опасный и длинный речной путь до бурной Обской губы, затем морем в Тазовскую губу, из которой поднимались вверх по реке Таз к волоку в 100 сажень (1228 м) на Турухан, левый приток Енисея. Во много раз удобней и короче была новая разведанная дорога от Средней Оби на Кеть и через Маковский волок на Кемь, впадающую в Енисей несколько ниже устья Ангары. Эта дорога, соединив великие водные пути по Оби, Енисею, Байкалу и Лене, надолго стала главной магистралью, ведущей в Восточную Сибирь. На ней и был поставлен в 1619 году Енисейский острог. Он стал наследником основанной в 1601 году на Тазе «златокипящей» Мангазеи — крупного центра добычи пушнины и самого северного в мире торгово-ремесленного производства, на который морской ход от Архангельска из-за происков иностранцев в 1619 году был закрыт (ныне Мангазейское городище находится в северо-восточной части Тюменской области).

Характер русского присоединения края

Все эти пути сначала были разведаны и освоены вольными торговцами и «промышленными» людьми. К приходу правительственных отрядов стрельцов и казаков с воеводами, которые приводили новые земли «под высокую государеву руку», собирая ясак пушниной с местных «инородцев», а налоги и пошлины — с пришлых, в обско-енисейской тундре и на нижнем Енисее уже велся пушной промысел, шла оживленная торговля, были построены русские «городки» и промысловые зимовья.

Мало того, присваивая себе функции государства, некоторые промысловики даже объясняли часть местных жителей и «дань с них имели воровством на себя». Вот почему русские промысловые и торговые люди враждебно встретили отряд 150 казаков и стрельцов во главе с воеводой князем Шаховским и стрелецким головой Данилой Хрипуновым, которые прибыли на реку Таз в 1600 году для строительства Мангазейского острога. Государево «войско» даже потеряло 30 человек от вооруженного нападения «самояди», скорее всего организованного «московских городов торговцами людьми». Только подоспевшие в 1601 году с подмогой во главе с новыми воеводами Кольцовым-





Мосальским и С. Пушкиным служилые люди смогли поставить знаменитую потом Мангазею.

В последующие десятилетия «государевы люди» тоже нередко шли по стопам землепроходцев. В конце XVI — первом десятилетии XVII века районы пушных промыслов и торгов русских «промышленников» охватывали Нижний Енисей и течение Нижней и Подкаменной Тунгусок. Около 1610 года началось известное путешествие торгового человека двинянина К. Куркина (Курочкина) из Мангазеи по Турухану, Енисейской губе, вокруг западного побережья полуострова Таймыр до устья Пясины. Куркин рассказывал: «А Енисей глубок, кораблям по ней ходить можно ж, и река угодна — боры и черный лес, и пашенные места есть, и рыба в той реке всякая такова ж, что и в Волге, и наши... промышленные люди по реке живут многие». Когда в 1607 году мангазейский воевода Жеребцов ставил в устье Турухана укрепленное ясачное Туруханское зимовье, то в его округе уже находилось несколько промысловых зимовий. Вверх по Енисею до места постройки Енисейского острога тоже цепочкой шли русские зимовья.

С основанием в 1619 году отрядом тобольских казаков во главе с Максимом Трубчаниновым и Максимом Рукиным Енисейска (трехбашенной деревянной крепости со стенами по периметру в 200

сажен) огосударствление территории Нижнего Енисея, Таймыра и Приангарья, а также объясачивание енисейских остяков, самодийцев и тунгусов пошло интенсивней. Причем с 1620-х годов промышленные и торговые люди стали содействовать этому процессу. У посланных для «проведывания новых землиц» мангазейских и енисейских казаков они оказывались проводниками, а нередко и дополнительной военной силой. Дело в том, что расширение промысловой деятельности русских и установление ясачного режима нарушали интересы коренных жителей. Вместо жалоб на опромышление их охотничьих угодий, а порой и грабежи, ясачные все чаще пускали в ход оружие. Они убивали промышленников и ясачных сборщиков, разоряли зимовья, станы и охотничьи ловушки. Поэтому ясачный сбор стали

Проездная башня Новомангазейского (Туруханского) острога, 1672 г. Строительство осуществлял воевода Данила Нумов и енисейские плотники Николай Савин, Борис Иванов, Федор Асташев. Из книги Н.П. Крадина «Русское деревянное оборонное зодчество». М., 1988. С. 103-104

Чертеж земли Туруханского города (Новой Мангазеи) из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова, 1701 г. Шведская копия. Фрагмент





Андрей Ануфриевич Дубенский.

Реконструкцию выполнил Виктор Бахтин.

ДУБЕНСКИЙ А.А. (1588 – ок. 1640), основатель Красноярского острога. Происходил из старинных дворян Владимирского уезда, из младшей ветви новгородских и столичных Хрипуновых-Аничковых-Ряполовских. Его предок, очевидно, новгородец Юрий Репех из ближнего окружения бояр Борецких, был переселен Иваном III в московские земли. Два других клана Дубенских успешнее служили Москве. Его прадед Никифор, дед Пимен и отец, скорее всего, несли приказную службу у князей Кривоборских-Ряполовских-Стародубских, относящихся к Рюриковичам. По женской линии бабка Аграфена Ивановна Симонова и мать Анна Никитична Мартюшева были владимирскими дворянками.

Несмотря на чинимые препятствия и трудности, Дубенский с честью выполнил обязанности «городчика» и первого красноярского воеводы. Был оправдан от обвинения енисейского воеводы в нецелесообразности строительства Красноярского острога. За сибирскую службу Дубенский из детей боярских переведен в уездные дворяне.



Утвержденный герб Дубенских

совмещать с охраной промышленных и торговых людей. К выходу последних из промысловых угодий ясачные сборщики приурочивали свое возвращение назад в свои остроги. Так постепенно начали сливаться вольнонародная колонизация с правительственной.

Вместе с тем нельзя преувеличивать острогу и масштабность противодействия местного населения русскому проникновению. В противном случае малочисленным русским не удалось бы за каких-то тридцать лет пройти всю Восточную Сибирь и выйти к Тихому океану. Выдающуюся роль в этом процессе сыграли мангазейцы и особенно енисейцы.

Русской сохе земледельца и топорю промысловика путь в самые благоприятные для хозяйственной деятельности места преградили сабля и аркан воинственных кочевников. Почти целое столетие киргизские «князцы», которые возглавляли четыре княжества (Езерское, Алтырское, Алтысарское и Тубинское), подстрекаемые южными соседями — военно-кочевыми государствами северных монголов и ойратов-калмыков (Джунгария), упорно сопротивлялись проникновению русских на юг. Они насильно втягивали в борьбу рядовых киргизов тюркоязычного происхождения и киштымов (данников), то есть подчиненные иноязычные кето-самодийские, тунгусские и угорские племена, которые обитали в бассейне Енисея от Казачинского порога до Саян.

Основание Красноярска

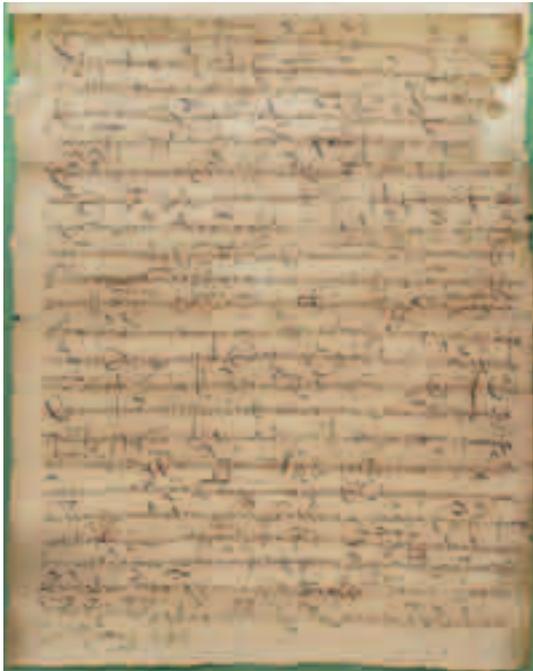
Енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов поставил перед правительством вопрос о строительстве на среднем Енисее нового острога. Посланный им в 1623 году сын боярский Андрей Дубенский выбрал для строительства острога плоский высокий мыс между Качей и Енисеем. Сделанный Дубенским чертеж был отправлен в Тобольск, а вскоре с его копией в Москву отбыл и сам автор. Хрипунов, посылая своего дальнего родственника в столицу, правильно рассчитал, что в случае положительного решения вопроса о строительстве острога лучшего исполнителя, чем Андрей Дубенский, трудно будет найти.

Так оно и вышло. Хотя «городчиками» обычно назначали более знатных дворян, царь Михаил Федорович Романов с думными боярами в нарушение местнического порядка определил к новому «острожному ставлению» на Енисее наиболее сведущего в этом вопросе Дубенского.

Только в 1627 году, то есть через два года после первого указа Москвы, его экспедиция выступила из Тобольска на 16 дощаниках, пяти лодках и одном струге. Вместо назначенных 500 (позднее 400) служилых людей удалось набрать по сибирским городам лишь 303 человека, в том числе трех атаманов, шесть пятидесятников, 24 десятника и 270 рядовых.



Макет Красноярского острога, XVII век. Красноярский краевой краеведческий музей



Добравшись с большими трудностями и лишениями до Енисейска, экспедиция после весеннего ледохода с 17 мая 1628 года (здесь и далее — даты по старому стилю) стала подниматься вверх по Енисею. Почти через два месяца пути, к середине июля, отряд Дубенского достиг намеченного места. Из разобранных дощаников сразу же был поставлен «городок дощатый», укрепленный надолбами — врытыми в землю столбами, соединенными сверху и снизу толстыми жердями. Надолбы довели до пристани, создав своего рода коридор от «судового места» до места постройки острога, отстоящего «от Енисея реки по горе сто сажен».

Принятые меры безопасности от внезапного нападения не были излишними. Хотя князец ближней Тюлькиной земли, Татуш, встретил русских мирно и дал лошадей, уже 26 июля пришлось отбиваться от налетевших киргизов. После того как 160 казаков приплавляли заготовленный в двух днях пути вверх по Енисею сосновый лес в количестве 1200 лесин, было начато сооружение стен, башен, амбаров и других казенных зданий. Острог поставили довольно быстро, с 6 по 18 августа.

Учитывая, что енисейские киргизы были кочевниками и не имели артиллерии, Дубенский распорядился рубить крепостные стены облегченного типа — «острог стоячий», а не «рубленный», то есть в виде тына, а не городнями, как в некоторых сибирских городах. Тыновая ограда из вертикально вкопанных и заостренных сверху бревен сохранялась в малом, а позже и в большом острогах Красноярска при всех последующих перестройках, что хорошо видно на дошедших до нашего

1587/88 г. — Данная Василия и Ивана Волода Афанасьевых детей Дубенского и Анны Никитиной дочери Мартюшова, вдовы Онофрия Пиминова сына Дубенского, с детьми Иваном Большим и Иваном Меньшим архимандриту Рождественского монастыря Ионе с братьею на д. Романову в Колпском стане Владимирского уезда.

Се яз, Василей, да яз, Волода Иван, Офонасьевы дети Дубенского, да яз, Анна Микина¹ дочь Мартюшова, Анофреева жена Дубенского, да с² своими детми с Ываном Большим да с Ываном с Меньшим дали есмь по приказу Онофрея П[и]минава сына Дубенского, а прозвище Комакина, по его духовной грамоте в Володимирском уезде в Колпском стану Он[у]фре[е]вы матери Огрофеньину Ивановы дочери Симанова³ приданую вочи[ну] пустошь деревню Романово с пашнею и с луги и со всяким угодем, куды ходила соха и коса и топор истари по тяглу, в Володимере в манастырь в дом Рожества Пречистые Богородицы и свяга чудотворца⁴ благовернаго и великого князя Олександра Невскаго при архимарите при Иене да строителе старце Серепиене Маркове з братьею по Онофрееве отце по Пимине, а прозвищу по Комаке, да по Онофрееве матери по Огрофене, да Онофрееве брате по Федоре, да его, Онофрееве, душе, и по его родителях душях в вечных благ впрок без выкупу. А по приказу Онофрееву и по его духовной грамоте в Рождественном манастыре в дому Рожества Пречисты Богородицы и великого чудотворца⁴ свята благовернаго великого князя Олександра Невскаго архимариту Иене да строителю старцу Серепиену Маркову з братьею Онофреева отца Пиминова, да мать его Огрофену, да брата⁵ его Федора, да его, Онофрея, во имя его родителей за ту даную⁶ вочину⁷ написати в литейной и в суботной сенаник и братью кормити однава в году на память преподобнаго отца Пиминова августа в 26 день. А та отчина из Пречисты дому не продати, ни променити, ни роду, ни племяни на выкуп не дати. А хто ся покусит ту пустошь деревню Романову из Пречистые дому продати, или променити⁸, или на выкуп дати роду или племяни, или иною хитростию кою учинит из Пречисты дома отлучити, не будь на него благословенья⁹ и отца духовного прощенья.

А на то послухи: Федор Васильев сын Козынской да Василей Гаврилов сын Кольцов, да Иван Васильев сын Оксеньев.

А даную писал Иван Иванов сын Дубенской лета 7096-го.

На обороте: К сей даной Володимер Офонасев сын Дубенской, и в брата своево место Иваново, руку приложил. К сей даной Иван Дубенской руку приложил. Послух Василей руку приложил. Послух Иван руку приложил. Послух Федор руку приложил.

РГАДА. Ф. 281. Владимир. № 90/1867. Подлинник.

Примечания. 1. Так в рукописи. 2. В рукописи пропущено. 3. В рукописи исправлено из: Дубенского. 4. В рукописи чудотворца. 5. В рукописи бра. 6. В рукописи дану. 7. В рукописи ввочину. 8. В рукописи промети. 9. В рукописи нагословенья.

Первая публикация перевода см.: Кистеров С.Н. // Русский дипломатарий. № 6. М., 2001. С. 129.

времени планах и рисунках Красноярска конца XVII-XVIII века и чертеже С.У. Ремезова. Высота тына малого города, судя по позднему описанию 1761 года, составляла одну сажень, один и три четверти аршина, или около 3,4 метра. В плане острог представлял собой неправильный четырехугольник, стены которого строители умело вписали в обрывистый мыс. Общая окружность малого острога насчитывала чуть больше 191 сажени (около 410 м). Острожные стены были усилены пятью башнями, из которых три являлись угловыми. Со стороны Качи по направлению к западу находились Качинская и Угольная башни, а западная, выходящая к Енисею башня получила название Быковской. Угловые башни, квадратные в плане, смотрели в поле двумя сторонами, причем от линии стены они выступали на 2-3 метра вперед, чтобы защитники могли поражать вплотную подошедшего противника вдоль острожных стен. Башни были срублены из бревен, но венцы их шли не от земли, а от верхней части тына, имея своей опорой мощные столбы. Поэтому в донесении Дубенского с кратким описанием острога сказано, что на стенах имелись



Печать Красноярского острога, приложенная к грамоте 1644 г.



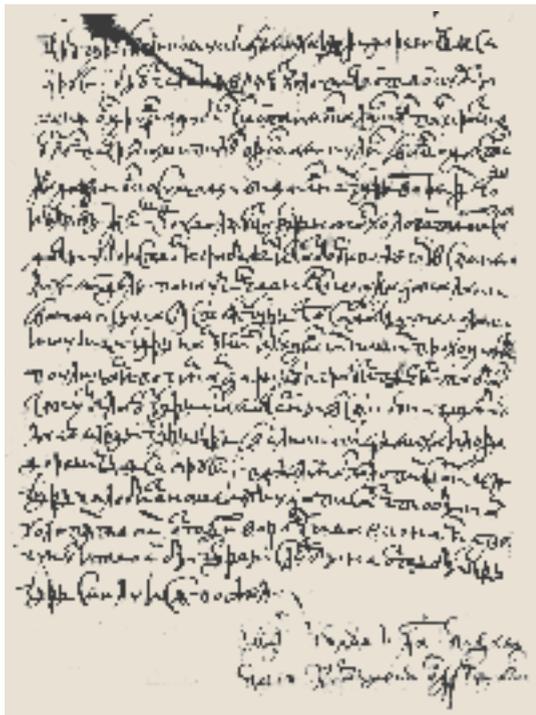
Стрелец, XVII в.

Челобитная царю
 Михаилу Федоровичу
 Романову группы дворян
 г. Курмыша за подписью
 Андрея Дубенского
 о бесчинствах солдат

Црю гдрю и великому кнзю
 Михаилу Федоровичу вс/я Руси
 бьют челобитем и являют холопы
 твои (твой?! — Г.Б.), курмы/
 шеня, Ондрюшка Дубенской,
 Тимошка Ленков, Панкрашко/Юр-
 лов, Патрушка Шипилов, Офонка
 Никулин, Ивашко да Стан/ка,
 да Зеновко Суцезвы. В нынешнем,
 гдрь, во рмф (139. — Г.Б.) году/
 июля в к х (28. — Г.Б.) дня похва-
 ляютца, гдрь, нас, холопей твоих,
 сол/даты убойством, и грабежом,
 и татьбою, и пожогом, и всякими/
 лихими делами по наущенью
 вневесково казака Лани Иванова
 сына. А стоят, гдрь, те солдаты у
 нево, Лани, и на улице, гдрь нам
 от них и людишкам нашим про-
 ходу нет/, по улицам и по гумнам
 зерню играют и пьют, и табак
 тянут, и лают, гдрь, нас матерью
 и всякою неподобною лаею. Ми-
 лостливый млрд гдрь, црь и ве-
 ликоый кнзь Михаило Фе/дорович
 всея Руси, пожалуй нас, холопей
 своих, вели/, гдрь, челобойтье
 наше и явку записать, чтобы нам,
 холопам твоим, от теи воровства
 в конец не погнуть, и твоей бы,
 гдрь, службы не отпасть бы. Црь,
 гдрь, смилуй и пожалуй.
 Рмф (139 или 1631. — Г.Б.) июля
 в ла (21. — Г.Б.) дня подал/явку
 курмышеня Ондрей Дубенской.

Примечание. РГАДА. Ф. 210. Оп.
 13. Д. 278. Л. 594. Косой чертой
 отмечен конец строки. Титулатура
 в документах давалась по согласным
 буквам под особым значком —
 титлом. Так же обозначались
 буквенные числа.

Город Красноярск.
 Гравюра из книги
 Николааса Витсена
 «Путешествие
 в Московию»,
 1664-1665 гг.

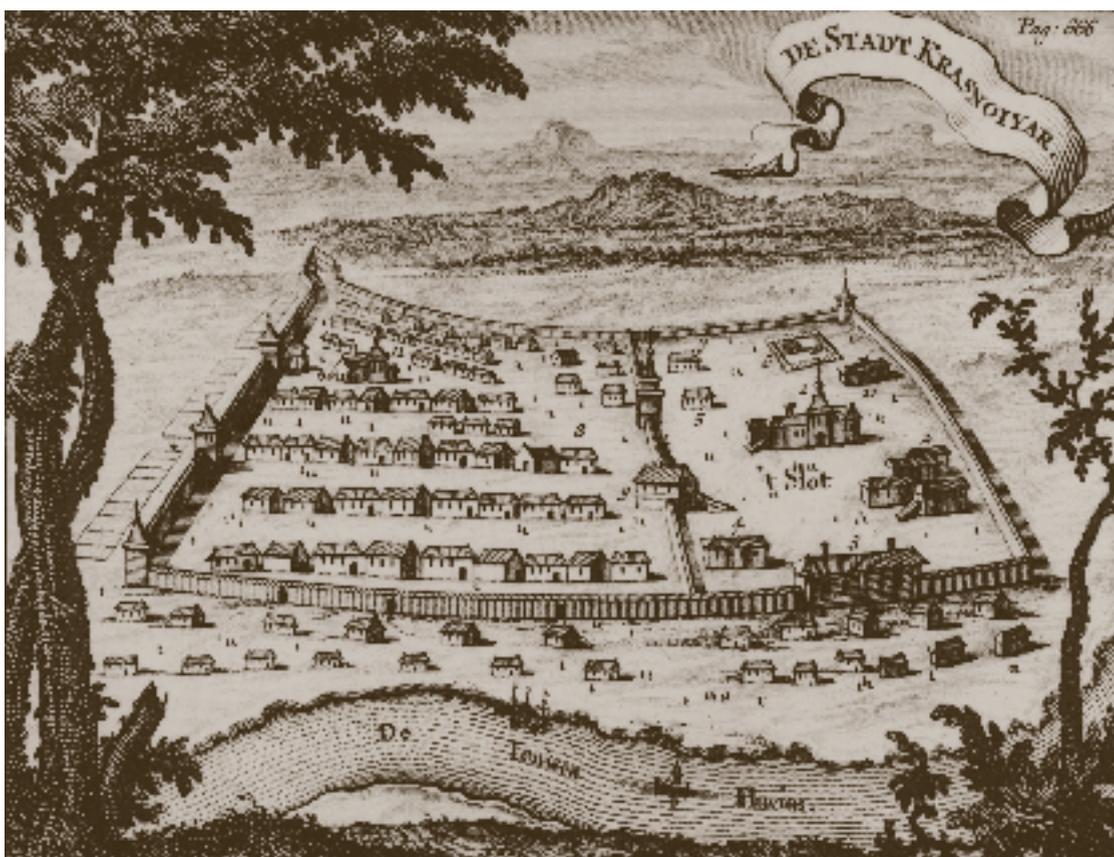


«на столбах три башенки рубленные». Две
 самые крупные башни Красноярска были
 стеновые проезжие, через которые шло со-
 общение с полем и Енисеем. Спасская на-
 ходилась посредине западной стены и кон-
 тролировала подступы со стороны леса, а
 Водяная башня размещалась в центре юж-
 ной острожной стены, через нее открывал-
 ся выход к Енисею. Кроме того, Водяная
 башня вместе с Качинской обеспечивала
 безопасность стыка южной и восточной
 стен, где долго не было особой башни.

Проезд в обеих башнях был простым:
 не с поворотом, а сквозным. Внутренние
 и внешние ворота запирались привезен-

ными из Москвы двумя засовами на ше-
 сти крюках и двумя круглыми замками.
 «Всякая башня (была. — Г.Б.) с углами
 по 4 сажени трехаршинных»: прямоуголь-
 ное основание башен равнялось более чем
 8,5 x 8,5 метра. Каждая башня имела по
 три яруса. Нижние два использовались
 как складские и служебные помещения,
 а на верхнем, третьем, ярусе обычно раз-
 мещался огнестрельный наряд — пушки
 и стеновые или затинные пищали. На
 Спасской башне была установлена затин-
 ная пищаль, стрелявшая картечью, а на
 Водяной — полковая пищаль, которую
 заряжали двухфунтовыми (800-граммо-
 выми) ядрами.

Высота башен неизвестна, но, судя
 по их большим размерам, она была не
 ниже обычной, достигавшей 18-20 мет-
 ров. Башни завершались дозорными вы-
 шками, или «смотряльнями», которые
 делались не из рубленых венцов, а «стой-
 чатыми», то есть обшитыми или не обши-
 тыми тесом. Все пять башен были крыты
 дранью. Сразу же после возведения стен
 вокруг выкопали ров глубиной 3 метра
 и шириной около 10 метров. По дну рва
 установили «чеснок» — деревянный ча-
 стокол из заостренных длинных кольев.
 Внешние укрепления острога удачно до-
 полняла караульная бревенчатая вышка
 на самой высокой точке сопки Кум-Тигей
 (ныне Покровская) на левом берегу Качи.
 В настоящее время это место отмечено
 каменной часовней.



Внутри малого острога, как рапортовал Дубенский, «поставили амбар четырех сажен для наших хлебных запасов да съезжую избу... трех сажен и тюрьму и воеводский двор». Воеводский двор размещался у восточной стены и состоял из «повалуши на подклети и горницы на подклети же», их соединяли «сени с подсенем», а поодаль была баня. Тюрьма представляла собой обычную трехсаженную избу, поставленную в северо-западном углу острога. Место съезжей избы точно не установлено. У северной стены рядом с «житенным» (хлебным) амбаром под одной крышей находились «соболинный амбар» для ясачной пушнины и зелейный (пороховой) погреб. Внутри же острога срубили 30 избушек для казаков — по одной на каждый десяток.

Строители составили первый гарнизон Красноярска. Они «прибирались в государеву службу» Дубенским в различных сибирских городах. Каждый десяток казаков дал на себя особую круговую поручную запись.

«Се аз десятник Никита Хохряков да ево десяток: Фетка Жуков, да Васька Тулов, да Макарка Артемьев, да Артюшка Ворона, да Гришка Щербак, да Тимошка Степанов, да Сенька Гаврилов, да Ивашка Черный, да Потапка Иванов, да Стенька Плехан поручились

есмя промеж себя всем десяткам, десятью человеки, друг по друг у сотника Ермолая Астафьева в том: быти нам на государевой службе на Красном Яру на житье в казаках и государева служба служити, а не воровати, корчмы и... не держати, и зерню не играти, и не красти, и бежати, а кто из нас десяти человек сбежит и на нас на порутчиках, на мне Микитке и на товарищах моих, государево жалованье, денежное и хлебное, и пеня государева, в пене что государь укажет и наши поручиковы головы в его голову место».

Поручная запись десятника Никиты Хохрякова со своим десятком о службе в Красном Яре.

Включение Хакасии в состав России

С первых дней Красноярску пришлось оружием и дипломатией, дипломатией и оружием утверждать право на свое существование. В «бунташном» XVII веке царское правительство еще не имело в Сибири значительных военных сил. Поэтому оно часто ограничивалось активной обороной, организуя на границе с «немирными киргизскими землицами» цепочку укрепленных острогов — крепостей, которая постепенно передвигалась к югу. Вместе с тем центральные и местные



Доспехи русского воина XVII в.

Хакасский республиканский краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

Бассейн среднего Енисея.

Из Хорографической книги С.У. Ремезова. Расшифровку см. на вкладке II



*Кыргызский
всадник.
Гравюра из книги
П.С. Палласа*

ИРЕНЯК, Еренек (?–1682), верховный князь енисейских киргизов во второй половине XVII века. Родом из Езерского (Исарского) княжества. Активно противодействовал русскому проникновению в Хакасско-Минусинский край. Не раз устраивал набеги на русские деревни и Красноярск. Под его началом в мае 1667 года и сентябре 1679 года город едва не был взят штурмом. Погиб со своим отрядом в ожесточенной битве у Телецкого озера, сражаясь в составе джунгарского войска против казахов-бурутов.



власти проводили политику, направленную на привлечение верхушки киштымов на свою сторону. Гибко использовались противоречия между государствами северных монголов и «черных» калмыков, которые тоже претендовали на господство в районах среднего и верхнего Енисея. Киргизские князья, лавируя между монгольскими алтын-ханами и джунгарскими правителями — хунтайджи, долго не хотели даже делить свою власть и албан — ясак еще и с русским, как они называли, «белым царем». Их противо-

действие чаще всего носило характер грабительских набегов на русские селения и кочевья киштымов, принявших русское подданство.

Длительная столетняя борьба России за юг Приенисейского края протекала в часто менявшейся политической обстановке, при различной расстановке сил, велась она разными методами и с неодинаковой напряженностью во времени. До 1647 года она характеризовалась наименьшим вмешательством других государств в русско-киргизские отношения. Джунгария еще складывалась в единое государство. Северомонгольские алтын-ханы, главные сеньоры енисейских киргизов, были заняты междоусобицами. «Золотой царь» Кунакчей рассчитывал опереться на Россию в борьбе с наиболее опасными врагами. Он в 1616 году формально признал себя московским вассалом. Его сын Омбо Эрдени тоже приносил «шерть» — присягу на верность Москве в 1634 и в 1636 годах.

Русские воеводы использовали эти присяги для обоснования своих прав на объясачивание коренного населения юга Приенисейского края, хотя алтын-ханы по-прежнему считали енисейских киргизов своими киштымами. Киргизские князья, тайно вдохновляемые теми же алтын-ханами, организуют в 1630, 1634, 1635 и 1636 годах разорительные набеги на Красноярск и ближние деревни. Ис-

*Рисунки из летописи
С.У. Ремезова
о вооруженных стычках
казаков с енисейскими
киргизами*



точники тех лет сообщали, что киргизы побили много служилых, крестьян и ясачных на пашне, сенокосах, рыбных ловлях, «жен и детей у них в плен поймали... изжатый и засеянный хлеб выжгли и конями вытоптали». В результате ответных походов 1630-1640-х годов русские упрочили свое положение в ближних к Красноярску ясачных землях и закрепились в бассейне среднего Кана и верхней Уды. В 1636 году были основаны Канский, в 1641-м — первый Ачинский (очевидно, в устье реки Серж) и в 1646 году — Нижнеудинский остроги.

В последующее до 1660 года время воеводы Красноярска, действуя более дипломатическим путем, нежели оружием, добились серьезных успехов в объяснении коренного населения среднего и верхнего Енисея.

Самый тяжелый для русских этап борьбы за северное Присяянье приходился на 1660-1690-е годы. В начавшейся войне с Джунгарией северомонгольский хан Лоджан терпит поражение. От былой заносчивости не остается и следа. В 1661, 1664, 1665 годах он шлет послов в Москву, чтобы получить военную поддержку. Однако пока воеводы Томска и Красноярска готовились к строительству острога для защиты Лоджана, хунтайджи Сенге, вероятно, узнав о русско-монгольском договоре, действует быстро и энергично. Киргизские князья вынуждены его поддерживать.

«Я де великим государям вину свою принес, в Томской (острог. — Г.Б.) аманат и ясак послал, а на Красном Яру

скажи воеводе, чтобы де с качинцев и с аринцев и с канских и со всех земли и улусов на Сенгу (джунгарского правителя. — Г.Б.) ясак велел дать, а будет ясаку не велит воевода дать, и я буду с калмыки и с киргизы и с тубинцы и с алтыры под Красноярской острог и уезд с воинскими людьми войною».

Угроза главного киргизского князя Иреняка в адрес Красноярска, переданная через посла. 1665 г.

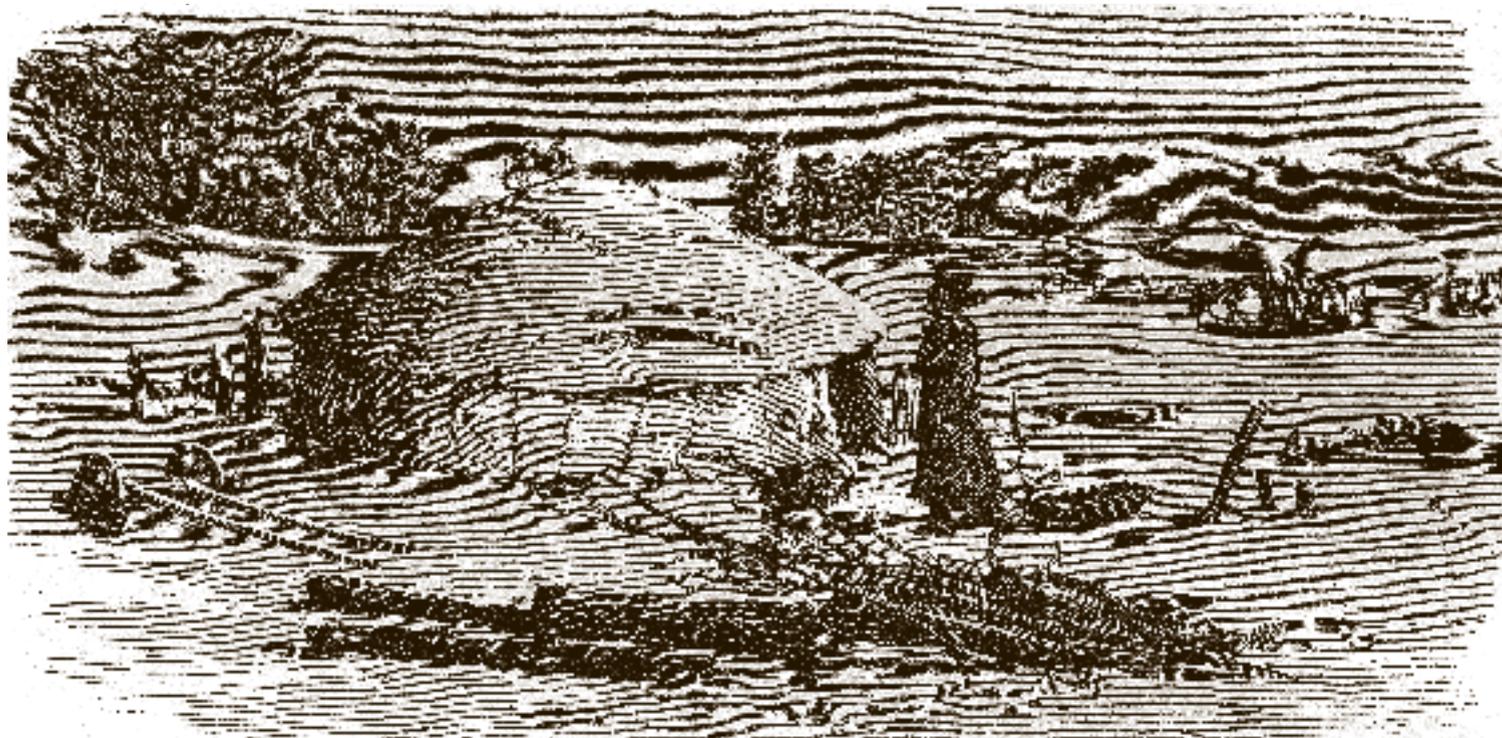
Джунгарские войска вторгаются в Хакасию в 1667 году и наносят сокрушительный удар по силам Лоджана. Сам хан с семьей попадает в плен и подвергается обдуманному тяжкому бесчестию: ему отрубили по плечо правую руку, подписавшую договор с Россией, а в рот, произнесший подданническую клятву Москве, положили собачье мясо. Так Сенге для всей «Киргизской земли» символически объявил Лоджана политическим мертвецом, а его соглашение с Россией — недействительным.

Затем хунтайджи начинает открытые военные действия против России, добиваясь монопольного права на сбор албана с енисейских киргизов и их киштымов. В мае того же 1667 года соединенные силы джунгар, киргизов и тубинцев осадили Красноярск, требуя выплаты албана со всех русских ясачных. Красноярцы отбились с большим трудом, потеряв 194 человека убитыми. Окрестные деревни были сожжены, многие женщины и дети попали в плен, скот угнан. Затем почти ежегодно с 1670 по 1680 год киргизский князь Иреняк продолжал водить



Мелесский острожек. Фрагмент чертежа сына боярского Цыцурина, основателя нового Ачинского острога, поставленного в 1710 году

Качинский улус. Из книги «Живописная Россия»



МНОГОГРЕШНЫЙ Василий (? – после 1693), красноярский сын боярский, под началом которого были разгромлены основные силы Тубинского княжества (1692 г.). Бывший черниговский полковник, родной брат гетмана Левобережной Украины Демьяна Многогрешного. По обвинению в сепаратизме братья были приговорены к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Пять лет Многогрешный содержался в красноярском тюремном остроге. В 1679 году, когда Красноярск осадили джунгары и енисейские киргизы и положение казалось безвыходным, казаки самовольно выпустили из заточения опытного воина для «устройства обороны». Многогрешный «...бился явственно, не щадя головы своей», руководил действиями стеновой артиллерии. Когда опасность миновала, его зачислили в ряды Красноярского казачьего войска. В XVIII веке его потомки оказались среди крестьян, разночинцев, посадских и даже духовенства. Потомки Многогрешного (Многогрешновы) до сих пор живут в Красноярском крае.

киргизско-джунгарские отряды в разбойничьи набеги на Томск, Красноярск, остроги, деревни и юрты русских и ясачных. Особенно тяжел был набег в сентябре 1679 года, когда Красноярск оказался на волосок от гибели, а в уезде сожгли 16 деревень. Красноярск спас сидевший в тюрьме Василий Многогрешный.

Тем не менее Россия сделала в эти годы еще один шаг в присоединении юга Приенисейского края. Упорное сопротивление русских, внутренние распри и тяжелые затяжные войны с киргиз-кайсаками и Маньчжурией вынудили нового хунтайджи Галдана отказаться от притязаний на полное господство в бассейне верхнего Енисея. Начиная с 1679 года он уже добивается от России соглашения на установление «двоеданства».

С 1690-х годов начинается решающий этап в борьбе России за включение Северного Присаянья в свои пределы. Рост населения восточных уездов Сибири вызвал острую нехватку продовольствия. Енисейский земледельческий район часто не мог дать нужное количество продовольствия, поскольку наиболее благоприятные в земледельческом отношении земли не были освоены. В Красноярском уезде по-прежнему не хватало своего хлеба. Не случайно в конце XVII века начался в крупных масштабах сдвиг русского населения Енисейского края на юг и юго-восток.

С другой стороны, в России к концу XVII — началу XVIII века возросла потребность в пушнине. Из-за перепромысла зверя ее поступление все более сокращалось, а «заморская торговля», Азовские походы, Северная война и хозяйственные предприятия Петра I поглощали громадные средства. Правительство

настойчиво требует от сибирских воевод упорядочения сбора ясака и «приискания новых земель». По-новому в это время пытается подойти Петр I к рудным богатствам Урала и Сибири. Так, в 1697 году на севере Киргизской земли на речке Каштак, притоке Кии (ныне это территория Томской области), была обнаружена серебряная руда. По именному указу Петра там поставили Каштацкий острог и в течение двух лет пытались наладить выплавку серебра. Для обеспечения безопасности рудознатцев правительство потребовало активной борьбы с енисейскими киргизами.

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка в южной Сибири также диктовала необходимость активизации России. Неоднократные переговоры и соглашения с главой енисейских киргизов Иреньяком и затем с его сыном Корчуном показали бесперспективность мирного исхода русско-киргизских территориальных споров при продолжающейся зависимости князей от Джунгарии. В 1700-1701 годах в результате ответных походов на Абакан объединенных красноярских, томских и кузнецких отрядов во главе с красноярским сыном боярским К. Самсоновым (всего 728 служилых) и томским сыном боярским С. Лавровым (515 человек) были разгромлены основные силы киргизов. Удар был нанесен главным образом по улусам наиболее сильных и в то же время наиболее послушных Джунгарии князей. Это усилило прорусскую ориентацию трудового коренного населения Среднего и Верхнего Енисея, видевшего в подданстве России конец разорительной системы «двоеданства» и возможность мирного труда.



Русская латунная пушка на деревянном лафете, XVII в. Красноярский краевой краеведческий музей

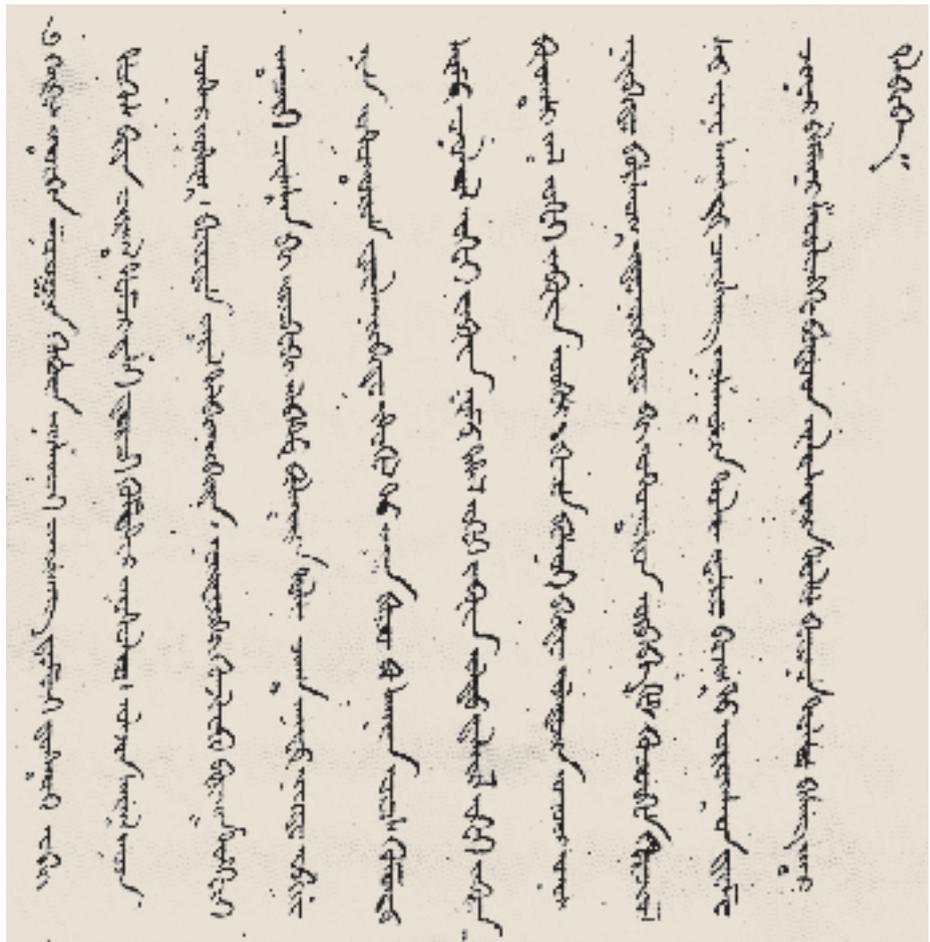


Доспехи киргизского воина XVII в.

Усилились разногласия среди киргизских феодалов относительно их дальнейшего политического курса. В этих условиях джунгарский наместник пошел на мирные переговоры с русскими властями, пытаясь успокоить недовольных князей, а с другой стороны, получить передышку в борьбе с Россией. Переговоры, проходившие с перерывами с 1 июля до конца сентября 1701 года, окончились согласием всех киргизских князей дать аманатов с езерцев и тубинцев, платить ясак с их улусов, с 300 луков по соболю с человека, причем для сбора ясака они готовы были допустить «из Красноярска в киргизы добрых людей».

Вместе с тем джунгарские зайсаны и киргизские князья стали понимать безнадежность активной открытой борьбы с Россией. Кроме того, Джунгария в это время продолжала вести тяжелую борьбу с маньчжурским государством, с казахами и тьянь-шаньскими киргизами. В этих условиях хунтайджи с некоторыми киргизскими князьями решают временно отказаться от борьбы с Россией за Енисей, рассчитывая опереться на нее в борьбе с главным врагом — Маньчжурской династией. Своеобразным выражением этого отказа была попытка переселить енисейских киргизов во внутренние районы Джунгарии. «И приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землю и киргиз де к себе загнали всех», — сообщали оставшиеся. Однако уведены были далеко не все, но с этого времени русские не встречали на своем пути организованного вооруженного сопротивления местных племен.

После увода части енисейских киргизов киштымы стали переходить в подданство России. Оставшиеся князья



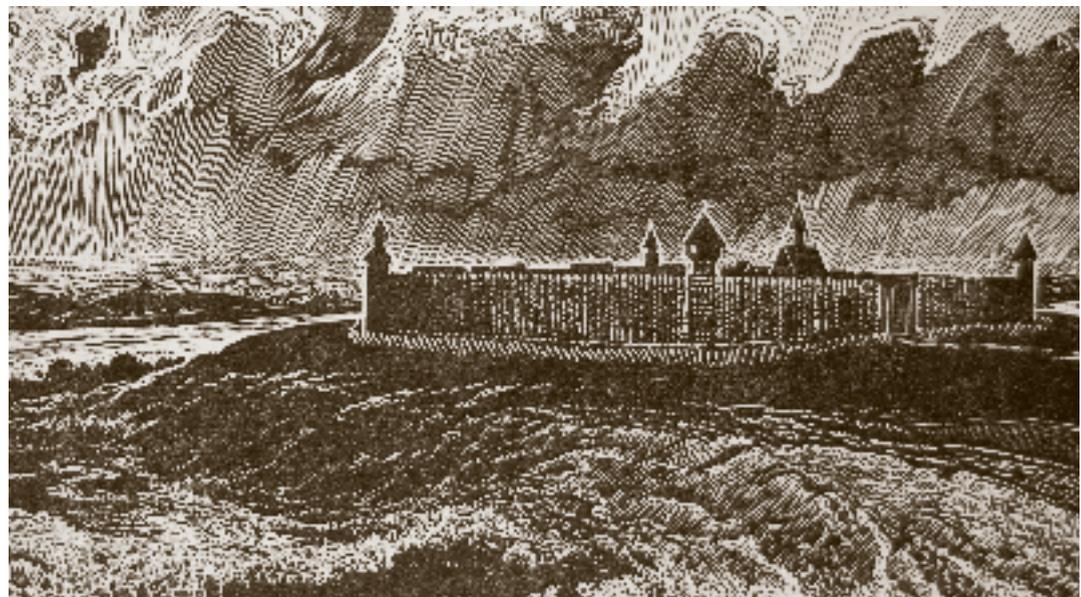
Текст присяги князя Курбан Кашки на вечное подданство России

чинили им препятствия. Кроме того, местные власти узнали, что многие уведенные киргизы возвращаются обратно. Центральное правительство, осведомленное о событиях на Среднем Енисее, требует выполнения указа 1697 года о построении острога на Абакане, чтобы закрепиться в данном районе. Пятибашенный небольшой острог со стенами по периметру в 50 сажен поставили осенью 1707 года (это старое село Краснотуранское, ныне на дне Красноярского водохранилища). Строителями командовали томский дворянин Илья Цыцурин и красноярский сын боярский Конон Самсонов.

Канский острог, XVII в.
Гравюра Н. Gladунова



Степной всадник XVII в.





Реконструкция археологом С.Н. Скобелевым внешнего вида Саянского острога:
 1 — летний очаг,
 2 — постройка для рыбообработки,
 3 — продовольственный амбар с погребом,
 4 — пороховой (зелёный) погреб,
 5 — коновязи,
 6 — постройка служебно-хозяйственного назначения,
 7 — дом приказчика,
 8 — кузница

Макет Абаканского острога. Хакасский республиканский краеведческий музей

С основанием «Абаканска» в подданство России были приведены оставшиеся после увода енисейские киргизы из ближних к острогу улусов Тубинской земли. Судя по значительным масштабам экспедиции (около 1000 человек), мерам предосторожности в походе и при строительстве острога, правительство считало, что значительная часть киргизов избежала «угона» в Джунгарию. Власти со строительством Абаканского острога не считали край присоединенным. Поэтому там «на житье до указа» был оставлен значительный по тем временам гарнизон в количестве 375 человек, в том числе 272 красноярских, 50 енисейских, 48 томских и 10 кузнецких конных казаков.

Опасения казачества действительно были реальны. Продолжались набеги киргизов на ясачные земли. Ясачные Кайсотской, Саянской, Канской, Камасинской и Удинской земель часто откочевывали за «Камень», то есть за Саянские горы в Монголию.

Правительство Петра I принимает меры для пресечения ухода ясачных за Саяны и территориальных притязаний

маньчжурских и джунгарских феодалов. В 1716 году в восточном углу Красноярского уезда, во внутренней Монголии у озера Косоголь ставится острог. В 1717 году гарнизон Канского острога усиливают за счет переселения 20 семей казаков. Одновременно делается далеко идущая попытка закрепиться в верховьях Енисея путем строительства нескольких острогов перед и за Саянами.

Поздней осенью 1717 года красноярский дворянин Илья Навишошников с 300 казаками поставил Саянский острог на правом берегу Енисея, у подножия Саян, в 120 верстах южнее Абаканского острога, на несколько верст севернее «означенного» в 1716-1717 годах для этих целей места. При этом опоясывающие стены земляной ров и вал казаки выкопали в следующем, 1718 году. Интересно, что возникшее во второй половине XVIII века селение на месте предполагаемого острога так и называется до сих пор — Означенное. Граница русских владений по Верхнему Енисею окончательно была установлена в 1727 году Буринским договором и в 1728 году Кяхтинским миром с Маньчжурией. Она прошла по безлюдным вершинам Западного и Восточного Саяна.

Присоединение Приенисейского края имело для местного населения огромное прогрессивное значение. Навсегда было покончено с грабительскими набегами монголов, калмыков и системой многоданства. Народ получил возможность мирного труда. Значительно обогатились его трудовые навыки и культурная жизнь. Темпы общественного развития в последующее время резко возросли.



Особенности присоединения во многом определили процесс заселения и складывания постоянного русского населения края в XVII — начале XVIII века. Заселялась его территория по направлению с севера на юг, то есть первыми обживались экстремальные по почвенно-климатическим условиям приполярные и северотаежные районы. Другая особенность заключалась в том, что вольные пришлые по численности явно преобладали над теми, кого присылало правительство, то есть над служилыми людьми и ссыльными. При этом многочисленных беглых, вопреки крепостническим установкам Соборного Уложения 1649 года, обратно не отправляли. Мало того, остро нуждаясь в рабочих руках за Уралом, центральная власть разрешала переселяться в Сибирь членам семей черносошных крестьян. Высокой была подвижность русского населения. Обилие временно находящегося на территории края промышленного торгового люда — еще одна своеобразная черта русского заселения. Поэтому процесс складывания постоянного населения начался сравнительно поздно и шел замедленными темпами. Старожильческий костяк сформировался к первому десятилетию XVIII столетия. К этому времени была изжита диспропорция полов, то есть численность женщин в основном сравнялась с численностью мужчин, а главная роль в пополнении населения перешла к естественному приросту.

РУССКИЕ ПЕРВОЖИТЕЛИ. ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ

Кто вы, сибиряки?

В течение всего XVII века переселенцы в Приенисейский край, как установил красноярский историк П.Н. Павлов, в подавляющем большинстве приходили из Северного и Центрального Поморья. Среди них преобладали жители Архангельского, Двинского, Кеврольского, Важского, Устюжского, Сольвычегодского и Яренского уездов. Довольно пестрым был национальный состав поселенцев. В первую очередь следует «винить» в этом ссылке. «Смутное время» начала XVII века и активные действия по присоединению Украины и Белоруссии во второй половине века чаще всего выносили на берега Енисея пленных польско-литовских шляхтичей с их «челядниками», а также пропольски или протурецки настроенных украинских и белорусских дворян и казаков. Их тогда называли «литва» и «черкасы». Кроме того, в росписях ссыльных встречаются «немчины», «гречанин» и даже «француженин из Бранбанта».

Фрагмент этнографической карты Первой Камчатской экспедиции, относящейся к бассейну Енисея. Скорее всего, он дан с карты геодезиста П. Чичагова, которую нелегально увез в Париж астроном П. Делиль



Уезды с городами	Населенные пункты	Дворы	Души мужского пола, тыс.	Души женского пола, тыс.	Всего русского населения, тыс.
Мангазейский	ок. 100	278	ок. 1,0	0,9	ок. 1,9
Енисейский	120	2128	8,6	8,4	17,0
Красноярский	48	1179	4,4	4,3	8,7
Итого	268	3585	14,0	13,6	27,6

Таблица 2.1
Подворная перепись
1713 года (подсчет
автора)

Интересно, что правительство, озабоченное созданием постоянного населения в Сибири, с 1640-х годов стало отправлять за Урал ссыльных вместе с семьями, зачастую неразделенными, то есть с женатыми сыновьями, дочерьми и т.д. Обычно каждый второй или третий ссыльный оказывался в Приенисейском крае с чадами и домочадцами. Поскольку успевшие обжиться новоприходцы к ним относились настороженно, то воеводы нередко селили ссыльных отдельными деревнями или записывали в отдельные воинские подразделения. Например, в Красноярском гарнизоне в 1666-1687 годах имела особая пятидесятня «черкас», а в Енисейском уезде деревни Мордовская и Черкасская появились в 1643-1648 годах в результате помещения на пашню нескольких ссыльных семей и 12 украинцев — «черкас». Общее пред-

ставление об итогах русского заселения края дают материалы подворной переписи 1713 года, сведенные в таблицу. Эти данные, конечно, занижены. Уже давно подворная перепись признана историками малодостоверной из-за стремления жителей избежать возросших в петровскую эпоху налогов. В Сибири же полно учесть население было еще сложнее из-за слабости местных властей, малой плотности жителей и огромных пространств. Поэтому точнее будет сказать, что в Приенисейском крае русских насчитывалось до 30-35 тысяч человек в 300 населенных пунктах.

Они хотя уже численно преобладали над коренным ясачным населением, которых насчитывалось около 15 тысяч человек, но все же были малой горстью на необъятной, более чем 2,3 миллиона квадратных километров, территории Средней Сибири. Если же учесть, что в трех острогах-городах проживало более 26 процентов всех русских, то общая плотность населения оказывается еще меньше. Вместе с тем будет ошибкой считать пришлых этаками одиночками-робинзонами. Русские оседали, в первую очередь, вокруг острогов по водно-сухопутным путям, которые связали край с другими сибирскими регионами и основными районами хозяйственного освоения.

Чертеж земли
Енисейского города
из «Чертежной книги
Сибири»
С.У. Ремезова, 1701 г.
Фрагмент



Очаги расселения

В Туруханско-Таймырском промысловом районе, территория которого вошла в Мангазейский уезд, основная часть жителей разместились в низовьях Енисея, севернее Туруханского острога. Среди ранних поселений были Нижне- и Верхнеимбацкие зимовья (1607 г.), Подкаменное и Буканское зимовья (1620-е гг.), Дудинское зимовье и Дубчесская слобода (1637 г.), Ворогово (1645 г.), Беляево и Сумароковское зимовье (1640-е гг.), Гольчиха (1650-е гг.). Редкая цепочка зимовьев сложилась в 1620-1630-е годы по водно-сухопутному пути через Таймырский полуостров, который шел с Енисея на реку Дудинку (Дуду), от нее волоком в бассейн Пясины и еще по одному волоку на реки Хету и Хатангу (Дудинское, Волочанское, Авамское, Хатангское зимовья).

В конце XVII — первом десятилетии XVIII века сложилась основная сеть зимовьев, которая сохранялась в целом до начала XX столетия. В это время в связи с переходом к массовому песцовому промыслу заметно увеличилось число зимовьев по правому берегу Енисейской губы и на восток по побережью Ледовитого океана до устья Пясины. Это хорошо видно на карте Мангазейского уезда С.У. Ремезова.

Второй, Енисейско-Красноярский старожильческий район, включал в себя территории двух других уездов. Первые деревни и заимки в Енисейском уезде возникли на основных промысловых и торговых путях, шедших из Западной Сибири через Маковский острог к Енисею и далее по Ангаре на восток или вниз по Енисею на север. Прежде всего стали осваиваться «еланные» и луговые места в низовьях Кеми, ниже Енисейска, и выше острога по Енисею до устья Ангары.

Наиболее старыми деревнями, по-видимому, были основанные под самым острогом Нижняя и Верхняя Подгородные деревни. В переписной книге 1669 года отмечено, что их первые жители являлись «присыльными» людьми, то есть ссыльными и сибирскими «переведенцами». К западу от Енисейска по Нижней Кеми и на дороге к Маковскому острогу уже к середине XVII века возникло несколько деревень. К началу 1640-х годов на притоке Кеми, Бобровке, было селение, ставшее в середине века селом Большая Елань (или Сретенское). В нескольких верстах от него в 1645 году посадские люди А. Савин и К. Щетинин основали Подъеланную заимку, быстро превратившуюся в деревню. Также по Кеми появились вышеназванные деревни Мордовская и Черкасская.



Остячка из книги И. Идеса и А. Бранда «Записки о русском посольстве в Китай, (1692-1695)», С. 100. Остяки в основном обитали на левобережье Нижнего Енисея

«Море Мангазейско с урочищи». Чертеж начала XVII в. Расшифровку селений см. на вкладке II



ГАЛКИНЫ. Род пошел с Алексея Галкина, сподвижника Ермака, который 30 лет после «Сибирского взятия» был казачьим атаманом в Березове. Погиб в Мангазейском уезде при сборе ясака у «иноземцев». Его сын Иван, внук Алексей и правнук Андрей служили в Енисейске детьми боярскими в XVIII веке. Возможно, родственник Алексея Галкина Осип в 1736 году был сыном боярским по Енисейску, хотя считался «из ссыльных». Иван Галкин с сыном Иваном (1773 г.), скрыв, что они сибирские дворяне, обошли узкосословную политику центра недопуская сибирской служилой верхушки в ряды российских дворян. В 1790 году они вступили добровольцами-рейтарами в столичный лейб-гвардейский полк, через год ушли в отставку якобы по болезни и получили, как российские дворяне, согласно закону 1767 года, офицерские чины. С 19 лет Иван Иванович служил по гражданскому ведомству, став в конце XVIII века городничим Туруханска.

Бассейн Нижнего Енисея, Хорографическая книга С.У. Ремезова

В эти же годы на Нижней Кеме были основаны заимки некоторых служилых и посадских. В частности, так начиналась деревня Жаренникова (или Жаркова). В этом же районе в 1640-е годы владели землей посадские люди В. Ортемьев и Аф. Кочень, имя которого сохранилось в названии деревни Кочневой. Из-за киргизской опасности выше этих деревень по Кеме русские не селились.

Севернее острога по Енисею первыми оседали промысловики. Скитаясь по соболиным промыслам, они разведали наиболее удобные места и обзавелись там заимками, чтобы обеспечивать себя хлебом при подготовке к очередному промысловому сезону. Из таких заимок, основанных где-то в 1630-1640-х годах, впоследствии развились деревни Ерыкалово, Ожегово, Подтесов остров, Баженова, Сургутское, Михалева, деревни в районе устья реки Пита, в том числе Пятницкий погост, Савина, Остяцкая, Холмогорова. Заимка, основанная там же казачьим пятидесятником В. Чермениным, стала деревней Чермениной.

В этом же районе в 1645 году впервые упоминаются деревни Погадаево и Андиферов луг. Вверх по Енисею от острога селения появились тоже в 1640-х годах. Между Енисейском и устьем Ангары обосновались казачий десятник С. Родю-

ков, имя которого сохранилось в названии деревни Родюковой, и первые представители известной фамилии енисейских служилых людей — Галкины (приток Енисея недалеко от устья Ангары в начале XX века назывался Галкина речка).

Тогда же посадские стали осваивать земли, на которых в 1669 году отмечены деревни Маклакова, Костыльниковая, Сотникова. Чуть ниже деревни Маклаковой в 1640-х годах была довольно крупная деревня Марково городище. Начало Усть-Тунгусской деревни в устье Ангары положил в 1637 году воевода Ж. Кондырев, посадивший «на пустом и безлюдном» месте семь ссыльных семей. Через несколько лет в устье Ангары стоял погост, а на месте будущей Стрелковской деревни (современный п. Стрелка) поселились енисейские казаки Бузины, Падерины и другие.

Почти одновременно русские поселенцы стали подниматься от устья Ангары вверх по Енисею, осваивая «хлебопахотные места» до самого Казачинского порога. В 1637 году ссыльнопоселенец Усть-Тунгусской деревни Андрей Прокофьев Борода «поставил в свое место» трех «гулящих» людей, а сам переселился на Сполошный луг, основав заимку. В 1640 году там стал хозяйничать посадский И. Коновал, а через два года воевода



О.Г. Аничков разрешил из-за выпашки земель переселиться туда девяти крестьянам Верхней Подгородной деревни. С 1651 года упоминается лежащая чуть выше устья Ангары по Енисею деревня Каргина, основанная гулящими людьми М. Каргиным и М. Маториным.

В заселении этого подрайона участвовали не только власти и вольнопереселенцы, но и старцы Енисейского Спасского монастыря. В 1640-х годах они добились отвода небольшого места на Черной речке (приток Енисея около Казачьего луга) с условием не призывать «гулящих» людей, а «питаться от своих трудов». Однако монахи ослушались и завели там деревню, которая со временем перешла женскому Рождественскому монастырю и превратилась в село Рождественское. В середине XVII века енисейские крестьяне, казаки, посадские, промышленники и «гулящие» люди начали расселяться по Енисею выше Сполошного луга и вышли к границе Енисейского и Красноярского уездов. Около 1644 года там отмечены Подпорожная и Надпорожная слободы. В последнюю входило несколько селений: Большая елань, Малая елань, Пятково.

С 40-х годов XVII века начинается русское заселение и освоение земель по Ангаре и ее притокам, главным образом по реке Тасеевой. В отличие от годовальщиков осно-

ванного в 1629 году на Нижней Ангаре Рыбинского острога, киргизской опасности не боялись ни енисейские посадские, ни монахи. Братья Жилины и Федоров из Енисейска в 1642 году на притоке р. Тасеевой, Усолке, основали солеварню, а игумен Спасского монастыря добился в 1648 году отвода на реках Рыбной и Тасеевой угодий для «пропитания» монастырской братии.

На территории Красноярского уезда первые деревни появились в начале 1630-х годов в районе самого острога. Их основали местные власти, помещая на пашню ссыльных. При воеводе Н. Карамышеве в 1632-1633 годах возникла деревня Есаулово (у устья правого притока Енисея). В 1638 году в устье речки Березовка (правый приток Енисея) на старом татарском городище в десяти верстах ниже острога стали строить Введенский монастырь и при нем слободу. В 1640 году впервые упоминаются деревни Частоостровская, Бугачевская (в устье реки Бугач) и Плотбищенская.

При воеводе П. Протасеве в устье реки Бузим (левый приток Енисея) в ста верстах ниже Красноярска в 1646 году были поселены ссыльные и «литовские черкасы» (ниже деревни Усть-Бузимская). На этом список сельских населенных пунктов уезда, где жили крестьяне к 1650-м годам, исчерпывается.



Тунгусский шаман во время камлания. Из книги Н. Витсена

Нижнее Приангарье. Хорографическая книга С.У. Ремезова. Расшифровку селений см. на вкладке II





Успенская церковь.
Реконструкция
по раскопкам Мангазеи
М.И. Белова



Святой мученик
Василий, Мангазейский
чудотворец

Местные служилые люди после строительства Красноярска тоже пытались обзаводиться заимками, однако из-за постоянных киргизских набегов они вскоре «пометали» свои пашни.

Во второй половине XVII — первом десятилетии XVIII века Енисейско-Красноярский район заселялся интенсивнее. Особенно активно росло население по Маковской дороге и в бассейнах Кети, Кеми и Белой. Здесь к концу рассматриваемого времени было до 500 семей в двух острогах (Бельском и Кемском) и 31 деревне (в том числе в слободе Пировщина в 1668 году).

Вторым по значимости подрайоном стал бассейн Нижней Ангары с ее левыми притоками, всего до 350 семей в 14 деревнях и острожках. И здесь большую роль сыграло строительство в 1667-1669 годах трех острожков, прикрывавших от киргизских набегов (один на Тасеевой и два на Усолке, в том числе и Тасеевский острог, ныне центр одноименного района). Под их прикрытием особую активность проявили Спасский, Троицкий и Мангазейский монастыри, которые скупали усолье и заселили своими крестьянами более десяти деревень. В 1680-х годах выше Рыбинского острога на Ангаре возникали деревеньки по два-три двора в устьях рек Каменки, Иркинеевой, Пинчуги и Кежмы (о последней, ныне центр

Кежемского района, первое упоминание относится к 1681 году). Почти не уступали второму по численности прочие три подрайона Енисейского уезда: по самым хлебопахотным местам вверх по Енисею от устья Ангары члены 340 семей разместились в 37 деревнях, а внизу от устья к Енисейску — 315 семей в 16 селениях, наконец, от города вниз по Енисею к Мангазейскому уезду около 300 семей в 22 деревнях. В Красноярском подрайоне русское население по-прежнему оседало только по берегам Енисея под прикрытием Красноярского острога: в 1671 году — 32, а 1713 году — 42 деревни. Выше Красноярска лежали только две деревни — Базаиха (основана в 1671 году) и Овсянская (основана до 1671 года).

В целом к концу рассматриваемого времени на территории Енисейско-Красноярского старожильского района, прежде всего на Кеми и Белой, в бассейне Енисея от Ярцево до Красноярска и бассейне нижнего течения Ангары, в частности реки Тасеевой, возникшие селения составляли большую часть населенных пунктов, которые существовали и в начале XX века. Это несомненное доказательство того, что демографические, внутри- и внешнеполитические факторы в процессе русского заселения этой территории уступили свое ведущее место хозяйственным.

Русские шли за Урал не из чистого любопытства, а привлеченные возможностями свободно жить и трудиться. По стоимости самым продуктивным из всех хозяйственных занятий было звероловство, особенно добыча ценного соболя, но большинство населения стремилось к традиционному крестьянскому хозяйственно-бытовому укладу. Торгово-ремесленные занятия начинали пришлые умельцы. Особенное развитие получили ремесла по переработке растительного и животного сырья.

«ВЕЛЬМИ ХЛЕБНА, ОВОЦНА, СКОТНА И РУКОДЕЛЬНА»

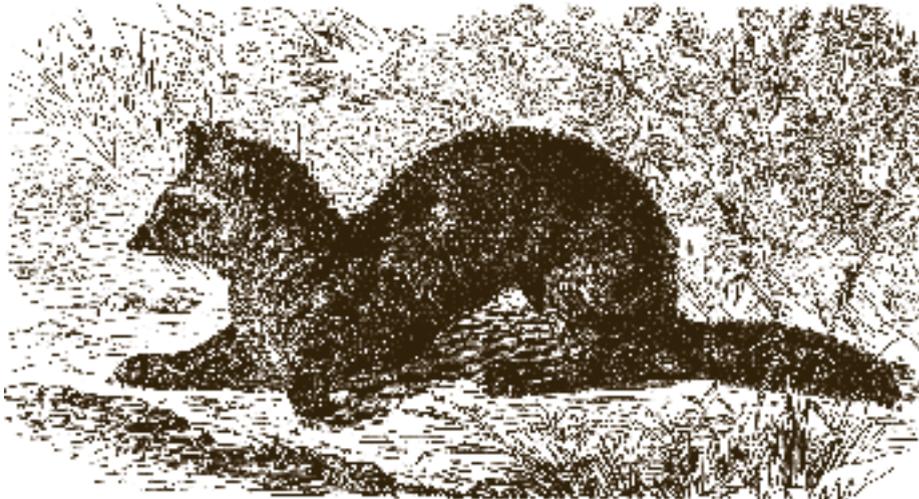
«Мягкое золото»

Как уже отмечалось, в хозяйственном освоении края кроме постоянного населения участвовали и многочисленные временные жители. Особенно это было характерно для северного Мангазейского уезда. Так, в конце XVII века в уезде с городом было около 800 душ мужского пола, в то время как в одной Мангазее до 1630-х годов ежегодно зимовало «опричь новых приходцев» от

700 до 1000 и более промышленников. В случае удачи на промысле многие пришлые (двое из троих) уходили домой. До 1640-х годов полный цикл промыслового предприятия, от отъезда из Поморья до возвращения, длился не менее двух с половиной — трех лет. Путь по Иртышу и Оби от Тобольска до Березова и далее по Обской губе до реки Таз начинали в конце июня и покрывали за 8-13 недель. В августе — начале сентября торгово-промысловый люд достигал Мангазеи, где останавливался на зимовку. Весной город пустел. Партии промышленников, пользуясь вешней большой водой, спе-

шили по Тазу через волоки, озера и режмы попасть в Туруханское зимовье и от туда по Енисею уйти в основные районы соболиных промыслов. С начала июля и вплоть до мая — июня следующего года Туруханск замирал до возвращения промышленников, которые торопились тем же путем до «замороза» добраться до Мангазеи и через Обскую губу уйти на «Русь». С середины 1630-х годов путь в Мангазею по Оби и Обской губе стал глохнуть, так как с развитием земледелия в Енисейском уезде промышленникам стало выгоднее через его территорию по Кети и Маковскому волоку следовать на промыслы в низовья Енисея и Приангарья.

В отдельные годы в Мангазейский и Енисейский уезды приходило до двух тысяч промышленников. Главным объектом пушного промысла был дорогостоящий соболь. Попутно добывали бобров, волков, лисиц, зайцев, белок, горностаев. С 1680-х годов по мере «испромышления» соболя многие охотники переключились на песца. Эта отрасль экономики (по подсчетам П.Н. Павлова) принесла России за 70 лет 8 миллионов шкурок соболя на более чем 11 миллионов рублей, что в среднем составляло 20 процентов доходной части ежегодного государственного бюджета. На долю Приенисейского края пришлось немало: примерно каждые четыре соболя из десятка (2,8 миллиона штук) и каждые три рубля пятьдесят копеек из червонца (4077 тысяч рублей). В лучшие охотничьи сезоны русские промышленники добывали в Приенисейской тайге до

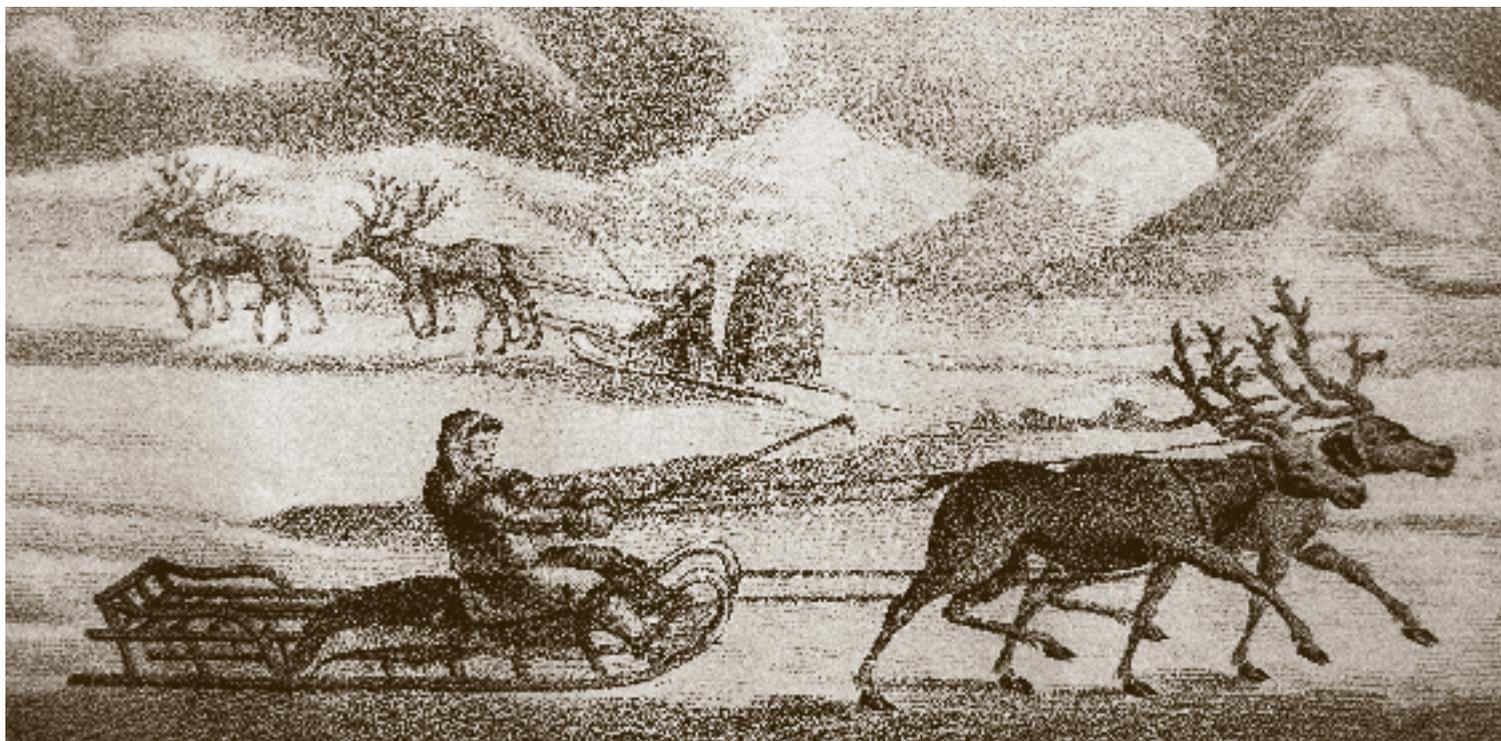


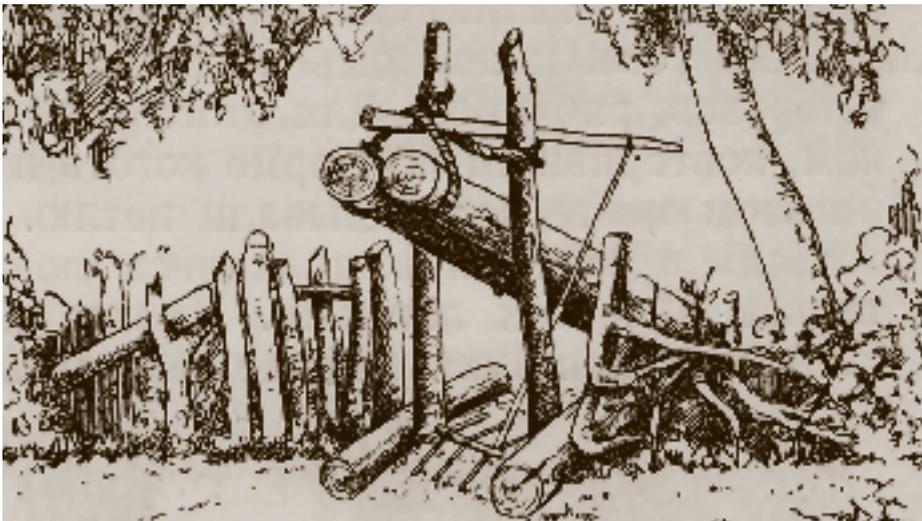
100 тысяч соболей. В среднем каждый охотник-профессионал в год «испромышлявал» в Мангазейском уезде чуть более 60 соболей, а в Енисейском уезде — от 38 до 49 соболей. Их стоимость превышала в 1,5-2 раза стоимость ужины — промышленного снаряжения, куда входило 20-30 пудов ржаной муки, до пуда соли, не менее 10 аршин сукна семяжного, около 15 аршин холста, две пары чарков (обуви), три пары рукавиц, 1-2 рубахи, около 10 камасов оленьих или лосиных, а также 1-2 топора, нож, 5-10 саженей сетей неводных и «прядено неводное».

Из-за разных цен, особенно на хлеб, ужина обходилась в среднем каждому охотнику в Мангазейском уезде в 25-35 рублей, а в Енисейском — 15-25 рублей. Чистая же средняя прибыль, из-за больших транспортных расходов, была много меньше, составляя 20-25 процентов. Это явно немного, если учесть тяжелые условия жизни в глухой тайге, в «несносных трудах и нуждах» в течение всей зимы.

Главным объектом пушного промысла был дорогостоящий соболь

Езда на оленях





Ловушку-пасть устраивали для ловли крупных зверей — волков, лосей, медведей

Сибирская тайга. Из книги «Живописная Россия»



На промысел уходили ватагами, обычно 10-15 человек, хотя их состав мог варьировать от двух человек до нескольких десятков. Возглавлял промысловую партию передовщик, или «ватащик», которому все должны были беспрекословно подчиняться. Он выбирал места промысла, делил большие артели на части (с XVIII века назывались чуницами), ведал добычей и доставкой к началу промысла зверей и рыбы за пищу, выбирал в чуницах передовщиков, возглавляя одну из них сам, назначал чуницам места промыслов, а до начала ледостава организовывал промысел соболей с собаками и сетями —

«обметами» вблизи построенного артелью зимовья. Возвращаясь, передовщики чуниц отдавали артельному передовщику добытых соболей и других зверей, отчитывались во всех делах перед ним. Провинившимся «ватащик» назначал наказание, особенно суровое за воровство.

Каждая небольшая артель — чуница действовала самостоятельно. До начала промысла самоловными орудиями — кулемами ее передовщик делал нарту, лыжи и специальную обувь — «уледи». Их качество было крайне важным в условиях полного бездорожья.

Каждый промышленник волок сам или с помощью собаки нарту с запасом к назначенному передовщиком месту. Сам же глава чуницы уходил за день вперед, чтобы к приходу товарищей подготовить стан в виде шалаша и наметить удобные места для ловушек. В районе стана по падам и речкам промысловики делали по два-три ухозя или «путики», то есть промысловые пути, каждое состоявшее из 80 кулем. Каждому охотнику, действуя только топором и ножом, нужно было изготовить по 20 кулем в день, что, впрочем, довольно редко кому удавалось. Дело в том, что сооружение кулемы было довольно трудоемким занятием. У подножия дерева

сколачивался небольшой «огородец из спиц, образывавший коридорчик в длину немногим более пол-аршина (35 см. — Г.Б.) и вышиной четверти на три аршина, закрытый сверху дощечками, чтобы снег не осыпался». Одним концом коридорчик упирался в дерево, а вход с другого конца оставался свободным. У входа клали приманку — кусочек мяса или рыбы, который при помощи дощечек, палочки, шестика или веревочки соединялся с большим бревном, приподнятым на тоненькой палочке над входом. Когда голодный соболь, привлеченный приманкой, наступал на дощечку, лежащую у входа, веревка или шестик приходили в движение, срывали с устойчивого положения бревно, и оно обваливалось на соболя. Эта ловушка давящего типа в северных районах дожила и до нашего времени.

Каждый промышленник в сезон делал несколько сот кулем, так как, устроив за несколько дней на каждом стане ловушки, чуница шла на новый стан устраивать ухоть. После 10 станов передовщик чуницы половину людей посылал «по завоз», то есть за оставленным в зимовье или по дороге запасом. За зиму охотники делали три таких ходки, при этом завозчики осматривали кулемы в той же очередности, как и устанавливались. При возвращении всей чуницы в зимовье ловушки осматривались в последний раз в обратном порядке и заколачивались, чтобы в них не попали соболя. Более частые осмотры оказывались почти бесполезными, так как кормовые участки соболя были значительными, до 8-10 квадратных километров у каждого.

В базовом зимовье промышленники ждали навигации, а иногда жили до следующей зимы, если заходили сразу на несколько сезонов. Тогда они занимались

рыбной ловлей, охотой на диких животных, выдывали шкурки зверей и даже шили меховые вещи. Большие партии оставляли в зимовьях одного или нескольких сторожей. На случай вооруженного нападения коренного населения зимовья служили укрепленным убежищем, правда, не всегда надежным. В большинстве своем зимовья были примитивными сооружениями.

Выйдя из тайги, ватага-артель на таможенной заставе отдавала каждого десятого соболя в качестве десятинного налога и делила добычу между собой, при этом передовщик обычно получал еще половину стоимости ужины, затем артель распалась.

В 1670-х годах из-за перепромысла соболя (в среднем ежегодно выбивалось до 40 процентов зверьков) пушной промысел стал терять свое значение. Русским с 1690-х годов его почти полностью запретили. Поэтому многие постоянные промышленники Мангазейского и особенно Енисейского уездов сдвинулись на север Таймыра для массового промысла песца. Этого зверя, отличавшегося сезонными миграциями, добывали простыми ловушками давящего типа (пастями или клепцами). Их устанавливали на направлениях массового хода зверей. Поперек берега реки делали невысокие изгороди из тальника и в специальных отверстиях в них ставили клепцы. Некоторые охотники на берегу океана или реки устанавливали неводы с колокольчиками на верхней тетиве и караулили с палкой. Пасты расставляли в шахматном порядке вокруг постоянных и отъезжих зимовий, от 50 до 500 штук на каждого жителя, и объезжали их раз два в месяц. В начале XVIII века в крае добывалось от трех до восьми тысяч песцов ежегодно.



Тунгус-охотник.
Из книги Н. Витсена

Зимовье — промыслово-охотничий стан, в котором промысловая артель обычно проводила позднюю осень и первую половину зимы. Здесь находились запасы продуктов, орудия охотничьего промысла, хранилась добытая пушнина. Их охранял один человек-зимовщик, а остальные расходились по путикам — промысловым тропам, на которых расставляли ловушки давящего типа на соболей. Возвращались с путика в зимовье в конце каждой недели для суточного отдыха



Промысловый лабаз





*Борона-суковатка,
XVII в.*



*Деревянная соха,
XVII в.*

Мельницы-мутовки, приводимые в движение силой вешней воды, считались наиболее древним видом мельниц и наиболее простым по устройству. Такие мельницы устраивались и на быстрых речках, которые не требовали больших запруд, и на незамерзающих ключах

В целом, по денежной оценке, продукция пушного промысла в Приенисейском крае до конца XVII столетия более чем в два раза превышала стоимость выращенного зерна, скота и произведенных ремесленных изделий. Однако это не дает полных оснований считать данную отрасль хозяйства края ведущей. Ведь в ней было занято профессионально не более 1,5 тысячи промысловиков.

Хлебопашество

Главная роль в экономике края принадлежала земледелию. Первая борозда была проведена, как только русские пришли на пригодные для этого земли. Из-за дороговизны хлеба пашней стремились обзавестись все: и крестьяне, и казаки, и посадские, и казна. Вozить «хлебные запасы» из-за Урала было очень накладно, а местное население пашенного земледелия практически не знало. Для обзаведения крестьянским хозяйством требовалось гораздо больше средств, чем для пушного промысла. Поэтому переводимые в Сибирь крестьяне или определенные на пашню ссыльные получали от государства деньги на «подъем», а также «подмогу», ссуду и налоговые льготы. Размеры этой материальной помощи в денежном или

натуральном виде по разным уездам и в разные годы сильно различались и все теснее увязывались с обязательствами новоприборных крестьян по несению казенного «тягла».

В середине 1650-х годов в Енисейском уезде подмога как безвозвратная помощь единовременно выдавалась из расчета 20 рублей денег, 40 пудов овса и 40 пудов ржи, если землепашец обязывался обрабатывать десятину на государство. По мере успехов енисейского земледелия и усиления притока вольных поселенцев на пашню подмога уменьшилась до 5-8 рублей. В 1700 году выдача подможных денег была окончательно запрещена. Правда, раздачу хлеба на семена и освобождение от налогов и натуральных повинностей от года до четырех лет для новоповерстанных крестьян по-прежнему сохранили. Ссуда, в отличие от подмоги, возвращалась. Она оформлялась документально «заемной кабалой» и предоставлялась по желанию крестьян.

Аналогичные меры по привлечению тружеников на свои земли предпринимали три приенисейских монастыря, хотя материально они помогали меньше, чем казна. Со временем частные лица из старожилов тоже стали участвовать в устройстве пришлых людей на пашню. Они либо нанимали их из доли доходов своего хозяйства, либо отдавали свое хозяйство вместе с тяглом, чтобы перейти в другое сословие или переселиться, изменив вид тягла. Так, в 1670 году красноярские крестьяне Кузьма и Юрий Ефимовы, дети Таскины, сдали свое тягло в виде 0,5 десятины государственной пашни отставному казаку Якиму Никитину Подпоре и его сыну Игнатию, взяв у них запись «выполнять



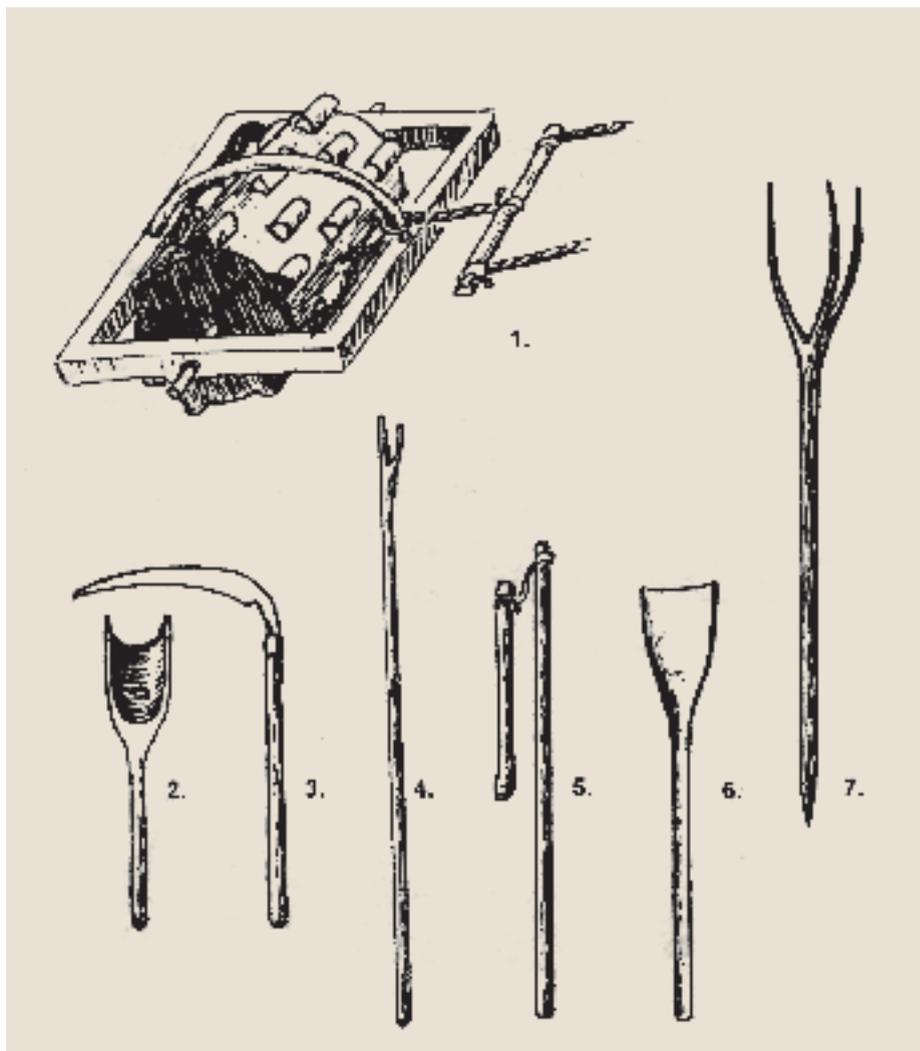
Каждая третья мельница в крае была ветряной

все повинности, приходящие на их тягло...».

«А дали мы... с тою вашею великих государей десятинную пашню с своим жеребьем ему, Якиму с сыном иво Игнашкоком, живота своего: двор со всеми хоромы и что во дворе есть с амбаром, и с дворовым местом и огородом, да коня да корову дойную с теленком, да топор, две косы, два серпа, да насыпного хлеба ржи и ярицы 10 четвертей, овса пять четвертей, ячменя две четверти, и пшеницы две части, да насеянного нового хлеба ржи в залоге десятину мирскую... Да мы ж... дали ему, Якиму, в земле своей пашенной распаханной мякотной половину, и иные покосы, ему ж, Якиму, все, чем мы... владели. А буде где ни... займем заимку, и ту остальную землю, другую половину, отдать ему, Якиму».

Из договора о сдаче тягла пашенных крестьян Таскиных семье отставного казака 1670 г.

В результате совместных усилий правительства и частных лиц в бассейне Енисея сложился второй по размерам пахотной площади и сбору хлебов земельный район Сибири. Его пахотный клин в начале XVIII века составляли 12-16 тысяч десятин, из них засевали 5-6 тысяч десятин и собирали более 400 тысяч пудов продовольственного и фуражного зерна. Этого уже хватало не только на свои нужды, но и для снабжения малохлебных соседних уездов Западной и Восточной Сибири. Основной житницей края являлся Енисейский уезд. В более же плодородном Красноярском уезде своего хлеба долго не хватало. Мешали постоянная военная опасность и набеги вооруженных отрядов киргизских князей. Так, в 1635 году пашенные крестьяне Красноярска писали в своей челобитной царю: «...и нас, и жен наших, и детей на пашнях убили 70 человек, а иных в полон свезли». Мало что изменилось к концу века. Посадские люди и крестьяне уезда тоже постоянно жаловались на киргизов, что «они нам пашен пахать не дают и сен косить, по вся годы угрожают войною, и по их угрозам на... пашнишки свои и сен косить вдаль ездить не смеем. А которые мы, холопы и сироты ваши, живем по деревням и от города удалели верст по 20 и по 30 и по 50, тем обречься от них... никакими мерами невозможно, бывает их воровской изменнический воинский приход безвестно». Поэтому южная граница



приенисейского пахотного поля лежала сразу за Красноярском у речки Овсянки. Северная же граница, неожиданно для нашего времени, проходила у самого Полярного круга около 60 градуса северной широты в районе Ворогово, где довольно устойчиво вызревал ячмень.

Подтянутость пашни XVII века к северу была также связана с нуждами пушного промысла и стала возможной благодаря упорным опытным посевам. Свои агротехнические методы пришлые крестьяне применяли, гибко учитывая почвенно-климатические условия местности. Под пашню выбирали открытые места — «елани» в лесах или в приречных долинах. Предпочтение отдавалось юго-восточным склонам в полугоре. Спускаться к подошве мешали ранние и поздние весенние и осенние заморозки. На вершине же был беднее почвенный слой, и обрабатывать землю оказывалось сложнее. По мере выпашки земель либо прибегали к «росчистям», то есть выжигали ближние лесные участки, либо переходили на новые еланные места. Из-за обилия земель естественное плодородие не восстанавливали. Навоз на поля не вывозили, а сваливали прямо за околицей, всюду господствовал перелог и подсека.

Инструменты для сельского труда:

- 1 — молотыга,
- 2 — лопата-совок,
- 3 — коса-горбуша,
- 4 — подавалка для снопов,
- 5 — цеп для молотыбы,
- 6 — лопата,
- 7 — деревянные вилы.

Реконструкция историка Б.Е. Андюсева



Хомуты, XVII в.



*Деревянная чашка
с ложками*

Многим читателям сибирское земледелие покажется неразвитым, а агротехника — примитивной. Однако следует учесть, что каждая агросистема определяется, прежде всего, условиями, в которые поставлен труженик. В Сибири земледелец при наличии огромных свободных пространств обратился к исторически более ранним экстенсивным формам полеводства как наиболее выгодным и рациональным, и был для своего времени прав.

Для расчистки леса под пашню или для поднятия целины односельчане, нередко разной сословной принадлежности, объединялись в «повальные сообщества». После подготовки новых угодий к хозяйственному использованию их делили на участки — «жеребья» согласно затраченному рабочему времени и средствам. «Вповал» могли не только пахать, косить траву, но и сеять и убирать урожай. Так развитые навыки артельного коллективного труда, издавна присущие русскому народу, помогали переселенцам обжиться в сибирских просторах.

Орудия земледельческого труда использовались обычные: ральники, топоры, сохи, бороны, серпы. При подготовке целины к пашне непременно использовался топор. С его помощью вырубали кустарники, деревья, корчевали пни, корни. Пахали сохой с двумя железными сошниками. Она представляла собой универсальное пахотное орудие, которым поднимали целину, обрабатывали окультуренную, уже освоенную залежь или возделывали мягкие пахотные земли. Для

разбивки комьев и заделки семян в почву пользовались деревянной бороной.

Сев производился вручную. После вызревания хлеб убирался серпами. Стебли срезались на один-два вершка (4,4 см) выше поверхности почвы, чтобы образовавшаяся стерня способствовала задержанию снега на полях. Сжатые колосья связывали в снопы, которые на поле составляли в суслоны. Красноярец же из-за воинской опасности снопы сразу увозили в крепость и складывали в гумнах, овинах для просушки и обмолота. Обычно молотили зимой, нередко на льду замерзших рек. Для обмолота пользовались деревянными цепями. Отвеивали зерно на ветру с помощью деревянных лопат.

Нетронутые сибирские почвы щедро отзывались на труд земледельца. Каждая десятина, засеянная 8-10 четвериками (пудами) хлеба, давала в 5-8 раз, а на черноземах в 10-12 раз больше. Это было явно выше среднерусской урожайности (сам-три). Преимущественно сеяли серые хлеба: озимую рожь, раннюю яровую рожь, овес, ячмень. Пшеница и крупяные культуры встречались реже.

Другой важной отраслью было животноводство оседлого типа. Травы в крае были хорошие, поэтому все сельские и городские жители держали много лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, кур, уток, гусей. Самыми распространенными домашними животными были, кроме лошадей, коровы и овцы. В натуральном хозяйстве никто не мог обойтись без своих кож, шерсти, молока, мяса, яиц, тягловой

Маленькими участками «выдирали» сибиряки пашню среди густых лесов. Считают, что отсюда произошло и само слово «деревня». Репродукция картины А.М. Васнецова



силы. В весенне-летнее время скот находился на подножном корму, но пастухов не было. Просто горожане и сельчане скотные выпасы обносили городьбой. Красноярцы и ангарцы же весь молодняк и овец перевозили на острова, где он пасся в полной безопасности до глубокой осени. На зиму для скота заготавливали корма. Основой его пищевого рациона было сено. Траву косили косами-горбушами, которые вместо косовища, то есть древка, имели короткую ручку. Коса-горбуша была хороша на лесных с кустарником полянах, кочковатых лугах и холмистых местах. Из-за небольшого размаха косяй вправо и влево косяк мог довольно чисто снять траву около пней, деревьев и кустарника. Высохшее сено сгребали в копны, которые, как и снопы хлеба, являлись единицами первичного учета. В ходе сенокосных работ сено метали в стога по 30-40 копен для лучшего сохранения корма в дождливое время. Вывозили сено зимой, поэтому, сохраняя его от погравы дикими копытными животными, стога огораживали.

Благодаря изобилию земель и хорошему травостю обеспеченность скотом у всех сибиряков была выше, чем у крестьян европейской части России. Так, уже по переписи 1645-1646 годов в Енисейском уезде большинство крестьян имели помимо другого скота не менее четырех

лошадей. По тогдашним меркам такие хозяева считались «прожиточными». Красноярцы держали скота еще больше.

Из технических культур высевались конопля, лен, табак. Они возделывались на огородах в небольшом количестве, так как из Китая привозились большие партии хлопчатобумажных тканей различных сортов, а также «китайский шар» (табак) для курения. Повсеместно в огородах выращивались различные овощи: репа, которая в те времена заменяла картофель, капуста, лук, чеснок, морковь и огурцы.

Ремесла и торговля

Продукты земледелия и животноводства служили также сырьем для различных ремесел и домашних промыслов. Больше всего занимались выделкой кож, шитьем одежды, изготовлением летней и зимней обуви из кожи и шерсти, варкой мыла, литьем сальных свеч, деревообработкой.

На всю Восточную Сибирь славилась продукция кузнецов Енисейска. Получаемое из ближних к городу болотных руд железо было ковким и мягким. Кузнечным делом занимались многие. Так, в челобитной енисейский оброчный крестьянин Ф. Ворогов просил в 1650 году: «Вели, государь, мне, сироте твоему, по тем речкам сторонным изю льготы на



Серпы, скобели, накладка на дверь с петлей и колун — изделия енисейских кузнецов



Кузни были в каждой крупной деревне. Особенно славилась кузницы Енисейского уезда, богатого болотной рудой. В одном Енисейске было более 50 кузниц



Кочи, струги и дощаники сооружали в основном на плотбищах в Енисейском и Красноярском уездах

6 лет не того камня, ис которого остяки и тунгусы плавят по своему, а мне, сироте твоему, по руски домницы поставя годи пригодитца приискивая, железо плавить».

Сошники, серпы, топоры, косы-горбуши, ножи, скобы, гвозди, листовое и полосовое железо «енисейского дела» можно было встретить на Байкале и Лене, Витиме и Амуре.

В больших количествах енисейские купцы скупали пушнину и перепродавали ее на сибирских и российских ярмарках. Обрато они везли разнообразные «заморские» и русские товары: дорогие ткани, стеклянную посуду, галантерею, вино. Из Китая поступали табак, чай, хлопчатобумажные и шелковые ткани, фарфор, бумага.

Среди других ремесел, связанных с переработкой растительного сырья, выделялось судостроение. Гребные и парусные речные суда сооружали в основном на плотбищах в Енисейском уезде (д. Родюково, Марково городище, Костыльникова, Стреловская, Усть-Тунгуска, Казачий луг, Маковский острог) и в Красноярском уезде (д. Есауловка, Подтесово, Елань). Судостроительный промысел занимал сотни людей, которые ежегодно ладили только для казенных нужд до 300 судов.

Солеварение в крае вышло за местные рамки. Енисейский посадский Алексей Жилин (Хромой) на Усолке, притоке Та-

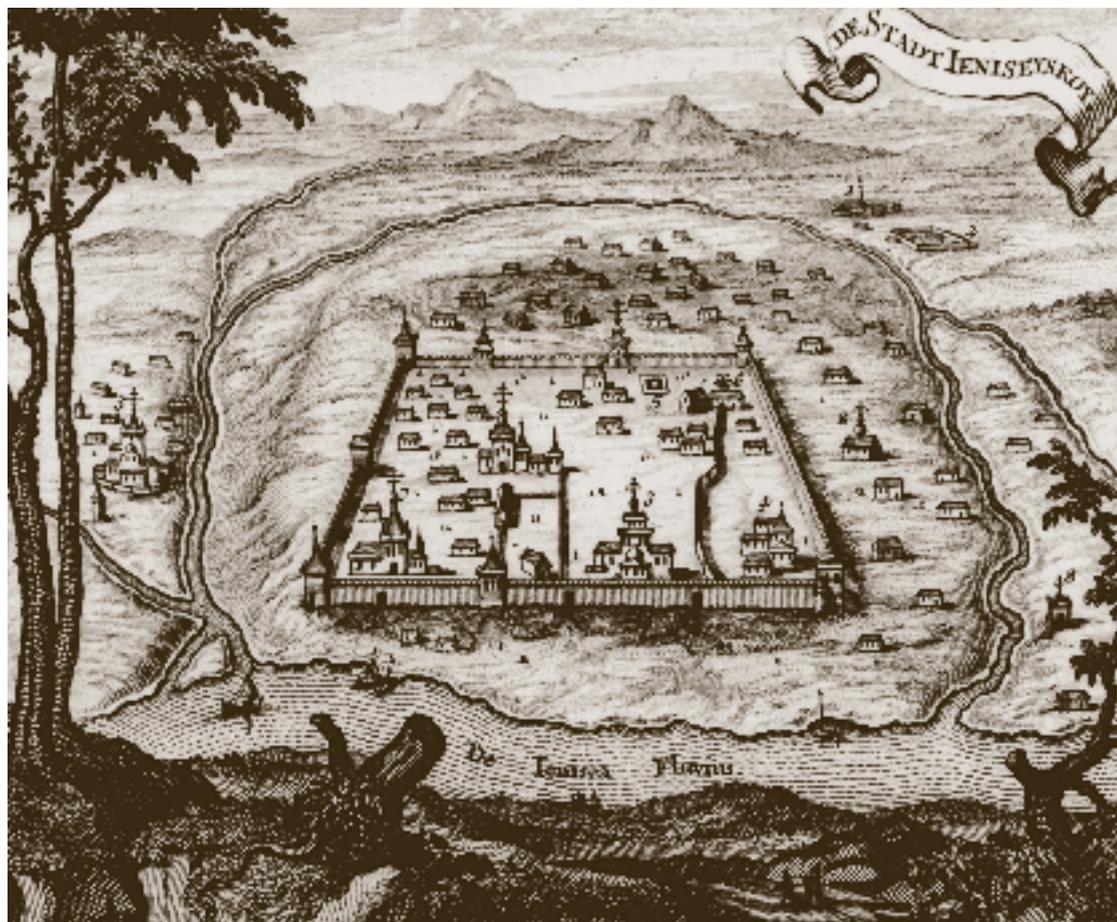
сеевой, основал в 1641 году самое старое в Сибири промышленное предприятие — солеварню. Его варница давала до 50 тысяч пудов соли ежегодно. В начале 1670-х годов дети умершего Жилина продали Мангазейскому Троицкому монастырю заведение отца за 1250 рублей.

Енисейск к концу XVII века стал вторым по величине в Сибири центром ремесла и торговли. В нем насчитывалось свыше 500 дворов.

«По суше 12 октября я благополучно прибыл в город Енисейск, где отдохнул некоторое время, ибо принужден ждать в нем зимнего или санного пути... Город Енисейск довольно велик и многолюден, его острог достаточно сильно укреплен. На несколько миль вокруг города разбросано множество деревень и монастырей, почва же весьма пригодная для возделывания. Много здесь зерна, мяса, рогатого скота и домашней птицы... Из-за больших холодов плодовые деревья здесь не растут».

Описание Енисейска и его окружи русским послом в Китай Избрантом Идесом. 1682 г.

Туруханск, бывшее зимовье, которое сделали в 1669 году центром Мангазейского уезда, состоял всего из 70 дворов. Красноярск оставался главным образом военной крепостью. В его большом остроге было до 300 домов.



Город Енисейск. Гравюра из книги Николаса Витсена «Путешествие в Московию», 1664-1665 гг. Енисейск был самым крупным торгово-ремесленным центром Сибири после Тобольска. Больше половины жителей занимались различными ремеслами и торговлей

Сибирь вошла в состав Российского государства, когда в нем утверждалось крепостничество — самая тяжелая форма феодального гнета. На далекой сибирской окраине казна пыталась вести себя как коллективный крепостник-помещик, но власть воевод на местах была недостаточно сильной, а их аппарат управления — немногочисленный.

В своей деятельности местная власть не могла опереться на помещиков, ибо их в Сибири почти не было. В малонаселенной Сибири поместье завести было крайне сложно. Кроме того, центральная власть, ни с кем не желая делиться доходами от сказочно богатой Сибири, сибирские земли феодалам не раздавала. Все земли были объявлены собственностью государства. За ее хозяйственное использование следовало платить денежные подати и нести натуральные повинности. Если служилый человек пользовался 15 десятинами земли, то его лишали хлебного жалованья. При меньшей запашке ему следовало отдавать казне каждый пятый сноп урожая. Такой же «пятинный» или «отсыпной» хлеб вносили посадские люди, если они помимо ремесел и торговли, с которых в казну шла одна десятая дохода, обращались к землепашеству.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Крестьяне

Крестьян, получавших основные средства существования с земли, обязывали пахать и на государство. Если труженик имел 4-4,5 десятины своей пашни, то он должен был собственными сохой и лошадью обработать еще одну десятину «на государя». Крестьянин засеивал ее казенными семенами, боронил, сжинал хлеб в снопы, составлял их в суслоны, зимой молотил и засыпал в казенные амбары. Такая натуральная повинность, которая зависела от размеров крестьянского поля, называлась государевой, или десятинной, пашней и походила на барщину у помещика.

Для казенных полей отводились наиболее удобные елани и приречные открытые места. Сельскохозяйственные работы, особенно жатва, перевозка снопов и молотба, проводились под пристальным контролем местной администрации. Так как крестьяне неохотно работали на десятинной пашне, то со временем воеводы перестали выделять особые «государевы поля». Перед жатвой они объезжали крестьянские нивы, проводили пробные умолоты и по их результатам «отписывали в казну» отдельные полосы хлебов.

Настойчивые усилия сохранить близкую к барщине феодальную повинность (десятинную пашню) не случайны. Фе-

Один из этюдов В.И. Сурикова «Красноярская шатость», где выпроваживают воеводу Дурново в Енисейск — пльви откуда прибыл. Красноярцы прослыли во всей Сибири бунтовщиками, ибо не раз с оружием в руках выступали против произвола местных властей





Фрагмент карты голландца Виллема Блау (1571-1638). Публикация 1630 года. Так иностранцы представляли себе участников освоения Сибири — воевод, казаков, подъячих

одальное правительство, нуждаясь в больших количествах хлеба для раздачи жалованья служилым людям и выкурки вина, таким путем присваивало себе высокое естественное плодородие сибирских земель. Было невыгодно взимать с сибирского земледельца столько же хлеба, сколько брали с российского черного крестьянина. Ведь урожайность в Сибири была выше, чем в центральных районах страны. Установить же натуральный налог в Сибири выше общероссийского уровня казна была просто не в силах. Вот почему, когда в отдельных районах Сибири собирался оброчный хлеб, то это считалось льготой. Оброк вводился лишь там, где заниматься земледелием было затруднительно. Поэтому немногочисленные крестьяне пограничного Красноярского уезда были в основном оброчными, а енисейские и мангазейские — почти сплошь пашенными.

Местная власть вмешивалась не только в хозяйственную деятельность крестьян, но и в их семейно-бытовую жизнь. Нередко допускался дикий произвол. Это сближало сибирские порядки с российскими. Монастыри тоже имели крестьян. Но земледельцу-труженику в Сибири все же легче дышалось. Он мог свободно сменить место жительства, перейти в другую сословную категорию, то есть записаться в посад или поверстаться в казаки. Сибирский труженик почти всегда скрывал от налогового обложения часть своих доходов с пашни и ремесленно-промысловых занятий. Его феодальная зависимость была несколько смягченной по сравнению с повинностями населения центра страны.

Казачество

Это категория служилых людей в Сибири конца XVI-XVIII века. На первом этапе русской колонизации Приенисейского края они с членами семей в 1710 году составляли 32,8 процента русских (более 9 тысяч обоего пола). По штатам до подушной ревизии 1722-1724 годов казаки являлись самой крупной группой во всей Восточной Сибири (1559 верстанных). Их занятия и социальное положение были во многом противоречивыми. Служилые люди, как тогда называли казаков, одновременно являлись и воинами, и чиновниками, и работными людьми. Они бились, не щадя жизни, на стенах острогов, несли караульную службу, «тайгами и степными сакмами» ходили походами на «немирные землицы», собирали ясак, по году маялись на гарнизонной службе в отдаленных острожках, часто бывали в дальних приграничных дозорах и караулах. Годовальщики вместе с посадскими казаками на городском торгу и по уездным заставам собирали таможенные пошлины с проезжих и местных торговых людей, в качестве приказчиков надзирали за пашенными крестьянами, отводили поселенцам пахотные и сенокосные угодья. Казакам



Рукопись «О начале проименования козаков откуда казаки наречены и от коего племени и рода». Библиотека Московской духовной академии

приходилось сидеть в воеводской канцелярии писчиками, счетчиками «товарной и денежной казны», толмачами, быть у «оценки пушной казны», закупать для казенных нужд различные припасы и «хлебный провиант», отвозить собранные деньги и пушнину в Москву, конвоировать ссыльных и ловить беглых. Нередко они откладывали в сторону пищаль, копье и саблю и брались за топор, тесло или весло, чтобы обновить или заново срубить городские укрепления, навести мосты, «изладить» дощаники, карбасы, паузки и лодки, сплавить лес, соль или хлеб.

Им же приходилось обслуживать казенные мельницы, кузни, городские часы, проезжие ворота, настенную артиллерию и выполнять другие «службы». За все это шло скудное «государево жалованье». Пешему казаку в год полагалось 5 рублей денег, чуть больше полутора пудов соли и по 40 пудов ржи и овса. Конному казаку выдавали на 10-20 пудов хлеба и на 2 рубля 50 копеек больше. Эти денежные оклады и хлебный паек нередко существовали на бумаге, так как и казна, и воеводы выдавали жалованье нерегулярно и не в полном объеме. Естественно, что в таких условиях казаки и члены их семей обращались к промыслам, торговле с ясачными, ремеслу и хлебопашеству.

Так, из рапорта сына боярского К. Хворова в Тобольск в 1668 году видно, что «...енисейские служилые люди как и монастырские крестьяне и посадской человек Иван Соловар по Тасееву и по Усолке пашни на себя пашут и соль варят и слуду копают и железо делают».

Казачья верхушка стремилась стать дворянами-крепостниками с правом безусловного распоряжения людьми и землей. В крае широко бытовали купля-продажа «ясыря» — пленных, закабаление бедняков, различные сделки с землей. Рядовые же казаки по своему положению были близки к крестьянам и посадским людям. Многие из них и по сословному происхождению были из этих трудовых сословий.

До конца 1670-х годов верстание осуществляли воеводы по уездам, а утверждал Сибирский Приказ. Из-за нехватки людей в казаки зачисляли нередко всех желающих, невзирая на их сословное происхождение. Этим нарушался общесословный принцип наследственной принадлежности каждого к своему сословию, который четко был провозглашен Соборным Уложением 1649 года. Значительное по масштабам верстание в ка-



заки проводилось в Приенисейском крае в годы повышенной военной опасности и при строительстве новых важных острогов в 1660-1680-е годы; при строительстве Абаканского (1707 г.) и Саянского острогов (1717-1718 гг.). Узкосословный принцип пополнения казачества стал последовательно проводиться после податной реформы 1717-1724 гг. С 1728 года казачьи ряды могли пополняться только за счет детей верстанных, то есть находящихся в штате служилых людей.

Посадские люди

Формирование посадского населения в Сибири шло с серьезными отступлениями от Соборного Уложения 1649 года. В посадские общины городов края записывали главным образом по желанию. Были случаи принудительного включения в посад. Роду занятий и прежней сословной принадлежности не придавали особого значения. Многие посадские жили по деревням и селам, занимались земледелием, скотоводством, различными промыслами. Только в Енисейске посад составлял около 50 процентов всех городских жителей. Многочисленным посадским людям, всего 2,9 тысячи, было крайне тяжело нести всевозможные «государевы службы».

«Живем мы, сироты твои, в Енисейском остроге в посадских жильчишках не в давних лет, а иные, государь,

Казак.

Из альбома "Description ethnographique des peuples de la Russie" («Этнографическое описание народов России» Ф.Х. Паули, на французском языке, 1862 г.)

Казачьи окружают всю азиатскую часть Российской империи наподобие крепостного вала, образуя почти неразрывную линию длиной 10 тысяч верст, от Охотского моря до Кавказа и Дона. Они представляют собой особую, крайне специфическую часть русской народности. Стечение обстоятельств, в большей мере внутренних, чем внешних, решительно разрушивших первоначальный уклад жизни, послужило причиной возникновения этой группы, которая сформировалась в процессе борьбы с татарами. Донские казаки, как и запорожские, делятся в нравственном отношении на две группы: собственно казаки и бедняки (гольтьба, как они именуются в народных песнях). Среди этих последних множество беглых великороссов. Это среди них Разин набирал себе наиболее преданных сподвижников и формировал из них свои яростные и неустрашимые отряды.



Остяк.
Из книги Н. Витсена.
Остяки занимали
левобережье Енисея
между Сымом и Кемью

вновь записываются в посадское житие. И живучи в посаде мы, сироты твои, в Енисейском остроге на посаде твои государевы службы служим в съезжей и таможенной избах и у пятинново выдельново и у покупного хлеба и у мельниц и у твоей государевы новой соляной пошлины и у табашной продажи в Енисейском и в отъезде на Красном Яру и всякие службы служим и оброку с себя в твою государеву казну в съезжей избе по окладу платим. И у которых из нас пашнишка есть и мы... с тех пашнишек платим в твою государеву казну хлебом пятын сноп... Да мы же... из Маковского острожка в Енисейский острог твои государевы хлебные ленские и енисейские и красноярские запасы, и из Енисейского острогу до Маковского острожку под твои государевы ленские и енисейские и красноярские соболиными казнами и под воевод во все стороны взад и вперед волок через верст 100 и больше возим с пашенными крестьяны вместе и зимой и летом безпереводно».

Челобитная енисейских посадских в Москву. 1648 г. // РГАДА. Сибирский приказ (ф. 214). Стб. 289. Л. 156.

Ясачные люди

Нерусское население края, став подданным Российскому государству, должно было платить ясак. Он был главной формой эксплуатации. С каждо-

го мужчины от 18 до 50 лет взимали от одного до 12 соболей. Размеры ясака в XVII веке зависели от степени покорности местных племен. Обитатели ближних к русским поселениям улусов сами привозили ясачную пушнину. В дальние места посылались особые ясачные сборщики. Чтобы обеспечить регулярное поступление ясака, правительство прибегало к политике кнута и пряника. С каждого крупного улуса — племени из знатных «родовичей», брали аманата-заложника. Аманатов содержали под стражей в особых «аманатских избах». Если улус вносил ясак не полностью, нерегулярно или совсем выходил из повиновения и становился «немирным», то аманата из этого улуса морили голодом, а иногда и убивали.

Вместе с тем центральная власть запрещала сгонять ясачных с их земель, пыталась пресекать злоупотребления при ясачном сборе, предписывала не вмешиваться во внутреннюю жизнь коренного населения. Мало того, воеводы старались поверстать в служилые люди часть знатных «инородцев». В конце века в крае было до 50 казаков из «сибирских татар». Ежегодно во время сдачи ясака в конце декабря — начале января ясакоплательщикам устраивалось специальное угощение. В целом ясачные, как и русский трудовой люд, вошли в разряд феодально-зависимого от казны населения.



Сдача ясака ценной
пушшиной и рыбой.
Рисунок из летописи
С.У. Ремезова

Воеводское управление

По мере присоединения края на его территории выделались сначала Мангазейский, затем Енисейский и Красноярский уезды. До второй половины XVII века они подчинялись Томскому разрядному городу, а затем Енисейску. Управлял огромной территорией уезда и его населением присылаемый из Москвы воевода. В штат воеводской канцелярии входили также «письменные головы», подьячие, писчики. Различные счетчики, целовальники, сборщики, старосты, приказчики и комиссары выбирались казаками, посадскими и крестьянами, но утверждались воеводой. Каждый уезд делился на несколько присудов во главе с приказчиком из казачьих старшин.

Центральное правительство считало Сибирь своей особой казенной вотчиной. Земли в ней помещикам не раздавались. Имущей и служебной верхушке сибирского общества не разрешалось иметь крепостных людей и скупать земли. Все доходы от богатейшей Сибири центральная власть стремилась получать сама. Поэтому сибирский воевода не только занимался текущим управлением в уезде, отвечал за сбор налогов, поступление ясака, несение натуральных повинностей, ведал служилыми людьми, осуществлял суд и расправу. В отличие от российских воевод он выступал в Сибири в роли доверенного приказчика казны как коллек-

тивного помещика-крепостника, который силами пашенных крестьян вел значительное сельскохозяйственное хозяйство, а руками посадских и казаков занимался винокурением, кузнечным и мукомольным производствами, торговлей и даже различными промыслами.

Вдали от центра такие широкие функции воевод приводили к разнузданному произволу и насилию. Не помогали почти ежегодные смены воевод, строгие «розыски», поощрение челобитчиков, штрафы и служебные начеты. Так, в челобитной красноярских служилых людей на своего воеводу Герасима Никитина в 1668 году говорилось: «У кого что у нас сведав, оружие доброе, пищади и платье мужское, и с жен наших с шеи ожерелье и серьги из ушей и платье, и кони, и рогатый скот, и коровы, и быки, и бараны, приметався бедами, всякие животы грабил».

Социальные конфликты

Сибирские труженики представляли собой во многом вооруженный народ, который активно противодействовал крепостническим замашкам приезжих и доморожденных администраторов и богатеев. Они стремились жить по принципу «вольный человек на вольной земле», право на которую обусловлено своим трудом.

Труженики боролись, как умели и как могли. Наиболее распространенными формами социального протеста были са-



В застенке приказной избы. пытка на дыбе

*«Встреча воеводы».
Репродукция картины
красноярского художника
К.И. Матвеевой*





Василий Иванович Суриков,
русский художник

СУРИКОВЫ, старинный казачий красноярский род, из которого вышел гениальный русский художник В.И. Суриков. По данным С.Н. Мамеева, его предками были, начиная с 1695 года, прапращур Илья, десятник; пращур Петр Ильич, казак; прапрапрадед Василий Петрович, отставной казак (1698-1776); прапрадед Петр Васильевич (1728 – после 1775), пятидесятник; прадед Иван Петрович (1762-1846), отставной пятидесятник; дед Василий Иванович (1786-1836), сотник и атаман казачьей команды; отец Иван Васильевич (1806-1859), коллежский секретарь. Последний после окончания Красноярского уездного училища с 1829 года – писец канцелярии общего губернского управления, был смотрителем красноярских богоугодных заведений, служил в уездном земском суде и губернской казенной палате. В 1854 году получил место в акцизном управлении в Сухобузимской дистанции Красноярского округа, куда переехала и вся семья. Мать художника, Парасковья Федоровна (1818-1895), была второй женой Ивана Васильевича. Происходила из старинного, с XVII века в Красноярске, казачьего рода Торгашиных.

В.И. Суриков.
Красноярский бунт,
1695-1698 гг.
(эскиз)

мовольные переселения, бегство, подача жалоб, отказ от несения повинностей, открытое неповиновение властям, уход в раскол. Резкое недовольство местными властями нередко выливалось в вооруженные выступления. Крупных движений типа крестьянской войны под руководством С. Разина в Сибири не было. Трудовое население было разобщено на сословия с их мелкособственническими интересами. Да и жили многие сибиряки относительно лучше своих российских соотечественников.

В Приенисейском крае с его многочисленным казачеством (каждый второй был из служилых) население довольно часто бралось за оружие. Настоящее восстание произошло в мае 1626 года в Енисейске. Служилые люди под начальством атамана Василия Алексея уклонились от похода на «немирного» тунгусского князя Тасея.

«Они круг завели и запись меж себя одиначную написали и руки к записи приложили и крест меж собою целовали, что им ево Ондreja в чем не слушать и под суд не даватца. И в съезжую избу приходили с шумом и ево лаяли и за бороду драли и хотели убить... и торговых и промышленных людей били не в одно время».

Из донесения енисейского воеводы Андрея Ошанина о восстании казаков // Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 237-238.

Через три года после основания Красноярска из-за несвоевременной доставки хлеба казаки убили атамана Ивана Кольцова и даже пытались ворваться в Енисейск, убить тамошнего воеводу и захватить продовольствие. Несколько месяцев в 1630-1631 годах восстание казаков и промышленников в Мангазее и Туруханске. В уездном центре даже велась перестрелка между противниками кругого и корыстного воеводы Кокарева и его сторонниками.

Красноярское восстание

Самым длительным в истории Сибири вооруженным восстанием была так называемая властями Красноярская шатость 1695-1700 годов.

Казаки, поддержанные частью посадских и некоторыми ясачными, отказали от воеводства «лихоимцу» Алексею Башковскому и послали выборных в Москву просить хорошего воеводу. Но им назначили родного брата Алексея — Мирона. Выражая общее мнение, казак Игнатий Ендауров сказал прибывшему Башковскому, который призывал не бунтовать по примеру Разина: «Степан де Тимофеевич пришел на князей и на бояр, и на таких же воров, каков и ты, Мирон».

В ходе движения красноярцы не приняли еще двух воевод. Воеводы долгие месяцы сидели в осаде. Одного из них, Семена Дурново, чуть не убили. Восстав-



шие драли его «за волосы и под бока и по щекам били», затем посадили в наполненную до половины камнями крытую лодку и оттолкнули ее от берега. Красноярцы «пересылались» с другими острогами Сибири, где в те же годы также происходили восстания. Только при многоопытном, умном Мусине-Пушкине, фактически оправдавшем красноярцев, обвинив своих предшественников «во многих неправдах», восстание прекратилось.

Длительное время город и уезд были во власти восставших. Выбираемые на общих сходах доверенные «судейки» судили, собирали налоги, оброчный хлеб, ясак и таможенные пошлины, назначали приказчиков. Велось делопроизводство. В столицу отправлялись собранные казенные суммы и пушнина. Среди руководителей движения заметную роль играли дети боярские Еремеевы, атаманы Тюменцов и Михаил Злобин, пятидесятники Петр Муруев и Ларион Ростовцев, десятник Тимофей Потялицын. Из рядовых казаков выделялись Федор Чанчиков, Петр и Илья Суриковы, Артемий Смольянинов и Данила Старцев.

Это обычное для феодализма народное движение, как видим, не осмысливалось его участниками как борьба против всей феодальной системы эксплуатации и власти. Они выступали лишь против ее крайностей и злоупотреблений на местах. Однако безмерный произвол и беззаконие были органичными признаками

феодального управления. В целом, если подойти с позиции научной абстракции, социально-экономические отношения в крае, как и во всей Сибири, характеризовались многоукладностью. Многочисленные холопы и пленные находились еще в архаичной этнической и рабской эксплуатации. Кабальные люди оказывались в частнокрепостнической зависимости от служилой и имущей верхушки. Уклад государственного крепостничества олицетворяли пашенные крестьяне, они подвергались наиболее жесткой эксплуатации со стороны местных властей, владели и пользовались учтенными земельными угодьями. Оброчные крестьяне и посадские люди имели большую свободу хозяйственной деятельности и территориальных передвижений, представляли уклад черносошного феодализма.

Ясачные люди в основном сохраняли свой прежний патриархально-родовой уклад. Их племенная верхушка еще в очень незначительной степени сливалась с русскими социальными и имущественными верхами. Вместе с тем почти все хозяйственно-самостоятельное русское трудовое население (более 90 процентов) имело утаенные от феодального тягла угодья, которые оказывались в их частной собственности трудового типа. Это сделало их носителями мелкокрестьянского уклада. Богатая же верхушка трудового населения, имея холопов и кабальных людей, являлась по сути своей низовыми черными феодалами.

ЗЛОБИНЫ, влиятельная фамилия среди служилого населения Красноярска в XVII-XVIII веках. Родоначальник – атаман Дементий Злобин, прибыл вместе с А.А. Дубенским и являлся одним из основателей Красноярска. После смерти Дементия его должность унаследовал сын Михаил, который до конца XVII века играл значительную роль в жизни города. Он удостоился избрания в «судейки». Во время первой красноярской шатости в его доме собиралась «дума» восставших, в которую входил его сын, казачий атаман Иван, один из самых активных руководителей движения. В XVIII веке Злобины остались в составе красноярского казачества, но свое место среди старшины утратили. В настоящее время в Красноярском крае живут многочисленные потомки Злобиных.

«Расправа с воеводой».
Репродукция картины
красноярского художника
Д.И. Каратанова



Материальная и духовная культура русского населения Сибири развивалась как своеобразная часть общерусской культуры. Выходцы из всех районов страны стремились возродить на новом месте свой привычный хозяйственно-бытовой уклад жизни. Сибирские условия и время отобрали самое полезное и нужное. Ведущим стал северорусский тип культуры, так как переселялись главным образом из Поморья. Заметно повлияли на культуру работа и жизнь бок о бок с коренным населением, смешанные браки.

КУЛЬТУРА И БЫТ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Материальная культура

Русские ставили рубленные одним топором избы на высоких жилых или хозяйственных подклетах. Нередко две ее жилые камеры (половины) разделялись сквозными сенями. Устроенные в верхних венцах сруба небольшие слюдяные оконца, подклет и высокая крутая крыша придавали избе сходство с небольшим укреплением. В приполярных районах края жилые и хозяйственные постройки располагались в одну линию под одной крышей. Кроме таких жилых зимовьев ставились небольшие отъезжие зимовья с очагами из дикого камня. Жилой дом и хозяйственные постройки, окруженные высоким забором, составляли двор. Его обитателями чаще всего были члены большой неразделенной семьи с женатыми сыновьями и братьями хозяина. Таким в 10-25 человек коллективам легче было справляться с трудностями первичного освоения края — поднимать

целину, расчищать лес под пашню, заниматься различными промыслами и ремеслами, нести повинности казне. В разработке новой пашни, строительстве и эксплуатации мельниц и солеварен, уборке урожая и в других занятиях несколько дворов объединяли свои усилия. Населенный пункт с церковью назывался селом.

Села и деревни нашего края были малодворными. Только вокруг порубежного Красноярска располагались крупные укрепленные селения в несколько десятков дворов (с. Есаулово, Частоостровское и др.).

Материальный быт жителей края имел свои особенности. Чаще, чем в европейской части России, они носили меховую одежду, шапки, обувь, рукавицы, хлопчатобумажные и шелковые рубахи, платки, сарафаны. Больше ели рыбы, дичи, меньше пользовались глиняной посудой. Интересные факты о бытовом укладе дает первое кладбище русских в Красноярске. Оказывается, первые красноярцы были не выше 165 сантиметров. Дети умирали в три раза чаще взрослых. По состоянию костей видно, что из болезней свиреп-

Оловянная посуда
XVII в.



Сундук

ствовали из-за отсутствия полноценного питания цинга, а также сифилис. Деформированные скелеты также свидетельствуют о непомерных физических нагрузках красноярцев.

Духовная культура

Сибиряки как часть русского народа формировались из вольных переселенцев и землепроходцев. В большинстве своем это были люди предприимчивые, смелые, энергичные, любознательные. Такими же были многие ссыльные. Их число в Сибири в «бунташном» XVII столетии все возрастало.

Грамотность в крае была несколько выше общероссийского уровня. Немало грамотных людей обучали детей на дому. На енисейском рынке пользовались спросом бумага, богослужбные и «учительные» книги. Из сочинений историко-географического характера енисейцам были известны «Хождения Трифона Коробейникова и Василия Гагары», повести о Мамаевом побоище, Темир-Аксаке (Тамерлане) и взятии Царьграда. Читалась и местная сибирская литература, например, написанная, вероятно, в Томске «Повесть о Таре и Тюмене». Есть известия, что в Енисейске и Туруханске велась летопись.

Жители края обладали развитым практическим кругозором. Казаки и промышленники прекрасно знали географию, растительный и животный мир края и со-

седних крупных районов, племенной состав, язык и обычаи сибирских народов. Составленные землепроходцами сказки и чертежи «неизвестных» ранее мест содержат ценнейшие сведения по истории Сибири того далекого XVII века.

Много выдающихся географических открытий на счету у русских первооткрывателей берегов Енисея. Так, Хабаров, Атласов, Поярков, Москвитин и многие другие знаменитые землепроходцы были енисейскими казаками.

Из богатейшей кладовой природных богатств края использовали каменный уголь, слюду, графит, железные руды. В лечебных целях широко применяли волчью траву, зверобой, сосновую хвою, черемшу, девясильник, березовые почки, малину, шиповник, белену, «лиственную губу». От китайцев узнали о лечебных свойствах ревеня.

Любили на берегах Енисея былины, исторические песни о взятии Казани, Ермаке, Степане Разине. Очень популярны были «потешные действия» народных певцов и актеров-скоморохов. По выражению церковников, по вечерам устраивались «бесовские игры», во время которых «рядились в хари», пели песни, плясали и «в ладони били». В середине века тобольский архиепископ жаловался в Москву, что в Сибири «умножилось всякого беззакония, в том числе умножилось скоморошества и всяких игр бесовских и кулачно бою и на качелях качаютца



Икона
XVII в.



Птица Феникс



Слюдяное окно
XVII в.

Библия
XVII в.

и иных всяких неподобных дел умножилось много».

Многие увлекались шахматами, лыжным катанием с гор, «шаром и мечем и бабками и городками и сахардою и свайкою», борьбой, конными скачками. Зимой, особенно в святочные праздники и на Масленицу, любимым развлечением было катание на коровьих шкурах или на деревянных катках со специальных ледяных гор и просто с крутых берегов рек.

О Приенисейском крае XVII века, его прекрасной природе и людях, их обычаях и нравах писали многие выдающиеся

ученые и первые писатели того времени. Это и один из вождей русского раскола, писатель-борец протопоп Аввакум, и ученый-путешественник, молдаванин Спафарий Милеску, и иностранцы на русской службе Исбрант Идес и Адам Бранд. Так, ученый-путешественник Спафарий писал боярину А. Матвееву об Енисейском уезде в 1675 году: «Енисейская страна вльми хороша, будто Волоская земля. А река Енисей будто Дунай, самая веселая и великая. И дал бог изобилие всякое, хлеба много и детей и иное всякое довольство и многолюдство».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приход русских на Енисей — один из важных этапов русской колонизации Сибири. Он был обусловлен поступательным развитием позднефеодального единого Российского государства. В этом процессе одновременно участвовали две социально противоположные силы — народ и правительство.

Русский человек издавна в хозяйственных целях разведal дорогу в Сибирь. С оформлением в основных чертах крепостного права в стране самовольный уход населения стал массовым. Стремясь освободиться от крепостнической петли, труженик жаждал обрести в Сибири «Беловодье», где живут по принципу «вольный человек на вольной земле». Однако феодально-крепостническое государство устремилось вслед за мужиком. Казна рассчитывала получить больше доходов за счет ограбления трудящихся и хищнического использования богатейших природных ресурсов. Это позволило бы содержать более разветвленный централизованный аппарат насилия и усилить крепостнические порядки на всей государственной территории.

Постоянное противоборство феодального и вольнонародного начала проходило по всей истории русского освоения Сибири. Там же, где вольнопоселенцы встречали вооруженное сопротивление, правительственные меры, как это было и в нашем крае, создавали условия для русского освоения этих районов.

Придя в Сибирь, русские коренным образом изменили ее дальнейшую судьбу, судьбу нашего края. Несмотря на колониальный подход царизма к народам и богатствам Сибири, русская Сибирь не превратилась в колонию. Русские труженики принесли с собой прогрессивные производящие формы хозяйства. За полтора столетия к началу XVIII века землепашцы подняли огромные площади сибирской плодородной целины. Выросли города, развились десятки ремесел, расширилась и углубилась торговля.

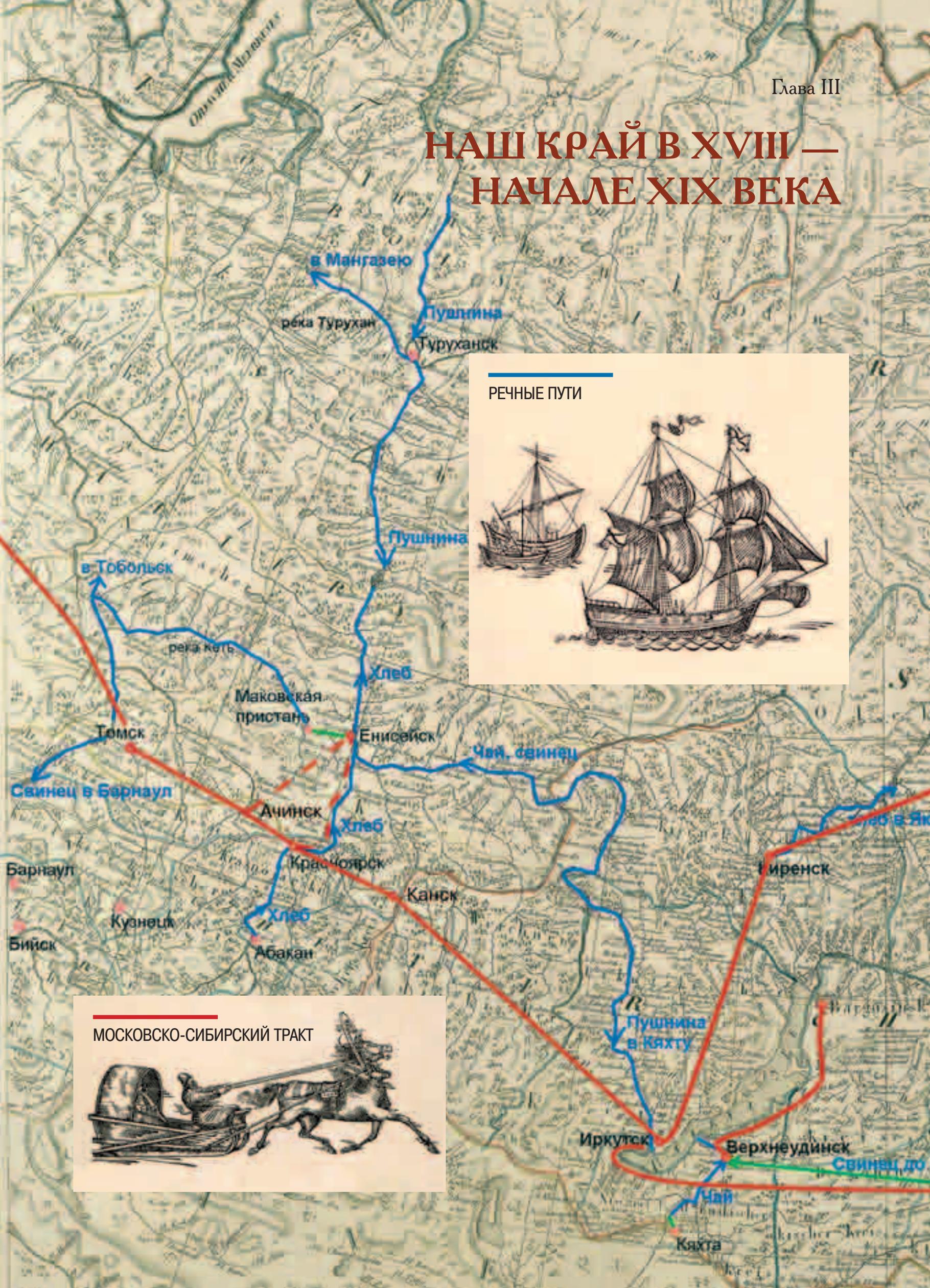
Коренное население стало воспринимать более высокие формы материальной и духовной жизни. И русские,

и нерусские труженики подвергались эксплуатации со стороны феодального государства. Их правовое положение и отношение к земле были примерно одинаковыми. Ясак был даже несколько легче крестьянского и посадского тягла. Поэтому с появлением русских в Сибири коренные ее обитатели не стали вымирать, как это случилось в колониях западноевропейских государств в Америке и Индии. Их численность в целом неуклонно возрастала, а темпы общественного развития убыстрились.

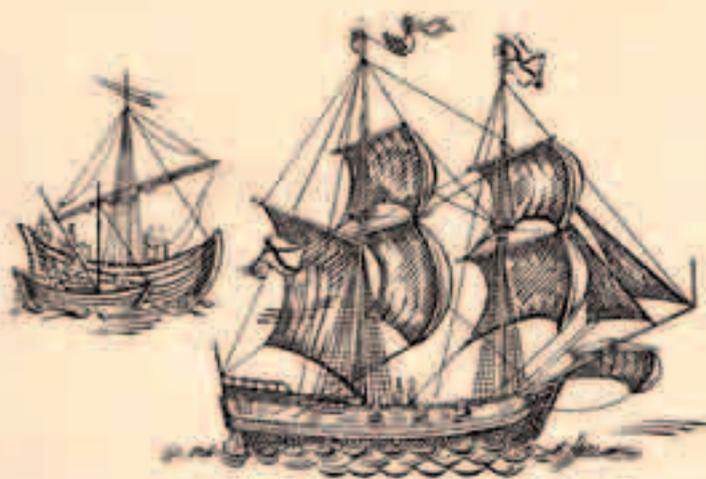
Вместе с русскими тружениками ясачные «черные мужики» составляли единый лагерь в борьбе с феодальными властями и местными городскими и сельскими мироедами и торговцами.

В нашем крае, как и во всей Сибири, за исключением территории Алтайского и Нерчинского горнозаводских кабинетских округов, установился, по сравнению с Европейской Россией, черносошный феодализм, не переросший в крепостничество. Второстепенную роль играли другие типы социально-экономических отношений, или укладов: казенное крепостничество, частно-помещичий, патриархально-родовой у ясачных и мелкокрестьянский у тружеников, избежавших контроля со стороны властей. Другие особенности первичной колонизации, такие как более развитая торговля, высокий удельный вес членов торгово-ремесленных сословий, слабость и нечеткость сословных рамок, свобода территориальных перемещений и хозяйственной деятельности, создавали иллюзию, что восточная сибирская окраина России развивалась быстрее крепостнического центра, что уже в XVII веке можно говорить о возникновении капитализма в Сибири. Однако следует учитывать, что экономика старожильческих районов все более тяготела со временем к натуральности, что консервировались более архаичные, но в сибирских условиях наиболее эффективные трудовые приемы в агротехнике, ремеслах, промыслах, типах производственных коллективов, семейном строе, во всем хозяйственно-бытовом укладе. Многочисленные же ссыльные являлись в основном контингентом принудительных работников, часть которых со временем тоже становилась самостоятельными хозяевами.

НАШ КРАЙ В ХVІІІ — НАЧАЛЕ ХІХ ВЕКА



РЕЧНЫЕ ПУТИ



МОСКОВСКО-СИБИРСКИЙ ТРАКТ





Петр I Великий, первый российский император

Недоброжелатели веками твердят об имперских амбициях России, ее агрессии в отношении к соседям. Мол, это объясняет наличие самого крупного в мире Российского государства, тюрьмы народов, в котором Сибирь является колонией. В настоящее время под влиянием глобальных экологического и экономического кризисов и распада СССР глобалисты пытаются лишить нас львиной части Арктики. Договорились даже до того, что Сибирь является собственностью всего человечества и подлежит разделу. Между тем отрицают очевидное: Сибирь не источник сырья, дешевой рабочей силы и рынка сбыта. Еще Радищев в конце XVIII века писал, что «везде, где ступал лапоть русского мужика, везде в ледяной пустыне закипала жизнь». Так, экономика края к началу XIX века шагнула далеко вперед, пахотный клин составил до 1 миллиона десятин. Появились металлургические и винокуренные заводы, умножились ремесла. Самый протяженный в мире Московско-Сибирский тракт меридианально связал всю хозяйственную территорию края, стянул на себя значительную часть товарооборота с водно-сухопутного Обь-Енисейского пути.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КРАЯ

Заселение

Первая на математической основе карта Приенисейского края, выполненная Ф.И. Таббертом (фон Страленбергом) в 1720-1721 гг. в Красноярске

С приходом мирной жизни на берега Среднего и Верхнего Енисея начинается передвижение населения к югу. Направление переходов определяла речная система Енисея. В середине века в Хакасско-Минусинском районе насчитывалось уже до 50 русских сел и деревень, в том числе Новоселово (1721 г.), Балахта (1735 г.).

По верхнему Чулыму, Сыде, Тубе и Большому и Малому Кемчугам русские деревни перемежались с юртами и становищами ясачных людей.

Стал обживаться Московско-Сибирской тракт, трасса которого проходила через Ачинск — Красноярск — Канск — Тайшет. К 1747 году на нем насчитывалось 30 деревень, станций, станков и зимовий, где жило 500 семей. С почтовых станций и станков началась история городов Уяра и Иланска (1741 г.).



Название «Карта мест между Томском и Удинском острогах» дано архивистом. Пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, спутник Д.Г. Мессершмидта, был в крае в 1720-1722 гг. Вернувшись на родину, он издал в 1730 году книгу «Северная и восточная части Европы и Азии», из которой Европа впервые получила реальные сведения очевидца о Сибири. За заслуги Табберт получил титул барона. Его потомки живут до сих пор

Расширился район русского расселения на нижней Ангаре, по Кети, Кеми и нижнему Чулыму. На приенисейском Севере коренные зимовья промысловиков в устьях Пясины, Таймуры и Хатанги вышли на побережье Ледовитого океана.

Среди населения в связи с Северной войной появились даже пленные шведы. После неудачной попытки побега на родину из Казанской губернии они были поселены в Сибири в 1711-1721 годах. Их разместили на жительство в 22 сибирских городах, в том числе в Енисейске, Красноярске и Туруханске. В Енисейске находился до начала 1722 года адъютант шведского короля Карла XII генерал Каннифер.

Петр I стремился удержать пленных шведов в России. Они имели право вступать добровольцами в армию и местные казачьи команды. Ежегодно шведы получали «кормовые» деньги, при этом имея разрешения на денежные переводы с родины. Более того, жены и дети шведов получили возможность воссоединиться со своими отцами и мужьями и приехать в Россию. Если же по каким-то причинам этого не происходило, шведы имели право жениться на сибирячках, даже сохраняя протестантскую веру.

Шведы занимались ремеслами, торговлей и даже обучением детей. Трудно сказать, сколько шведов осело в нашем крае, но их потомков встречали даже в конце XIX века. По преданию, известная в Красноярске фамилия Кузнецов имела шведские корни.

Уезды	1722 год		1747 год	
	Селений	Душ мужского пола	Селений	Душ мужского пола
Туруханский	102	1250	160	980
Енисейский	120	10 722	190	13 157
Красноярский	65	6805	128	8814
Итого	287	18 777	478	22 951
В том числе горожан, %	3	21,6	3	17,2

По темпам роста населения Красноярский уезд вышел на первое место в крае. Всего в середине столетия вместе с вольными пришлыми и ссыльными в крае насчитывалось свыше 48 тысяч русских и до 480 населенных пунктов. За счет естественного прироста увеличилось и местное ясачное население. Часть его из бассейнов Бузима, Арея, Малого и Большого Кемчуга перешла на юг в междуречье Белого и Черного Июсов, в бассейны Уйбата и правобережья Абакана.

К концу XVIII века первые русские деревеньки, пашни и сенокосы подступили к подножию Западного Саяна (ныне территория Саянского, Каратузского и юга Шушенского районов). Активно заселялись приречные долины Белого Июса, верхнего и среднего Чулыма и его междуречья с Енисеем (территория Балахтинского, Ужурского и Шарыповского районов). Зона смешанного русско-хакасского расселения сильно расширилась. Возросли хозяйственные и культурные связи. В каждой пятой де-

Таблица 3.1
Динамика численности русского населения 1722-1747 гг.



Шведский король Карл XII (1682-1718 гг.). Последний монарх в Европе, погибший на поле боя. Он считался видным полководцем и лучшим в Европе фехтовальщиком

Карта ямских и почтовых путей, учрежденных при Петре Великом и его преемниках до Екатерины II. Прямого пути от Томска до Енисейска не было. Ямская гоньба доходила до Боготола, далее по Московско-Сибирскому тракту ездили на обывательских подводах. Из Красноярска до Енисейска в 1760-х годах учредили особую дорогу с семью станциями





Самоед и остяк.
Из книги И.Г. Георги

ревне юга края хакасы жили вместе с русскими. По сравнению с серединой века в Хакасско-Минусинском районе русское население увеличилось в четыре, а число селений — в 3,5 раза. Среди пришлых больше всего было выходцев из Енисейского уезда, которые по мере «выпашки» земель усиливали движение на свободные южные земли.

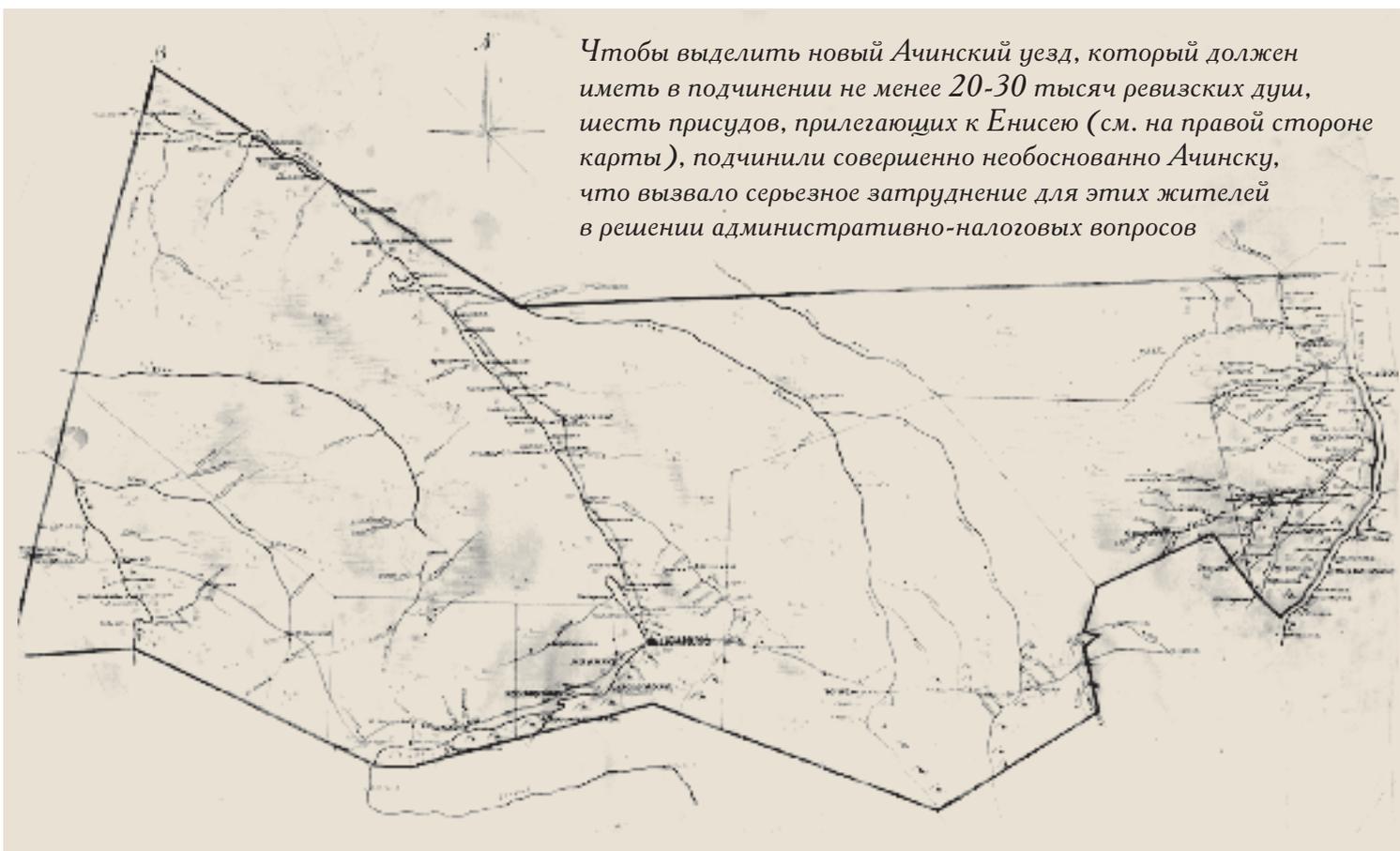
К этому времени сложилось основное население в полосе Московского тракта. Власти в этом сыграли видную роль. К концу века на главном сухопутном пути края было до 90 населенных пунктов и до 9,5 тысячи душ мужского пола. Среди них насчитывалось около 5 тысяч поселщиков. Это помещичьи крестьяне, которых на основе указа 1760 года владельцы отправляли на поселение в Сибирь. За мужчин с 18 до 45 лет помещики получали рекрутскую квитанцию, за членов их семей — денежную компенсацию. За подростков с 8 лет и пожилых мужчин до 60 лет казна выплачивала по 10 рублей за каждого, за прочие души мужского пола — по 5 рублей, за лиц женского пола полагалась половинная сумма. В Приенсейский край в 1760-1790-е годы поступило более 20 тысяч поселщиков. Основная их масса была размещена на трассе Московско-Сибирского тракта от

Боготола до Нижнеудинска и стала костяком постоянного населения притрактовой полосы. Посельщики были первожителями Балая, Чернореченска, Боготола, Уяра, Иланска, Тайшета и др. Часть поселщиков оказалась на станциях и станках тракта из Енисейска в Красноярск, а также в районе Ирбинского железодельного завода.

Процесс обустройства на новом месте протекал тяжело. Многие поселщики были насильно разлучены с семьями. Часто нарушалось требование, чтобы прежние владельцы снабжали поселщиков средствами существования на полгода. Нередко поселщики страдали от произвола местной казачьей старшины.

В начале XIX века пошла новая волна ссыльных. В 1802-1819 годах по тракту от Канска до Тулуна разместили до 2,8 тысячи ссыльных. Они должны были сами строить себе дома под надзором казаков. В целом же Красноярский уезд вобрал в себя более половины жившего в крае русского населения.

Выходцы из старожильческих нижеенсейских присудов и волостей продолжали осваивать притоки Ангары: Тасево, нижнюю часть Бирюсы и Ону (территория Тасеевского, Дзержинского, Абанского, Рыбинского, Кежемского и Богучанского



КАРТА АЧИНСКОГО УЕЗДА из Атласа Тобольского наместничества, 1788 г., по данным 1784 г.
Публикуется впервые

Уезды	1762 год		1795 год				1820 год	
	Русские, душ мужского пола	Ясачные плательщики	Селений	Русские, душ мужского пола	Юрты	Ясачные плательщики	Селений	Душ мужского пола
Туруханский	840	2500	148	900	144	3800	125	1000
Енисейский	14 800	1100	303	15 600	120	1200	200	11 400
Красноярский	12 000	2300	413	26 700	104	3600	326	30 100
Итого	27 600	7900	864	43 200	368	8100	651	42 500

Таблица 3.2
Динамика численности населения края

районов). Но общая численность русских во всем Енисейском уезде увеличилась ненамного. Это не только результат вольных переходов в другие места. Около 5 тысяч енисейцев правительство переселило на алтайские и нерчинские казенные заводы, на южносибирские оборонительные линии и к Московско-Сибирскому тракту. Правительство брало отсюда людей, так как уезд перестал быть крупным поставщиком хлеба и главной дорогой в Восточную Сибирь. В среднем неизменной оставалась численность русских в низовьях Енисея и на Таймыре. Основные промысловые угодья там уже были давно освоены, а крайне суровый климат отпугивал вольных переселенцев.

Среди поселыщиков находились и польские конфедераты. Так, в июне 1771 года партия поляков в количестве 146 человек прибыла в Красноярск. Конвой со-

стоял из восьми солдат и двух капралов во главе с капитаном Иркутского полка Донским. В дальнейший путь отправили только двенадцать человек. На нужды партии капитан получил 537 рублей 38 копеек, в том числе кормовых 350 рублей 14 копеек, на «случайные» расходы — 30 рублей, да на «прогоны», то есть оплату 16 недельных подвод, — 157 рублей 44 копейки из расчета на каждого человека по деньге и по деньге же на каждую версту. Конфедератов разместили по уезду, в том числе в самом Красноярске оставили 73 человека. На них провиантский комиссар Артамонов на июнь получил кормовых денег 79 рублей 20 копеек. К ноябрю в городе осталось 11 человек, судя по тому, что именно на это число «пленных конфедератов» получил 6 рублей 60 копеек кормовых денег сержант местной комендантской канцелярии. Поляки обслуживали перевоз



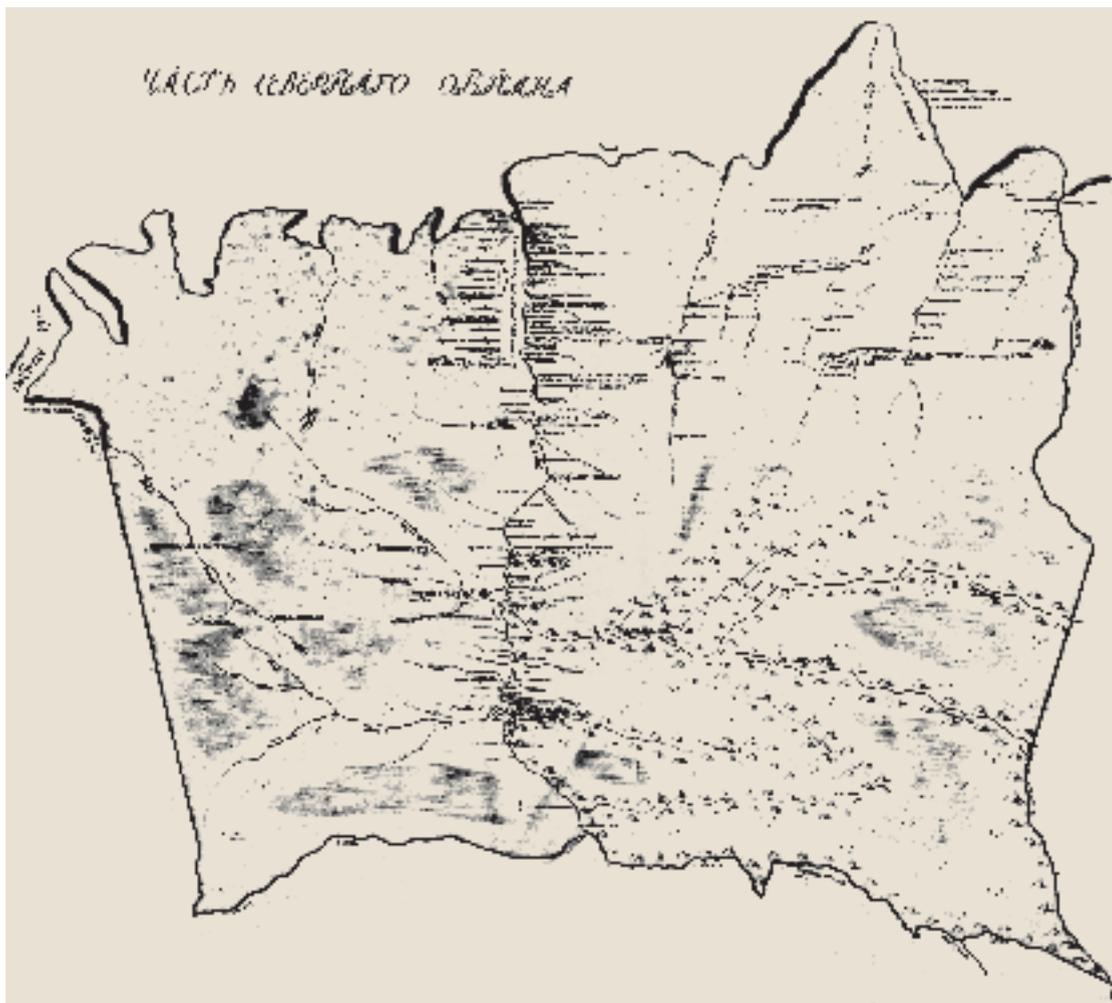
Поляк.
Из книги И.Г. Георги



Карта Туруханского уезда из Атласа Тобольского наместничества, 1788 г., по данным 1784 г. Публикуется впервые

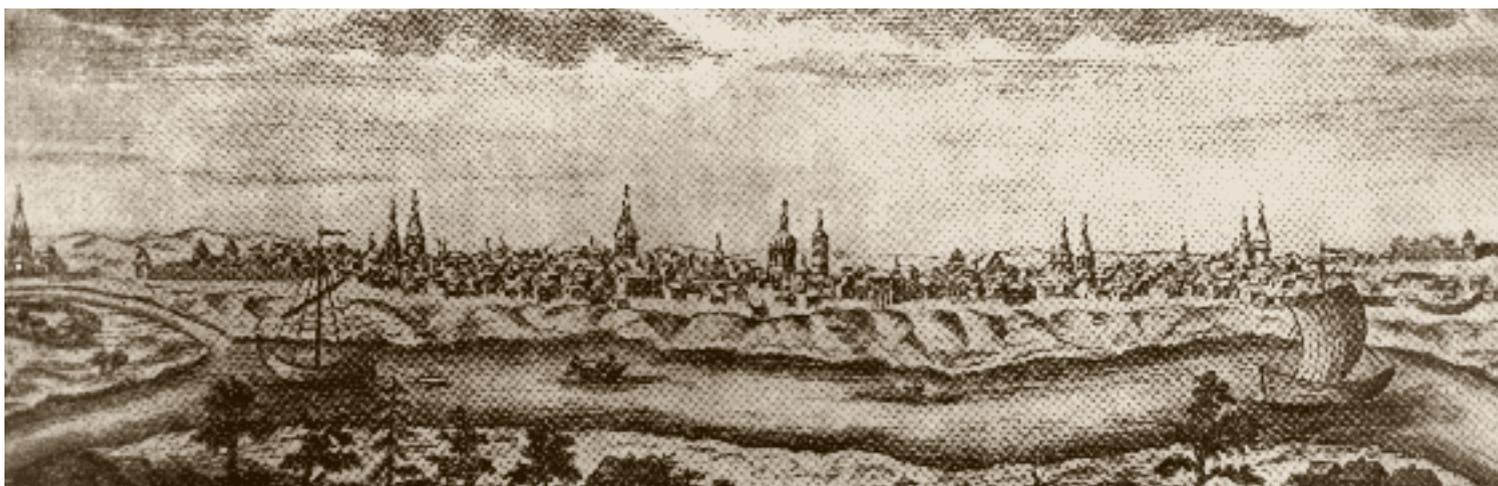


Самоедка спереди. Из книги И.Г. Георги



Вид города Енисейска 1735 г.

Гравюра И.Е. Бугреева 1770 г. с рисунка И.В. Люрсениуса. Собрание Эрмитажа, № 29539

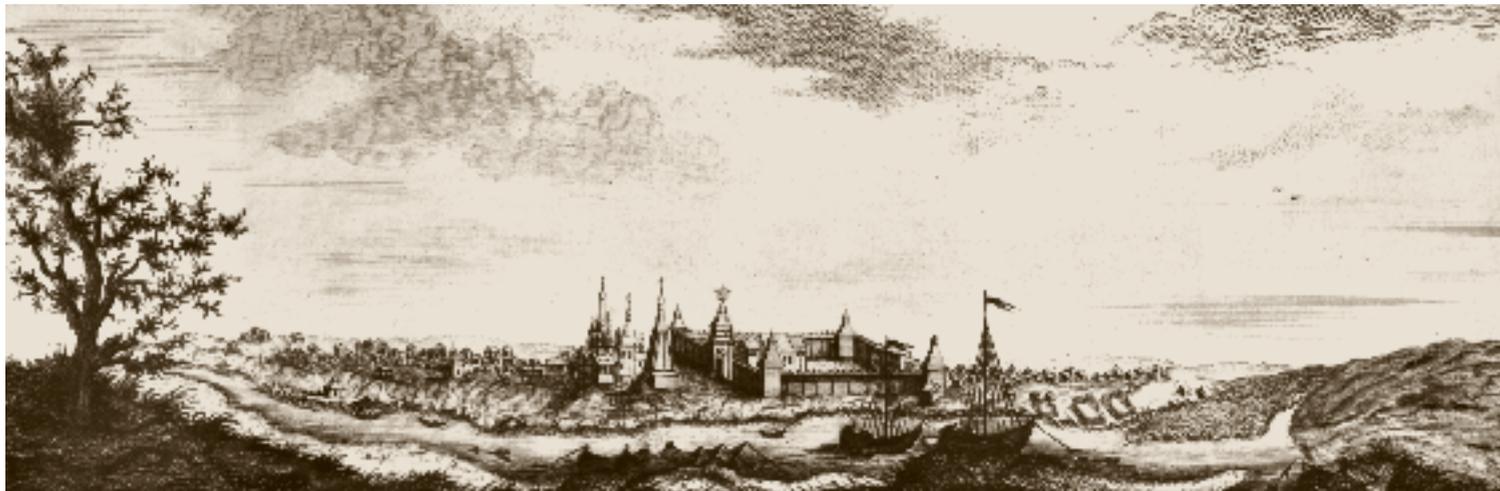


через Енисей, а Войцеховского записали в местную казачью команду.

Как и в Хакасии, ясачные Приангарья и Нижнего Енисея редко препятствовали расселению русских на своих землях. Так, тунгусский онский князь Петр Андреевич Гусев сообщал в 1781 году в Енисейск, что два крестьянина Богучанского присуда просили разрешить им «жить, пахать и косить по Оне реке и Кайтыму». Родовичи Гусева согласились на это, рассудив: «...а оне нас будут хлебом снабжать... по близости и по христианству поучать... Близко нас нет русского жительствова... и для хлеба недели две и более наниматься работать (нам. — Г.Б.) удобно». Расширение контактной зоны чересполосного

расселения русских и ясачных способствовало углублению их благотворных взаимных хозяйственно-культурных связей.

В целом русское население края в старых границах к концу века увеличилось с 27,6 тысячи душ мужского пола в 1762 году до 43,2 тысячи к концу века, вместе с ясачными оно составило 65,6 тысячи душ мужского пола, или 131 тысячу всех жителей. Они размещались в более чем 860 населенных пунктах. Однако к 1820 году население даже сократилось, поскольку с передачей в Томскую губернию все жители правобережной части бассейна Кана и среднего Приангарья по-прежнему остались в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии.



Развитие городов и первые заводы

За счет южных районов хозяйственное освоение пошло интенсивней. Резко расширилась запашка. Кроме скота, на север (в Енисейск, Мангазею, низовья Оби) и на юго-запад, на Барнаульские заводы, пошел Красноярский хлеб. Жители нижнеенисейских волостей и присудов частично или полностью отказывались от хлебопашества, расширяли промысловые и торгово-ремесленные занятия. Углубилась на естественно-географической основе порайонная хозяйственная специализация севера и юга, тундры и тайги, лесостепи и степи. Этот процесс шел как между хозяйствами русских и ясачных, так и внутри этих хозяйств. В городах он проявился более широко.

Енисейск укрепил ведущую роль центра ремесла и торговли края. К 1760 году число дворов увеличилось в нем наполовину. Состав ремесленных специальностей горожан возрос с 24 до 30. Наиболее распространенными ремеслами были кузнечное, медное, чеканное, литейное, ружейное, серебряное, токарное, резное, деревообрабатывающее, гранильное, скобяное, скорняжное, сыромятное, кожевенное, сапожное, мыловаренное,

клееварное, хлебопекарное, калачное и иконописное. Многие казенные здания и церкви этого провинциального города стали каменными, в том числе воеводский дом, сохранившийся до нашего времени. Августовская ярмарка Енисейска собирала сотни российских, сибирских и даже некоторых иностранных купцов (китайцев, армян).

Туруханск окончательно сложился в первой четверти XVIII века как населенный пункт, численность которого составила 120-130 дворов. На июньскую ярмарку в город приходило почти все взрослое население огромнейшего Туруханско-Таймырского района.

«Туруханская ярмарка открывалась в день св. Петра и Павла, и главным товаром в ней была пушнина. Ее доставляли сюда охотники или скупщики с Нижней Тунгуски, с низовий Енисея, с реки Курейки, Хантайки, Дудинки, а также Хатанги, Таза и нижней Оби.

Выбор мехов на ярмарке был весьма разнообразным: соболи, белки и голубые песцы, недопески, медведи, среди которых особенно ценились серебристые шкуры молодых медведей с Нижней Тунгуски, росомахи, черные, серые и рыжие лисы, белые волки. Кроме пушнины тунгусы привозили в Туруханск печень

Вид Новой Мангазеи (старый Туруханск) 1735 г.

Гравюра И.Е. Бугреева 1770 г. с рисунка И.В. Люрсениуса. Собрание Эрмитажа, № 29539

Вид города Красноярска 1735 г.

Гравюра А.Я. Колпашникова 1770 г. с рисунка И.В. Люрсениуса. Собрание Эрмитажа, № 29539





Остячка с лица.
Из книги И.Г. Георги

молодых оленей, которая по нежности и мягкости не имела себе равных...

Мангазейская пушнина попадала отсюда на августовскую ярмарку в Енисейск. Сюда же прибывали купцы от китайской границы (многие из которых успевали побывать в Туруханске) с китайскими товарами. К этому времени в Енисейск прибывали купцы из Тобольска... Они привозили главным образом русские товары: юфть, сукна, черкасский табак, холст, валенки, различные русские ткани, ножи, вилки, обувь, мед, вино. Ярмарку в Енисейске посещали красноярские купцы с плохим соболем, промысловики с обоих концов Енисея.

Начавшись 4 августа, ярмарка должна кончаться 12 числа, поскольку тобольские купцы, как обычно, спешили еще в Якутск».

Описание Туруханской и Енисейской ярмарок путешественником И.Г. Гmeliным, 1739 г. // Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 г. Часть 3. Геттинген, 1751; Перевод с нем. С. 425-427.

Из крупной военной крепости, где в 1713 году был 371 двор, Красноярск превратился в скромный центр сельскохозяйственной округи. Только за вторую четверть века он потерял свыше тысячи своих жителей, которые расселились на юге и в притрактовой полосе. Все горожане занимались хлебопашеством. Посадские, главным образом из ссыльных, насчитывались единицами. Из ремесел

стоит упомянуть лишь изготовление свечей, обработку кож и изготовление обуви.

Накопленный страной опыт мануфактурного производства был использован в первой половине XVIII века и в нашем крае. С помощью хакасов русские рудознаты отыскивали в Хакасско-Минусинском районе богатые медные и железные руды. После пробных плавков казна в 1737-1740-х годах построила на р. Луказке, правом притоке Енисея, Луказский медный, а на р. Ирба, правом притоке Тубы, — Ирбинский железоделательный заводы. Но для успешной работы этих первенцев крупного металлургического производства не хватало рабочих рук, мешали трудности сбыта заводской продукции, высокие транспортные расходы. Заводы к 1746 году законсервировали. Луказский никогда не возобновлялся, а Ирбинский работал с перерывами до 1830-х годов. Ныне его руды разрабатывают мощный Краснокаменский и Ирбинский рудники для Кузнецкого металлургического комбината.

Около Красноярска на р. Езагаш верхотурский купец Власьевский в 1756 году завел железоделательный завод, который тоже проработал недолго.

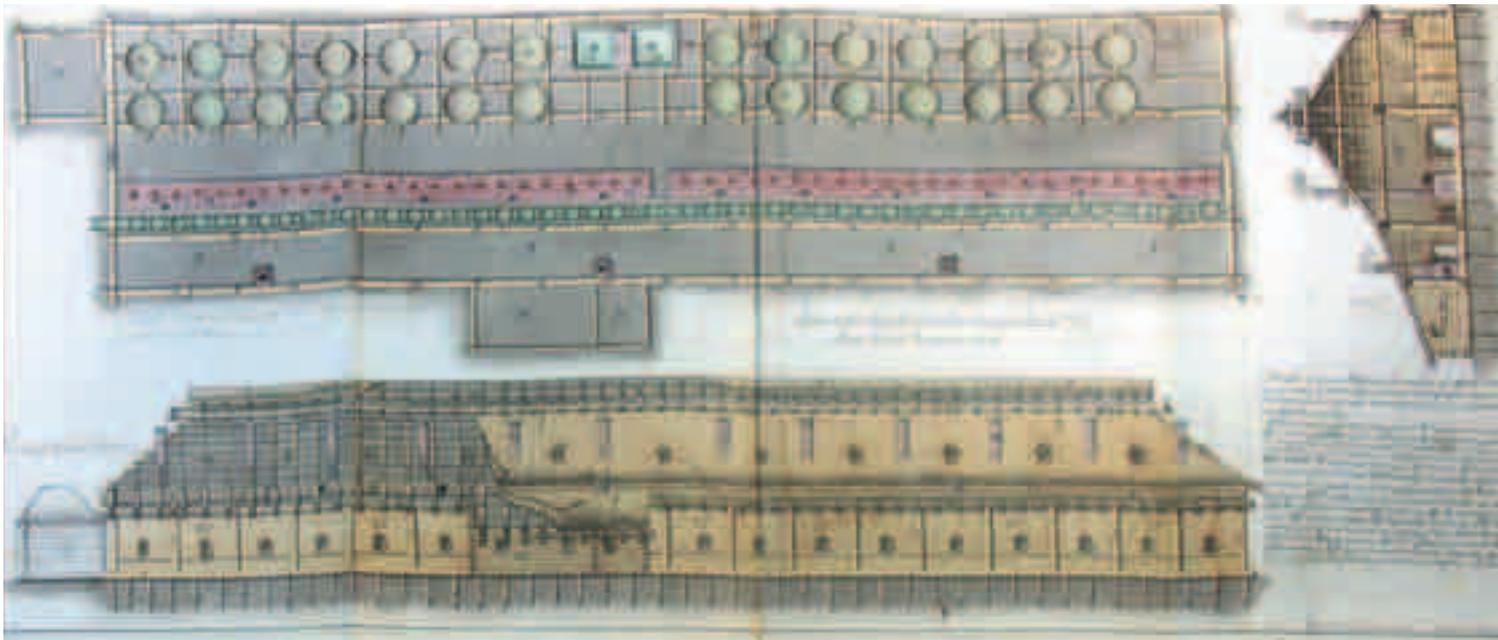
Видную роль стало играть винокурение. Выкурка и особенно продажа крепкого алкоголя, тогда его называли «горячее хлебное вино» — полугар, с середины XVI века являлись государственной монополией. В малохлебную Сибирь ввозили вино из-за Урала. Курить вино разре-

В картуше: «Карта от города Тобольска рекою Иртышом до рек Оби из оной до города Нарыма, от Нарыма рекою Кетью до Маковского волока, а от Маковска волоком через 100 верст до города Енисейска под литерой А. А от реки Кемчуга до Енисейска ж чрез 200 верст под литерой В. Да вновь велено проведать под литерой С. Федор Соймонов». 1757 г.

Публикуется впервые

Ф. Соймонов, хорошо зная Сибирь, став ее губернатором, пытался проложить более короткий путь от тракта из района Мелецкого острога на Енисейск. Из-за полного отсутствия населения этим путем купцы не стали пользоваться.





шали частным лицам для своих нужд, но только в небольших объемах до полутора ведер. Большие объемы могли выкуривать для поставки подрядом в казенные кабаки. При молодом Петре I власти стали организовывать казенные винокурни. В 20-30-х годах XVIII века их в Красноярске и Енисейске взяли на откуп сын боярский Шахматов и енисейский посадский Кузьма Коневский. Откупщики брали в аренду казенное предприятие или строили сами и обязывались выкуривать для казенных кабаков — винных магазинов — определенное количество горячего вина. Если они брали на откуп и продажу, то ведали и реализацией. Жестко воеводы и губернаторы оговаривали объемы, отпускные и продажные цены на поставляемое вино. Средняя доходность была не менее 300 процентов.

Крупным предприятием был Каменский винзавод, основанный скорее всего в конце XVII века на правом притоке Енисея в Каменке недалеко от Енисейска. В 1750-е годы его выкупил у казны крупный сановник П.И. Шувалов, когда Елизавета Петровна отказалась от казенного винокурения, оставив монополию только на продажу.

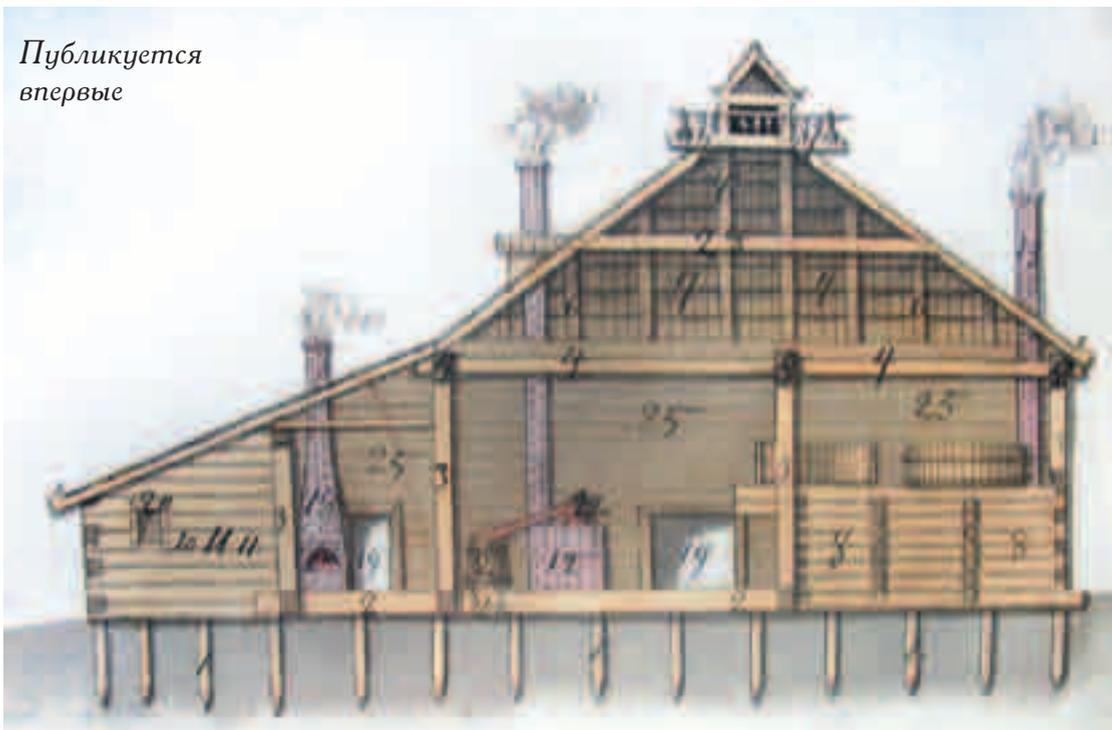
Своего вина Приенисейскому краю не хватало, поэтому его привозили с казанских шуваловских заводов. Продажей же по-прежнему ведали «на вере» енисейский и красноярский посады, для них это было дополнительной натуральной повинностью, из которой выгоду получали лишь имущие горожане.

С развитием хлебопашества во второй половине XVIII века дело с винокурением в крае кардинально изменилось. В начале

План винокурни Боготольского завода, 1795 г. Вверху — внутреннее помещение на 48 винных кубов и вид сбоку с 12 печками.

Внизу — разрез винокурни с торца. «1 — сваи из столбов, 2 — окладные брусья желоба для проточной воды для охлаждения пара в трубницах, 3-5 — верхние и нижние стойки из обшивки, 6 — быки с обрешетинами, 7 — крыша из полвершикового теса, 8 — ряжи для установки бражных чанов, 9 — арачный (винный) палисад, 10 — сливная, 11 — покой для винокура, 12 — корпус для кубов, 13 — печь для браговарных котлов, 14 — браговарные котлы, 16, 17 — изба для варей с печью и железным котлом для варки суслы, 18 — комельки в арашном палисаде, 19 — ворота в винницу, 21 — бражные чаны, 22 — кубы, 23 — трубницы. Между стенами 14 и 3 забор из горбыля. Масштаб 1 к 9 сажням. Чертил плотинный ученик Афанасий Веткин». РГАДА. Фонд 275. Описание 2. Дело 175

Публикуется впервые



План Краснореченского винокуренного завода с предполагаемым его расширением, 1788 г. Сочинен поручиком геодезии Михаилом Мангазеевым по заказу откупщика Д.И. Лобанова. Подписан вице-губернатором Тобольского наместничества Иваном Селифонтовым и председателем казенной палаты губернии Андреем Мильниковым. Предназначался для подачи через генерал-прокурора А. Вяземского Екатерине II. РГИА. Фонд 1399. Опись 1. Дело 798. Публикуется впервые

своего управления Екатерина II поощряла откупную систему и частную подрядную выкурку вина. Этим воспользовался крупный верхотурский купец Максим Походяшин, узнавший наш край, когда вместе с купцом Власьевским в начале 1760-х годов организовывал Езагашский железоделательный завод в Красноярском уезде. За свой счет в 1772 году он поставил Боготольский винокуренный завод на Чулыме мощностью до 60 тысяч ведер. Рядом в 1775 году архангелогородский купец первой гильдии Дмитрий Лобанов основал на речке Карымовке, правом притоке Чулыма, в 30 верстах от Ачинска, Краснореченский винзавод на 35 тысяч ведер. Деньги, всего 10 тысяч рублей, он получил от казны, поскольку Екатерина II решила всемерно развивать казенное винокурение из-за ненадежности частных откупщиков. Лобанов взялся на эти же деньги перестроить и Каменский винзавод, увеличив его мощность. В результате три завода Приенисейского края давали 100-150 тысяч ведер крепкого алкоголя и полностью обеспечивали не только нужды края, но и частично Север-

ное Приобье и Алтайский горный округ, где винокурение было запрещено.

Поселенные вокруг заводов ссыльные и каторжные были первыми жителями современного г. Минусинска (1740 г.) и Курагино (около 1740 г.). На дороге к Луказскому заводу между 1741 и 1745 годами поместили прописного крестьянина Алексея Бутакова, к которому в 1747 году подселились с семьями разночинцы Крапивин, Конев и Плишкин. Они были первыми жителями Шушенского.

Ссыльные и определенные на свое пропитание с завода на речке Карымовке в 1775 году дали жизнь современному селу Краснозаводскому (Краснореченско-заводскому) и окрестным деревням.

Земледелие

С ростом населения увеличивался пахотный клин края, который сдвинулся к югу. К концу века всей пашни вместе с залежью насчитывалось более 700 тысяч, а в 1820 году — около 1 миллиона десятин. Из них ежегодно засевалось около 60 тысяч десятин. Общий сбор хлебов достигал



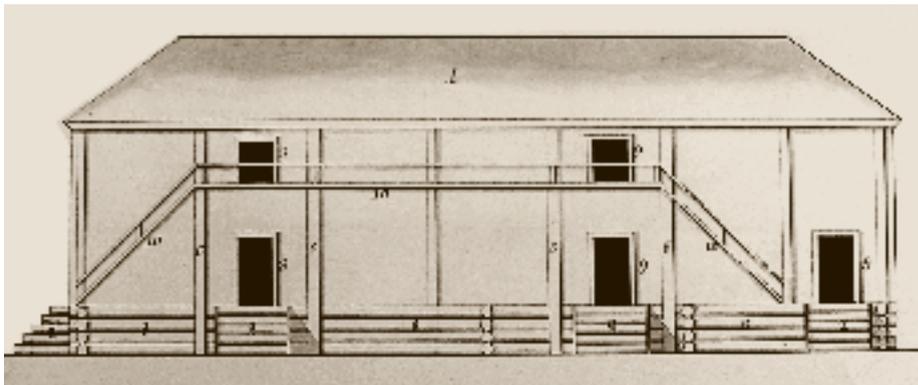
четырёх миллионов пудов при урожайности в сам 4,03. Значительно, до 10 процентов посевов, выросли посевы пшеницы, а из технических культур — конопля и льна. Появились первые пробные посевы картофеля.

Главной житницей края стали Хакасско-Минусинский район, среднее Причумылье и Канская лесостепь. Посевы же в Енисейском уезде в это время сократились почти вдвое и составляли лишь 20 процентов посевов в крае.

Как отрасль хозяйства, земледелие качественно не изменилось. Соха-рогальюха с железным лемехом и деревянная борона оставались основными орудиями земледельца. Только при заготовке кормов вместо косы-горбуши стала распространяться коса-литовка, которая отличалась длинным косовищем-древком с ручкой.

Агротехника и урожайность остались прежними. Лишь в старожильческих районах шире начали обращаться к трехполью. Размеры запашки и собираемого хлеба на душу населения остались неизменными. На одного русского жителя приходилось около 0,45 десятины и около 2,6 пуда хлеба. Высокое плодородие земель позволяло создать значительные, до 9 пудов на человека, хлебные излишки. Поэтому Красноярский хлеб был в 1770-х годах самым дешевым в стране. Но с открытием в 1780-х годах новых двух крупных винокурных заводов в с. Боготолы и у Краснояреченской почтовой станции, а также с возобновлением работы Ирбинского завода цены на хлеб возросли с 6-7 до 16-20 копеек за пуд.

Заметно увеличилось число ясачных земледельцев. Среди хакасов они состав-



ляли от 1/10 до 1/6 общей численности. Главным образом это были «новокрещёны», которые жили во многих русских поселениях края, в том числе и в Шушенском. Ко времени образования Енисейской губернии в крае считалось 867 инородцев, которые имели 745,3 десятины посева.

Ремесла и промыслы

Из неземледельческих промыслов расширилась добыча соли. Троицкий солеваренный завод давал до 50-80 тысяч пудов продукции ежегодно. В Хакасии на «самосадочных» озерах, особенно около ст. Соленоозерской, брали соль «самосадку».

Промысловики-охотники стали добывать белку, а в южных районах — соболя. По качеству меха саянский соболь значительно уступал енисейскому.

Развивались ремесла, особенно в новозаселенных районах. У енисейских ремесленников в 1775 году насчитывали 38, а у красноярских — 24 специальности. К моменту учреждения Енисейской губернии в крае насчитывалось 50 предприятий, в том числе 37 по переработке животного сырья (кожевен — 26, мыло-

План Ачинского хлебозапасного магазина. 1795 г.

В него земледельцы сдавали ежегодно по одному четверику (пуду) с каждой души мужского пола. Публикуется впервые



Людмилинская скважина

Троицкий солеваренный завод, варница «Горняк» построена в 1764 г.



Г.И. Шелихов



А.А. Баранов

варен — 11); 10 работало с растительным сырьем (канатных мастерских — 6, винокуренных заводов — 3, и одна бумажная мастерская); а три — на минеральном сырье (две солеварни и стеклоделательный завод). На всех предприятиях, кроме солеварен и винокурен, было занято всего 174 человека. Таким образом, экономика края сохраняла чисто аграрный характер.

В сфере обращения произошло заметное смещение товарообращения на юг. Это связано с окончательным устройством Московско-Сибирского тракта и его заселением.

Расширились, по сравнению с прежним временем, отхожие ремесла — занятия, связанные с переходом ремесленников из селения в селение. Этим особенно отличался енисейский посад. Вместе с тем возросшая специализация ремесла и его товарность не привели к качественным изменениям. Лишь в единичных случаях (мыловарение) образовались мануфактуры. Почти все ремесла обслуживали не

производственные, а бытовые нужды жителей края (в Енисейском уезде — 32 из 38 специальностей). По составу ремесел, техническому уровню и профессиональным навыкам городские ремесленники почти не отличались от сельских. Значительных масштабов достигло винокуренное. Кроме Каменского, построили еще два завода. Их продукция шла во многие районы Сибири. Енисейск, Подтесово, Усть-Кемчугская, Ачинская и Тумнинская пристани выросли в довольно крупные центры судостроения — плотбища. С помощью архангельских корабелов енисейские умельцы даже построили в середине 1880-х годов два морских судна — галиот и шняву. Они предназначались для крупного купца Д.И. Лобанова, на службе у которого был несколько лет знаменитый в XIX веке В.А. Баранов, ставший управителем и одним из компаньонов знаменитого русского Колумба Г.И. Шелихова, возглавлявшего тогда Российско-Американскую компанию.

На закате русского средневековья диалектика отношений между властью и сибирским обществом усложнилась. Верховная власть продолжала насаждать за Уралом однотипные центру порядки: унифицировались сословная структура и система местного управления, которая стала в два раза более частой, что обеспечивало больший контроль за сибиряками. Окончательно отказавшись от частнопомещичьего типа феодальных отношений, выбор был сделан в пользу смягченной формы казенного крепостничества и чернососного феодализма, который давал большую свободу личности и труда. Это результат социального протеста снизу, тем более что служебное население и имущие верхи тяглецов не были надежными проводниками установок сверху. Управленцы сибирского и даже российского происхождения не имели полноценного статуса российских дворян, так же, как офицеры гарнизонных полков и казачья старшина. Все служившие и жившие в Сибири по общему сословному признаку считались людьми второго сорта. Желая монопольно распоряжаться богатствами Сибири, центр пошел на это под формальным сословным предлогом, что Сибирь являлась и является ссылочным краем. В целом же труженикам по-прежнему удавалось частично утаивать свои доходы, а иногда полностью избегать любого контроля со стороны публичной власти, то есть воспроизводить во времени и пространстве мелкокрестьянский уклад.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: И СОТРУДНИЧЕСТВО, И КЛАССОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Неподатное служебное население

Социальные реформы Петра I сильно изменили сословный состав и ухудшили положение служебного и трудового населения края. Во второй половине XVIII века сословный состав еще более упро-

стился. Были ликвидированы многие мелкие перегородки внутри основных сословий трудового населения. Классовый состав в целом мало изменился, но произошло заметное перераспределение удельного веса и положения отдельных их групп. Представители тяглых трудовых сословий впервые стали преобладать (табл. 3.3).

Духовенство

Из неподатных меньше изменялась численность духовенства, хотя и выросла в два раза. Она лимитировалась

Сословные группы	Мангазейский уезд		Енисейский уезд		Красноярский уезд		Итого	
	1722 г.	1747 г.	1722 г.	1747 г.	1722 г.	1747 г.	1722 г.	1747 г.
Духовенство	3	20	315	120	60	60	378	200
Военно-бюрократические слои	323	327	561	657	864	529	1750	1513
Разночинцы	368	137	3034	2475	4169	5152	7571	7764
Крестьяне	150	218	4190	6557	957	1643	5297	8418
Торгово-ремесленные слои	404	278	2622	3348	755	1430	3781	5056
Итого	1250	980	10 722	13 157	6805	8814	18 777	22 951
В том числе горожан, %	26,9	30,6	21,2	19,0	21,4	13,0	21,6	17,2

количеством церквей и приходов. По сравнению с 1710 годом к 1798-му число приходов выросло почти в два раза: с 41 до 78. Сравнивая с темпом заселения края, видим, что православные власти не успевали должным образом обеспечить духовно-обрядовые нужды населения. До минимальной нормы в 100-120 дворов сельские приходы края еле дотягивали в конце XVIII века. Особенно это касалось северного Туруханского уезда, где все столетие было только пять церквей. Городские приходы, естественно, были крупнее — в среднем по 250 дворов, поэтому часть их состояла из двух приделов с двумя священниками.

Затухание хозяйственной жизни Енисейского уезда в связи с переселениями сказалось и в этой области. К 1762 году в уезде осталось вместо 28 только 22 церкви. К концу века прибавилось 10 церквей, но это за счет возвращения в уезд Богучанской и Кежемской волостей. Наибольшим развитием приходской системы отличился, естественно, Красноярский уезд — с 8 приходов в 1710 году

до 40. Это притом, что правобережье Кана и Нижнеудинск с округой отошли в Иркутскую губернию. Приходских церквей явно не хватало на 90 тысяч человек обоего пола (вместе с крещеными ясачными). Вместе с тем городские приходы, всего 12, смогли перейти к каменному храмовому строительству. Лидером выступил богатый Енисейск, в котором к концу века пять церквей были каменными, а Троицкая и Успенская церкви имели по два придела с более чем 300 дворами каждая. В Красноярске к концу столетия к прежним двум храмам, которые стали каменными (не сохранившийся собор на Стрелке — к 1773 г., и Покровская церковь — к 1790 г.), прибавились приходская Благовещенская (угол улиц Ленина и 9 января) и кладбищенская Всехсвятская (район сквера им. Сурикова по ул. Ленина, не сохранилась).

Черное духовенство пяти монастырей довольно активно участвовало в жизни края, но только до секуляризации, то есть конфискации их земель государством в 1762-1764 годах. По подсчетам историка

Таблица 3.3
Сословный
состав населения
Приенисейского края
в 1722-1747 гг.,
в душах мужского пола



Священники в парадном
облачении.
Рисунок Д.А. Аткинсона



В Енисейск из Тобольска
был прислан опытный
каменщик Федот
Меркурьевич Чайка,
который в 1712
году возвел первый
в Енисейске каменный
храм — Богоявленский
собор, не сохранившийся
до нашего времени



*Енисейск.
Спасский монастырь.
Основан в 1642 году.
Его собор перестроен
в середине XVIII века.
Ныне действующий.
Из фондов ККМ*

*Первое каменное здание
в Красноярске
(не сохранилось).
Воскресенский собор
в три придела. 1772 г.
План собора выполнил
К.Ю. Шумов*

Л.П. Шорохова, если в конце XVII века у них в 17 деревнях жило 152 души мужского пола крестьян и имелось 990 десятин пашни, то по третьей переписи 1762 года за ними соответственно числилось 32 деревни, 1257 душ мужского пола и 1527 десятин пашни. Правда, монастыри были сравнительно небольшими, поэтому среди 200 закрытых по всей стране Екатериной II монастырей оказались Красноярский Введенский и Лосиноборский. Остальные оказались в низшем третьем разряде с небольшим штатом, скудным жалованием и мизерными земельными угодьями под огороды и сенокосы.

Как и по всей стране, священно- и церковнослужители городов и уездов все более обособлялись в сословно-замкнутый разряд населения служебного характера. Попы, дьяконы, дьячки и пономари до 1760-х годов должны были готовить своих детей к церковной службе на дому. Экзаменовали же их и вводили в духовный сан в Тобольске, где находилась духовная консистория. С учреждением особых латинских школ для обучения детей духовенства такая школа открылась в 1759 году в Красноярске. Однако через два года ее перевели в Енисейск, так как церковники Енисейска и Туруханска постарались доказать, что содержание их детей в Красноярске обходится им ничуть не дешевле, нежели дома.

Неграмотных, как и физически «немоощных» (слепых, немых, косноязычных, слабоумных и пр.) детей духовенства во время периодических «разборов»-смотров местный воевода вместе с духовным заказчиком (главой всего клира города и уезда) выключал из духовного сословия. Их определяли в богадельни или записывали в податное состояние. Однако если кто-то из них позже оказывался пригодным к церковной службе, например, одолевал грамоту, то его могли вернуть в ряды духовенства. Так, один из



потомков Василия Многогрешного, Яков, в середине XVIII века был красноярским священником, а его сыновья, Егор и Василий, считались городскими крестьянами. В 1769 году по указу сибирского губернатора Д.И. Чичерина Егора записали в посадские на место переведенного «за некоторые проступки» в крестьяне горожанина, а через три года «по выбору прихожан и по увольнению Красноярской ратуши с обязательством подушные и всякие государственные подати впредь до ревизии платить красноярскому купечеству» Егор стал дьяконом городской соборной церкви. Спустя несколько месяцев в Тобольске его «рукоположили» в священники подгородного села Арейского. Таким образом, и в XVIII веке среди духовенства были члены тяглых сословий.

Городские церковные приходы были небольшими, поэтому, кроме части сборов за духовные требы и обряды, на содержание клира от города выделялись особые пахотные и сенокосные угодья. Клирики либо сами их хозяйственно использовали, либо сдавали в «кортому» — аренду. По существу, низшее (белое) духовенство города, как и везде, силами своих семей вело хозяйство крестьянского типа и в этом отношении мало чем отличалось от своих прихожан. Священники же обычно имели работников и работниц и нередко занимались торговлей, предпринимательством и ростовщичеством. Например, балахтинский, а позже красноярский



священник Марк Тоболкин, отец и дед которого были в свое время енисейскими и красноярскими попами, в 1780-е годы являлся крупным торговцем хлеба.

В целом за XVIII век в крае сложились потомственные фамилии местных священно- и церковнослужителей. В Красноярске это Ошаровы, Потылицыны, Терские, Многогрешные, Рачковские и другие. Все они вышли из местных казаков, а также посадских и крестьян. Поскольку в Красноярском уезде с быстрорастущим населением служителей культа не хватало, то прихожане, как и в XVII веке, нередко их выбирали из своей среды, уплачивая за них подати до очередной переписи либо «вечно».

*Енисейск.
Христорождественская
церковь.
середина XVIII века*



*Монашки.
Рисунок Д.А. Аткинсона*



*Покровская церковь,
1789-1795 гг.
Самое старое
каменное здание
города Красноярска.
Ныне действующий
Покровский собор
(угол пр. Мира и ул.
Сурикова)*



*Красноярск.
Церковь Благовещения
Святой Богородицы,
1804-1822 гг.
Входит в состав
ныне действующего
Благовещенского
женского монастыря.
План выполнил
К.Ю. Шумов*

*Село Березовское.
Церковь бывшего
Красноярского
Введенского мужского
монастыря, основанного
в 1638 г.
Построена в конце
XVIII — начале XIX в.*

Сложным и неоднозначным было не только имущественное, но и социальное положение приходского духовенства. Освящая и идеологически обосновывая незыблемость царской власти и су-

ществующего общественного порядка, члены клира служили торжественные обедни, призывали в проповедях к покорности и повиновению властям, отвечали за исправное посещение своей паствой церковных служб и отправление обрядности: своевременное крещение детей, отпевание усопших, «бытие на исповеди и у святого причастия», слушание литургий и проповедей. Они выявляли инакомыслящих, особенно противников «истинной веры», и доносили на них властям.

Контроль за соблюдением прихожанами официальной домостроевской морали и нравственности нередко оборачивался для последних штрафами и полицейскими репрессиями. Консистория и местное духовное правление, в свою очередь, пристально следили за деятельностью приходского духовенства, нередко подстрекая его служебное рвение выговорами, штрафами, переводами в низший сан, содержанием в тюремной келье на хлебе и воде и даже физическими наказаниями. В результате часть одаренных и грамотных тружеников городов и деревень Сибири, выйдя из своих тяглых сословий, сначала по роду деятельности, а позже — и сословно, превращалась в социальную опору властей и несла религиозное мировоззрение бывшим собратьям по классу. Вместе с тем эти своего рода чиновники духовного ведомства в материальном отношении целиком зависели от своих прихожан. Кроме того, их должностное продвижение и вообще пребывание в рядах клира нередко определялось позицией тех же прихожан и выборного церковного совета во главе со старостой.



Администрация

Неоднородными в сословно-классовом отношении были также гражданские чиновники и военные чины. Их верхушка (воеводы, а с 1783 года — капитаны-исправники, городничие, судьи нижней сельской расправы, дворянские заседатели нижнего земского суда, военные коменданты, командиры городской команды и полицмейстеры) по классам, чинам и рангам относилась к личным, а иногда и к потомственным дворянам, являясь главной опорой царской власти. Получаемое жалованье, а главное, побочные, обычно незаконные, доходы обеспечивали им в определенной степени дворянский уровень жизни. К концу XVIII века в основном этим военно-гражданским чинам принадлежали дворовые, которых использовали не только как прислугу, но и в качестве работников на заведенных заимках. Некоторые классные чиновники и офицеры, хотя им запрещалась хозяйственно-предпринимательская деятельность, через подставных лиц брали откупа на производство и продажу казенного вина и соли, занимались пушной торговлей с ясачными, давали деньги в рост.

Иногда волей центра в местных администраторах оказывались психически неуравновешенные, но из прирожденных дворян люди, такие как Минович.

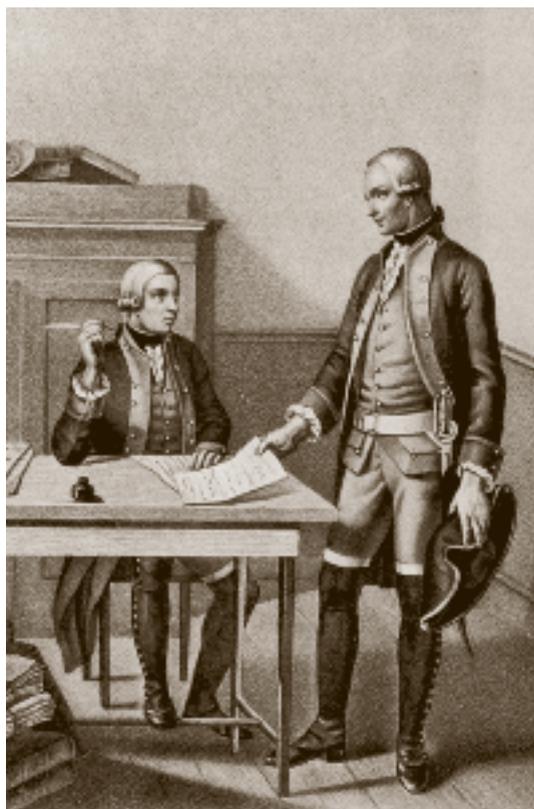
Для чиновничьей администрации Красноярска характерны, например,

жизнь и судьба двух братьев, князей Ивана и Василия Пельымских. Они были родом из обрусевших обдорских князцов. В 1746 году братья добились от Сената пожалования им за службы дедов и отцов прав потомственных дворян, а значит, и присвоения офицерских чинов. Через несколько лет службы в Западной Сибири старший Иван в 1755 году был переведен в Красноярск «товарищем», то есть помощником воеводы. С 1758 года он стал воеводой, занимая должность до ее упразднения в 1784 году. При отставке Иван Яковлевич Пельымский получил ранг коллежского асессора VIII класса, дававший права потомственного дворянства — освобождение самого и членов семьи от уплаты всех налогов и повинностей, право владения землей и людьми, суда равными, исключительные льготы при поступлении и прохождении службы по военному и гражданскому ведомствам. (У личных дворян эти привилегии не распространялись на членов их семей, кроме того, они не могли быть земле- и душевладельцами.) За время казенной службы Иван Пельымский нажил значительное состояние, которое, судя по объявленным капиталам красноярских купцов, было самым крупным в городе. По исповедной росписи 1769 года он имел 12 дворовых трудоспособного возраста, а с членами их семей — 32 души. Надсмотр за ними воевода поручил тоже дворовым людям. Их трудом обслуживалась заимка в семи

МИРОВИЧИ были из украинских дворян-землевладельцев. Семью Ивана, подручного есаула Мазепы Орлика, взяли под опеку родственники. Петра пристроили в камер-пажи цесаревне Елизавете, дочери Петра I. Вскоре открылось, что дети и жена Прасковья тайно переписываются с Иваном, ушедшим вместе с Мазепой после Полтавской баталии в Турцию. За это их сослали в Сибирь, где Петра и Василия записали в казаки в звании детей боярских. Когда Елизавета Петровна стала императрицей, то Петр, находившийся в Иркутске под следствием за донос на Витуса Беринга, объявил, что он лично хорошо знаком с Елизаветой, и организовал денежный подарок в связи с ее коронацией. Выбравшись по этому случаю в столицу, он попросил вернуть конфискованное имение своего отца-изменника. Императрица взамен, в компенсацию утраченного, назначила его с Василием воеводами в Енисейск и Кузнецк. Петр Минович, объезжая управляемую провинцию, везде брал деньги, меха и провизию «в почесть». В самом Енисейске, помимо бражничества, содомии, избия десяти казаков и убийства одного из них, занялся благоустройством города, но оно было связано с богохульством. Колокольню собора он превратил в осветительную мачту. В ней прорубили проемы, в которые выставили жерди с глиняными чашками, наполненными смолой со вставленными фитилями. И только за то, что он в провинциальной канцелярии (присутственном месте) принимал официальных лиц в халате и китайском колпаке с кисточкой, многочисленным жалобам дали ход. Петра отозвали в Петербург для следствия. Расследование растянулось на годы — сказывался отсвет личного знакомства с императрицей. Отпущенный на время на Украину, Петр вновь проявил свой вспыльчивый нрав, зарубив в пьяном виде полицейского офицера. Вскоре он умер.



Уездные начальники, 1806-1807 гг.



Канцелярист и городской секретарь



Гарнизонный офицер

верстах от города под началом «приказчицы Настасьи и мужа ее Михаила Сафьянова». Кроме сельскохозяйственного производства, И.Я. Пельмский с братом, отставным прапорщиком, занимался винными откупами. Не исключено, что через своих родственников, енисейских купцов и мещан Самойловых, он участвовал и в торговых операциях. По крайней мере, средства у него для этого были. Так, в декабре 1788 года неизвестные воры, которых не остановили запоры на двух каменных кладовых и замки на устюжской работы сундуках бывшего воеводы, унесли только деньгами 10 тысяч рублей, в том числе 7 тысяч золотыми империями. За три года до кражи И.Я. Пельмский въехал в новый, первый в городе, частный каменный двухэтажный дом из девяти покоев с каменным же подвалом, оцененный в 1804 году в 700 рублей (ныне на его месте здание гостиницы на Стрелке, пр. Мира, 2).

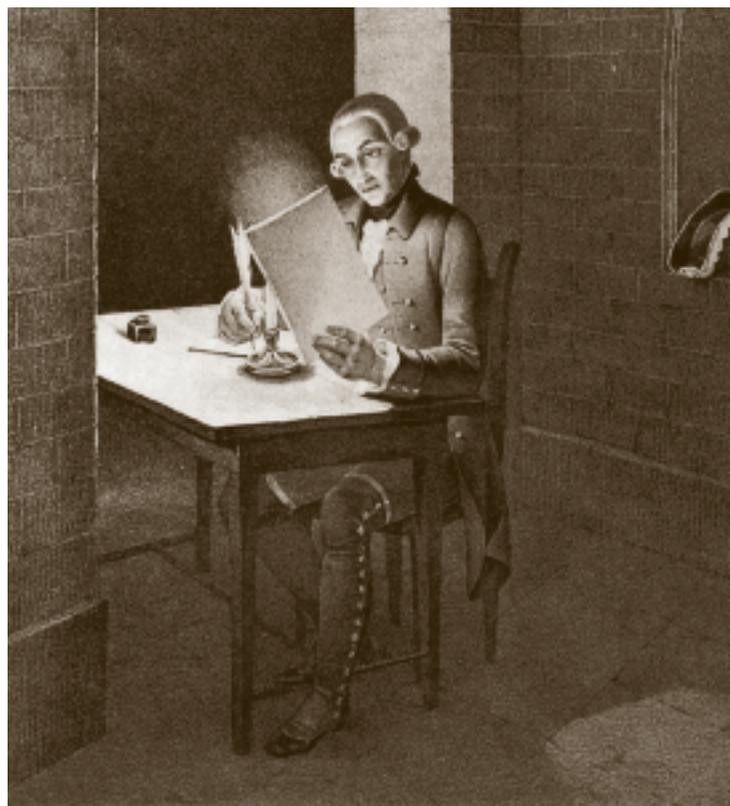
Сын Ивана, Федор, дослужился в сибирских регулярных частях до капитана, перешел в гражданское ведомство, занимал должность судьи и исправника в уездах за Байкалом, затем вернулся в Красноярск. Внук же Ивана, последнего красноярского воеводы, Варфоломей Федорович Пельмский, сразу пошел по чиновничьей дорожке и сравнительно быстро, через шесть лет после поступления на службу копиистом в Красноярский земский суд, получил там должность секретаря и ранг коллежского

регистратора XIV класса, а с ним — права личного дворянина.

Карьера В.Ф. Пельмского не была типичной для низших чиновников (пищников, копиистов, подканцеляристов, канцеляристов) «неблагородного» происхождения. В крае, как и по всей Сибири, таких было большинство. Они являлись выходцами из семей казаков, а также посадских, а иногда и крестьян. Центральная власть крайне неохотно возводила их в чины — ранги, дающие права дворян, хотя из-за нехватки дворян-чиновников назначала на классные, например секретарские, должности. Такие чиновники десятилетиями оставались «зауряд-дворянами»: они пользовались дворянскими правами временно, пока служили.

Сознательно поддерживаемый разрыв между классом должности и классом общего ранга чинов позволял нейтрализовать то положение введенной Петром I Табели о рангах, по которому человек любого происхождения, выслужив XIV класс на военной и VIII класс на гражданской службе, становился потомственным дворянином. Эта практика была эффективным средством реализации узкосословной политики царского двора, не желавшего включать в ряды российского шляхетства выходцев из низов. По своему правовому положению и низкому жалованью низшие чиновники относились к служебному полупривилегированному сословному разряду тогдашнего общества.

Рядовые штатных команд Иркутского и Колыванского наместничеств



Писарь гарнизонного батальона

Канцелярские же чиновники в выборных городских органах самоуправления вообще не считались на казенной службе и нанимались горожанами, оставаясь формально в тяглом.

Общая численность чиновников в течение всего XVIII века постоянно увеличивалась, так как аппарат местного управления становился все более разветвленным и специализированным, то есть бюрократическим (табл. 3.3 и 3.4). В уездных городах к концу века вместо воеводской канцелярии появились такие казенные учреждения, как нижний земский суд и нижняя сельская расправа (исполнительный и судебный орган для уездных крестьян), казначейство, полицмейстерских дел изба, канцелярия городничего (в приграничном Красноярске — коменданта) и почтовая контора. Эти казенные органы местной власти и управления контролировали собственно городское и сельское самоуправление.

Солдаты

Рядовые и унтер-офицерские чины регулярных частей в Сибири по своему положению были близки к рядовым казакам. Из-за приграничного положения и сравнительной дешевизны хлеба в Красноярске с конца 1730-х годов разместили третью роту Сибирского «новоучрежденного драгунского» гарнизонного полка, в основном набранного не из обычных рекрутов, а из местных неверстанных казачьих детей и даже штатных казаков.

В 1750-е годы ее заменила седьмая полевая драгунская команда, выведенная в 1770-е годы на забайкальскую границу. С 1764 года, когда учредили городские военные команды из не годных к полевой и гарнизонной службе солдат, в Енисейск и Красноярск ввели по одной роте Томского гарнизонного полка, которые простояли в городах до конца столетия. Убыль в ней восполнялась местными рекрутами и казаками, поэтому фамилии многих унтер-офицеров и рядовых были старожильческими. В Красноярске это Чанчиков, Суриков, Шошин, Замятин, Ермолаев, Торгашин, Потылицын, Ковригин, Муруев, Иконников, Кобяков, Пьянов, Калашников, Путимцев, Скварский, Лалетин, Ошаров. Офицеры и некоторые солдаты имели свои дворы, семьи и участвовали в хозяйственной жизни города. Известно, например, что солдаты за плату нанимались для различных работ к городским властям и просто местным жителям. Так, 26 мая 1784 года солдат Никита Шибанов починил за 15 копеек печь в Красноярском магистрате, а солдат Иван Ошаров продал «казенке» — кабаку дверные крючья и петли за 75 копеек.

Каждый солдат в принципе должен был пройти следующие ступени своего армейского, а значит, и жизненного пути: полевые полки; гарнизонные полки (с 1764 г. — гарнизонные батальоны); присутственные места гражданских ведомств (сторожа, рассыльщики и т.д.)



Драгунского полка офицер



Драгун. Изображения мундиров Российско-Императорского войска, состоящих из 88 лиц иллюстрированных. — СПб., 1793 г.

Гарнизонные музыканты рогового оркестра. Рисунки Д.А. Аткинсона





Гарнизонный солдат

или поселение; увольнение «на собственное пропитание» или содержание в монастыре и богадельне, а с 1764 года — нахождение в инвалидной команде. Эта, разработанная в основном Петром I, система была ориентирована на максимальное использование личного состава армии. Дело не менялось из-за того, что в Сибири вместо «инвалидных команд» ввели «штатные городские команды» или роты на правах гарнизонных частей.

В прямом своем качестве (как военная сила) размещенные в крае регулярные части практически не использовались. Многие из личного состава занимались только обеспечением своей части продовольствием, фуражом и починкой амуниции. В 1718-1762 годах видное место составляли обязанности по сбору подушных денег, борьбе с побегами и утайкой от обложения. Солдаты также участвовали в сборе различных окладных и неокладных сумм по уезду, контроле выборных посадских целовальников на таможнях.

Довольно широко военные чины, особенно офицеры, привлекались в административно-управленческих и хозяйственно-организаторских целях. В 1763-1783 годах, кроме замещения воевод, офицеры были экономическими казначеями у бывших монастырских крестьян края, а с 1780-х годов они встречаются среди надзирателей, или «посельщичьих смотрителей», в селениях крепостных, сосланных в зачет рекрутов.

Помимо фискально-финансовых и карательных функций, регулярные части постоянно использовались в охранно-полицейских целях. Гарнизонные солдаты во многом сменили, а с 1764 года почти везде полностью вытеснили казаков во внутренних городских караулах.

Жалованье солдат было настолько скудным, что правительство даже немногочисленных их детей уже с младенческого возраста брало на казенное содержание. Согласно «Инструкции полковнику» 1764 года солдатским детям в возрасте от двух до шести лет выдавали казенный провиант по четверику (пуду) в месяц и по половине гарнца круп (1 кг) каждому, или же деньгами по местным хлебным ценам. Тогда же с учреждением городских штатных команд вдовам гарнизонных солдат и отставным на пропитание была введена (исходя из общей для страны назначенной пенсионной суммы в 344 тысячи рублей) пожизненная пенсия — 2 рубля в год на себя и 3 рубля на детей. Деньги на содержание детей прекращали выдавать: мальчикам — со времени зачисления их в школы, а девочкам — по достижении ими 12-летнего возраста, после чего, если они не выходили замуж, их следовало отдавать на фабрики.

Живущие при полках вдовы получали на детей с двухлетнего возраста по четверику хлеба ежемесячно. В школы, сначала цифирные, а с 1732 года — полковые или гарнизонные, отдавали с семилетнего воз-

Солдатские трудовые будни на воде



раста, а сирот, по указу 1761 года, раньше, как не имеющих пропитания. По штатам 1731 года в первый год, «по вступлении в науку, пока изучают букварь и заповеди», школьник получал 1 рубль 35 копеек жалованья; затем, «по вступлении в письменную науку, и которые складывать писать будут, и обучаются петь, и арифметике, и музыке, и слесарному мастерству, и писарской должности», жалованье увеличилось до 1 рубля 59 копеек; наконец, «которые по окончании арифметики будут обучаться геометрии и фортификации», те получали 2 рубля 7 копеек. Кроме того, на каждого школьника отпускали ежемесячно муки по 2 четверика, круп — по 4 доли четверика и соли по 2 фунта.

Одежда и обувь тоже были казенные: раз в три года был положен мундир в виде кафтана из сермяжного сукна с красными обшлагами и роговыми пуговицами, крытая суровым полотном овчинная шуба, штаны толстого парусного сурового полотна, круглая красная суконная шапка с черным околышем и овчинным низом с нашитыми соответственно классу цветными кистями. Ежегодно на галстуки отпускались материя и деньги (3 копейки), две холстинные рубахи и двое портов, а также две пары башмаков с пряжками и две пары чулок. Обучающимся в третьем классе «в прибавок» отпускалось красное сукно на воротник к кафтану.

Обучение детей солдат, как, впрочем, и других чинов, было обязательным. Так, именным указом от 3 сентября 1736 года

под угрозой уплаты 100 рублей штрафа было объявлено, чтобы «офицерские, дворянские, солдатские и прочих чинов людей дети от семи лет и выше... явились (до 1 января 1737 г. — Г.Б.), и годные — в службу, а малолетние — в школы поступали».

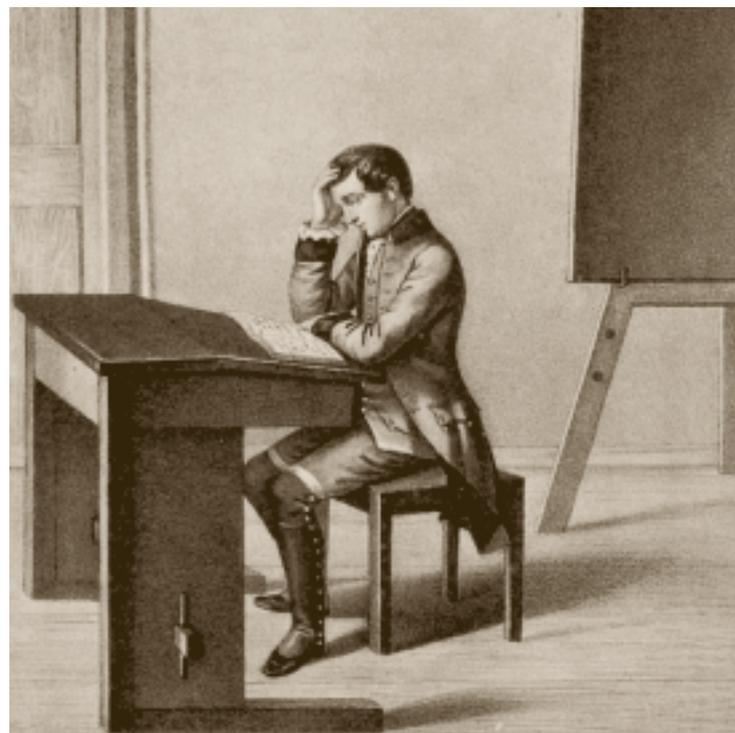
По указу Петра I в 1721 году в каждом гарнизонном полку устанавливалось 50 вакансий для солдатских детей, которых зачисляли в цифирные школы. Полковые школы, согласно указу от 2 сентября 1732 года, наполнялись уже из расчета 8 учеников на роту и 64 — на полк. С июля 1735 года разрешили принимать сверхкомплектных учеников, отпуская на каждого по четверику муки в месяц и 30 копеек денег, а в 1744 году цифирные школы слили с гарнизонными, разрешив обучаться в них всем желающим на своем содержании.

По новым штатам 1764 года каждая гарнизонная школа полка имела по-прежнему 50 вакансий, но из них 14 резервировались для офицерских, а остальные — для солдатских детей. Дети солдат, а со второй половины века — и казаков Приенисейского края, обучались в Тобольской и Томской гарнизонных школах.

Эта система ведомственного обучения детей личного состава вооруженных сил страны со второй половины XVIII века обеспечивала российскую регулярную армию хорошо подготовленным унтер-офицерским составом.



Кадет 1-го возраста сухопутного кадетского корпуса, 1767 г.



Ученик школы художеств при артиллерийском и инженерном кадетских корпусах, 1762-1784 гг.



Кадеты артиллерийского и инженерного кадетских корпусов, 1762-1784 гг.



Казачий офицер

Казачи

С введением подушного налога резко, до 874 человек, сократили численность верстанных казаков. Как и регулярное войско, оно стало превращаться к началу XIX века в замкнутую служилую корпорацию.

Казачи каждого уезда составляли организацию типа крестьянского волостного мира. Они регулярно собирались на свои казачьи круги — собрания, ежегодно распределяли между собой службы, связанные с материальной ответственностью (ясачный сбор, таможня, перевозка казенных грузов) и длительными отлучками из дома (годовая служба, участие в работе научных экспедиций и т.д.). Причиненный казне материальный ущерб возмещался сообща. Казачий круг распоряжался общим имуществом и свободными сельскохозяйственными угодьями, отведенными казакам. Выбираемый казачий голова утверждался воеводой и подчинялся ему.

Казачьи дети, получив специальную подготовку, заступали на места своих отцов. В прежнем круге их служебных обязанностей расширились административно-полицейские функции. Казачи по-прежнему не платили

подушных денег и получали жалованье. Однако они оставались «вооруженными крестьянами с наделом». Рядовая масса казаков занималась производительным трудом. По своему усмотрению казна меняла им место жительства. На мужскую половину казачьих семей фактически ввели поголовную рекрутскую повинность. Имеющихся сверх штатного числа служилых казачьих детей казна отрывала от семей, включала в регулярные полки солдатами, употребляла на заводские работы и «казенные надобности». Поэтому многие рядовые казаки и их дети старались при благоприятной возможности выйти из служилого сословия. Богатая же верхушка дорожила почетным и привилегированным положением служилого человека. От обременительных служб они избавлялись, нанимая за себя казачью бедноту.

В должностном отношении верхушку казачества в званиях «сибирский дворянин» и «сын боярский» приравняли с 1765 года к рангам канцеляриста и подканцеляриста, что тоже привело к росту числа чиновников. На штатной казачьей службе прежние эти звания сохранялись до конца века и передавались обычно от отца к сыну. В Красноярске дворянами и

Казачи Сибирского казачьего войска, 1812-1825 гг.



Тип сибирского казака XVII-XIX вв. Эскиз для одной из центральных фигур картины В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Изобразен дядя со стороны матери из семьи потомственных казаков Торгашиных

детьми боярскими в XVIII веке служили представители 15-20 семей, в том числе Нашивошниковы, Елисеевы, Дардаевы, Терентьевы, Цыренциковы, Замятнины, Иконниковы, Красиковы, Толцины, Жаровы, Юшковы, Таракановские.

По-прежнему сибирские дворяне и дети боярские обычно выступали низшей администрацией: в крестьянских волостях-присудах они были приказчиками и комиссарами, на границе ведали караулами, на таможах отвечали за исправный сбор торговых пошлин, в ясачных волостях собирали ясак, а в казенных деревнях, населенных ссыльными, являлись «посельщичьими» смотрителями. Знающие грамоту сидели в канцеляриях, иногда десятками лет дожидаясь чиновничьей вакансии. С 1780-х годов из-за отсутствия дворян-чиновников из казачьей верхушки стали назначать дворянских заседателей в уездные учреждения, а также почтмейстеров и казначеев, присваивая им первые классные чины и ранги. По военному ведомству статус личных дворян они получили позже, уже в XIX веке, через присвоение особых казачьих офицерских чинов хорунжего и есаула.

В целом отрыв казачьей старшины от рядовой массы служилых людей в течение XVIII века принимал все более явственный классово-антагонистический характер. Старые сословно-корпоративные рамки сохранялись.

Казачи по-прежнему не платили подушных денег и получали казенное жалование. Их административно-полицейские функции, особенно у живших в городах, с ростом населения расширялись. При этом в связи с мерами по укреплению южносибирских границ в Красноярской казачьей команде, как и во многих других уездных командах, стали различать пограничных и городских казаков. Первых специализировали на караульной службе по «Абаканской границе». Им разрешили переселяться в соседние с ней районы. Находившиеся же в городе и ближней к ней округе городские казаки все реже использовались в качестве иррегулярных войск. Это можно видеть из группового портрета 52 красноярских казаков. Средний возраст отслуживших казаков (при максимуме 77 лет и минимуме 24 года) составлял 58,6 года, из них 39 лет (при максимуме 59 и минимуме 6 лет) было отдано службе, то есть каждый казак начинал служить в 19,6 года (при максимуме 61 и минимуме 9 лет). Все они по происхождению были местными казачьими детьми. Исключение составлял 67-летний Осип Войцеховский «из польских конфедератов», внесенный в казачьи списки 44-летним в 1771 году.

Уровень грамотности казаков был выше, чем у тяглых горожан, составляя более 10 процентов (6 из 52 человек). Каждый второй (22 из 52) из них являлся счетчиком, вахтуром, делал казенные



Казак

ОБЖЕРИН (1742-?), местный уроженец, начал служить с 1762 года в 20-летнем возрасте. Кроме «караулов» в городе, он в 1765-1766 годах закупал фураж для Кольванского драгунского полка, в 1776-1778 годах отвозил денежные суммы в губернские города Тобольск и Иркутск, а с 5 июля 1785-го по 6 августа 1787 года толковый грамотный сотник находился «у описания рода и сочинения истории иноверцев». Эти историко-этнографические занятия Обжерина, скорей всего, следует связывать с деятельностью ботаника и просветителя С.М. Кашкарева, который именно в эти годы исполнял должность капитан-исправника Красноярского уезда. Обжерин был женат на дочери крестьянина Орине Терсковой, но детей не имел. Прослужив 32 года, он вышел в отставку из-за «падучей болезни» и увечий. Как и 23 других казака, он показал, что будет жить в Красноярске — «на своем пропитании».



Казачи в походе. Рисунок Д.А. Аткинсона

САМОЙЛОВЫ — старинная енисейская фамилия, самые крупные частные землевладельцы XVIII века. По фамильным преданиям, основатель рода Карп Самойлов прибыл из Москвы в Сургут в 1649 году с двумя дворовыми на службу стрелецким и казачьим головой. С 1660 года в Енисейске. Вместо хлебного жалования взял землю на Подтесовом острове близ Енисейска. Его сыновья, Тимофей и Семен, были детьми боярскими. Алексей Тимофеевич в окладе сибирского дворянина долго был местным казачьим головой. Кроме д. Подтесовской (она же Дурнина и Кекурская) завел еще д. Черемнину и Самойловку. В 1736 году купил за 170 рублей у дворян Истоппниковых соседнюю д. Трескину с двумя семьями крепостных (10 человек). Старшему сыну Ефиму в 1741 году передал свою должность казачьего головы и звание сибирского дворянина. Одно время был в Мангазее «за воеводу». Остальных четверых сыновей (Петра, Степана, Антона и Константина) записал в торгово-ремесленные сословия. В начале 1760-х Антон исполнял должность президента Иркутского провинциального магистрата. Как депутат Уложенной комиссии 1767 года рьяно отстаивал интересы имущей верхушки сибиряков. Петр выдал свою дочь за Федора, сына Красноярского воеводы И.Я. Пельымского, сержанта Якутского полка. Константин Самойлов стал одним из видных участников освоения Русской Америки. Три сына Ефима тоже пошли по военной линии и выслужили первые офицерские чины, как и старший сын Степана Михаил. В начале 1790-х годов они перешли в гражданское ведомство, став дворянскими заседателями Мологского уезда Ярославской губернии, в Ачинском, Енисейском и Нарымском нижних земских судах. В 1760-1780-х годах у семьи Самойловых числилось более 100 человек дворовых и крепостных крестьян. Несмотря на запреты верховной власти, Самойловы, используя дворянский статус двоих своих членов, до 1861 года сохранили земли (до 150 тысяч десятин) и десятки крепостных.

закупки продовольствия и разных припасов, что предполагает наличие у них элементов грамотности и знания устного счета. Больше половины казаков (всего 29) побывали в дальних «посылках» за пределами своего уезда, в том числе на Колыванской военной линии на Алтае (от 10 лет до года), на Иртышской, Кузнецкой и Нижнеудинской границах, в Тобольске и Иркутске, на Нерчинских горных заводах. Лишь каждый пятый служил в самом Красноярске.

Наиболее своеобразной была служба 52-летнего сотника Степана Ивановича Обжерина.

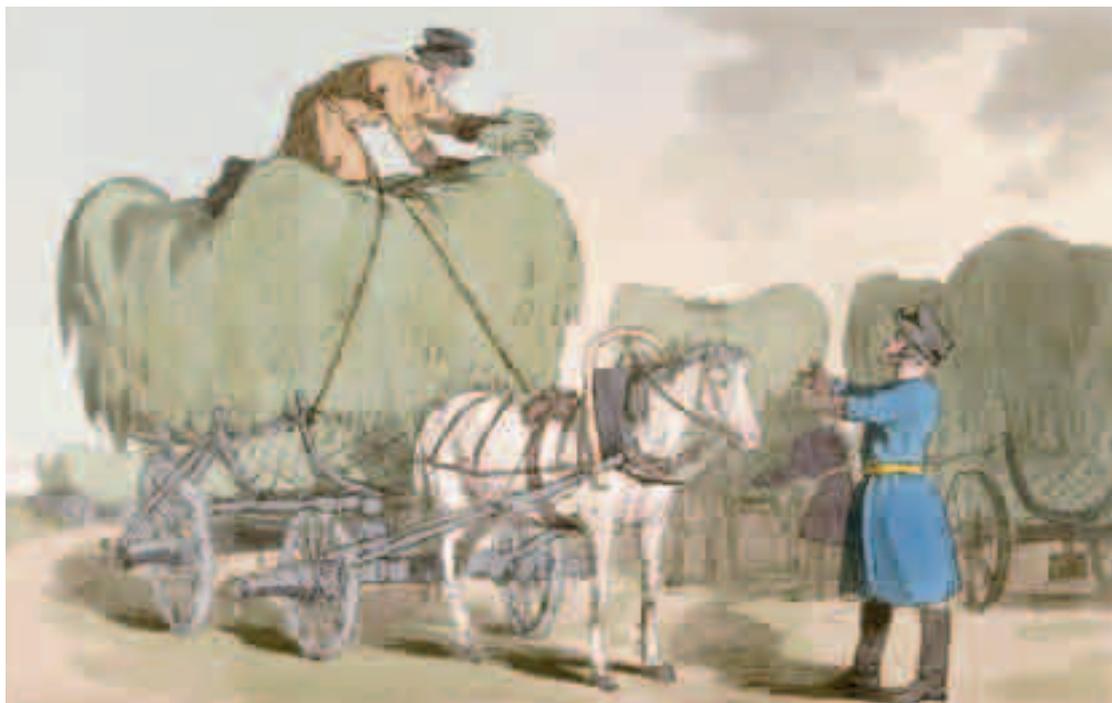
О тяготах казачьей службы свидетельствуют и мотивы отставки. Из-за различных болезней непригодными оказалось больше казаков, нежели из-за старости (соответственно 28 и 24), причем у 14 «старых и дряхлых» возрастные недуги сопровождались болезнями или увечьями. Довольно высоким был удельный вес покалеченных (10 из 52), в основном от «конского бою». Среди болезней чаще всего встречаются глазные (10 человек «глазами тупы и слепы»); внутренние («нутряная болезнь», чахотка, удушье); недуги простудные (ломота в ногах и руках, шум в голове, пальцы свело и т.п.), а также цинга, кила, «слабость корпуса», падучая, венерические болезни.

Тяготы службы неблагоприятно сказывались и на семейной жизни красноярских казаков. Так, в 1794 году из 39 красноярских казаков со средним возрастом 36 лет и стажем службы 19 лет были женатыми 32. Судя по среднему возрасту сыновей (7,5 года), браки были сравни-

тельно поздними — в 27-28 лет. Таким образом, эта группа казаков демографически себя не воспроизводила.

Рядовые казаки, как обычно, занимались производительным трудом: держали скот, огороды, плотничали, «кузнечили», гнали деготь, столярничали, шили одежду, обувь, нанимались «в разные работы» в свободное от службы время к купцам и местным классным чиновникам. О близости к труженикам свидетельствуют и родственные связи казаков. Так, в 1794 году даже у старшин Красноярской казачьей городской команды (у 3 атаманов, 10 сотников, 15 пятидесятников, урядника, «подпрапорного» — знаменосца и 9 капралов) почти все жены были тяглого происхождения: у 15 отцы из крестьян, у 5 — из мещан, у 10 — из казаков и у двух — отставной солдат и ясачный. До начала 60-х годов XVIII века власти подходили к штатному казачеству как к полностью сословно замкнутому, с автономным, не связанным ни с военным, ни с гражданским ведомствами, чиновничеством. С 1740-х годов казаков стали усиленно военизировать. До начала XIX века казаки были подсудны военным властям, хотя с введением Полицейского устава 1782 года их подчинили к городничим.

Служебный статус казаков характеризовался отсутствием свободы выбора места поселения, но с правом ведения своего личного хозяйства, для чего желающим вместо хлебного жалования отводились сельскохозяйственные угодья (с 1773 года — всем по 15 десятин разных угодий). С другой стороны, правительство так невысоко ставило их статус, что более 70 лет (с 1721 по 1797 год) допускало двойную



Сословные группы	Уезды						Итого, тыс.	
	Мангазейский		Енисейский		Красноярский			
	1762 г.	1795 г.	1762 г.	1795 г.	1762 г.	1795 г.	1762 г.	1795 г.
Духовенство	17	32	90	158	132	220	0,2	0,4
Военно-бюрократическое	181	143	572	341	425	704	1,3	1,2
Крестьяне	381	273	10 949	11 184	9502	21 863	20,1	33,3
Торгово-ремесленное	245	429	3172	3941	1894	3889	5,3	8,3
Итого	842	879	14 788	15 624	12 023	22 676	27,7	43,2
В т.ч. горожане, %	29,7	39,4	16,6	17,8	15,8	4,2	16,0	9,8

Таблица 3.4
Сословный состав
русского населения края,
в душах мужского пола

сословную принадлежность тех сибирских казаков, которые добровольно вступали в службу, будучи по происхождению тяглецами. По роду занятий и жалованью они считались казаками, но одновременно числились в податных и несли тягло крестьянина или посадского. Поэтому многие рядовые казаки и их дети старались выйти из служилого сословия. Богатая же верхушка дорожила почетным и полупривилегированным положением служилого человека.

Довольно невысоко оценивали служебный статус казачьей старшины. Хотя за заслуги им стали давать небольшие классные чины по военному или гражданскому ведомству, но жалованье им обычно оставляли прежнее, казачье, которое было во много раз меньше. Местные власти и Сенат до XIX века не признавали за казачьей старшиной в классных чинах даже лично-дворянского права.

Таким образом, служебный статус казачества Сибири характеризовался

противоречивыми признаками, что свидетельствовало о незрелости их общей сословной организации, слабой вычлененности казаков из трудовых слоев населения. Более четко их положение было определено реформой М.М. Сперанского.

В целом сохранение функционально универсальных казачьих иррегулярных частей в ставшей преимущественно крестьянским краем Сибири свидетельствует о гибкости управленческого аппарата российского абсолютизма на восточной окраине страны, сочетавшего в себе как некоторые бюрократические элементы пробуржуазного типа, так и традиционные старофеодальные средства поддержания классового порядка. Сибирское городское казачество, вновь подчиненное в начале XIX века гражданским властям, являлось военно-бюрократизированным и слабо вычлененным сословным разрядом феодального типа.



У караульной городской будки

«Голубение» —
выбор невесты.
Рисунки
Д.А. Аткинсона





Перед дальней дорогой

Тяглые сословия

Царское правительство усиливало крепостническую политику в Сибири. Активно насаждалось уравнильное наделное землевладение. За используемые сверх положенных 8 десятин земли на ревизскую душу энергичнее взимали оброчные деньги. Жестче стали относиться к самовольным переселениям внутри края, уезда. Вместе с тем продолжали развиваться кабальные отношения крепостнического типа между богатыми и неимущей частью населения. Иногда вместо уплаты процентов за занятые деньги беднякам приходилось отдавать в заклад, как вещь, своих детей.

«...взял я, Земской, у него, Терского, для платежа в казну подушных и для своих надобностей денег 80 рублей, в которых деньгах заложил дочь свою родную Екатерину, которой жить пять лет без всякой платы, платье и обувь носить собственное его, Терского, в случае же по власти Божию она, Катерина, умрет, в том должен я, Земской, отдать другую, а по прошествии 5 лет вышеописанное число деньги ему, Терскому, отдать без всякого прекословия».

Закладное письмо курагинского крестьянина Никиты Земского красноярскому мещанину Семену Терскому. 30 декабря 1800 г. // Ватин-Быстрянский В.А. Село Минусинское : Исторический очерк. Минусинск, 1914. С. 119.

Пахарь.
Рисунки
Д.А. Аткинсона

Найм — кабала был распространен не только среди русских, но и между русскими и ясачными. Известны также случаи, когда у хакасских князей и родовых старейшин работали «в наймах» русские бедняки.

Крестьянские миры и мещанские общества нередко выталкивали из своей среды обедневших своих членов. Не желая платить за них раскладкой подати, они сдавали бедняков в рекруты, назначали в принудительные работы на заводы или к частному лицу для «зарабатывания» подушных денег, отправляли в числе казенных переселенцев в другие районы Сибири.

Крестьяне

Ведущей группой стали крестьяне. После первой подушной переписи ряды оброчных землепашцев пополнили под именем разночинцев многочисленные невестинные казачьи дети и отставные казаки с семьями. К 1762 году их окончательно включили в состав потомственных крестьян. Все категории крестьян с первой ревизии платили по 70 копеек подушного налога на содержание армии. Оброчные же 40 копеек казенные крестьяне платили «за место помещичьего доходу», а пашенным крестьянам засчитывались за казенную пашню. Этим Петр I государственных крестьян в экономическом смысле приравнял к крепостным. В сущности, этим вводился казенно-крепостнический уклад налогового типа с централизованным налогом — рентой.



Прочие вносили за них хлебный провиант с каждой ревизской души по 9,5 четверика ржи и овса (всего около 19 пудов). С 1728 года пашенные крестьяне остались только в Красноярском уезде, где имелись массивы целинных плодородных земель, ставшие доступными для труженников.

С 1740-х годов каждый десятый крестьянин и разночинец оказался еще и записным казаком, готовым по первому требованию местных властей влиться с оружием в руки в ряды казаков для защиты южных границ Сибири. Из натуральных повинностей, кроме заводских отработок, самой тяжелой стала подводная повинность. Крестьяне и разночинцы по очереди дежурили 4-8 недель в году со своими лошадьми на станциях и зимовьях тракта, возили почту, всех проезжающих с подорожными, заготавливали фураж, восстанавливали после ежегодных паводков мосты, засыпали ямы и колдобины проезжей части дороги, ремонтировали казенные строения.

Новой категорией сельского трудового населения Енисейского и Красноярского уездов были горнозаводские крестьяне. Красноярские казенные заводы 1737-1743 годов оставили о себе у трудового населения края недобрую память. Казна фактически сделала крестьян и разночинцев приписными. В зачет подушных денег они выполняли все вспомогательные работы (основными занимались



В дальний путь к заводам

переведенные с Урала мастеровые и 550 ссыльнокаторжных). Крестьяне и разночинцы возили на своих лошадях землю в плотины, дрова, руды, флюсы, продовольствие, выжигали древесный уголь, гнали из бересты деготь, ремонтировали заводские плотины и подсобные помещения. Чтобы отработать 2-3 рубля за семью, из Енисейского уезда ехали за 200-600 верст. Найм за себя «в заводские работы» обходился енисейским крестьянам в 12-15 рублей, в то время как пуд хлеба стоил 10-12 копеек.

«Высланы мы были по указу из Енисейской провинциальной канцелярии назад тому лет с 30 выше города Красноярска на рудники года по 4 на медной и на железной заводы для работы плотинной и во всякие заводские

Крестьянское подворье середняка. Рисунки Д.А. Аткинсона





Заготовка дров —
забота о тепле

работы человек по 100. В первую — летним временем, с коньми и телегами и со всем своим припасом, а зимой — с санями. За которую нам работу с тех рудников полнова плакату было не давано. И кормить лошадей нечем, також и сами питались с великою нуждою не могли, и с голоду пропадало лошадей по 100. Едва и сами пешие за дальностью расстояния верст приходили, а иные питались христовым именем. И от того приходили в крайнюю нужду и разорение и от пашни своей отставали».

Из наказа крестьян Анциферовского присуда Енисейского уезда о заводских тяготах. 1 марта 1767 г. // Белявский М.Т. Наказы сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 183.

При возобновлении работы Ирбинского завода в 1764-1771 годах к нему были приписаны 2500 ревизских душ подгородных Ладейского и Частоостровского присудов Красноярского уезда. При этом за умерших, беглых и неимущих все платежи и работы выполнялись «соопча раскладкою».

«Были посланы по присланным из Енисейской провинциальной канцелярии по разным насланным указам, а когда, куды посылаемы, тому значит ниже сего, а именно: на рудники на Майнский и на Железной (припиской. — Г.Б.) и работали всякую работу, и ходили под

казенным провиантом до Барнаулу и до Бейской крепости в тяге, тако же и гужем, и от посторойки мостов, и от очищения дорог, и от подворной гоньбы, и работали казенные плашкоуты и суда, и казенной воевоцкой двор и тюрьму, и казенные кладовые, и амбары. От которых работ и произошли в нищету».

Из наказа Уложенной комиссии крестьян и разночинцев Бельского острога Енисейского уезда о составе своих натуральных повинностей. 1767 г. // Белявский М.Т. Наказы сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 193.

С отменой десятинной пашни в 1762 году пашенные крестьяне слились с оброчными. Лишь по названию особой их категорией стали экономические, то есть бывшие монастырские, крестьяне. Не стало выписных казаков и разночинцев первой половины XVIII века. Занятая торговлей имущая верхушка была выделена в «купечествующих крестьян». В целом крестьяне края стали составлять к концу века довольно многочисленную часть государственных крестьян Сибири (33,3 тысячи ревизских душ). Возрос их удельный вес среди других слоев населения края — 77 процентов русских (табл. 3.4).

Изменился состав крестьянских платежей и повинностей. С развитием товарно-денежных отношений возросла роль денежных платежей. С каждой ревизской



Обездоленный



У речного причала.
Погрузка товара.
Рисунки
Д.А. Аткинсона

души вместо оброчного хлеба и «государевой пашни» стали взимать по одному рублю оброчных денег. К концу столетия казна увеличила сумму оброка до 3 рублей 65 копеек. Для подводной гоньбы крестьяне стали нанимать притрактовых жителей. Часть их превратилась фактически в ямщиков. Возросло число крестьян-отходников.

Наемная рабочая сила больше всего использовалась на водном транспорте. В одном Енисейске крестьяне нанимались в десятки артелей, которые проводили бичевником купеческие и казенные суда с кладью.

Возросли расходы крестьян на волостное самоуправление. По всей стране с IV переписи (1782 г.) крестьянам вновь запретили записываться в торговоремесленные сословия, хотя Манифест 1775 года провозгласил право свободно заниматься ремеслами и промыслами. Правда, в сибирских городах крестьянам нельзя было торговать теми товарами, которые были самыми доходными для посадских. Так, красноярским крестьянам запрещалось выделывать и продавать кожи, обувь, скупать скот. Живущих в городах крестьян начали переселять в сельскую местность, а деревенских посадских и цеховых, наоборот, водворяли в города. Но казна мало преуспела в стремлении привести к полному соответствию рода его занятий и места жительства к сословной принадлежности труженика.

К 1795 году в крае только официально числилось около 800 городских крестьян-налогоплательщиков. Немало было и таких, что формально были записаны за каким-либо селением, а жили в городе и занимались неземледельческим трудом. В то же время каждые два из трех посадских, или свыше 5,5 тысячи ревизских душ, продолжали жить по деревням и заниматься хлебопашеством.

В этих условиях существовавшие трудовые сообщества и артели дополнялись быстро крепнувшими общедеревенскими и волостными (по присудам) союзами тружеников. Казна настойчиво насаждала такие сельские миры с их круговой порукой и коллективной ответственностью, так как это помогало получать дополнительные средства. Рядовые труженики видели в сельской общине средство спасения своих мелких хозяйств путем справедливой раскладки всех тягот и платежей по «прожиткам и семьям». Но мирская организация чаще всего оказывалась в руках зажиточной верхушки и обращалась ею против рядовых общинников. Вместе с тем сельская община помогала дать отпор зарвавшимся сотским, приказчикам, управителям, комиссарам, чинам воеводских канцелярий. Сложная же волостная община окончательно сложилась у крестьян к концу XVIII века.

Торгово-ремесленные разряды

Купцы, посадские (с 1775 года мещане), цеховые по-прежнему сильно разли-



Крестьянка с ребенком

*На сельском сходе.
Рисунки
Д.А. Аткинсона*



ТЮРЕПИН Иван Михайлович — «первостатейный» купец Енисейска середины XVIII века. В 1744 году брал на четыре года на откуп кабацкие и питейные сборы в Мангазее с уездом, а также на красноярских горных заводах. Под предлогом частых отлучек из города по откупным делам добился в 1745 году отмены выбора его в городской магистрат ратманом. Был судьей в словесном суде (1764, 1765, 1777 гг.). Происходил из красноярского купечества. Его отец — «Михайло Иванов сын Тюрепин», природный красноярский купец. Из «Списка настоящих городских обывателей» за 1786 год видно, что он «пропитание имел от продажи разных мелочных сумм по доверенности от разных купцов». Сын Ивана Алексей по ведомости Тобольского наместничества 1783 года показан купцом III гильдии с капиталом в 1005 рублей. Кроме традиционной торговли в Туруханском крае занимался еще кузнечным делом.

Городской торг

чались по своим хозяйственным занятиям и месту жительства. Больше половины посадских и цеховых жили в сельской местности и средства к существованию добывали земледельческим трудом. Однако в податном и судебном отношении они подчинялись городу и входили в общеуездные посадские общины. Сельская ее часть состояла из более мелких, типа крестьянских, посадских миров-станков. Верхушку посада составляли купцы, кабалившие бедняков различных сословий.

До первой подушной ревизии в торгово-ремесленное население записывали по желанию или принудительно без учета прежних занятий и сословной принадлежности. Затем до 1782 года по общерусскому законодательству можно было в любое время фактически перейти в эти сословные разряды, официально оформляя этот переход в очередную ревизию. По сути дела, имела место двойная сословная принадлежность. Основные подушные и оброчные платежи делались по прежнему месту жительства и сословному разряду, а мирские раскладки — по новому, пока временному статусу.

Более престижный по сравнению с крестьянским сословный статус торгово-ремесленного населения и относительная свобода сословных переходов сказались на общей, до XIX века более высокой, чем в Европейской России, численности торгово-ремесленных сословий в уездах Приенисейского края: в 1713 году — 2,9

тысячи душ мужского пола (21 процент), из них 1,5 тысячи негорожан; в 1722 году — 3,8 тысячи ревизских душ (20,1 процента), в том числе 2,5 тысячи негорожан; в 1747 году (соответственно) — 5,1 тысячи (20 процентов) и 3,5 тысячи негорожан.

По составу, характеру платежей и натуральных повинностей торгово-ремесленное население было связано с феодальными отношениями казенно-крепостнического и чернососного типов. На общинные нужды и уплату за «безвозвратно убылых» и бедных ежегодно взимались мирские деньги раскладкой. Со звериных ям, кузниц, мельниц, рыбной ловли, харчевен платилось 10 процентов годового дохода (десятичный промысловый налог).

К этим платежам близки по экономической сути различные натуральные службы: сбор таможенных пошлин на рынках с купли-продажи различных товаров, с проезда через мосты, с паромов, продаж казенных вин, соли, пушнины и др. Они занимали ежегодно до трети всех взрослых членов торгово-ремесленных сословий.

Много времени отнимало участие в городском сословном самоуправлении. С развитием городов расширился и состав прежних «государевых служб» посада. Значительные средства шли на содержание городских магистратов, земских изб и ратуш — органов введенного при



Петре I городского самоуправления. В целом реальное положение посада мало чем отличалось от положения крестьян, но сословное положение посадского было несколько выше и почетнее крестьянского.

Губернская реформа 1775 года и Жалованная грамота городам 1785 года мало что изменили в социальном положении жителей сибирских городов. Более четко выделилась имущая верхушка бывшего посада. Она вошла в состав купцов трех гильдий и платила подходящий налог в размере одного процента с объявленного капитала. Купцом третьей гильдии мог стать любой, объявивший более 500 рублей капитала в деньгах, товарах и недвижимости, второй гильдии — с капиталом более одной тысячи рублей, а для записи в первую гильдию нужно было иметь более 10 тысяч рублей. За деньги же гильдейские купцы, всего около 300 человек, были освобождены от рекрутчины. Крупных купцов было немного.

Основная масса горожан стала называться мещанами. Цеховые организации ремесленников сохранились. Отмена в 1754 году внутренних таможен облегчила торговлю, но многочисленные оброчные неокладные сборы сохранялись до 1775 года.

Натуральные службы еще оставались. Они сковывали хозяйственную инициативу и свободу передвижения. Все члены городских общин долго и безуспешно добивались монопольного права на

торгово-ремесленные занятия. После 1775 года они добились частичного ограничения крестьянских промыслов и не-земледельческих занятий. Это тормозило поступательное развитие городов за счет углубления второго общественного разделения труда. Посадские миры Енисейска и Красноярска соперничали между собой, с посадом Иркутска и Томска в хлеботорговле и скупке скота. Красноярские купцы, например, настойчиво требовали исключительно для себя права скупки скота у хакасов.

Юридическое положение мещан по-прежнему считалось более высоким, чем положение крестьян. Поэтому в Сибири, где легче было осуществить межсословные переходы, удельный вес мещанского населения был выше, чем в Европейской России. Торгово-ремесленные категории в нашем крае, например, составляли к 1795 году свыше 8 тысяч налогоплательщиков, или более 19 процентов всех русских жителей, в то время как во всей России всего — 4,5 процента. Незначительной была численность так называемых разночинцев, живших главным образом в городах. Содержание этого понятия в корне изменилось. Ими стали называть неподатных отставных солдат, служилых людей, детей церковников. Члены же их семей платили подати и должны были записаться в одно из тяглых сословий. Только в 1787 году отставных казаков оставили в прежнем сословии и сняли тягло.

ПОРОХОВЩИКОВЫ братья Петр (1742-?) и Егор (?-?) — самые крупные купцы Красноярска в XVIII веке. Пошли от ссыльного московского посадского Леонтия Сидоровича Пороховщикова, записавшегося в красноярский цех во II ревизию в 1747 году, а в 1762 году — в посад. Торговлю пушниной и кожей сочетал с бочарным ремеслом. Разделившись после смерти отца (1775), братья записались купцами III гильдии, объявив по 525 рублей капитала, торговали «немецкими, китайскими и российскими товарами, пушниной, лошадьми и рогатым скотом на Ирбитской ярмарке в Енисейске, Иркутске, Мангазее и при Кяхте». Контролировали мелочный торг по селам и деревням Красноярского уезда. В гостином дворе владели четырьмя лавками и двумя подвалами. Петр — один из комиссионеров по продаже казенной соли по уезду; арендовал самую крупную в уезде рыбную ловлю за 4 рубля 15 копеек в год, владелец мыловарни. Братья занимались скупкой хлеба для отправки в низовья Енисея, Чулыма и Оби; поставляли провиант для выкурки вина на казенных Каменском, Боготольском и Краснореченском заводах. На «порожных землях» Егор организовал хлебопашество. В 1786 году Пороховщиконы стали первыми и единственными в XVIII веке в Красноярске купцами II гильдии, объявив за собой 5100 и 5025 рублей капитала. Дети Петра — Евграф (1772-1840) и Александр (1780-1835) к 1815 году не смогли удержаться в купечестве, но внук, Петр Евграфович (1808-?), в 1841 году смог вернуться в купеческое сословие и продержался в нем до начала 1860-х годов.



*Разгрузка товаров.
Рисунки
Д.А. Аткинсона*

Оленные тунгусы
 мужчина и женщина
 в летних платьях.
 Из атласа
 Г.А. Сарычева, 1802 г.



Самоедка (остячка)
 с ребенком



Качинская девушка
 с лица.
 Из книги И.Г. Георги

Ясачные

Противоречия между родовой верхушкой и рядовыми кочевниками — скотоводами и охотниками — продолжали углубляться. Форма феодальной эксплуатации нерусского населения почти не изменилась. Лишь разрешено было вносить вместо пушнины деньги из расчета один рубль за одного соболя. Полным ясаком обложили обитателей южных районов края и уменьшили число аманатов. Участились поземельные споры с русским населением. Отдельные русские семьи, чтобы получить в свое распоряжение нужные земельные угодья, соглашались взять на себя уплату ясака. В северных же районах края часть крестьян и разночинцев добивалась, чтобы вместо хлебного оброка с них брали пушнину. Их называли «русские ясачные». Они усваивали хозяйственно-бытовой уклад коренного населения, единственно возможный на том уровне цивилизации. Это способствовало повышенной метисации, то есть смешанным бракам между русскими и тунгусами, а также якутами, обитавшими по правобережью Анабары. Этим закладывалась основа новой уникальной общности современных долган. Таким образом, на пограничной северной территории, которая являлась стыком двух цивилизаций, аборигены севера ассимилировали пришлых русских. Это очень редкий для Западной Европы и Америки тип фронта.

Значительно усилилась христианизация ясачных. «Новокрепченны» получали

на 5-6 лет освобождение от ясака и комплект русской летней и зимней одежды. Они должны были жить оседло и отдельно от прежних сородичей. Правовое положение «новокрепченнов» приравнивалось к положению крестьян. Появление русских ясачных и права «новокрепченнов» — яркое свидетельство юридического равенства различных этнических групп трудового населения края.

Их правовое положение тоже изменилось. После ясачной переписи 1762 года ясак стал обогащать царскую фамилию Романовых. Ясачные оказались особой разновидностью дворцовых крестьян. Родовой верхушке и старейшинам передали право сбора ясака. Это усилило внутривидовую кабалу и похолопывание бедных родовичей. Резко возросла доля денег в сдаче ясака, в южных районах — до 80-90 процентов.

На основе южных тюркоязычных племен интенсивно формировалась хакасская народность. В состав хакасов включались кетоязычные арины, ястынцы и яринцы, а также некоторые самодийские рода. В то же время в земледельческих районах продолжался процесс слияния части коренного населения края с русскими. У северных эвенков и самодийских племен темпы социального развития оставались замедленными. Русских в тех районах было значительно меньше, поэтому они слабее влияли на жизнь местного населения.

Все трудовое население оставалось в большинстве своем мелкими собственниками-тружениками. Это определяло двойственность их социального поведения. К сотрудничеству с властями их принуждали не только сверху, но и собственные имущественные и частные интересы. И как члены низовых властных звеньев — простых и сложных общин, и как налогоплательщики, и как частные лица труженики часто апеллировали к властям и сами поддерживали установленный социальный порядок. Они отвечали за недоимщиков, ловили беглых и ссыльных, обеспечивали казенный интерес в таможенных, провиантских и соляных магазинах, кабаках, на торгах и ярмарках. Вместе с тем труженики, являясь объектом эксплуатации и произвола со стороны центральных и местных властей, продолжали протестовать против тягот своего положения «как умели и как могли».

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Формы социального протеста оставались неразвитыми и пассивными. Исключение представляла Вторая Красноярская шатость, состоявшаяся в 1717-1722 годах в связи с ухудшением положения казаков и подушной реформой.

Это массовое выступление казаков в Красноярске было направлено против превращения большинства из них в податных разночинцев. Толчком к открытому протесту послужило распоряжение строить силами казаков Саянский острог, а также произвол и взятки местного коменданта Зубова. 2 марта 1718 года выборные от казаков, а также крестьян и ясачных официально заявили «отказ от воеводства» Зубову. «Мирское челобитье» об этом и просьбу вернуть старого коменданта И. Козлова не раз возили в Томск и Тобольск. Руководителями выступления кроме сибирских

дворян Ильи и Ивана Нашивошниковых были «старые бунтовщики» — участники шатости конца XVII века казаки Мартемьян Петлишный, Гаврило Птицын и Ерофей Ошаров. Они «пересылались» с гарнизонами местных острогов, ясачными князьями и крестьянами по присудам уезда, устраивали тайные совещания для обсуждения плана действий, собирали деньги на нужды движения, организовали коллективный отказ Зубову. Комендант пытался в свою очередь обвинить своих противников в государственной измене, чем и объяснял нежелание казаков ставить Саянский острог, и в отступлении от «проекта» при строительстве укрепления. Красноярцы и на этот раз избежали сурового наказания, так как сибирский губернатор князь М.П. Гагарин был смещен, и все его распоряжения были поставлены под сомнение.



Герб князей Гагариных.

Князь Матвей Петрович ГАГАРИН (ок. 1659-1721) (портрет не найден) в Сибири начал служить в 1691 году товарищем воеводы у родного брата Ивана в Иркутске, в 1693-1695 гг. был воеводой в Нерчинске. С 1711 по 1717 г. — губернатор новоучрежденной Сибирской губернии. За злоупотребление, произвол и присвоение подаренного иркутскими купцами Екатерине I крупного алмаза повешен в Москве в 1721 г. по личному приказу Петра I



Карта Сибири, составленная по материалам Первой Камчатской экспедиции 1726-1727 годов

Вся Сибирь составляла до 1764 года одну Сибирскую губернию с центром в городе Тобольске. Территория Приенисейского края — в левой стороне карты. Дана по карте геодезиста П. Чичагова, которая не сохранилась. Портретные клейма изображают места обитания сибирских аборигенов.

НАШИВОШНИКОВЫ — влиятельная старожильческая фамилия Красноярска в XVII-XVIII веках. Относились к казачьей старшине. Имели звание сибирских дворян и детей боярских. Выполняли ответственные службы: сын боярский Иван участвовал в выборе места под Саянский острог, а красноярский дворянин Илья возглавлял его строительство в 1717-1718 годах. Он же был одним из руководителей Второй Красноярской шатости. Сын боярский Иван был в 1760-х годах управителем Абаканского комиссарства. После введения подушной подати и сокращения казачьих штатов часть Нашивошниковых оказалась в податном сословии разночинцев и со временем превратилась в торговцев и ремесленников. Так, в 1747 году разночинец Иван Федорович Нашивошников (1727-?) записался в посадские. Занимался скупкой хлеба, пушнины, скота, лавочной торговлей в Красноярске. В 1775 году записался в купцы III гильдии, объявив за собой 510 рублей капитала, в 1780-е годы вышел из них из-за долга в 300 рублей. Видную роль Иван Федорович играл в местном самоуправлении: был словесным судьей, таможенным головой, а в 1761-1763 годах — бургомистром. Его сын Федор (1752 — до 1819) тоже нес различные общественные службы; в 1782-1785 годах был городским головой. По V ревизии в 1795 году вошел в купцы III гильдии, но к 1808 году с семьей сыновьями (Иваном, Михаилом, Андреем, Иваном, Николаем, Степаном и Василием) переписался в мещане. Один из его внуков, Гаврило Степанович, в 1858 году был купцом III гильдии и вел торговлю с помощью двух приказчиков. Нашивошниковы живут в Красноярске и в настоящее время.

Казнь Пугачева и его соратников 10 января 1775 года в Москве



Императрица Екатерина II (Великая) — идеолог «просвещенного» абсолютизма

Огромными и хроническими стали недоимки. Они накапливались из года в год, пока правительство, потеряв надежду «доправить» невыплаченные долги, не отменяло их под благовидным предлогом. Участились скрытые «самовольные» переселения, когда переселенец платил налоги и раскладки по старому месту жительства, утаивая, таким образом, часть доходов своего хозяйства на новом месте. Население настойчиво и широко прибегало к жалобам — «бунту на коленях», чтобы убрать неугодных местных администраторов. Таким образом жители Енисейска и уезда, доведенные до крайности поборами и диким сумасбродством своего

провинциального воеводы Петра Мировича, в 1746 году добились его смещения.

С другой стороны, социальный протест против налогового и полицейского гнета нарастал. Пашенные крестьяне вынудили центральную власть отказаться от «казенной барщины». Успешно боролись трудовые слои против феодальных ограничений своей хозяйственной деятельности и свободы передвижений. Для облегчения своего положения широко использовались переходы из крестьянского состояния в посадское.

Усиление государственного аппарата активизировало борьбу трудовых слоев против чинов местной администрации. Когда Екатерина II объявила в 1767 году о созыве Уложенной комиссии и сборе наказов для составления нового свода законов, енисейские крестьяне выступили за расширение местного самоуправления и ликвидацию назначаемой администрации.

«А как по здешнему Тасеевскому острогу определяются от Енисейской провинциальной канцелярии для росправы из разных чинов, яко из дворян, из афицеров, приказчики и управители, то однакошь, как довольно (в смысле многократно. — Г.Б.) усмотрено, оные для неудобственных обстоятельств быть не надобны. А должности совсем могут исправлять, как довольно и без них бывало, выбранные из нашей собратий, переменяясь кащъдогодно. И которые также бывают и при тех приказчиках, только по маломочи и в чем ни было, голосу при них не имеют, по именованью соцкой и к нему десяцкой».

Наказная грамота тасеевских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 182.





Портрет Е.И. Пугачева, написанный 21 сентября 1773 года в Елецком городке поверх изображения Екатерины II.

Сошлись два непримиримых врага. Неизвестный художник отразил главную политическую цель участников самой крупной в истории России крестьянской войны

Крестьяне же другого присуда заявили без обиняков: «...приказчиков и управителей не надобно». Однако до понимания необходимости борьбы со всей системой власти крестьяне еще не могли подняться. Будучи одновременно тружениками и мелкими собственниками, они не в состоянии были выработать цельную позитивную программу действий. Движение Е. Пугачева, затронув Западную Сибирь, не дошло до берегов Енисея. Но трудовое население знало о «мужицком царе» Петре Федоровиче и сочувствовало ему. Его именем при случае были не прочь припугнуть зарвавшихся местных чинов. Так, осенью 1775 года богучанский крестьянин Петр Федорович Каверзин в споре с местными властями села Бирюсинского заявил, что он — «Петр Федорович — самодержавец». Каверзина обвинили в самозванстве и более полугода держали в тюремных острогах Красноярска и Енисейска. Воевода И.Я. Пельымский и провинциальный енисейский воевода подполковник Франц де Гаррига перестраховались, и его судьбу предоставили решать губернатору Д.И. Чичерину. По его решению Каверзина в родном селе публично наказали плетью, дабы он впредь «не подавал сомнение в простом народе».

Система управления

В данное время усложнилось управление и административно-территориальное деление края. Областные реформы Петра I проводились в два этапа. В 1708 году при общем разделении России на восемь губерний в числе других была учреждена и Сибирская губерния, простиравшаяся от Урала до берегов Камчатки. Центром Сибирской губернии стал Тобольск. Ранее существовавшее уездное деление не было затронуто реформой. В 1719 году Сибирская губерния была разделена на пять провинций, в том числе Енисейскую. Во главе провинции стоял вице-губернатор. Тобольск оставался центром Сибирской губернии, а Енисейск оказался провинциальным городом, к которому приписывались Красноярск, Туруханск, Томск, Кузнецк и Нарым. Должность коменданта была упразднена, а его функции поделили между воеводой, судебным комиссаром и земским комиссаром, ведавшим сбором подушных денег, до 1730 года. В провинциях и уездах были введены новые должностные лица: камериры, надзиравшие за земскими сборами, рентмейстеры — казначеи, и фискалы, занимавшиеся



НОВИКОВЫ активно участвовали в городском самоуправлении. Из старожильской фамилии Красноярска. Из служилых людей они в XVIII веке превратились в видных представителей торгово-ремесленных слоев. Евстрат Михайлович (1717 – до 1795) из разночинцев записался в 1747 году в цеховые, а позже в посадские. Он стал первым крупным городским мыловаром, вел также мелочный торг в городе. Его сын Иван (1751-1823) — купец III гильдии, с 1775 года расширил дело отца, стал комиссионером по продаже соли в уезде у томского соляного подрядчика купца Томилова. Из домового лавки вел мелочный торг съестными припасами и прочим товаром. В 1830-х годах Новиковы не удержались в купечестве: сыновья Ивана Евстратовича Иван (1788-?), Михаил (1812-?), Николай (1810-?) писались мещанами. Только внук, Александр Иванович (1811-1857), с 1845 года стал купцом III гильдии, причем его братья остались в прежнем сословии. Новиковым принадлежал каменный двухэтажный дом на Большой Воскресенской улице (ныне пр. Мира, 29). Евстрат Михайлович в 1769 году был одним из ратманов, в 1783-1793 годах — бургомистром. Его сын Иван тоже занимал ключевые должности: городской голова (1811-1814), бургомистр (1820-1823), городской судья (1829-?).



Сборная карта Приенисейского края. Составлена из фрагментов карт Тобольского и Колыванского наместничеств Атласа Российской империи 1792 г.



*Мундир
красноярского чиновника
конца XVIII в.*

*Карта Тобольского
наместничества 1798 г.,
в котором вновь
оказались все уезды края*

расследованием злоупотреблений местной администрации.

Центральная власть проводила частые административно-территориальные изменения, чтобы усилить налоговый и полицейский контроль. В то же время возрастала роль сословного представительства в волостных, уездных и городских звеньях государственного аппарата, что помогало населению защищать свои интересы. Как видим, Екатерина II активнее реализует взаимоисключающие базовые функции власти — эксплуататорскую и публичную, то есть обеспечение и защиту прав всех граждан при приоритете интересов сословной верхушки.

Территория нашего края во второй половине XVIII века часто перекраивалась. С 1782 года ликвидируется прежняя Енисейская провинция. Енисейский и Туруханский уезды остались в составе прежней, выделенной с 1764 года, Тобольской губернии, переименованной в наместничество. Из Илимского уезда в Енисейский вернули Кежемскую и Богучанскую волости. Территория Красноярского уезда

оказалась в составе сразу трех наместничеств: Тобольского, Кольванского и Иркутского. Красноярск стал подчиняться Кольвани (г. Бердск). В новоучрежденный Ачинский уезд включили шесть волостей Красноярского, юго-западную часть Енисейского и северо-восток Томского уездов. Ачинск, как и Енисейск с Туруханском, стал уездным городом Томской области Тобольской губернии Тобольского же наместничества. В 1797 году почти все изменения были ликвидированы. Красноярский уезд восстановили в прежних границах. Только правобережье Кана осталось в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии. Ачинск оставили заштатным городом. Все уезды края вернулись в подчинение Тобольску.

Новые изменения произошли в первые годы правления Александра I. В 1804 году территория края вошла в новообразованную Томскую губернию.

В 1783 году в Сибири были упразднены воеводы и их канцелярии. Частично их исполнительные функции перешли к капитан-исправникам и трем-четырем



заседателям, составлявшими нижний земский суд. За отсутствием дворян заседателей выбирали из казачьей, крестьянской и торгово-ремесленной верхушки. Капитан-исправник назначался из офицеров или гражданских чинов. Крестьян судили в нижних сельских расправах, а горожан — в городских магистратах.

По Жалованной грамоте городам 1785 года впервые ввели межсословное управление. Представители всех сословий, живших в городе, впервые могли участвовать в работе градской думы и ее исполнительном органе — шестигласной думе. Полицейский надзор осуществлялся по Полицейскому уставу 1782 года: полицмейстер, частные приставы (в частях города) и

квартирные надзиратели с выборными из горожан ратманами. В конце 1780-х годов старые присуды, комиссарства и волости были разукрупнены в волости. Земских старост выбирали, но утверждались они, как и заседатели в нижнем земском суде, в губернии. Для ведения делопроизводства земской избы крестьяне нанимали пищика (позже писаря). Староста опирался на выборных сотских и десятских.

Административно-территориальные изменения в Сибири усилили роль имущей верхушки сибирского населения в низшем и среднем звене аппарата управления, то есть углубили формы социального сотрудничества с властью. Ясачное население сохраняло свое прежнее управление.



Алексей Ильич Чириков (1703-1748), русский дворянин. Помощник Витуса Беринга в 1-й и 2-й Камчатских экспедициях (1725-1730 и 1733-1741 гг.). 15 июля 1741 г. А.И. Чириков на пакетботе «Святой Павел» пересек пролив, отделяющий Азию от Америки. Это было второе посещение русским судном американского берега после М.С. Гвоздева и И. Федорова. В 1747 году присвоен чин капитан-командора

С петровской эпохи обозначился медленный и частично обратимый процесс трансформации российского традиционного общества в индустриальное. В этническом плане это означало складывание несколько иного стереотипа поведения (по словам Л.Н. Гумилева, ритмов энергетики, этнического биополя) и ментальности (интуитивного социального опыта) русской нации. Однако в Сибири эти процессы шли еще медленнее и своеобразнее, хотя к концу века она действительно стала «Восточной (Азиатской) Россией». Особенности демографических условий культурного развития Сибири ярко проявлялись в ее центральной части — бассейне Енисея. В этот, еще более крутой, чем в XVII веке, этносоциальный и религиозный коктейль имперская власть пыталась вводить некую единую цивилизационную основу, что, к сожалению, слабо удавалось.

КУЛЬТУРА

Научное изучение

Еще в первой половине XVIII века было начато научное изучение флоры, фауны, недр края, жизни и быта коренного и русского населения. Особенно много сделал сухопутный отряд Второй Камчатской экспедиции, в состав которого входили академики Петербургской академии наук Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, студент (впоследствии академик) С.П. Крашенинников, адъютант Стеллер. Ученые работали на территории края несколько лет (1734-1735, 1739-1741 гг.) и оставили огромный разнообразный материал по всем основным отраслям научных знаний.

В эти же годы, до 1743 года, в северных районах края работали члены морского отряда Второй Камчатской экспедиции, возглавляемой знаменитым капитан-командором Витусом Берингом. Лейтенант Д. Овцын прошел в 1737 году Ледовитым океаном из устья Оби

в устье Енисея. Его преемник, штурман Ф. Минин, несколько лет пытался пройти на дубель-шлюпе «Обь-почталион» к устью Лены. Он описал и занес на карту низовья Енисея и западное побережье Таймыра. Лейтенанты В. Прончищев и Х. Лаптев на шлюпе «Якуцк» безуспешно пробивались в 1735-1740 годах сквозь «матерые льды» навстречу Ф. Минину. Затем Х. Лаптев организовал сухопутное научное обследование почти неизвестного науке полуострова Таймыр. Он вместе с подштурманом Д. Стерлеговым, геодезистом Н. Чекиным и штурманом С. Челюскиным в 1740-1742 годах впервые в мире выполнил подробную съемку таймырского побережья. В мае 1742 года С. Челюскин достиг самой северной точки Азии. В наше время там сейчас воздвигнут памятник, а имена героических моряков навечно остались на географической карте края (мыс Стерлегова, полуостров Минина, мыс Челюскин, бухта Прончищевой, мыс Лаптева).



Дмитрий Леонидович Овцын (1704-1757), древнего дворянского рода. С 1734 по 1738 год руководил Обско-Енисейским отрядом 2-й Камчатской экспедиции. Впервые описал побережье между устьями рек Обь и Енисей. В 1741 году плавал с Витусом Берингом к Северной Америке

Портрет
не найден

МЕССЕРШМИДТ Даниил Готлиб (1685-1735), немец, родом из Данцига, естествоиспытатель, врач, лингвист, лично Петром I принятый на русскую службу, исследователь Сибири. Мессершмидт первым отправился в 7-летнее (1720-1727 гг.) странствие по Сибири. Трижды за этот период побывал в Красноярске. Много успел сделать в изучении флоры и фауны, собрал обширные сведения о метеоусловиях Красноярска, впервые определил вместе со своим спутником Таббертом (Страленбергом) его географическую широту и долготу. Здесь были написаны многие страницы его книг «Орнитология», «Описание в Сибири трех царств природы». Его путевой дневник изобилует описаниями всех сторон жизни населения края, их занятий, досуга, деятельности властей, религиозных праздников.



БЕРИНГ Витус Ионассен (1681-1741), швед, капитан-командор, приглашенный Петром I на русскую службу. Был на территории края в 1726 и 1733-1734 годах, когда возглавлял Первую и Вторую Камчатские экспедиции. Во второй раз Красноярск стал штаб-квартирой по подготовке Великой Северной экспедиции. Явился «крестным отцом» будущего Московско-Сибирского тракта, связавшего столицу с Восточной Сибирью. Он наметил и руководил обследованием трассы дороги, устройством на ней почтовых станций и станков. Эта самая длинная сухопутная дорога в мире, пересекая весь край с запада на восток, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие Приенисейского края. Умер от цинги на безымянном острове во время зимовки после гибели судна. Известный портрет Беренга относится к его дяде. Этот портрет — реконструкция В.Н. Звягина по останкам Беринга, перенесенным на родину.



МИЛЛЕР Герард Фридрих (1705-1783), академик Петербургской академии наук, руководитель сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции. Более года находился и работал в Приенисейском крае, методом анкетирования собрал огромный материал по истории, экономике, этнографии края XVII — первой трети XVIII века, собирал фольклорный и летописный материал, изучал архивы. Материалы, сосредоточенные в так называемых портфелях Миллера, были использованы историком в его капитальном труде «История Сибири». В нем подробно описывается история основания первых острогов в крае, в том числе Енисейска и Красноярска. Составил географическое описание всех трех уездов Приенисейского края. Исключительный интерес представляют сведения о происхождении названий русских населенных мест.



Наиболее значительное исследование Миллера «История Сибири» опубликовано на русском языке впервые в 1750 г.



«Святой Петр» — пакетбот Витуса Беринга. Был раздавлен льдами. Из его обломков красноярский казак Савва Стародубцев соорудил суденышко и спас остатки экспедиции Беренга



ГМЕЛИН Иоганн Георг (1709-1755) родился в Германии. Ошибочно его портрет выдают за Д.Г. Мессершмидта. На русской службе с 1727 по 1747 год. Член Петербургской академии наук с 1731 года. Активный участник сухопутного отряда Второй Камчатской (Великой Сибирской) научной экспедиции в 1733-1742 годах. Собрал ценный ботанический материал, опубликованный Академией наук в 4 томах под названием «Флора Сибири». Отдельные неизвестные науке растения названы его именем. Во время путешествия вел записки и опубликовал их в Геттингене в 1752 году без разрешения российских властей. Эта книга была запрещена к ввозу в Россию и до сих пор не опубликована на русском языке. Ученый отличался демократизмом, лечил простых людей, просил повысить жалование казакам, был в хороших отношениях с М.В. Ломоносовым, который поручался за него, что он вернется в Россию после лечения.



КРАШЕНИННИКОВ Степан Петрович (1711-1755), сын солдата, ученик академической гимназии, студентом помогал академику Гмелину в период работы сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции, будущий российский академик. Был в Красноярске в 1735 году, изучал растительный и животный мир, вместе с Гмелиным анатомировал и описал неизвестных науке мускусных оленей — «зверя кабаргу», обследовал Бирюсинскую и Овсянскую пещеры, срисовал и описал наскальные рисунки первобытных людей на «писаном камне» в окрестностях д. Бирюсинской. Оставил интересное описание жизни быта жителей Енисейска, Красноярска и Туруханска.

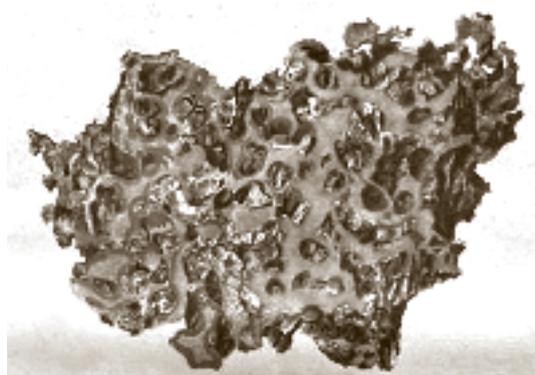


ПАЛЛАС Петр Симон (1741-1811), немец на русской службе с 1762 года. На территории нашего края жил и плодотворно трудился более года с августа 1722 года с перерывами до 1774 года. Этот крупнейший во второй половине XVIII века исследователь Сибири в области естествознания, член Петербургской академии наук и профессор натуральной истории. Здесь он подготовил к печати две из трех частей своего «Путешествия по разным провинциям Российской империи», вышедших в Петербурге в 1783-1788 годах, начал объемистые книги «Описание растений Российского государства» и «Российско-Азиатская зоография», которые прославили в Европе имя ученого. П.С. Паллас остался в России до смертного часа. Его имя увековечено в Среднем Поволжье в названии районного центра и одноименного с ним Палласовского района Волгоградской области.

В третьей части «Российско-Азиатской зоографии» под названием «Путешествие по Сибири к востоку лежащей, даже до самой Даурии в 1772 году» в обеих ее книгах ученый поместил подробные очерки о Красноярске, флоре, фауне и истории южных районов края. Около полутора лет Красноярск был штаб-квартирой его экспедиции. Здесь он написал многие страницы второй и третьей частей своей знаменитой книги, названной в русском переводе как «Путешествие по разным провинциям Российского государства». Благодаря Палласу всему ученому миру стал известен редкий железозакаменный метеорит, найденный в 1740-х годах казаком Медведевым на горе Темир. Странствиями ученого уникальная, более чем в 550 килограммов часть железной глыбы с вкраплениями желто-зеленого минерала

оливина, названного «палласитом», была отправлена в Петербург. В 1977-1978 годах в местах обнаружения метеорита и его погрузки на дощаник (у села Убей-Медведево) поставлены памятные знаки.

В Красноярске побывали также такие видные ученые того времени, как астроном Н.И. Попов (1760 г.), академик И.Г. Георги (1772, 1773 гг.). Однокашник



Палласово железо (Pallas Iron) — железозакаменный метеорит весом 687 килограммов



СПАССКИЙ Григорий Иванович (1783-1864), ученый-естествоиспытатель, историк, этнограф, лингвист, издатель «Сибирского вестника» (позже «Азиатского вестника»). Родился в семье рязанского священника, учился в Коломенской духовной семинарии. С 1799 года занимался самообразованием в Москве и Санкт-Петербурге. С 1804 года — в Сибири, начал гражданскую службу дворянским заседателем в Красноярском уездном суде. В 1805 году зачислен в состав посольства по «ученой части» графа Ю.А. Головкина, которое направлялось в Китай. До отъезда из Сибири (в 1817 году) не раз бывал в Хакасии с научными целями. Был капитан-исправником Красноярского уезда, затем сотрудником Алтайских горных заводов и собрал большой этнографический и лингвистический материал по Южной Сибири. Бесценным является перечень диалектных слов качинцев, яринцев и других обитателей Хакасско-Минусинского края.



Александр Николаевич
Радищев (1749-1802)

Русские корабли
салютуют мысу
Челюскину, самой
северной точке Сибири

Кашкарева, будущий академик В. Зуев, доехав до зимовья Селякино, описал растительный и животный мир Среднего и Нижнего Енисея.

С.М. Кашкарев, будучи еще студентом и помощником И.Ф. Фалька, оставленный для описания флоры и фауны окрестностей Красноярска и всего Хакасско-Минусинского края, внес большой вклад в изучение растительного и животного мира бассейна Енисея. Его материалы включил в свои книги «Описание растений Российского государства» и «Зоография Азии» сам П.С. Паллас. Позже Кашкарев много занимался изучением ботаники, этнографии и народной медицины, находясь в должности и.о. капитан-исправника Красноярского уезда с 1783 года. Оставив службу, возможно, в 1787 году, он остался в Южной Сибири. Его заслуги отметил Г.И. Спасский, которому он передавал свои материалы.

Больше недели пробыл в Красноярске А.Н. Радищев. Страницы его путевых записок «Путешествия по Сибири», как он деликатно назвал свою невольную ссылку, полны сочувствия недавним поселщикам притрактовой полосы края. В них он приводит некоторые сведения по хозяйственной жизни и природным условиям края, кратко охарактеризовал такие населенные пункты, как Красноярск, Канск, Ачинск, Боготольская и другие почтовые станции.

Просвещение и медицина

Новое пробивало себе дорогу крайне медленно. Первая «специальная» школа, которую ввел еще Петр I для детей мастеровых и солдат, открылась в 1740 году при Луказском казенном заводе. Учителем в ней был отставной капрал.



Благодаря развитию книгопечатания расширился круг чтения. Известно, что в 1723 году в Енисейске и Красноярске читали первую российскую газету «Ведомости».

В условиях начала разложения феодализма культура в стране получила новые импульсы для своего развития. Расширилось специальное образование. Впервые организуется сеть общеобразовательных школ. Идеи просветителей и дворянских реформаторов становятся достоянием более широких слоев общества.

Хотя и в ослабленном виде, новые явления культурной жизни страны доходили до Сибири. Возобновилось специальное образование. В 1760 году в Красноярске открылась для детей духовенства края так называемая латинская школа, в которой было до 30 учеников. Первым учителем являлся Григорий Федорович Скрябин.

Общеобразовательные школы, малые народные училища открываются в Енисейске и Красноярске в 1790 году. В них обучались дети всех сословий. Школа в Красноярске была самой крупной в Сибири. В ней училось 100 детей, в том числе девочки. Учитель Никита Звонников и его помощник из коренных красноярцев Тюменцев трудились много и самоотверженно. Когда вскоре Звонников умер, то директору народных училищ Кольванского наместничества писали из Красноярска: «Не токмо жители

здешние, но и кочующие вблизи татары познали уже цену нового образа учения, и для умершего учителя, любимого всеми, соорудили в благодарных сердцах памятник».

Другим крупным событием в культурной жизни края было открытие в 1784 году в Красноярске первой в стране уездной публичной библиотеки. Книги для нее подарил первый и.о. капитан-исправника уезда С.М. Кашкарев.

«Нужно есть прилагати всякое тщание об отрочестве, о юношестве, яко о времени сеяния, производящего гражданскую жатву, (поэтому. — Г.Б.) я отделяю из числа своего имущества книжного двадцать книг для заведения в городе Красноярске народного училища, в котором учителем будет доброхотный датель как скоро учреждение последует».

Известие С.М. Кашкарева в Красноярский городской магистрат о передаче им городу книг // ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Фонд 47. Оп. 1. Д. 34. Л. 68.

Библиотека прижилась в городе. Отдельные экземпляры книг ее дошли до нашего времени и хранятся в отделе редкой книги Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края. Судя по владельческим записям, книги имелись в отдельных домах купцов, казаков, посадских и крестьян.

СКРЯБИН Григорий Федорович (1739-?), учитель Красноярской славяно-латинской школы в 1761-1764 (с перерывом) годах, дьякон Красноярской соборной церкви. По происхождению из потомственного западносибирского белого духовенства. До 1760 года учился в классе философии «домовой митрополита Тобольского и Сибирского семинарии». Обучая детей, не ограничивался рамками программы, организовал театральные кружки и пытался ставить разного рода пьесы, часть сочинил и положил на музыку сам. С именем Скрябина, собственно, и связывают начало литературной жизни Красноярска. Его сатиры, имевшие успех у горожан («Эпиграммы о городе Красноярске», «О плеша»), явились причиной отрешения Скрябина от должности и перевода его в Енисейск, а затем в 1764 году — в полковые священники одного из западносибирских гарнизонных полков.

КАШКАРЕВ Сергей Михайлович (1753 — после 1820-х), и.о. капитан-исправника Красноярского уезда (1784 — ок. 1787 гг.), просветитель, врач. Сын сержанта гвардии, уроженец Петербурга, учился в гимназии университета при Академии наук (1765-1768 гг.), владелец первого известного по источникам частного собрания книг в Красноярске. Поступил студентом в экспедицию И.Ф. Фалька, а затем П.С. Палласа (1772-1774 гг.), после ее завершения был переводчиком при Академии наук (1772-1783 гг.) и одновременно корректором в академической типографии. Занимался изучением этнографии, народной медицины, растительного и животного мира Приенисейского края в составе экспедиции П.С. Палласа. С 1784 года служил в Сибири по гражданскому ведомству. Сразу определился в Красноярск, подарил для будущей общеобразовательной школы 20 книг и один эстамп и собирався сам быть в ней учителем. Дальнейшая судьба неизвестна.



Первая общеобразовательная школа на территории края находилась в здании трапезной красноярского Рождественского собора. 1790-1796 гг.



*Александр I Павлович,
Государь император
и самодержец
Всероссийский
(1777-1825)*

*Страницы букваря
Кариона Истомина
на церковно-(старо-)
славянском языке,
по которому учились
дети духовенства
не одно столетие.
Из собрания
Д.А. Ровинского*

В самой отдаленной от центра Восточной, или Азиатской, России, как называли в XIX веке Сибирь, естественно, вводимые государством системы казенно-отраслевого и общеобразовательного обучения доходили значительно позже, а реализовывались далеко не в полном объеме. По Сибири сложилось несколько очагов организации и распространения школьного образования и обучения (Тобольск, Барнаул, Омск, Томск, Иркутск, Нерчинск). Енисейск же с Красноярском оказались на периферии и западносибирских, и южных, и восточносибирских образовательных центров. Тем более что административно-территориальное подчинение Приенисейского края все время до 1822 года менялось: он подчинялся то Тобольску, то Барнаулу, то Томску, то, наконец, Иркутску. Это, конечно, мешало преемственности в образовательной политике и ее реализации. Отвечали за это, в первую очередь, губернаторы и губернские чиновники, а ведь известно, как многое в России, и особенно в тогдашней Сибири, зависело от лиц.

Либеральные реформы Александра I начала XIX века несколько изменили систему духовного образования в стране. Согласно уставу 1804 года все низовое образовательное звено впервые на государственном уровне оказывалось бессловным. В одноклассных приходских училищах могли учиться дети не только духовенства, но и тяглых сословий. Они проходили чтение, письмо, счет, Закон

Божий, книгу о должностях человека и гражданина. Затем дети штатного духовенства должны переходить в духовные уездные училища с пятилетним обучением, размещавшиеся в городах, а из них — в семинарии.

В Приенисейском крае духовные приходские училища были двухклассными. В 1803 году такое училище открылось в Енисейске, а в 1808 году — в Красноярске. В 1820 году 1 октября вновь открыли при Енисейском Свято-Спасском монастыре двухклассное духовно-приходское училище. Его смотрителем был архимандрит Ксенофонт, а учителями — Иван Розанов и Василий Климовский.

В первый год назначили 25 учеников от 7 до 12 лет и старше, в том числе во второй класс — 10 человек. Однако треть учеников не приехала. Мотивы были разные: «чесотка», «головобиение» и особенно дальние расстояния, из-за чего родители обязывались учить на дому, или отдать в Тобольскую школу при семинарии, или на выучку в ближайшие города.

Из Красноярского заказа в училища поступало очень немного учащихся: в 1822 году — пять, хотя было записано 10 человек. Поэтому вместо «приватно» и «публично» обучающихся, из-за частых неявок и пропусков, всех поселили с 1823 года бурсой — общежитием в пристройке надвратной Захарьевской церкви Енисейского Свято-Спасского монастыря.

Программа была сокращенной. В первом классе изучали чтение на русском



языке, славянское чистописание, нотное церковное пение. Во втором одолевали сокращенный катехизис, основы русской грамматики и четыре правила арифметики. Учителями были не только духовные, но и гражданские лица. Несмотря на общие скромные успехи, отдельные ученики успешно заканчивали потом семинарии и становились протоиереями и учителями. Даже второй после Никодима епископ Енисейский и Красноярский Павел (Петр Попов) был одним из выпускников Енисейского духовного училища.

Домашнее обучение явно преобладало и в начале XIX века. В целом его имело до 70 процентов штатного духовенства, причем до 25-30 процентов их детей оказывались неграмотными, хотя заказчики ежегодно делали разборы поспевшим к положению в стихарь и зачислению в причетники. Родителей за неучей ежегодно штрафовали от 5 до 50 рублей, а кандидатов в ставленничество (получение чина и должности) отправляли учиться или доучиваться от года до нескольких лет. При этом их предупреждали, что «если не обучится, то имеет быть отдан в солдаты... или в светскую службу отошлется». Обучение растягивалось на долгие годы, а около одной трети естественного прироста выпадало в ряды солдат или в налогоплательщики разных сословий, теряя полульготный наследственный статус. Причин этому было несколько: низкое материальное положение сельского низшего духовенства из-за



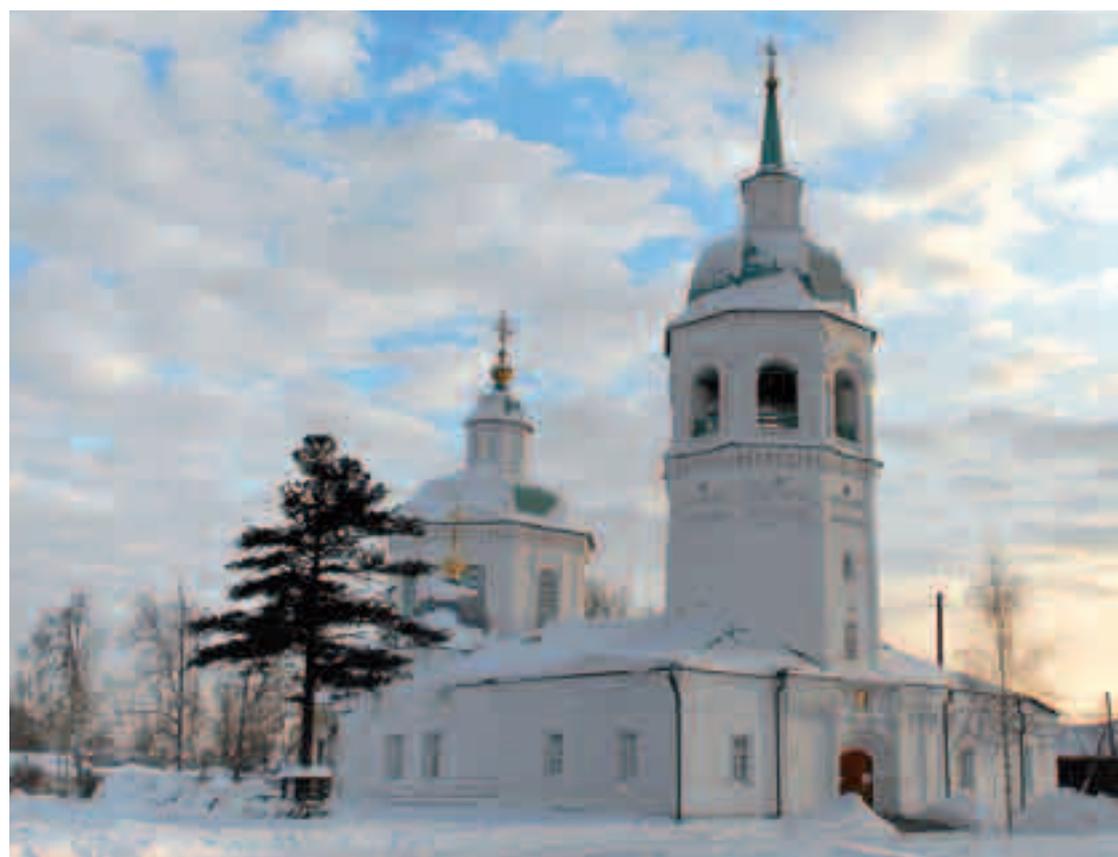
Иркутская духовная семинария, в которой с конца XVIII века до 1870-х годов обучались дети духовенства Енисейской губернии

небольшого числа прихожан, дороговизна школьного обучения, возможности сносно прожить в качестве крестьянина, ремесленника и торговца, жесткая церковная дисциплина, общий низкий статус духовного сословия, утилитарно подчиненного со времен Петра I государственным интересам светского характера.

Общий вклад духовного сословия в народное образование в Приенисейском крае выражался в школьных, домашних и частных формах. Если судить по динамике численности духовенства, он составлял не менее 0,4 процента (2,1 тысячи душ мужского пола) в 1795 году и до 0,6 процента (7,5 тысячи) в 1861 году среди всего населения края. Кроме того, часть грамотных поповичей забирали, или они сами уходили, в ходе губернской реформы 1775 года (в Сибири — с 1783 года) на



Павел (Петр Попов) (1813-1877), епископ Якутский, с 1870 г. Енисейский, Красноярский и Камчатский. С 1837 г. служил в церквях Красноярска. Будучи настоятелем кладбищенской Троицкой церкви, был постоянным духовником почитаемого им праведного старца Федора Кузьмича



Надвратная Захарьевская церковь Свято-Спасского мужского монастыря, где учились дети приенисейского духовенства



«Рачительное
домоводство».
Русский народный лубок.
Из собрания
Д.А. Ровинского

гражданскую службу. Нужно учесть и то, что в духовных школах до 1780-х годов и в приходских одноклассных училищах до 1820-х годов обучались дети прихожан светских сословий.

С 1802 года всеми общеобразовательными заведениями стало ведавать Министерство народного просвещения. Ему подчинялось четыре рода учебных заведений: приходские и уездные училища, губернские гимназии и университеты. С 1804 года между всеми этими типами учебных заведений впервые устанавливалась преемственная связь в обучении и административных отношениях, что было прогрессивной мерой. Вся Сибирь входила в последний (шестой) Казанский учебный округ России, возглавляемый Казанским университетом. Его ректору подчинялись директора гимназий, кото-

«Сельская
бесплатная школа».
Репродукция картины
А. Морозова



рые, в свою очередь, курировали смотрителей уездных училищ, а последние — смотрителей приходских.

Положение учителей было незавидным. Опубликованный в 1808 году «примерный штат» устанавливал рекомендованный размер жалованья, которое как минимум должны платить нанятым населением учителям. Деньги собирались одновременно с основными статьями налогов с каждой ревизской души. Уездное училище обходилось городу с уездом в 1500 рублей ежегодно, в том числе ректору — 300 рублей, учителю высшего класса — 250, а низшего — 200, да на содержание здания, освещение и «открыть услуги» положили 300 рублей. Приходские же училища обходились жителям каждой волости в 550 рублей, из них смотрителю благочиния — 175 рублей, учителю второго класса — 150, а первого — 125, на прочие расходы — 100 рублей.

Таким образом, уездные училища, как и прежние малые народные училища XVIII века, должны были содержаться в основном на средства местного бюджета.

Перед уездным училищем ставилась двойная задача: готовить учащихся к продолжению образования в гимназиях, а также «открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности...»

Срок обучения был двухгодичный. Учебный план включал в себя многочисленные учебные предметы: Закон Божий

и священную историю, чтение «Книги о должностях человека и гражданина», грамматику, чистописание, всеобщую и русскую географию и историю, арифметику и геометрию, физику и биологию (естественную историю), рисование, а также «начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности». С образованием в 1817 году Министерства духовных дел и народного просвещения школьное обучение стало все сильнее обременяться предметами религиозного цикла.

С 1819 года для чтения Нового Завета в уездных училищах стали собирать учащихся за полчаса до обычных занятий. Одновременно был подвергнут сокращению учебный план: отменено преподавание начальных правил естественной истории, вместо книги «О должностях человека и гражданина» вводилось чтение Священного Писания, а русский язык предполагалось «преподавать более практически, изъясняя правила слога, письма и пр.». В уездных училищах полагалось быть двум учителям с большой нагрузкой (по 25 часов в неделю) и обязанностью преподавать большое число учебных предметов. Такая же нагрузка падала на учеников, которые ежедневно учились до обеда и «пополудни» с 2 до 4-5 часов вечера. Учитель должен был стараться, чтобы ученики «преподаваемые им предметы понимали легко и правильно», больше надеяться на «свою прилежность и порядочные правила», нежели «на чрезмерный труд учащихся». Учителю следовало больше заботиться «об образовании и изощрении рассудка» детей, «нежели

о наполнении и упражнении памяти», возбуждать у учеников «охоту и привязанность к наукам».

Сохранилась ведомость-отчет учителя Красноярского уездного училища на третий год его открытия. Подобные ведомости составлялись ежемесячно каждым учителем по своему классу. Успехи за месяц у 27 учеников выглядели следующим образом: превосходные — 1, отличные — 2, очень хорошие — 1, хорошие — 13, изрядные — 4, не худые — 1, средние — 1. Двое были не аттестованы: один по болезни, другой — «за леностью». Из учебной программы во втором классе за ноябрь было пройдено: «из священной истории от церкви Нового Завета до § 27; из российской грамматики от степени уравниения до таблицы склонения имен; из арифметики от вычитания до умножения простого; из российской истории от 49 до 61» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 11. Л. 159. Об. 160).

Учитель Павел Рыбкин подал как старший жалобу в том же году на плохое состояние каменного одноэтажного учебного здания, которое пожертвовал городу купец Власьевский. По обывательской книге 1850 года здание значилось по улице Благовещенской под номером 562 на углу улицы в пятой куртине. Оно сохранилось до сих пор и находится на пересечении улиц Ленина и Перенсона под номером 42.

На фасаде со стороны ул. Перенсона в 1988 году установлена металлическая мемориальная доска (0,75 на 0,75 метра) с надписью. Здание является памятником культурного наследия федерального значения и поставлено на государственную охрану в 1992 году.



Мемориальная доска на здании действующей детской художественной школы им. В.И. Сурикова

Здание уездного училища в Красноярске. Построено в 1819 году, подарено городу купцом Власьевским, достраивалось в 1830-х годах. С 1856 по 1861 год здесь учился великий русский художник Василий Иванович Суриков, а также многие красноярцы, в том числе И.Ф. Парфентьев (угол улиц Ленина и Перенсона). Фото конца XIX века



ПАСКЕВИЧ (?-?), первый лекарь Енисейского уезда (конец XVIII – начало XIX века). Должность учреждена губернской реформой в Сибири в 1782 году и открывалась по желанию жителей. По происхождению из натурализованных в России немцев. Служил в Санкт-Петербургском сухопутном госпитале, с 1785 года – лекарь Тобольского батальона, в 1792-1794 годах – штаб-лекарь. Заведовал «медицинской частью» в Енисейске и Ачинске. в 1795 году – лекарь в Сургутском уезде, а в 1796-1807 годах вновь в Енисейске. Первая общественная больница Енисейска в начале XIX века занимала небольшой дом на 10-12 больных. Медикаменты бесплатно отпускались солдатам штатной городской команды, инвалидам Каменского винокуренного завода и казакам. Остальное население получало лекарства за плату. Паскевич завел также аптеку. Годовое жалование его составляло 594 рубля, изыскивалось из городских сумм.

Жители края расширили свои познания в народной медицине. Об этом писали изучавшие наш край ученые-путешественники Д.Г. Мессершмидт и его сотрудник Ф.И. Страленберг, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин и основатель отечественной этнографической науки С.П. Крашенинников.

Новый шаг вперед сделало здравоохранение. Первые общественные больницы и аптека появились в Енисейске и связаны с именем Паскевича. Впервые было учреждено регулярное почтовое сообщение в крае.

Быт и духовные запросы

Активное заселение края различными выходцами, уже в основном из Европейской России, а также политическими и уголовными ссыльными, значительно разнообразили многие стороны материальной и духовной культуры жителей края.

Значительно изменился внешний облик городов края. От времени и пожаров исчезли крепостные укрепления. Увеличилось число каменных строений в Енисейске. Все его семь церквей стали каменными. Вместо слюды и бычьих пузырей в окнах стало появляться стекло. В Красноярске первым зданием из кирпича был собор на Стрелке (пл. Мира). Его возводили с 1759 по 1773 год (снесен в 1958 году). Самое старое сейчас в городе каменное здание — Покровская церковь, ныне Покровский собор. Его основную часть строили в 1785-1789 годах, а внутренняя отделка и освящение затянулись на пять

лет. В храмовой архитектуре в крае характерен так называемый стиль сибирское барокко, оно пошло из Енисейска.

Появились также первые гражданские каменные здания. В Енисейске до сих пор сохранилось здание городского магистрата. Частные каменные дома начали ставить во второй половине XVIII века отставные чиновники вроде И.Я. Пельмского и богатые енисейские купцы типа Толмачева.

Долго в дореволюционной литературе считалось, что сибиряки в силу суровых природных условий были нелюдимы, малоразговорчивы, не любили петь. Однако архивные и этнографические, фольклорные материалы доказывают обратное. На берегах Енисея звучали песни, музыка, долгими зимними вечерами пересказывались былины и исторические предания, причем их нередко переделывали на сибирский лад. Известно, что даже жития святых сибиряки переиначивали. Так, житие кузины Андрея Дубенского Иулании Лазаревской (Ирины Осоргиной), составленное в 20-х годах XVII века ее сыном Калистратом, было переиначено в XVIII веке в Сибири. Интересно, что любимым музыкальным инструментом у сибиряков-красноярцев была скрипка. Праздничные дни никогда не обходились без музыки. Одно из самых ранних для Сибири свидетельств об этом относится к первой четверти XVIII века.

«На второй день рождества я был в гостях у воеводы. В отдельной комнате собралось больше 60 мужчин, женщины собирались у его жены в дру-

Первый частный каменный дом в Красноярске бывшего воеводы Пельмского, 1795 г. (второй на снимке). В нем 1 марта 1807 г. умер Н.П. Рязанов



гой комнате. У воеводы была музыка (камерная) — 8 или 9 музыкантов, которые играли на свирелях (дудках). Каждый из них брал свой аккорд... Присутствовало 3 или 4 вокалиста из крестьян... Среди других развлечений звучали стихи и божественные песни о рождении бога, которые пели в паузах между выпивками».

Описание концерта в Красноярске в путевом дневнике Д.Г. Мессершмидта. 6 января 1723 г. // История Красноярска. Документы и материалы. XVII – первая половина XIX вв. Красноярск, 2000. С. 177.

Обычные народные увеселения распространялись еще более, поскольку правительство Петра I распорядилось их не преследовать. Большой популярностью, особенно у женщин, пользовались качели.

«Во дворе моего хозяина, как и в соседних дворах (дело было в Енисейске. — Г.Б.), женщины качались на досках. Примерно на высоте в два фута (40 см. — Г.Б.) от земли была сделана подпорка, на которую была положена доска в 18-20 футов. На каждый конец становилась женщина. Они начинали тихо качаться, потом движения становились все сильнее, так что в конце концов одна подбрасывала другую вверх на 5 футов, но каждая безошибочно, с выпрямленным туловищем и сомкнутыми ногами возвращалась на свой конец доски и подталкивала другую так же высоко и еще выше себя. Эта игра вначале

показалась мне очень опасной. Я спросил солдата, который меня караулил, что это должно означать. Он сказал мне, что это масленичная игра и принята во всей стране. В это время, когда девушкам разрешают показываться в публичных местах, только и можно рассматривать русских красоток».

Описание качелей прусским шпионом Вагнером. 1756 г. // Зиннер Э.П. Сибирь в известиях иностранных ученых и путешественников в XVIII в. Иркутск, 1968. С. 211.

Впервые появляется и широко распространяется занесенный с Украины вертеп, или кукольное представление. В ящике, разделенном на два отделения, зрители видели на большом бумажном барабане движущихся от теплого воздуха свечи раскрашенных кукол. Обычно представляли пьесу «Смерть царя Ирода». Действие сопровождалось хоровым пением и заканчивалось, по традиции, похоронами царя Ирода и трауром его дочери. Сибиряки вскоре переделали конец пьесы, и дочь царя стала исполнять веселый танец с генералом. С.П. Крашенинников, описав увиденный им в Енисейске вертеп, заметил, что монастырские служители, «которые оной вертеп носят, партес презрядно поют». Звучали партесное пение и музыка в частных домах.

Особой популярностью пользовалась у красноярцев военизированная игра «взятие снежного городка», которую впервые описал И.Г. Гмелин.



Одна из книг первой в уездной России публичной библиотеки, подаренная С.М. Кашкаревым в 1784 г.

В Сибири этот простой вид качели в народе называли «скакели». Рисунок Д.А. Аткинсона





Типичный мундир чиновника почтового ведомства, 1794 г.

«Вечером (в д. Торгашиной. — Г.Б.) служивые устроили праздничную борьбу. На поле выстроили две стены из снега, связанные сверху поперечиной также из снега. Это строение должно было представлять собой крепость, вокруг которой стояли служивые с очень длинными палками, а другие служивые должны были эту крепость взять. Невозможно описать, в какой суматохе все это происходило. Крепость никогда не атаковывало более 2-3 всадников, а чаще всего один. Бешеным галопом мчался всадник к крепости, но его встречали ударами, сбивали с лошади и крепко отделявали. Всадники пришли в ярость от того, что не могли взять крепость, и хотели пустить в ход против ее защитников стрелы, но воевода не разрешил это сделать, и крепость осталась в руках ее первых владельцев. Отсюда, в частности, можно сделать вывод, что служивые при случае могут совершать подвиги».

Описание игры «Взятие снежного городка». 1739 г. // Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII-XIX вв. Красноярск, 1990. С. 94-95.

Преобразования Петра I в области быта и культуры слабо затронули Сибирь. Только воеводская администрация облачилась в треуголки, форменные кафтаны, надела парики, а во времена бироновщины прицепила пудренные мукой косы. Простому сибирскому люду Петр разрешил

ходить в обычном платье, только бороды многие довольно быстро сбрили. Большое количество медных знаков об уплате пошлин на право ношения бород так и осталось лежать в воеводских канцеляриях.

Всех, кто бывал в то время на берегах Енисея, поражало гостеприимство и широкое хлебосольство жителей, их гордость, развитое чувство собственного достоинства, свободное, даже вольное обращение с местными властями. Красноярцы, по мнению путешественников, особенно отличались непокорностью, несдержанностью в гневе. Они часто «лаяли» воевод и даже могли, особенно в нетрезвом состоянии, поднять на них руку. По всей Сибири их называли «бунтовщиками», которые любят жаловаться на воевод. Религиозное чувство у населения было развито слабо. Даже церковь могла превратиться в место, где пили вино и на кулаках сводили счета между собой.

Практицизм и житейская сметка причудливо уживались с самыми темными суевериями: вырви открыто днем траву «волчий корень» — гром грянет, искупайся в рождественской проруби — будешь здоров и богат.

Хозяйственно-культурные контакты народов края

Хозяйственно-бытовой уклад русских края во второй половине XVIII века испытал значительное влияние не-

Вот он, сибирский характер!
«Взятие снежного городка».
Репродукция картины В.И. Сурикова



вольных переселенцев из Европейской России. К концу века уже наметились особенности материального быта жителей притрактовой полосы и южных районов. Углубились отличия хозяйственно-бытового уклада жителей северной зоны. Немногочисленные русские жители внутреннего Таймыра на Хатанге, Пясины и Боганиде глубже восприняли как наиболее рациональный в тех местах уклад жизни местных эвенков и якутов. Расширились смешанные браки между ними. Эта группа «затундренных крестьян» стала терять главные признаки принадлежности к русской нации. Позже они волеются в новую народность долган.

В свою очередь те ясачные, которые не ушли из бассейнов Кана, Бузима, Качи, Малого и Большого Кемчугов, Сыдо-Ербинской котловины и среднего Причулымья на территорию Хакасии, стали растворяться в русском окружении. Хлебопашество, оседлый образ жизни, христианизация и смешанные браки — все это сближало их образ жизни с образом жизни русских. В степях же Уйбата, Абакана и в междуречье Черного и Белого Июсов вызревала хакасская народность. Отдельные представители родовой верхушки стали перенимать некоторые стороны жизни и быта зажиточных слоев русского населения. Они строили большие деревянные дома с изразцовыми печами, обзаводились самоварами, русской одеждой.

Отечественная война 1812 года и Сибирь

Нашествие Наполеона Бонапарта всколыхнуло всю Россию. В составе русских войск в освободительной войне 1812 года участвовало более 27 тысяч сибиряков, в том числе Енисейский пехотный полк. Пять сибирских полков и две батареи участвовали в Бородинском сражении. Сибиряки защищали знаменитую батарею Н.Н. Раевского. Почти все они полегли, но не дрогнули. Французский генерал заявил, что защитники батареи Раевского «упорствовали до остервенения. Было видно, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды перед нами, и, несмотря на то, что их беспрестанно отбрасывали, они снова под предводительством своих генералов вступали в битву и шли умирать у подножия окопов, возведенных их руками».

Можно без преувеличения сказать, что представители всех волостей Приенисейского края участвовали в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1913-1814 годов, ведь рекрутские наборы никто не отменял.

Об этом свидетельствует уникальный «Список отставных солдат, проживающих в Кежемской волости Богучанского отделения» 1839 года (ГАКК. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4), обнаруженный в местном архиве красноярским журналистом Константином Карпухиным.



Михаил Илларионович Кутузов (Голенищев-Кутузов) (1745-1813). Великий русский полководец, фельдмаршал, первый сподвижник генералиссимуса А.В. Суворова

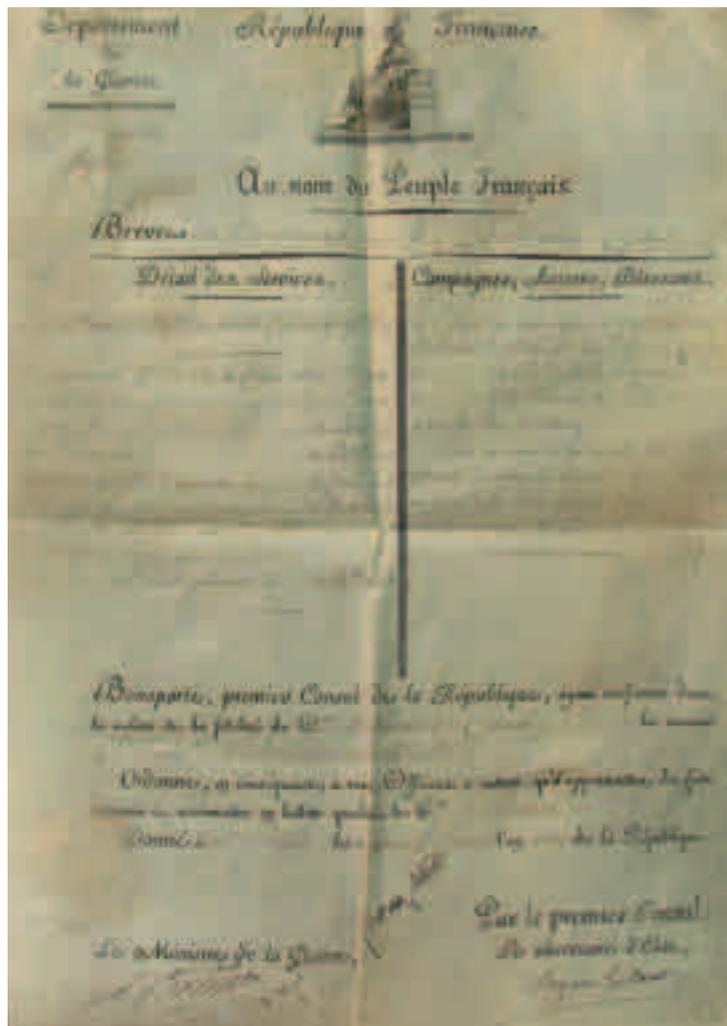
Сражение под г. Смоленском 5 августа 1812 г. Гравюра с картины П. Гесса



Патент на чин лейтенанта с аттестатом (послужным списком), выданный Жозефу Вильме 18 мая 1803 г. Подписан первым консулом Франции Наполеоном Бонапартом, военным министром А.Л. Бертье и государственным секретарем Г.Б. Маре. На типографском бланке черными чернилами автограф Наполеона: «Бонапарт I, консул Французской республики».

ККМ. О/Ф 10833/1. Л. 1. Подлинник.

Наполеон на следующий год станет императором, а Жозеф Вильме, скорее всего, участвовал в гибельном походе в Россию. Дальнейшая судьба его неизвестна. В послужном списке отражены этапы службы, кампании, сражения и раны француза Вильме, начиная с 1791 года от волонтера и до лейтенанта в 1803 году. За верность и доблесть первый консул Французской республики 18 мая 1803 г. присвоил ему звание лейтенанта 15-й бригады.



Знак отличия Св. Анны при одноименном ордене (Аннинская медаль)

Из унтер-офицеров названы:

Филипп Яковлев Рукосуев — из дер. Кодинской, в службу вступил в 1813 г., из крестьян. Служил в Семеновском полку. Уволен в январе 1836 г. Награжден медалью к ордену Св. Анны и тремя нашивками.

Семен Федоров Быков — из дер. Новокурской, в службу вступил в 1811 г., из крестьян. Награжден: Св. Анны, три нашивки, серебряная медаль.

Иван Петров Попов — в службу вступил в 1811 г., из крестьян.

Максим Федоров Воронов. Награжден: Св. Анны и три нашивки.

Бомбардир Михаил Андреев Хравников — из дер. Сивинок, в службу вступил в 1802 г., из крестьян. Награжден: Св. Анны и три нашивки. В 1814 году вступил в Париж, в 1825 г. уволен.

Из рядовых:

Федор Федоров Лужников — из с. Кежемского, в службе с 1791 г., из крестьян. Уволен в 1818 г.

Харитон Лаврентьев Суздаков — из с. Кежемского, в службе с 1809 г. Награжден медалями Св. Анны и «За взятие города Парижа». Серебряная медаль за участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., уволен в 1837 г.

Федот Николаев Корноухов — из д. Аникина, в службе с 1819 г., из крестьян. Награжден: Св. Анны, три ряда нашивок, серебряная медаль за участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Уволен в 1837 г.

Сергей Александров Брюханов — на службе с 1811 г. Уволен в 1837 г.

Никита Козьмин Брюханов — из с. Кежемского, из крестьян. Уволен в 1838 г.

Семен Абросимов Лужников — на службе с 1812 г. Награжден: Св. Анны, серебряная медаль за участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Уволен в 1838 г.

Иван Иванов Привалихин — из д. Привалихиной. Уволен в 1838 г.

Гаврила Иванов Шарвинов — из мещан г. Енисейска. За 20-летнюю службу награжден: Св. Анны, серебряная медаль «За взятие города Варшавы». Уволен в 1833 г.

Андрей Александров Николаев — из с. Кежма. Награжден: Св. Анны и серебряная медаль «За персидскую войну и турецкую кампанию 1826-29 гг.», три нашивки. Уволен в 1839 г.



Серебряная медаль на Андреевской ленте

Солдатская медаль при ордене Святой Анны была учреждена при императоре Павле I в 1797 году, когда орден стал российским. По форме она представляла собой позолоченный диск диаметром около 25 миллиметров, в верхней части которого было изображение короны, а в центре — эмалевый коричнево-красный крест, помещенный в такого же цвета кольцо. На оборотной стороне медали, также в кольце, гравировали порядковый номер. Медаль носилась на Аннинской ленте в петлице. Медалью стали награждать унтер-офицеров и рядовых и за выслугу 20 лет. Награжденные этой Аннинской медалью освобождались от телесных наказаний, получали удвоенное жалованье и затем пенсию «по смерти свою, где бы ни находились».

Серебряная медаль на Андреевской ленте высшего ордена Андрея Перво-

званного была учреждена в 1813 году. Ею награждали всех строевых чинов армии и флота, принимавших участие в боевых действиях в Отечественной войне 1812 года.

Мурашов Г.А. Титулы, чины, награды. СПб. : Полигон, 2003. С. 163, 169, 173.

Следует отметить, что и тогда награды находили воинов не всех и не всегда. Так, имевший медаль «За взятие Парижа» должен иметь и серебряную медаль за участие в военных действиях 1812-1814 годов. Однако ее не имел бомбардир Хравниников. Возможно, из-за небрежного составления списка или по личным мотивам вообще не показаны награды некоторых кежемцев (унтер-офицера Ивана Попова, рядовых Федора Лужникова, Сергея и Никиты Брюхановых, Ивана Привалихина).



Орден Святой Анны в 1735 году учредил голштинский герцог в честь своей жены Анны Петровны, дочери Петра Великого, матери императора Петра III — мужа Екатерины II



ФОНВИЗИН (ранее фон Визин) Михаил Александрович (1787-1854), из дворян Московской губернии, отец — подполковник. Воспитывался дома, затем в училище Св. Петра в Петербурге и в Московском университетском пансионе, слушал лекции в Московском университете. В 1801 году записан в подпрапорщики лейб-гвардии Преображенского полка, службу начал в 1803 году в лейб-гвардии Измайловском полку. Участвовал в русско-французской войне 1805-1807 годов и русско-шведской в 1809-1810 годах, поручиком вступил в Отечественную войну 1812 года. Ранен под Смоленском, получил орден Владимира IV степени, за Бородино награжден орденом Св. Анны II степени, у Тарутинского лагеря с отрядом казаков совершил партизанский рейд, за бои под Красным и на Березине получил золотую шпагу за храбрость. Активный участник заграничных походов, под Барсуюль-Обом раненным был взят в плен, участвовал в заговоре пленных. Награжден двумя орденами и Кульмским крестом. В чине полковника с 1814 года командовал 37-м егерским полком, с которым участвовал в военных действиях против Наполеона во время его попытки вернуться к власти в течение так называемых Ста дней. Оставался в составе оккупационного корпуса во Франции до 1819 года. Уволен в отставку в декабре 1822 года генерал-майором. Жил в подмосковном имении Крюково, имел с братом более 1500 крестьянских душ. Активный участник всех декабристских обществ.



Офицерский Кульмский крест, учрежденный прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III для награды русских гвардейцев, проявивших героизм в битве при Кульме 13 декабря 1813 года

Отставной генерал-майор, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, был осужден по IV разряду на 10 лет каторги. Перед отправкой в Сибирь 21 января 1827 года имел приметы: «рост 2 аршина 7¹/₄ вершка, лицо белое, круглое, глаза серые, нос средний, немного широковат, волосы на голове и бровях темно-русые и по верхней части головы волос не имеет, а при разговоре на правую сторону рта делается косоватость». После отбытия каторжных работ на Нерчинских рудниках он определен в 1832 году на поселение в Енисейск. В Красноярске Фонвизины прожили около трех лет (1836-1838 гг.). Михаил Александрович с увлечением переводил произведения зарубежных классиков, занимался философией, историей. Из чтения книг, размышлений и бесед с товарищами по изгнанию рождались мысли, заметки, статьи. Так появился обширнейший труд «Обозрение проявлений политической жизни в России». У Фонвизиных была богатейшая библиотека, Михаил Александрович был признанным авторитетом в вопросах текущей политики. Дом Фонвизиных, как и дом Давыдовых, стал центром культурной жизни в Красноярске. В 1838 году Фонвизиных переводят в Тобольск, а в 1853 году Михаил Александрович получил разрешение вернуться на родину — в поместье Марьино, где через год скончался.



Орден Святого Владимира IV степени с бантом



Орден Святой Анны II степени

Портреты из книги
«Декабристы».
Издание
М.М. Зензинова,
1906 г.

ДАВЫДОВ Василий Львович (1792-1855), из дворян Киевской губернии. В 1807 году 14-летним юношей Василий Давыдов поступил юнкером в лейб-гвардии гусарский полк, участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах, состоял адъютантом при князе Петре Багратионе и за участие в Бородинском сражении был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом. За отличия в сражении при Малоярославце был награжден золотой шпагой за храбрость. Был ранен под Кульмом, попал в плен к французам и был освобожден прусскими войсками.

Василий Львович Давыдов в числе лучших представителей русского дворянства вступил в Союз благоденствия, а затем стал одним из руководителей Южного общества. Как активный его член Давыдов был осужден и выслан на каторгу. Имел приметы: «лицом чист, глаза светло-русые, нос большой, волосы на голове черные, на бороде темно-русые, имеет усы, на обеих ногах имеет раны от штыков, повыше левой груди имеет рану от пика, позади левого плеча имеет рану от пика же, на правой руке на большом и между указательным передними пальцами имеет два шрама от сабли, собою плотен».

После 13 лет каторги в конце сентября — начале октября 1839 года он прибыл на поселение в Красноярск. Целых 16 лет прожил декабрист со своей семьей в нашем городе. «Властителем дум» называли Василия Львовича жители Красноярска. Часто в доме Давыдовых собирались друзья-декабристы, образованные чиновники, студенты. К услугам гостей был клавесин Александры Ивановны, великолепная библиотека. Звучала музыка, читались стихи, ставились театральные инсценировки. Василий Львович и Александра Ивановна создали домашнюю школу, в которой учились и дети из семей близких друзей. Умер декабрист 25 октября 1855 года и, как предполагают, похоронен в Красноярске на городском Троицком кладбище.

МИТЬКОВ Михаил Фотиевич (1791-23.10.1849), из дворян Владимирской губернии. Отец — майор Фотий Михайлович Митьков, надворный советник, владелец почти 1500 душ, мать — Александра Максимовна Демидова. Воспитывался во 2-м кадетском корпусе с 1804 года, откуда через два года выпущен прапорщиком в императорский батальон милиции, позже перешел в лейб-гвардии Измайловский полк. Поручиком вступил в Отечественную войну 1812 года, вышел после заграничных походов капитаном с тремя орденами за Тарутино с Малоярославцем, Бауцен и Лейпциг. За Бородино награжден золотой шпагой за храбрость. Брал Париж, в 1818 году стал полковником лейб-гвардии Финляндского полка. С 1824 года лечился за границей, а вернувшись в Россию, жил в своем поместье, а затем в Москве. В Московской управе Северного общества Митьков занимал одно из ведущих мест. После осуждения два года содержался в казематах трех прибалтийских крепостей. При отправке в Сибирь в 1828 году имел приметы: «рост 2 аршина $8\frac{1}{2}$ вершка, лицо белое, рябоватое, глаза серые, нос небольшой, продолговат, волосы на голове и бровях темно-русые».

Отбыв десять лет каторги, декабрист с 1836 года до самой своей смерти (23 октября 1849 г.) находился на поселении в Красноярске с женой Анной и дочерью Марфой. Круг интересов ссыльного декабриста был очень широк. Он выписывал все московские газеты и журналы, книги А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского, «Избранные места из переписки с друзьями» П.В. Гоголя, «Историю государства Российского» И.М. Карамзина, а также медицинские пособия. Увлекаясь точными науками, декабрист оборудовал у себя механическую мастерскую и метеорологическую площадку. Начиная с 1833 года, он более десяти лет вел специальные наблюдения за погодой. Обработанные и опубликованные в 1864 году академиком Л.Я. Купфером измерения декабриста стали широко известными в научных кругах. Подлинные журналы его наблюдений ныне хранятся в Красноярском краеведческом музее.

Место захоронения декабриста отмечено скромным памятником на Троицком кладбище в Красноярске.



ФАЛЕНБЕРГ Петр Иванович (1791-1873), из дворян Могилевской губернии. Отец — саксонец, вызванный Потемкиным для устройства суконных фабрик, лютеранин. Воспитывался у домашних учителей, затем с 1805 года в рижской Domschule, а с 1809 года в Царскосельском лесном институте, откуда в 1811 году выпущен колонновожатым 13-го класса в свиту по квартирмейстерской части. Прапорщиком вступил в Отечественную войну 1812 года в составе Западной армии, в заграничных походах награжден тремя, в том числе прусским, орденами (за Левенберг и Париж). После войны продолжал успешно служить, в 1822 году стал подполковником по квартирмейстерской части.

Член Южного общества с 1822 года. Осужден по IV разряду. При отправке в Сибирь имел приметы: «рост 2 аршина $7\frac{7}{8}$ вершка, лицо чистое, смугловатое, круглое, глаза серые, нос средний, широковат, волосы на голове и бровях темно-русые». После 8 лет каторги определен на поселение на Троицкий солеваренный завод Енисейского округа (в 1832 году), а в 1840 году переведен в с. Шушенское Минусинского округа. На поселении активно занимался хозяйственной деятельностью, завел табачную плантацию, построил с помощью декабриста А.Ф. Фролова деревянный дом, помогал финскому ученому М. Кастрену в изучении древних надписей на енисейско-орхонском языке. После амнистии в 1856 году жил в разных местах Европейской России.

Умер в Белгороде, похоронен в Харькове.



Высшая награда Пруссии — орден Pour le Merite («За заслуги»)



ШАХОВСКОЙ Федор Петрович (1796-1829), князь, родом из дворян Псковской губернии. Отец — князь Петр Иванович, тайный советник и псковский губернатор в 1812-1816 годах, мать — княжна Анна Федоровна Щербатова. Воспитывался дома и в частном пансионе Жакино в Москве. Будучи на службе, слушал курс политических наук у профессора Х.А. Шлецера. В службу вступил в 1813 году в резервную команду лейб-гвардии Семеновского полка подпрапорщиком. Участвовал в военных действиях на территории Франции и во взятии Парижа. Служил в 38-м егерском полку, был год адъютантом у генерал-лейтенанта И.Ф. Паскевича; вернувшись в полк, уволен через год, в 1822 году, в отставку в чине майора. Жил в имении помещиком средней руки. Активный масон. Еще на военной службе вступил в Союз спасения и Союз благоденствия.

Осужден по VIII разряду, приговорен к лишению дворянства и ссылке на поселение вечно. При отправке в Сибирь в июле 1827 года имел приметы: «рост 2 аршина $8\frac{1}{2}$ вершка, волосы на голове и бровях светло-русые, глаза темно-голубые, лицом бел и худощав, нос прямой, подбородок выдается вперед, на верхней губе с левой стороны небольшая бородавка». Определен в Туруханск, куда прибыл в 1826 году, переведен в Енисейск в 1827-м, а позже в Красноярск. На поселении первоначально вел активную жизнь: писал труды по педагогике и грамматике русского языка, работал над проектом хозяйственного развития низовьев Енисея. Автор записок о Туруханском крае. В середине 1828 года заболел психическим расстройством. В 1829 году отправлен по прошению жены в Суздальский Спасо-Ефимский монастырь, где и умер.



Шпага с надписью «За храбрость». Это золотое оружие ставилось по значимости в один ряд с орденами

«Смотр французским войскам на обратном походе через Смоленск». Русские народные картинки из собрания Д.А. Ровинского





Портрет
из Минусинского музея
декабристов



Серебряная медаль
«За взятие Парижа»

КРАСНОКУТСКИЙ Семен Григорьевич (1787-1840), из дворян Киевской губернии. Отец Григорий Иванович — киевский губернский прокурор, мать Софья Степановна Томара — полтавская помещица средней руки.

С 1798 года воспитывался в 1-м кадетском корпусе, выпущен оттуда прапорщиком в лейб-гвардейский Семеновский полк. В сражении под Фридландом награжден золотой шпагой за храбрость. В Отечественную войну 1812 года вступил штабс-капитаном, участвовал в сражениях при Бородино, под Тарутино, Малоярославцем, был в заграничных походах (Люцен, Бауцен, Кульм, Лейпциг, Париж), полковником командовал с 1816 года Олонецким пехотным полком.

Со службы уволен в 1821 году генерал-майором с мундиром и пенсией. На гражданской службе стал обер-прокурором Сената в ранге действительного статского советника. Осужден в 1826 году по VIII разряду на 20 лет ссылки. Имел приметы: «рост 2 аршина 6 $\frac{1}{2}$ вершка, лицо продолговатое, несколько черноватое, чистое, нос большой, несколько загнувшийся книзу, глаза серые, брови темно-русые, на голове волосы черные, бакенбарды темно-русые». По болезни из Якутии в 1827 году переведен в Минусинск, прибыл туда в 1829-м. В Минусинске Краснокутский помогал Беляевым в их хозяйстве, завел небольшой фруктовый сад с огородом. Получил разрешение отправиться в Иркутскую губернию для лечения. Из-за паралича обеих ног оставался в Красноярске с 1831 до 1838 года. Прикованный к постели в Красноярске, Краснокутский не утратил живости ума и интереса к общественно-политической жизни, был авторитетным советчиком в юридических вопросах, занимался экономической статистикой. Его квартира (местонахождение не установлено) стала своеобразным декабристским клубом. Особенно близки к нему были П.С. Бобрищев-Пушкин, жена В.Л. Давыдова Александра Ивановна и чиновник И.В. Голенцев-Кутузов, который оставил службу и до последних дней Краснокутского был с ним. Похоронен в Тобольске.



Сражение при Бородино 26 августа 1812 г. Гравюра с картины П. Гесса



Орден Святой Анны IV степени носился на эфесе шпаги

СПИРИДОВ Михаил Матвеевич (1796-1854), из дворян Владимирской губернии. Отец Матвей Григорьевич — сенатор, местный видный помещик, известный своими работами по генеалогии; мать — княжна Ирина Михайловна Щербатова, дочь известного историка. Получил домашнее образование. Во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов был награжден двумя орденами и чином подпоручика. Службу продолжал в Саратовском и Пензенском пехотных полках. В Общество соединенных славян вступил в 1825 году, будучи майором Пензенского полка. На допросе он показал, что в общество он вступил, так как «был более всего приведен в скорбь бедностью поселян... видел неусыпную деятельность хлебопашца, плоды которой служат обогащению их панов... и сознаюсь, мое сердце содрогнулось, жалея их». Показательно, что солдаты буквально боготворили Спиридова и его сослуживцев и признавались, что за таких командиров готовы голову сложить.

Как военный осужден по I разряду и приговорен к каторжным работам вечно, позже — к 20 годам. При отправке в крепость в 1826 году имел приметы: «рост 2 аршина 6 вершков, лицом бел, чист, волосы черные, глаза черные, нос посредственный». В Сибирь отправлен в октябре 1827 года. После 13 лет каторги выпущен на поселение в Красноярск. Завел крестьянское хозяйство в д. Дрокино (15 километров от губернского центра), куда переселился. Совершенствовал приемы обработки земли, орудия труда, способствовал распространению в губернии картофеля (выведенный им сорт называли «спиридовкой»). Помогал местным крестьянам.

Похоронен на сельском кладбище с. Зелеево (ныне Емельяново). В центре села установлен памятник Спиридову работы красноярского скульптора А.Х. Абдрахимова.

Дом Спиридовых в Нагорье сгорел со всем родовыми архивами и портретами.



Карикатура Джорджа Круикшанка, 1814 г., Англия. «Наполеон в беде». Из собрания Д.А. Ровинского.

Среди участников Отечественной войны 1812 года был первый енисейский губернатор А.П. Степанов. Единственным сибиряком среди декабристов был Г.С. Батеньков, храбрость которого заметил сам Наполеон Бонапарт, велевший израненного героического русского офицера отправить в госпиталь.

Жители края активно участвовали в сборе средств на военные нужды. Так, минусинские крестьяне в конце 1812 года «для военной надобности... по собственной своей воле и с общего согласия на поражение врага, стремящегося к разорению нашего отечества», пожертвовали по 25 копеек с каждой ревизской души. Всего

События 1812-1814 годов широко обсуждались во всей Европе. Сатирически обыгрывались многие сюжеты бесславного похода Наполеона в Россию и его разгрома. Страны-участницы антинаполеоновской коалиции нередко преувеличивали свой вклад в разгром Наполеона. Русские и иностранные карикатуры были очень популярными и собирались любителями. Автор в гравюре, где английский генерал Блюхер задает показательную порку корсиканцу, преувеличивает роль Англии в победе над Наполеоном.

с уездов Приенисейского края было собрано населением более 2,5 тысячи рублей.

В память об Отечественной войне 1812 года названы некоторые селения при трактовой полосе: Тарутино, Семеновка. В Красноярском крае есть город Бородино — самый крупный населенный пункт, носящий имя в память сражения в кампании 1812 года.

В Красноярске один из старейших действующих православных храмов —

Благовещенский собор — имеет придел Александра Невского, построенный в ознаменование победы русского оружия над армией Наполеона.

Любопытно, что 27 августа 1912 года в Красноярске был проведен футбольный матч в честь 100-летия Бородинской битвы. Матч состоялся в присутствии знаменитого норвежского ученого, исследователя и путешественника Фритьофа Нансена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII — начале XIX века край в своем поступательном развитии сделал значительный шаг вперед. Русские селения впервые появились в Северном Приисаенье. Общее их число в крае выросло почти в 2,5 раза, а жителей — в 1,7 раза. Расширилась контактная зона чересполосного проживания русских и ясачных. Усложнилась хозяйственная жизнь, появились мануфактуры, развивались сложные ремесла. Главный водный путь края дополнился сухопутным трактом, который еще и с запада на восток соединил бассейны Оби и Енисея. Однако о качественных изменениях в товарно-денежных отношениях говорить преждевременно. Мало того, их интенсивность даже снизилась, так как стали осваиваться плодородные целинные земли, удобные для ведения натурального, то есть комплексного, сельского хозяйства, почти не связанного с рынком.

Сословно-социальная структура населения несколько упростилась и приблизилась к общерусской. Резко снизилась численность казачества. В «благодарность» за труды по присоединению богатейшего края центральная власть оставила в штате на жалованьи 874 казака, а прочих с семьями через сословный разряд разночинцев сравнивало с тяглыми крестьянами. Общая численность казачества сократилась почти в пять раз. Многоукладность социально-экономических отношений сохранялась. Хотя самая тяжелая форма феодальной ренты — десятинная пашня — сменилась у 80 процентов крестьян на хлебный оброк, его вскоре многим заменили на заводские отработки.

Петровские реформы слабо затронули повседневную жизнь и быт жителей Приенисейского края. Об этом свидетельствуют материалы первой научной экспедиции Д.Г. Мессершмидта со Страленбергом по изучению Сибири и участников сухопутного отряда обеих Камчатских экспедиций.

К концу рассматриваемого времени в крае произошли значительные изменения. Резко возросли темпы заселения, хотя абсолютные показатели их в начале XIX века снизились, так как часть приенисейской территории пе-

решла в Иркутскую губернию. В хозяйственном отношении край превратился в житницу всей Восточной Сибири. Южная граница старого Енисейско-Красноярского земледельческого района дошла к подножию Западного Саяна. Сам же район сильно расширился за счет Минусинского и Канского хлебопахотных подрайонов.

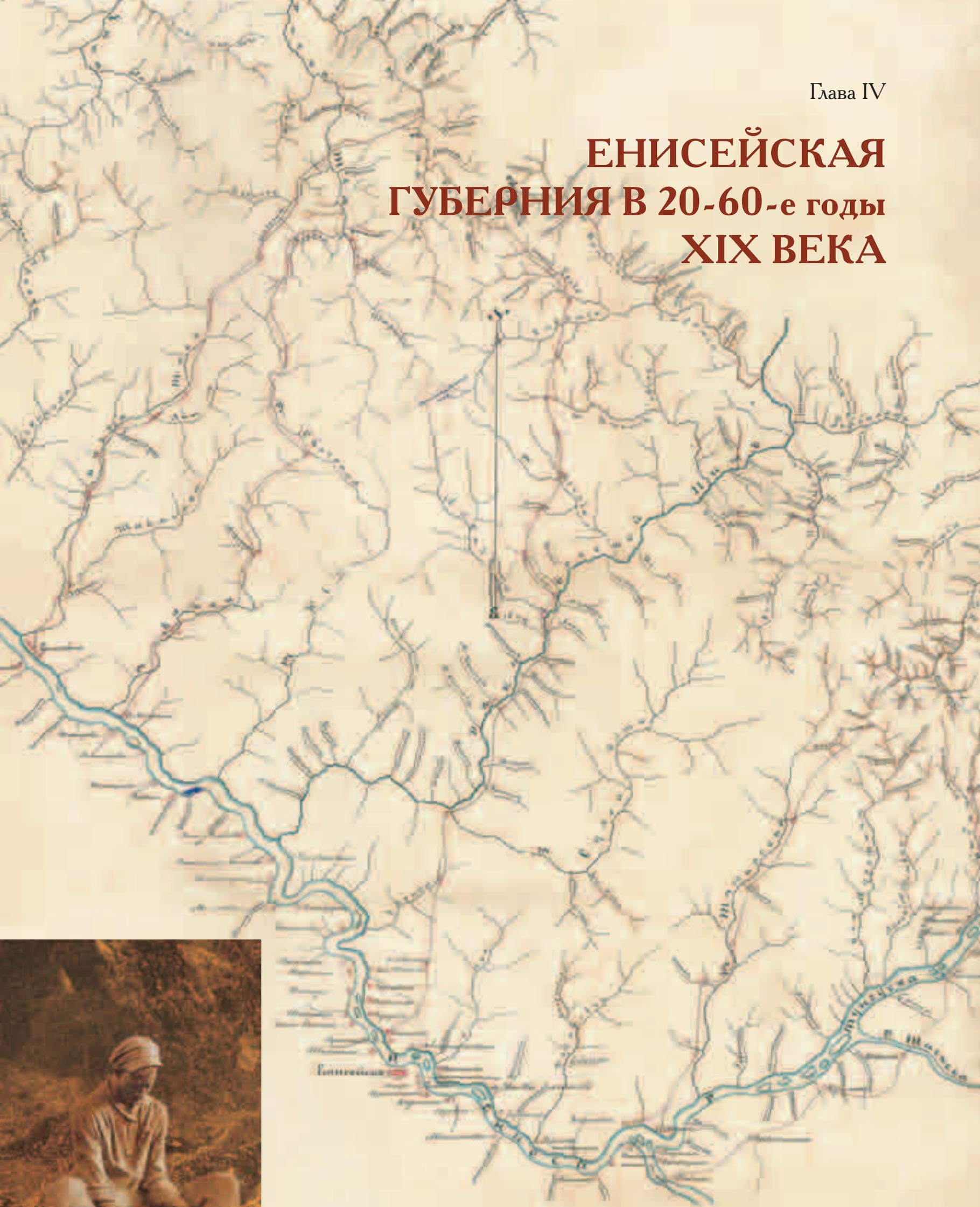
Что касается мануфактурного производства, то оно сократилось в сфере переработки минерального сырья (Ирбинский железоделательный завод возобновлял свою работу всего на полтора десятилетия), но расширилось за счет двух новых винокуренных заводов. Торгово-ремесленные занятия развивались неоднозначно. На севере сохранялся неэквивалентный обмен, причем в Енисейске в начале XIX века уже были заметны признаки упадка. В то же время в районе притрактовой полосы довольно активно формировался торгово-ремесленный слой населения, особенно в Красноярске.

Социальные отношения характеризовались некоторым перераспределением роли отдельных укладов. За счет перехода от натуральных к денежным формам ренты — налога — ослаб казенно-крепостнический уклад. Расширились формы социального сотрудничества имущих верхов налогоплательщиков с центральной властью через подряды, откупа, продажу казенных товаров и водки «на вере». Необоснованные административно-территориальные изменения мешали развитию экономических связей в приенисейском регионе. Только в 1804-1822 годах вся территория края, кроме правобережья бассейна Кана, входила в одну административную единицу.

Углубились благотворные хозяйственно-культурные контакты между русским и коренным населением. Явно усилился процесс складывания хакасской народности, ядром которой выступали енисейские киргизы и другие тюркоязычные племена края.

Общий культурно-бытовой уровень жизни края был типичным для всей Сибири и России в целом. Только в отдельных случаях край оказывался впереди. Напомним, что в Приенисейском крае возникла первая в уездной России публичная библиотека и работала самая крупная в Сибири общеобразовательная школа.

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 20-60-е годы XIX ВЕКА



**Общая карта золотоносных систем
Енисейского округа, середина XIX века**

Кризис крепостничества и формирование капиталистического уклада в европейской части страны определили основные направления развития Сибири. И здесь начинают подрываться устои феодализма, складываются раннебуржуазные отношения, но эти процессы проходили с большим отставанием от центра. Развитие края сдерживалось малочисленностью населения, плохими путями сообщения, хищнической политикой царизма, ростовщического и торгового капитала. Колоссальные богатства Сибири использовались еще крайне мало и преимущественно в интересах угнетателей. Творческие возможности народных масс во многом были скованы.

ЗАСЕЛЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КРАЕМ

Новое в заселении



Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839)

Генерал-губернатор Сибири с 1819 по 1821 год. Он получил эту должность после обстоятельной ревизии положения зауральского края в 1817-1819 годах. В Сибирь он попал в результате опалы Александра I, которому не понравились очень умеренные, буржуазного типа преобразования управления страной. В последующие годы он занимался кадефикацией российского законодательства, в результате которой появилось Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1), 1832 г.

В изучаемое время темпы заселения края возросли. Казна периодически разрешала государственным крестьянам переселяться в Сибирь. Получение краем статуса губернии тоже вызвало приток населения.

В первой половине XIX века ссылка резко возросла, особенно после того, как губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов подал идею создания казенных поселений из ссыльных. В 1822 году проект 22 казенных военных поселений утвердил император Александр I, а через пять лет в Енисейскую губернию отправили 5955 ссыльных.

«1827 года сентября 15-го высочайше утвержден проект поселения... ссыльных в Енисейской губернии, имеющих в предмете, через усредоточенный надзор и занятия в хлебопашестве, удержат преступников от побегов и праздности. Ссыльным самим не нужно поселений: их желание стремится к глупой воле, бродяжничеству и преступлениям, но правительству необходимы, а потому вся справедливость требовала выстроить их, водворить поселенцев и... требовать исполнения их обязанностей».

Степанов А.П. // Енисейская губерния. СПб., 1835.

Первым в 1829 году было заложено поселение Ермаковское, в 1831 году — Большой Суэтук (в настоящее время Нижний Суэтук). С 1842 года они были переведены в разряд деревень и стали управляться сельскими старостами. С этого времени вновь было разрешено вольное переселение российских крестьян в Сибирь.

К середине XIX века на территории современного Ермаковского района, вошедшего к этому времени в состав Шушенской волости, числилось 10 населенных пунктов, которые размещались в зоне проселочной дороги от Минусинска до границы с Томской губернией. Среди них д. Жеблахтинская (23 двора, 136 человек); с. Ермаковское (157 дворов, 1652 человека), на перевозе через реку Ою, с церковью и училищем; казачья станица Суэтуцкая (37 дворов, 378 человек), где находилось станичное управление, цейхгауз с казачьей амундцией и их часовня; д. Верхний Суэтук (27 дворов, 137 человек); д. Верхне-Кебежская — «Белкозобка» (40 дворов, 184 человека); д. Разъезженская (28 дворов, 172 человека); д. Мигнинская — «Бараксан» (57 дворов, 439 человек); д. Иджинская, или «Перлинские под камешком» (48 дворов, 153 человека). Всего же насчитывалось 379 дворов и 2036 душ населения.



«Сибирский тракт». Репродукция картины К.И. Матвеевой



*Герб Красноярска,
1851 г.
Из книги
П.П. фон Винклера*



*Герб Енисейской
губернии.
Утвержден в 1878 г.*

*Вид Красноярска, 1841 г.
Акварель неизвестного
художника (вероятно,
Алибера)*

На территории современного Саянского района появились селения по ключу Горному — с. Нагорное и на реке Аге. В 1829 году поселение на Аге стало называться Агинское (Огинское). Первыми его жителями стали 30 ссыльнопоселенцев.

Казенные поселения были устроены по одному типу. В каждый дом селили по четыре работника, а для обзаведения хозяйством давали три лошади, две коровы, три овцы, две «хомутоезжалых» (для транспортных нужд) и три сошных (для пахоты) лошади, долото, скобель, ручную пилу, три сошника, три серпа, три косы, нож, одно колесо, сито, горшок, сковороду, три топора и ухват. Общая стоимость скота, инструментов и утвари определялась в 180 рублей 75 копеек. Дома должны были строить сами поселенцы под надзором казаков. С большим трудом при постоянном подселении новых ссыльнопоселенцев дело пошло. Со временем жители этих поселений получили статус казенных крестьян.

С учреждением губернии часть выделенных станичных казаков разместились в южных волостях Минусинского округа. Казаки в первую очередь заселяли и осваивали богатые промысловые угодья. Одной из таких станиц стало с. Каратузское, где учредили станичное правление. По переписи 1858 года, в нем было 123 двора и 642 человека. Это было не самое крупное село, но явно местный административный и торговый центр. В нем проходили еженедельные воскресные ба-

зары, ярмарки и находилась приходская церковь. Казачья амуниция хранилась в цейхгаузе. Кроме Каратуза, отмечено еще восемь русских поселений, в том числе д. Сагайская (184 двора, 951 человек); д. Верхний Кужебар (146 дворов, 897 человек); д. Ширьштык (10 дворов, 68 человек); д. Средний Кужебар (30 дворов, 228 человек); д. Качулька (26 дворов, 156 человек); д. Уджей (28 дворов, 193 человека); д. Нижний Кужебар (299 человек). Все населенные пункты размещались в районе проселочной дороги от Минусинска до станицы Каратузской. На территории района обитали многочисленные сагайцы и каменные моторы, всего более 500 улусов и стойбищ, входивших в Сагайскую степную думу.

Население также увеличивалось в связи с развитием золотопромышленности. Новых деревень появилось сравнительно мало (Покровка, Кныши, Малая Иня), однако число дворов и жителей, по переписи 1858 года, возросло в 4-5 раз — более 850 дворов и 6,5 тысячи человек, причем женщины стали преобладать. Самыми крупными населенными пунктами были д. Березовка (ранее Усть-Березовка) — 167 дворов, 978 душ; с. Шалаболино — 143 двора, 876 душ; с. Тесь — 136 дворов, 1026 душ; с. Курагинское — 105 дворов, 723 души.

Обживание шло традиционно. Население занималось хлебопашеством, скотоводством и различными ремеслами. Чистых ремесленников было немного: в конце XVIII века лишь 6 семей и 12



ревизских душ. Из промыслов и ремесел особенно было развито плотницкое, судостроение, мыловарение, выделка кож. В середине XIX века в деревнях Пойловой, Шалаболиной, Шошиной и Курагинской имелись пристани, а в Кочергиной — перевоз через Тубу. В с. Курагинском проводились воскресные базары.

Новую волну вольных переселенцев на восточные окраины Российской империи вызвала в 1830-х — середине 1840-х годов реформа графа П.Д. Киселева. В нашем крае, главным образом в южных районах, осело до 30 тысяч государственных крестьян из Вологодской, Вятской, Пермской, Ярославской, Орловской, Пензенской и даже Кавказской губерний.

На территории Канского округа заселению способствовало развитие Бирюсинских золотых приисков. В 1830-х годах сюда были высланы участники восстания в Польше. Они оставили свой след в жизни района, немало ирбейцев и по сей день носят польские фамилии. Самым многолюдным селом в волости в это время оставалось Ирбейское. По десятой переписи 1858 года, в нем насчитывалось 108 дворов и 735 человек. В центре высилась каменная церковь, около нее была площадь, где устраивался еженедельный базар, неподалеку — здание волостного управления. В 1865 году была открыта казенная одноклассная школа.

Жизнь на новом месте не отличалась своеобразием. Многие жители относились к торгово-ремесленным сословиям посадских (мещан) и купцов. Принад-

лежность к этим сословиям давала больше свободы в хозяйственной деятельности. Развитию торгово-промышленных занятий населения в волости способствовало строительство дороги на Бирюсинские золотые прииски. Ирбейцы занимались торговлей, кожно-скорняцким, бондарным, шорным и кирпичным промыслами.

Открытие по течению Бирюсы золотых приисков вызвало приток вольных поселенцев в 1830-1840-е годы. По десятой переписи 1858 года, в районе было пять деревень (Абалакова, Верхняя Ага, Усть-Ага и само с. Агинское) с населением в 2590 человек. Кроме того, три двора были на кирпичном заводе. Приток русских привел к постепенной ассимиляции ясачного населения, которое в подавляющей массе уже к середине XIX века было христианизировано.

Число ссыльных в крае увеличилось за 40 лет на 40 тысяч человек. В 1820-х годах в связи с нереальными попытками устроить самый северный в стране тракт с Нижней Тунгуски на Лену власти поместили несколько сот ссыльных в Туруханском крае. Многие из них умерли голодной смертью. В 1827-1830 годах по Московско-Сибирскому тракту и в Минусинском округе появилось еще 22 казенных поселения. В них разместили около 6 тысяч мужчин и более 3 тысяч женщин. В 1830-1840-х годах в крае поселили более 4,5 тысячи польских повстанцев. В течение всего времени по старожильческим деревням размещались и одиночные ссыльные.



Александр Петрович Степанов (1781-1837)

Фотография Scherer, Nabholz & Co

с графического портрета. Красноярский краевой краеведческий музей

Действительный статский советник, первый енисейский гражданский губернатор (1822-1831 гг.), известный литератор, этнограф. Происходил из старинного дворянского рода. С 1793 года учился в пансионе при Московском университете, служил в армии. Был ординарцем у П.И. Багратиона и А.В. Суворова. В 1801 году вышел в отставку, служил в Департаменте юстиции. С 1804 года занимал должность прокурора в Калуге. Участвовал в Отечественной войне 1812 года. После назначения енисейским губернатором проводил огромную работу по благоустройству города. В 1823 году открыл первое в Красноярске научное общество «Беседы о Енисейском крае». Основные труды Степанова: «Наставление, обращенное к малым народностям Енисейской губернии», роман «Тайна», повесть «Постоялый двор», двухтомный краеведческий труд «Енисейская губерния». Художественные произведения Степанова пользовались популярностью у русского читателя и в литературных кругах. Он автор поэмы «Суворов», написанной под влиянием классицизма, и других стихотворных произведений. В «Енисейском альманахе на 1828 г.» напечатано его «Путешествие в Кяхту из Красноярска». Умер в Петербурге.

Переправа партии ссыльных каторжан через Енисей



Округа	1823 г.				1861 г.			
	Селений	Дворов	Душ мужского пола, тыс.	Душ обоого пола, тыс.	Селений	Дворов	Душ мужского пола, тыс.	Душ обоого пола, тыс.
Туруханское упр.	?	91	0,2	0,37	80	60	?	2,0
Енисейский	215	5500	24,0	45,6	226	7500	19,8	39,8
Красноярский	123	6700	24,9	42,6	130	11 100	38,2	68,4
Минусинский	79	3200	23,0	42,1	374	14 200	41,8	81,4
Ачинский	224	4100	16,6	31,1	171	8500	28,5	54,2
Канский	116	4400	17,5	29,6	135	8200	28,0	52,7
ИТОГО	735	24 000	106,2	158,7	1031	50 000	156,3	298,5
В том числе ясачных				32,5				45,4

Таблица 4.1
Динамика численности населения Енисейской губернии во второй четверти XIX века

Вся хозяйственная и личная жизнь ссыльных поселенцев мелочно регламентировалась местными властями. Канский исправник Лоскутов даже разработал детальную инструкцию, которая вводила порядки, близкие аракчеевскому режиму у военных поселян. За лихоимство и самодурство он был арестован и отдан под суд М.М. Сперанским.

Несмотря на возросший приток в край вольных переселенцев и ссыльных, естественный прирост, как и в XVIII веке, оставался главным источником увеличения численности населения. Благодаря лучшим, чем в центре страны, условиям жизни рождаемость в Сибири была близка к биологическому максимуму. Каждая женщина рожала 15-20 раз. И хотя выживал лишь каждый четвертый, естественный прирост перекрывал своими масштабами и вольные переселения, и ссылку. В крае к 1861 году в 1031 селении насчитывалось около 323 тысяч человек. Из них русских было 280 тысяч душ обоого пола, которые проживали в 735 селениях (табл. 4.1).

Впервые в крае уплотнение населения и укрупнение населенных пунктов стало преобладать над первичным заселением территории. Поэтому темпы возникновения новых селений отстали от темпов роста численности жителей в два раза, соответственно в 1,2 и 2,4 раза. За тридцать лет, с 1830 по 1861 год, появилось лишь 37 новых русских населенных пунктов. Значительно расширились внешние границы контактной зоны со смешанным населением.

В статусе губернии

Быстрое увеличение населения, а также усложнение экономических и налогово-полицейских задач в Сибири привели к новым административным реформам. Волости уездов сгруппировали в более крупные комиссарства, впрочем, просуществовавшие недолго. В 1822 году по предложению генерал-губернатора Сибири графа М.М. Сперанского почти всю территорию нынешнего Красноярского края впервые выделили в самостоятельную Енисейскую губернию. Ее центром стал Красноярск. При губернаторах впервые ввели совещательные советы из зависимых от него чиновников. Вместо старых уездов стали округа. Впервые учредили Канский, Минусинский и Ачинский округа, а бывший Мангазейский уезд включили в Енисейский в качестве особого управления. Самым крупным по площади стал Енисейский округ (более 500 тысяч квадратных километров), а самым населенным к 1861 году — Минусинский. Во главе округов стояли окружные начальники. Под их началом находились окружные советы с совещательными правами. В них входили только местные чиновники. Окружной полицией и земским судом ведали земские исправники. В городах административная власть по-прежнему находилась у городничего. Сохранились и органы городского самоуправления — городская и шестигласная думы. Местное управле-

Жанровая сцена разбора бытового конфликта купца с работником и местным чиновником. Из фондов ККМ





Сатира художника, обыгравшего схожие смешные габариты двух столпов красноярской местной власти: «Красноярский окружной судья Илья Ивлиевич Ивлев, 33 лет, ростом 2 аршина 4 вершка, и Енисейского городского казачьего полка атаман Павел Петрович Шахматов, 40 лет, ростом 2 аршина 4 вершка» (около 160 см).
Из фондов ККМ

ние сельским населением было однотипно российскому волостному, но размеры каждой волости были в несколько раз больше, а численность населения меньше.

Серьезному переустройству подверглось управление народами края. Под руководством будущего декабриста Г.С. Батенькова, сибиряка по происхождению, который был фактически главой управления Сибирью, первая администрация Енисейской губернии во главе с А.П. Степановым разработала в 1822 году либеральные «Степные законы». После разгрома восстания декабристов наиболее прогрессивные черты проекта и все отклонения от принятого в 1822 году Устава об управлении инородцами Сибири были ликвидированы. Устав разделял нерусское население края на оседлых, кочевых и бродячих. Оседлые приравнивались к русским крестьянам. У кочевых инородцев, к которым отнесли хакасов, учредили степные думы, которым подчинялись инородческие управы и родовые управления. В Минусинском округе были образованы Качинская, Сагайская (позже Аскизская) и Койбальская думы, а в Ачинском округе — Кизильская. Для «бродячих инородцев» в основном сохранили старую родоплеменную улусную организацию. К ним отнесли народы Приенисейского Севера. Должностные лица всех этих



новых местных органов выбирались сородичами на общих сугланах — собраниях. Чины инородческого местного самоуправления (старосты, головы, родовые начальники и др.) утверждались губернским начальством. Ими, конечно, становилась родовая и феодальная верхушка.

Предположительно первая карта новой Енисейской губернии А.И. Лосева, 1823-1824 гг.

Развитие капиталистических отношений в центре страны неизбежно вело и к ускоренному освоению ее окраин. В Сибири начинают распространяться новые отрасли и формы организации производства. Значительно расширились товарно-денежные отношения. Отчетливее стала проступать порайонная специализация. В отдельных отраслях экономики складывался мануфактурный уклад. В целом же отставание зауральской окраины от центра углубилось из-за возросшего разрыва в темпах развития. Отрицательно влияла крайне малая плотность и малочисленность сибирского населения. Общий уровень развития, тесно связанный с плотностью населения и удаленностью от центра, значительно снижался по направлению с запада на восток.

Благоприятные демографо-хозяйственные факторы обусловили широкое развитие хлебопашества. По темпам роста посевных площадей и объему валовой продукции в расчете на душу населения Енисейская губерния вышла на первое место в Сибири. По сравнению с первым десятилетием XIX века в 1850-1860-х годах посевная площадь и валовой сбор увеличились в три раза, составив соответственно почти 190 тысяч десятин и около 12 миллионов пудов. В пересчете на одну душу населения, включая ясачных, приходилось 0,71 десятины посева и 44,4 пуда. Это явно выше подушевой нормы — 24 пуда. Повысилась до сам-пять и урожайность, но это являлось не результатом интенсификации земледельческого труда, а следствием расширения пахотного клина в плодородных южных и притрактовых районах.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Промыслы и ремесла

Неземледельческие занятия сельчан развивались в двух направлениях. Средние и мелкие крестьяне изо всех сил старались сохранять и развивать домашние промыслы. Они по-прежнему своими силами изготовляли сохи, бороны, колеса, телеги, сани, грабли, вилы, мебель, деревянную посуду. Выделывали брусья, оселки, точила, жерновой камень (для мельниц), плели из конопли веревки, ка-

наты и нитки. Ткали домашний холст, из которого шили холщовые рубахи, штаны, женскую одежду, делали кули, портянки. Из шерсти изготавливали сукманину (грубошерстное сукно), кушаки, варежки, чулки, колпаки, валенки, войлоки, половики. Выделывали кожи и кожевенные изделия: чирки, ичиги (вид обуви), рукавицы, конскую упряжь. Шили тулупы, дохи. Из конского волоса делали веревки и вожжи, сита, тюфяки. Из бересты плели туески, лукошки, которые использовались при посеве хлеба. Крестьяне гнали смолу и деготь, драли дранку, умели

*После тяжелой страды.
«Крестьянский обед
в поле».
Репродукция картины
Константина
Маковского*



делать сальные свечи и мыло. В отличие от XVIII века массовым стало изготовление домашних сукон, холста. Так, в Балахтинской волости Ачинского округа в 10 деревнях в 170 дворах было 320 ткацких станков. В волостях по Московско-Сибирскому и Енисейскому трактам процветал извоз, то есть коммерческая доставка грузов и пассажиров. Грузы возили на тройках и парах. На три-четыре лошади полагался один работник. С обычным возом в 25-30 пудов покрывали до ста верст в сутки. На почтовых ездили в два раза быстрее. Всего в начале 1840-х годов, по официальным данным, извозом занималось 1546 крестьянских дворов. Ежегодный доход от занятых 6261 лошади составлял 15-16 рублей на каждую. Активнее всего занимались извозом в Енисейском и Канском округах.

Развивались сельская промышленность и предпринимательство. Крестьяне владели мельницами, кожевными, мыловаренными, свечными предприятиями, организовывали выжиг извести, добычу пушнины. Их заведения были разнотипными. Одни по-прежнему обходились силами членов своих семей или входили в трудовые товарищества на паевых началах. Другие, которых было значительно меньше, прибегали к вольному найму и кабале. Примером мелкобуржуазного хозяйчика может служить крестьянин Частоостровской волости Баталов, который организовал в начале 1840-х годов в селе Овсянском выжиг извести. Он нанимал на 1,5 месяца 10 рабочих, уплачивал им около 43 рублей серебром и за вычетом расходов на «снасть» получал до 143 рублей чистой прибыли.



Освоена была и такая новая отрасль хозяйства, как пчеловодство. К 1858 году в губернии с 9713 ульев собрали 2384 пуда меда и 248 пудов воска.

Из давних промыслов пушная охота стала приходить в упадок. Малоценная белка стала главным промысловым зверьком. В 1820-1830-х годах ежегодно добывалось до 1,3 миллиона белчих шкурок, 160 тысяч белых и голубых песцов, до 50 тысяч соболей, 26 тысяч лисиц, 22,3 тысячи колонков, около 7 тысяч медведей и 6,4 тысячи волков. Через четверть же века объем добываемой пушнины сократился почти в пять раз. Белок, например, было добыто всего лишь 244 тысячи штук. Только в таких северных волостях, как Анциферовская, Богучанская, Кежемская, и в Туруханском крае охота и рыболовство сохранили свои позиции. Однако доходность этих занятий была низкой. Например, на юге каждая десятина при среднем урожае давала земледельцу около 20-24 рублей чистого дохода, а северный промысловик получал от рыболовства и пушной охоты лишь 3 рубля 25 копеек на ревизскую душу. Поэтому в малолесных волостях края труженики занимались сразу несколькими промысла-

Стилизованное изображение сельской кузницы.

Акварель Е.М. Корнеева, 1815 г.

Возвращение домой после удачной торговли.

«Зимняя дорога».

Репродукция картины Льва Каменева





*Яков Дмитриевич
Казимирский,
жандармский
подполковник.
Портрет
Н.А. Бестужева,
1840-е годы*

Я.Д. Казимирский (1800 — ок. 1860-х) был плац-майором в Петровском заводе, где декабристы отбывали каторжные работы. В 1838 году, уволившись с воинской службы, поступил в корпус жандармов и служил в Енисейской губернии. С конца 1840-х годов надзирал над приисками Североенисейского горного округа. Все годы сохранял дружеские отношения с декабристами.

*Паром и планы перевозов
через сибирские реки,
составленные
капитаном
строительного отряда
Шматовым в 1820-е гг.*

ми и ремеслами. Показательна в этом плане Маклаковская волость Енисейского округа, где в 1846 году, по официальным данным, доход от земледелия составлял на одну ревизскую душу 3 рубля 70 копеек, а от различных промыслов — около 7 рублей.

Несколько оживился прежде бойкий перекресток водно-сухопутных путей, связывающих Енисейскую губернию со всей Сибирью и Европейской Россией. С Кеми волоком через Кеть — Обь — Иртыш попадали в столицу Сибири Тобольск и на Алтай. На Восточную Сибирь торгово-хозяйственные связи шли не только вниз по Енисею на Ангару и Байкал.

Довольно распространенными были ремесла и занятия, связанные с обслуживанием транспорта: постройка речных судов (судовые мастера, плотники), их оснастка (кузнецы, канатчики, прядильщики, ткачи и т.д.), проводка, а также обслуживание команд (сапожники, портные, квасники, харчевники и т.д.).

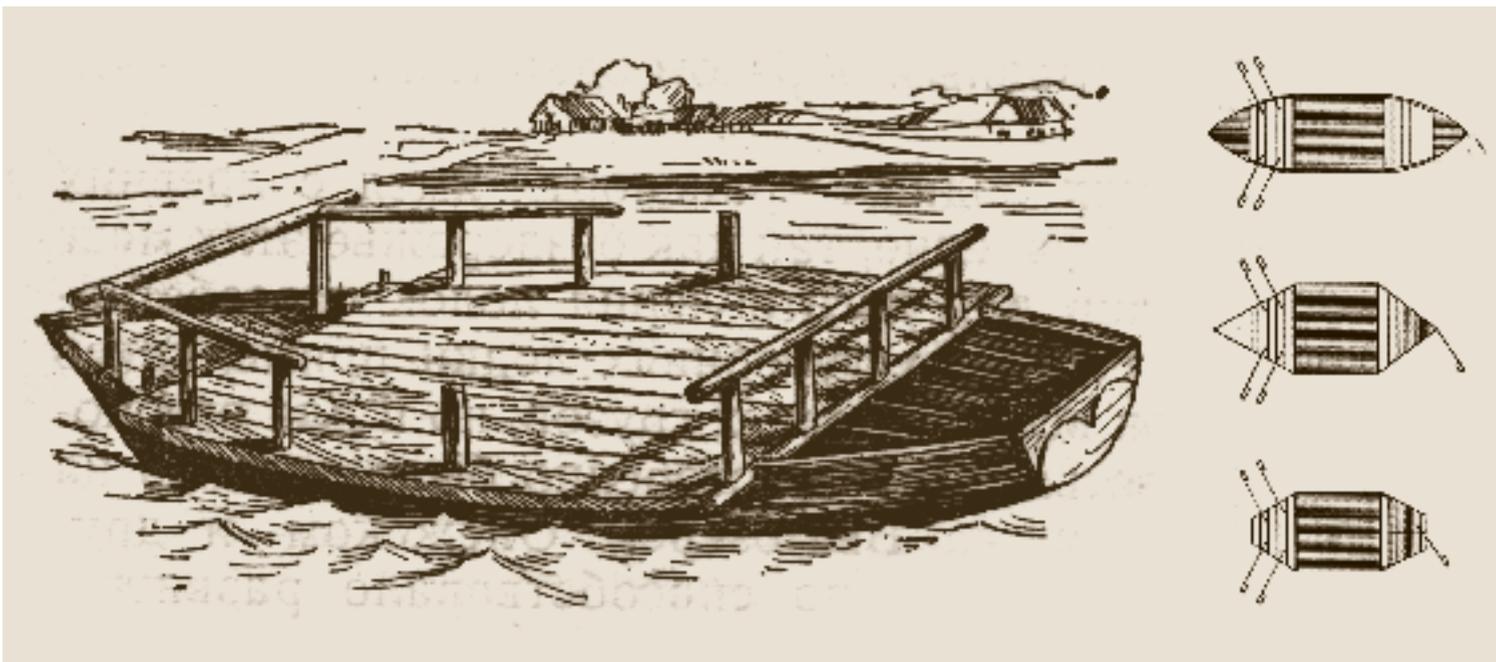
Сохраняло свою роль судостроение. Кроме Енисейска и Маклаковского, строили суда в Подпорожной, Стрелковской слободах, в Усть-Тунгуске, Казачьем Лугу, Онциферовом Лугу, в деревнях по речке Кеми, Подтесово, Есаулово, Новоселово близ Чулыма, в районе Ачинска, Большом Кемчуге. По-прежнему суда делали артельно. Судовой мастер набирал артель из 5-6 человек и ладил «рекоходные» суда: дощаники, каюки и лодки набойные. Оплата за них составляла соответственно 70 рублей, 20 рубля 50 копеек и 5-6,5 рубля. За свои труды уставщик получал от казны до 20 рублей, а простые плотники — по 10 рублей 25 копеек. Су-

довые припасы: гвозди, скобы, смолу, бечеву и паруса — казна покупала или заказывала, а лес заготавливала сама артель.

Суда делали и для частных лиц, причем они стоили дороже: лодка набойная — 15-20 рублей, каюк-«берестяник» — 40-60 рублей, дощаник — 100-150 рублей.

Из четырех пристаней только на енисейской не делались «рекоходные» суда. Они «называются плашкоуты, дощаники, лотки, павозки и барки. Фигурой все продолговатые, нос и корма, сведенные пригнутием досок в узкость к брусью, кои называются корты. Дно у всех плоское. Дощаники, повозки и лотки от плашкоута отличаются небольшим снизу при сведении носа и кормы подбором, которого у плашкоута нет. Снаружи к бокам прибиваются тесаные брусья или бревна, кои называются порубни. Их не делают у лодок и павозок. Палубу кроют тесом поперек судна. Мерею бьвают: плашкоуты — от 12 до 17 сажень длиной и шириной от 7 до 10 аршин, дощаники — 8-12 сажень и 6-8 аршин; повозки и лодки — 6-8 сажень и 5-7 аршин. Барки бьвают пяти- и шестиугольные. У первых нос востроватый, а корма прямая, а у шестиугольных нос и корма востроватые, дно плоское и палуба, как у плашкоута. Барки длиной от 6 до 12 аршин и от 6 до 10 аршин шириной.

Суда строятся из соснового и елового лесу. Во внутренности полагаются еловые кокоры (килевые бревна), а с водной стороны к ним прибиваются сосновые доски деревянным гвоздем, кои называются петники. Конопатятся ветхими снастями или из пеньки отребьями. Снаружи ее прибивают железными небольшими скобами. Другого укрепления не имеют, и они одностенные».



Золотодобыча

В 1826-м, за год до открытия богатых россыпей вблизи границ Енисейской губернии, сибирский историк, зачинатель сибирского краеведения П.А. Словоцов отмечал скудость ее горного производства. Но через несколько лет пойдет молва о енисейском золоте, а Енисейская губерния вскоре станет основным поставщиком золота в России; она давала в 1845 году почти половину его мировой добычи. Недаром, начиная с 1851 года, на гербе Красноярска, столицы Енисейской губернии, был изображен «В червленом щите золотой, стоящий на задних лапах, лев, который несет в передних лапах того же металла серп и лопату». Серп и лопата — атрибуты крестьянина и золотоискателя.

В 1828 году Кузнецовы получили привилегию на поиск золота в Сибири. Кунгурский купец 1-й гильдии Павел Егорович Кузнецов был в числе первых золотопромышленников в Минусинском округе. Летом и осенью 1833 года он заключил несколько договоров со ссыльнопоселенцами и мещанами Минусинска — как на поиск россыпей, так и на работу в принадлежащих ему золотопромывальных. Вел он дело в крупных масштабах. А в 1833 году Ефим Кузнецов открыл золото на Малой Енгозе. В начале 1830-х мы видим представителей этих семейств в числе зачинателей золотодобычи в Канском, Ачинском и Минусинском округах.

С 1834 года началась добыча золота в Ачинском, Минусинском и Енисейском округах, спустя два года — по Бирюсе, а с 1838 года — в Канском и Нижнеудинском округах. Особенно возросла добыча в Енисейском горном округе за счет работ по Севагликону, Актолику и другим прилегающим речкам. Ежегодно здесь добы-

валось по 1025 пудов золота — 74 процента от общероссийской добычи.

Расцвет золотодобычи пришелся на 1840-1850-е годы. В 1847 году 119 приисков губернии на реках Казыр, Кизир, Амыл, Сисим, в бассейнах Бирюсы, Удерея, Пита и Подкаменной Тунгуски дали 1305 пудов золота, или 90 процентов всей золотодобычи страны.

Всего на начало 60-х годов XIX столетия было зарегистрировано более 140 приисков, из которых до 100 работали не более восьми лет. Прииски в то время разрабатывались владельцами, арендаторами и золотничниками — старателями. К 1860 году на приисках в енисейской тайге было добыто около 20 тысяч пудов, или 75 процентов золотодобычи Сибири.

Золотопромышленность оставила далеко позади по стоимости продукции и количеству занятых рук все другие отрасли промышленности. Впервые промышленная продукция по стоимости превзошла сельскохозяйственную. Однако это не значит, что экономика губернии стала индустриально-аграрной. Основная масса тружеников по-прежнему была связана с сельским хозяйством. В золотопромышленности, по официальным данным, в среднем было занято 20-30 тысяч рабочих. При этом, по подсчетам советского историка Н.С. Нагаева, четвертая часть рабочих была пришлой из других восточносибирских округов. Примерно столько же насчитывалось выходцев из западносибирских и центральных губерний. Среди рабочих преобладали ссыльнопоселенцы. Таким образом, золотопромышленность втягивала в свою сферу лишь беднейшую часть населения края.

Преобладающей формой организации в золотопромышленности была ману-



По преданию, первооткрывателем золота в сибирской тайге был Егор Жмаев. Он нашел купцу Зотову сногшибательные богатства, открыв россыпи Северо-Енисейской системы

Выемка золотосодержащего песка на прииске





Слух о богатых находках золота поднял на ноги тысячи искателей счастья и легкой наживы



Старатель

За фартом с золотопромывочным лотком

фактура. Даже на небольших приисках губернии работало более 100 человек. Многие прииски имели от пятисот до тысячи рабочих. Производственный процесс состоял из трех операций: добычи, перевозки и промывки золотоносных песков. Рабочие каждого прииска подразделялись на забойщиков, промывальщиков, возчиков песков, гальки и эфеля, свальщиков, плотников и т.д. Преобладал ручной труд.

Сначала разработка золотых россыпей производилась с помощью примитивных орудий: металлическими были кайла, ломы и лопаты, а остальные — лотки, бутара, тачка — деревянными. Золотопромышленники не заботились о механизации: рабочие руки были дешевыми, других экономических стимулов к меха-

низации процессов добычи и промывки при разработке богатых россыпей в труднодоступных местах не было. Частный капитал, к тому же невеликий в первый период работ, направлялся прежде всего на разведку богатых россыпей.

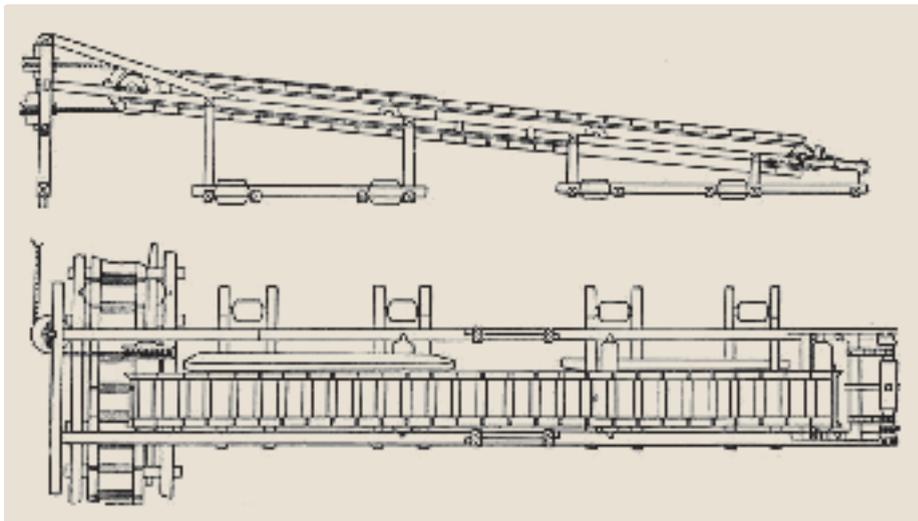
Однако по мере падения содержания золота на вновь открываемых приисках и при увеличении объема пустых пород стал подниматься вопрос о снижении трудоемкости работ за счет механизации. Уже в 1838 году на рязановских приисках по реке Бирюса и на одном из приисков на Мане устроили для промывки песков специальные чаши. Они стали быстро распространяться и по другим приискам Восточной Сибири. При обогащении песков переходили к промывке машинами, приводимыми в движение водяной силой и конными приводами. Вслед за чашами стали строить бочки наподобие дражных, сначала деревянные с железным набором внутри, затем металлические, использовались примитивные промывальные машины со специальным вододействующим колесом. Первые чаши и бочки промывали 5 тысяч пудов песка в день. После усовершенствования производительность бочек составляла уже 10 тысяч пудов в день, а к концу века она была доведена до 40-50 тысяч пудов в день (при легкопромывистых песках). На глинистых и связных песках применялись в основном чашечные машины, имевшие производительность до 20-25 тысяч пудов в день.



Наиболее распространенными промывальными приборами в середине XIX века были бутары. Применялась лошадиная сила для подвозки песков к бочкам в особых таратайках емкостью 30-40 и даже до 50 пудов. На ряде приисков Енисейского округа пески подвозили лошадьми по железным рельсам, а подъем вагонов к бочке осуществлялся бесконечным канатом. Но в забое по-прежнему работали вручную.

В 1850-е годы русские техники начали решать проблему сочетания извлечения золота из песков при механической их обработке с улавливанием при помощи амальгамации, что повышало процент извлечения металла, особенно той его части, что уходила с мутью. Горный инженер-полковник В.В. Клейменов изобрел приспособление для протирки эфелей и «амальгамационный станок» нового типа. Он считал, что введение его способа обогащения позволит вовлечь в отработку убогие россыпи. Однако широкого применения амальгамация на приисках Сибири в то время не нашла. Совершенствованием способов доставки песков из забоя занялся красноярский золотопромышленник А.Н. Лопатин, предложивший в 1857-1858 годах, построивший и применивший зимой 1858-1859 годов оригинальный транспортер, который получил название песковоза.

Период повышенного интереса на приисках к конной тяге и механическим



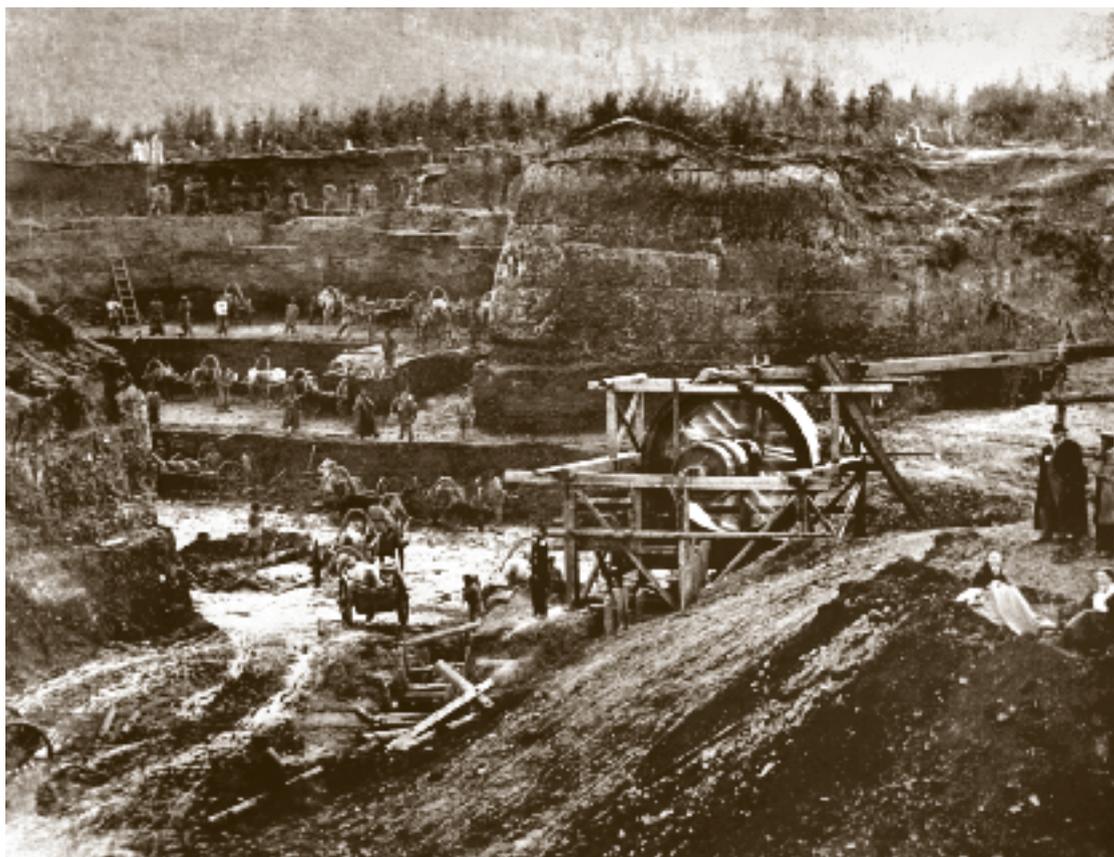
устройствам продолжался с конца 1840-х до конца 1850-х годов, но вся эта ручная и прочая механизация не получила широкого применения. Богатые россыпи, слабая конкуренция, хищническая эксплуатация песков и дешевая рабочая сила позволяли владельцам приисков получать высокие прибыли без дополнительных затрат на технику.

В 1840-е годы минимальной прибылью у енисейских золотопромышленников считалось, когда один затраченный рубль капитала давал 100 рублей. Обычной же нормой, по их мнению, была прибыль в 800-850 рублей на рубль капитала.

С 1840-х годов Красноярск становится крупнейшим в мировом масштабе районом золотодобычи, которая в крае оставила далеко позади другие отрасли и по стоимости продукции, и по количеству



В 1859 году енисейский инженер А.Н. Лопатин изобрел так называемый песковоз, первый ленточный с прикрепленными чашками конвейер, предназначенный для транспортировки золотосодержащих песков к машинам, а отмытых песков — в отвал



Золотопромывальная машина по разработкам горного чиновника В.В. Клейменова на прииске



Исидор (Сидор)
Григорьевич Щеголев

Осевший в Красноярске «купеческий сын» из Барнаула, выходец из г. Вязники Владимирской губернии, стал купцом 1-й гильдии и потомственным почетным гражданином Красноярска. По роду торгующим купцом Щеголев с четырьмя сыновьями записан с 1835 года. По «Ведомости о лицах, производящих торговлю и занимающихся промыслом в г. Красноярске за 1857 год», он занимался оптовой торговлей российскими и иностранными товарами с Китаем и китайскими товарами в России. И.Г. Щеголев пришел в Красноярск в 1820 году офеней. Умелая мелочная торговля вразнос принесла ему капитал, позволивший вместе с А. Кузнецовым основать Крестовоздвиженский прииск. Он владел крупным винокурным заводом в Минусинске и многочисленными лавками и магазинами в Красноярске. Его жена Т.И. Щеголева была купцом 1-й гильдии Красноярска. Приличный доход Щеголевым давала золотодобывающая «К° Щеголевых, Кузнецова и Бунаковых».

Открытая разработка
золотосодержащих
песков на прииске

занятых в ней работников. В Красноярске тогда базировались конторы крупных компаний золотопромышленников: И.Ф. Базилевского, Кузнецовых, Г.В. Юдина, С.В. Востротина. Организация золотодобычи требовала определенного начального капитала, специальных знаний, способности налаживать работу и снабжение очень сложных и подвижных хозяйств, зачастую располагавшихся в труднодоступных местах. Между тем красноярские обладатели капиталов (в своей основной массе) отнеслись к золотодобыче настороженно. Только несколько местных купцов — И.К. Кузнецов, И.Д. Попов, С.П. Логинов из Красноярска, Даниловы и А.А. Саввиных из Енисейска — втянулись в золотодобывающее дело. Компании Данилова и Логинова имели прииски в южной части Енисейского округа. Поповы также владели приисками в Енисейском округе. 30 приисков принадлежали А.А. Саввиных. Наиболее преуспели в золотодобыче Кузнецовы. Они образовали «Товарищество Кузнецовых» и вошли в ряд других компаний: «К° Голубкова и Кузнецова», «К° Щеголевых, Кузнецова и Бунаковых», «К° Бенардаки, Щеголева и Кузнецова».

Бурное развитие золотопромышленности наряду с людьми состоятельными привлекло в Красноярск немало людей без средств, но энергичных, полных надежд, подобных разночинцу М.К. Сидорову, дворянам М.А. Бутакову, отставному

поручику Р.А. Чернозитову и коллежскому регистратору В.Г. Дриневицу. Все они очень по-разному были встречены капризной золотой фортуной.

Огромную роль в открытии золотосодержащих районов сыграл бывший домашний учитель, выходец из Архангельской губернии Михаил Константинович Сидоров. Сдавая открытые им прииски в разработку, он за несколько лет стал миллионером.

Быстро осваивали дело и становились компаньонами (затем и настоящими золотопромышленниками) такие талантливые люди, как С.И. Баландин. Наиболее толковые служащие золотодобывающих промыслов, приобщившись к делу, сами образовывали золотодобывающие компании или вкладывали капиталы в другие дела. Управляющим золотыми приисками начинал Н.П. Токарев в «К° Голубкова и Кузнецова», затем он стал золотопромышленником, в 1851-1853 годах был городским головой Красноярска.

Рязановы были в числе первых частных предпринимателей, получивших право на поиски и добычу золота. Удачная эксплуатация вскоре обеспечила способных золотоискателей Баландина и Машарова богатыми россыпями. С них они начали путь к своему баснословному обогащению. Так, Рязановым Игнатию, Якиму и Аникию только совместный с Машаровым Марие-Магдалиновский прииск дал более 35 пудов золота.



Управляющим на приисках «К° Рязановых» являлся М.А. Крутовский, который стал позднее золотопромышленником. Выходец из крестьян-переселенцев Владимирской губернии (давшей Красноярску также бывших крестьян-переселенцев, ставших богатейшими людьми, — Гадаловых и Щеголевых), Крутовский стал основателем крупной купеческой фамилии. А.М. Кабаков начинал службу на золотых приисках у М.К. Кузнецова, где приобрел состояние, брал подряды и, наконец, открыл свое дело: торговлю мехами, чаем и другой бакалеей.

К началу 1860-х годов добыча золота в Енисейской губернии резко сократилась. Наиболее богатые россыпи были отработаны. Золотая горячка прокатилась дальше на восток к бассейну Лены и Витима.

Города края

К старым городам края прибавились Канск и Минусинск. Ачинск перестал быть заштатным, а Туруханск был низведен до этого положения. В целом темпы роста городского населения не отставали от темпов прироста сельских жителей. К 1861 году горожан насчитывалось более 26 тысяч человек (8 процентов всего населения губернии). Красноярск стал в середине века самым крупным городом губернии. К 1861 году число дворов в нем выросло с 582 (в 1822 году) до 1610, а численность жителей соответственно увеличилась с четырех до десяти тысяч. Енисейск в целом застыл на месте в своем развитии. Только в конце 1840-х годов в связи с активной золотодобычей на его

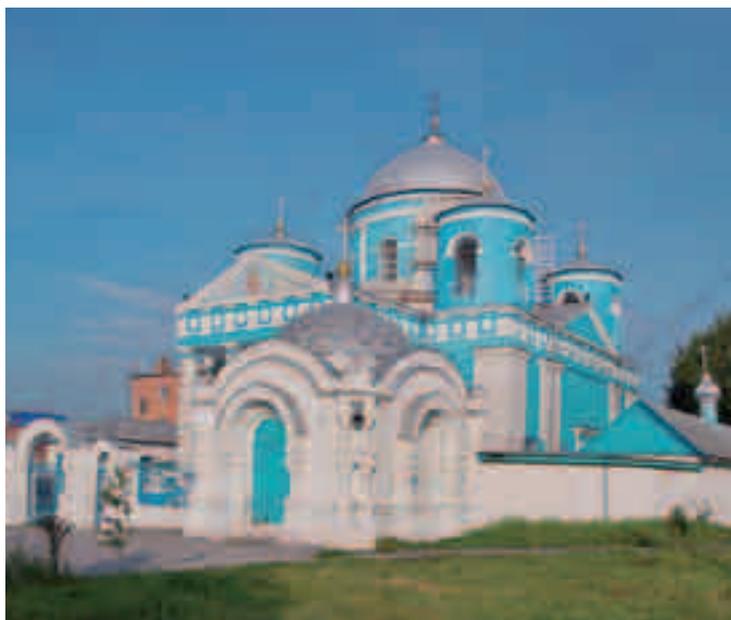


Вид Абаканского острога на Енисее. Акварель Е.М. Коренева, 1802 г.

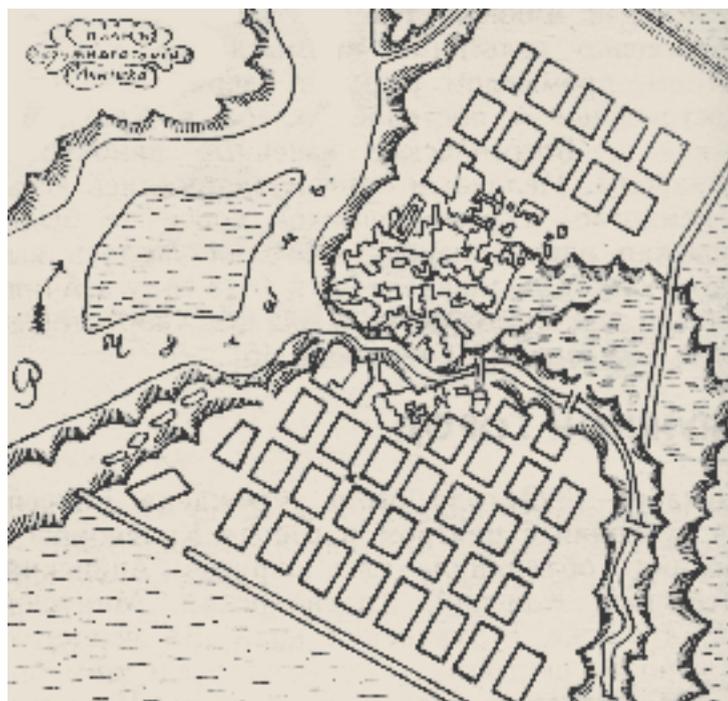
территории население несколько выросло (1081 двор и 5,8 тысячи душ обоего пола в 1822 году и 1073 двора с 6,8 тысячи человек в 1861 году). Ачинск, Минусинск и Канск развивались примерно одинаковыми темпами — общее увеличение примерно в два раза. В Канске к 1861 году насчитывалось свыше двух тысяч человек, а в Ачинске и Минусинске соответственно 3,1 и 3,8 тысячи человек. Туруханск же, наоборот, потерял почти половину своего населения (с 410 человек до 284).

Более развитыми стали торговоремесленные функции городов. К 1861 году в них проживали 1735 ремесленников 52 специальностей. В Красноярске были представлены 50 видов ремесла, в Енисейске — 40, в Ачинске — 28, Минусинске — 22, Канске — 20, Туруханске — 16. Число предприятий ремесленного и мануфактурного типа выросло с 1822 года с 28 до 72. В переработке животного сырья (салотопенные, мыловаренные, кожевенные предприятия), изготовлении

План окружного города Ачинска, 1820-е годы. Составил красноярский, а позже томский землемер Шабанов. План стал основой формирования структуры центральной части города



Ачинск. Церковь Казанской Божьей матери (1830 г.), современный Казанский собор





Деревянные торговые ряды в Канске, 1840-е годы

Торговые ряды на Новособорной площади Красноярска, 1830 г.

кирпича, производстве стекла и канатов городская промышленность опережала сельскую.

Торговля была основным занятием для 3748 горожан. Из них купцов первой гильдии было лишь 59 человек, второй — 785. Прочие вели «мелочный торг», были приказчиками и наемными рабочими. В целом ремесленные функции выполнял лишь каждый пятый горожанин края. Города продолжали сохранять тесную связь с землей. Многие городские жители занимались хлебопашеством и разведением скота. Так, во всех пяти городах Енисейской губернии к 1861 году насчитывалось 19,5 тысячи голов лошадей, коров, овец, коз и сви-

ней. На каждого трудоспособного горожанина приходилось, таким образом, около двух голов. В Минусинске же на 100 жителей имелось 280 голов рогатого скота, 252 лошади и 266 овец, то есть на одного почти по 8 голов.

Торговля

Феодальный характер торговой политики казны в Сибири был сильно подорван. Ликвидировали почти все казенные монополии, поощрялась частная торговля. Ясачные впервые получили право на беспошлинный сбыт своей продукции в русских селениях. Это, как и усложнение экономического развития края, повлекло за собой углубление товарно-денежных отношений. Особенно активно, хотя и противоречиво, повлияла на них золотопромышленность. Она резко стимулировала продажу рабочих рук внутри края и массовый приток товаров извне. Из 20 тысяч работников на промыслах около половины были жителями Енисейской губернии. Естественно, это ощутило ударом по мелкотоварному и складывающемуся предпринимательскому секторам в сельскохозяйственном и промышленном производствах. Малоимущие и бедные часто предпочитали уйти на прииски, а не идти к местным «Колупаевым и Разуваевым». Мелким же хозяйчикам трудно было конкурировать с наплывом товаров из-за пределов края.



Внутренний обмен определялся торговыми связями между окончательно сложившимися в крае на естественно-географической основе пятью экономическими районами. Туруханский район был чисто промысловым, Енисейский — торговоремесленным с натуральным земледелием, Красноярский — торговоземледельческим, Канский — земледельческопромысловым, и, наконец, Ачинско-Минусинский — земледельческо-скотоводческим с товарным уклоном.

Центрами товарного обращения в Енисейской губернии были 17 довольно крупных ярмарок. На них в среднем ежегодно привозили на 69 тысяч рублей товаров, а продавали на 18 тысяч. Самой крупной была Ачинская ярмарка. Однако основная товарная масса шла не через ярмарочную торговлю, а через городские и сельские лавки, базары, развозную и разносную торговлю. К 1861 году в губернии насчитывалось 1456 частных и общественных лавок, в том числе 859 в городах. Большое значение по-прежнему занимала развозная торговля. Купцы и их приказчики, как писал в книге «Енисейская губерния» А.П. Степанов, разъезжали летом «по крестьянам и татарам, с деньгами и в особенности с товаром, состоящим из дабы, китайки, бахты, чаю, сахару, шелковых платков, холста, холстинки, ситца, пестряди». Скупленный или вымененный крупный и мелкий рогатый скот продавали затем в Красноярске, Енисейске и других пунктах.



Зимой, в ноябре и первой половине декабря, производилась закупка пушного товара, который отправляли потом на Ирбитскую ярмарку и в Москву. Продажа часто шла в долг под будущий урожай, что усиливало кабальную зависимость слабых хозяйств и их принудительное вовлечение в рыночные связи. Торговлю все крепче забирали в свои руки гильдейские купцы. Мануфактуристы и золотопромышленники, как правило, торговали сами, беря со своих работников втридорога за продаваемые товары. К особенностям торговли этого периода можно отнести и сокращение менового торга с Китаем. Российские хлопчатобумажные ткани успешно вытесняли китайские. Возрос лишь привоз чая, который становился любимым напитком сибиряков. Этот «колониальный» товар стал завоевывать и российский рынок.

Обоз с товарами на Московско-Сибирском тракте, середина 1850-х годов

Вид на каменные торговые ряды на Старобазарной площади Красноярска, построенные в 1856 году. Ныне в этом здании на углу улиц Карла Маркса и Каратанова расположен Государственный архив Красноярского края



Процесс поляризации основной классовой структуры усилился. Вместе с тем он осложнялся формированием новых категорий населения, связанных с раннебуржуазными отношениями. Усложнение типов и форм эксплуатации не могло не повлиять на содержание и формы социальных конфликтов и сотрудничества.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Неподатное население

Оно представляло в Сибири в основном интересы эксплуататорских классов — сословий страны. К 1861 году неподатных в Енисейской губернии насчитывалось свыше 24 тысяч человек, или 7,4 процента общего числа жителей обоего пола. Из них было 2210 дворян, до 2 тысяч духовенства, свыше 7 тысяч военных и отставных чинов, 12,6 тысячи казаков и 231 почетный гражданин. Приток дворян значительно возрос в связи с развитием золотопромышленности и административными реформами. Даже титулованная знать не гнушалась входить во многие акционерные общества по добыче золота. Многие их «комиссионеры», доверенные и управляющие приисками происходили из «благородного» сословия. Обстоятельства, приводившие их в Сибирь, хорошо прослеживаются, например, на судьбе бывшего блестящего моряка-царедворца

М.А. Бутакова, ставшего красноярцем и самым известным местным поэтом-сатириком, автором рукописной «Красноярской панорамы», в которой высмеивалось «высшее» красноярское общество. Из его послужных формулярных списков за 1858 и 1860 годы видно, что Михаил Александрович Бутаков (родился в 1820 г.) по происхождению был из дворян Петербургской губернии.

Шестнадцатилетним юношей он поступил 24 августа 1836 года в Морской кадетский корпус, из которого выпущен 21 декабря 1839 года морским офицером в чине мичмана, равном чину поручика в армии. Через пять лет М.А. Бутаков стал лейтенантом флота и в этом чине попал, очевидно, по протекции родственников, на службу при императорском дворе. Четыре года он командовал различными дворцовыми прогулочными судами и получил орден. Затем придворная служба 30-летнего блестящего морского офицера неожиданно оборвалась. Уволившись 16 октября 1850 года «к статским делам»

Сценка из жизни состоятельного чиновника. «Воспитанница». Репродукция картины Николая Неврева



с очередным, но уже гражданским чином коллежского асессора, он уехал в Сибирь. Если верить автору стихотворного «Ответа читателя» «Красноярской панорамы» Н.В. Латкину, который обнаружил знание биографии своего сатирика, причиной столь крутого поворота в его судьбе, возможно, была женитьба и рождение в 1850 году дочери Александры, что могло не входить в планы материально помогавших ему родственников. По крайней мере, Н.В. Латкин писал, что автор «Панорамы» был «от деда посланный в край дальний для прокормления семьи». По словам того же Н.В. Латкина, М.А. Бутаков мало преуспел в золотопромышленности. Но его дела и, соответственно, вес в местном красноярском обществе неожиданно поправились с получением наследства от дяди.

Это позволило М.А. Бутакову активнее участвовать в деловых операциях. Так, из записей маклерской книги, где регистрировались различные деловые договоры и контракты при Красноярской городской думе за время с 23 сентября 1858 года по декабрь 1859-го, узнаем, что коллежский асессор М.А. Бутаков получил 8 августа 1855 года доверенность быть поверенным в делах крупного красноярского золотопромышленника Виктора Федоровича Базилевского и от его имени в марте 1858 года купил у золотопромышленника Александра Николаевича Лопатина три его пая на Ново-

Петропавловский рудник в Богучанской волости Енисейского округа, а в ноябре того же года продал весь рудник тому же Лопатину за 5 тысяч рублей. Хорошо информированный И.Ф. Парфентьев называет «флота капитана» М.А. Бутакова «золотопромышленником, богатым и сильным по связям» и причисляет его к местной аристократии.

Дворяне несколько раз выдвигали проект насаждения в Сибири частного помещичьего землевладения. Консервативная часть сибирского общества, особенно чиновники, гильдейские купцы и мануфактуристы, с жаром поддерживали эту идею. Однако имперская власть ревниво охраняла в Сибири интересы казны в целом и фамильные интересы дома Романовых.

Духовенство со второй четверти XIX века окончательно превратилось в замкнутую снаружи клерикально-профессиональную служебную корпорацию, став своего рода чиновниками духовного ведомства. По указу 1797 года, мирские выборы священников, причетников (дьяконов, пономарей и дьячков) отошли в прошлое. Даже просвирнями стали определять только вдов и дочерей священно- и церковнослужителей. Синод рассматривал эти назначения формой сословно-ведомственного социального призрения.

Усилилась сословная замкнутость духовно-учебных заведений. Указами от



Николай Васильевич Латкин (1833-1904), золотопромышленник, географ, российский писатель, автор книг по географии и статистике Сибири.

Автор стихотворного ответа М.А. Бутакову

Богородице-Рождественский кафедральный собор на Новобазарной площади в Красноярске, 1845-1861 гг.

Достроен И.Г. Щеголевым, за что он получил орден Св. Анны IV степени и потомственное дворянство. Не сохранился



Интерьер Богородице-Рождественского кафедрального собора. Его прихожане были сливками местного общества



Аксессуар храмового интерьера — деревянная фигура ангела

Складень трехстворчатый: Св. Николай Можайский с предстоящими Св. Екатериной и Св. Параскевой на створках. Каргополье, Енисейск. Конец XVII — XVIII вв. Из фондов ККМ



26 июня 1808 года и 27 августа 1814 года в духовное училищное ведомство стали зачислять всех детей духовенства 6-8 лет. Сирот учили за казенный счет. Закончившие обучение получали преимущественное право поступать на места отцов.

Складыванию кастовости духовенства способствовало распространение за Урал практики зачисления на свободные церковные места дочерей и других родственников — девиц с правом определения на эти места тех, кто вступит с ними в брак. До 1869 года духовная администрация устраивала браки и наследство подведомственного ей клира, приискивала невестам женихов, устраивала их к церковным местам, разбирала семейные распри и расчеты.

Обеспечение каждому представителю духовного сословия и его семьи права на прокормление по своему ведомству становилось все более сложной задачей в Сибири, так как естественный прирост опережал увеличение штатов клира. С конца XVIII века Синод был вынужден разрешить семинаристам поступать на государственную службу по общегражданскому, педагогическому и медицинскому ведомствам. Неспособных и нерадивых, или, по тогдашней терминологии, «непонятных учеников», тоже отчисляли в «светское состояние».

С 1801 года в Сибири разрешили замещать канцелярские должности детям духовенства, находящимся при отцах, а также семинаристам, но не выше риторического класса. С 1804 года всем «праздным» детям духовенства и заштатным церковникам разрешили записываться «во всякий род жизни» по их желанию.

Общий сословный статус штатного духовенства несколько поднялся. С 1796 года ему отменили телесные наказания за уголовные преступления (за должностные проступки священнослужителей эта мера наказания была запрещена раньше). Все духовные лица и члены их семей получили эту привилегию в 1801-1808 годах. При Павле I дворы церковников освободились от сборов на содержание местной полиции, при Александре I — от постоя, поземельных сборов и прочих городских и полицейских повинностей, кроме расходов на исправление мостовой и фонарей. С 1804 года все лица духовного звания могли приобретать незаселенные земли. Запрет на торгово-предпринимательскую деятельность сохранялся, но при Николае I сделали исключение для вдов духовных лиц. С 1798 года духовенство стало получать от правительства особые награды и поощрения за должностные успехи, в том числе получение креста для «ношения на шейной цепи»; употребление бархатной камилавки, или скуфьи, а высшие, начиная с архимандрита, — митры; наконец, жалование дворянскими орденами.

Вместе с тем зависимость духовенства от светских властей возросла, особенно с начала 1850-х годов, когда белое духовенство всех трех сибирских епархий перевели на штатное жалованье. Полицейско-охранительная функция духовного ведомства была усилена. Так, с конца XVIII века от каждого священника при вступлении в сан требовалось обязательство «не прикладывать рук



Казачья церковь в деревне Базаиха у одноименной речки. Ныне на этом месте тщанием Енисейского казачьего войска поставлена новая церковь, во многом восходящая к прежней

к крестьянским челобитным и стараться об отвращении» народных волнений.

Клерикально-идеологическое воздействие на горожан усиливалось еще и потому, что число церковников, благодаря удвоению штатов и строительству новых храмов, росло почти в два раза быстрее численности жителей.

Во второй четверти XIX века углубился разрыв между сословной формой и классовой сущностью и у сибирских казаков. По своим служебным функциям эти иррегулярные войска входили в низовые звенья полицейско-фискального аппарата. В то же время они оставались тру-

жениками и были на своих 30 десятинах «вооруженными крестьянами с наделом». Казачья старшина так и не получила, несмотря на офицерские чины, права потомственного дворянства.

После реформ М.М. Сперанского в Красноярске с округом остались две сотни казаков (в 1862 году 160 дворов и 379 душ мужского пола), а прочие сотни Енисейского казачьего полка расселили по округам губернии. Казаки постепенно растворились в среде мещан и чиновников. Это отчетливо прослеживается на старожильческой казачьей семье Суриковых, откуда вышел наш замечательный художник. Дед Васи-

Старший урядник и казак Енисейского городского казачьего полка, 1824-1825 гг.



Есаул Енисейского казачьего полка В.И. Перслени. Рисунок Василия Давыдова. Т. Комарова, сотрудница Красноярского краеведческого музея, считает рисунок автопортретом



Василий Суриков
с матерью Прасковьей
Федоровной
(1818-1895)
и братом Александром
(1856-1930)



Атаман туруханской
казачьей сотни
А.С. Суриков,
дед художника
(1794-1854)
Из фондов музея-
усадыбы В.И. Сурикова



Хорунжий
М.В. Суриков,
дядя художника.
Акварель В.И. Сурикова
Из фондов музея-
усадыбы В.И. Сурикова

Дом Суриковых
в Красноярске.
Акварель В.И. Сурикова.
Из фондов ККМ



лия Ивановича Сурикова, полный тезка внуку (1786-1836), как сын отставного пятидесятника добился почти максимума возможного на службе. Он стал атаманом Красноярской казачьей команды. Из троих сыновей двое (Марк и Иван) продолжали казачью службу. Марк Васильевич (1829-1856) дослужился до хорунжего Енисейского казачьего конного полка, то есть получил первый офицерский чин. Художник незадолго до своей смерти рассказывал поэту М. Волошину: «Дяди, Марк Васильевич и Иван, образованные были. Много книг выписывали. Журналы «Современник» и «Новоселье» получали. Я Мильтона «Потерянный рай» в детстве читал, Пушкина и Лермонтова. Лермонтова лю-

бил очень. Дядя Иван Васильевич на Кавказ одного из декабристов переведенных сопровождал — вот у меня есть шашка, что тот ему подарил. Так он оттуда в восторге от Лермонтова вернулся. Снимки ассирийских памятников у них были... Дядя Марк Васильевич, он уже болен был тогда, мне вслух «Юрия Милославского» (писателя М.Н. Загоскина. — Г.Б.) читал. Это первое литературное произведение, что в памяти (моей. — Г.Б.) осталось... Дядя Марк Васильевич и Иван Васильевич оба молодыми умерли от чахотки. На парадах простудились. Времена были николаевские — при сорокаградусных-то морозах в одних мундирчиках. А богатыри были. Непокорные. Когда после смерти дедушки (двоюродного Александра Степановича в 1854 г. — Г.Б.) другого атаманом назначили, им частенько приходилось на гауптвахте сидеть».

Третий сын, отец художника, тоже Иван (1806-1859), после окончания Красноярского уездного училища пошел по гражданскому ведомству. В 1829 году он определился писцом в канцелярию общего губернского управления, затем занимал ряд других чиновничьих должностей, служил в уездном земском суде, губернской казенной палате, был смотрителем красноярских богоугодных заведений. В чине коллежского секретаря X класса чинов, с правами личного дворянина, Иван Васильевич получил в 1854 году место смотрителя акцизного управления по Сухобузимской дистанции Красноярского округа (ныне с. Сухобузимское), где



через пять лет умер. Его сын, первенец от второго брака с Прасковьей Федоровной Торгашинной, происходившей из старинного красноярского казачьего рода, после окончания приходских классов (1854-1858 гг.) и учебы в уездном училище в Красноярске (1858-1861 гг.) тоже начал службу с должности писца в губернском совете Енисейской губернии.

Купцы и мещане

Трудовое население губернии в сословном отношении состояло из части купцов, мещан, цеховых, городских и сельских крестьян, мастеровых, а также поселенцев. Неразвитость торгово-ремесленных и промышленных функций определила низкий удельный вес непосредственных производителей среди горожан.

Особое положение оставалось у гильдейских купцов и многих предпринимателей из числа мещан. По классовой своей сущности они относились к эксплуататорской верхушке раннебуржуазного, а также феодальнокабального типов, но сословно не входили в нее, являясь лишь привилегированным слоем податного населения. Купцы платили гильдейскую подать казне — четыре процента с объявленного капитала, а также вносили 0,25 процента на расходы по самоуправлению и городскому хозяйству. Большая часть гильдейских купцов выросла на дрожжах золотопромышленности.



Церковь в старательском поселке северной тайги. Такие скромные храмы сооружали купцы-золотопромышленники, в том числе Кобычевы

Самыми крупными купцами в Енисейске были представители фамилии Кобычевых, которые были и общественными деятелями XIX — начала XX века. Среди представителей этой фамилии насчитывается, по крайней мере, три ветви. Их предками могли быть довольно многочисленные сельские мещане Кобычевы, проживавшие в Казачинской волости Енисейского уезда: в ведомости Енисейского нижнего земского суда за 1792 год отмечено 6 дворов Кобычевых, в которых насчитывалось 18 человек мужского пола. Глав семей звали: Андрей (2 чел.), Иван (2 чел.), Александр и Василий. Они занимались хлебопашеством, имея 52 десятины пашни и 64 десятины сенокосов, а также «разными работами».

Григорий Прокопьевич (умер в 1817 году) — енисейский купец 3-й гильдии;



Енисейский Иверский женский монастырь. В его ограде хоронили Кобычевых



Купец молодца на ярмарку отправляет,
Наставленку эту читает,
Чтобы онь хозяина побергалъ,
Въ Изнавкѣ не дулялъ,
Съ мошалаи не знала,
Винцолю не забавался.

*Наставление купца приказчику.
Из фондов ККМ*



Успенская приходская, бывшая кладбищенская, церковь.

Два придела ее, теплый и холодный (Иннокентьевский и св. Александра Невского), с северной стороны второго этажа построены на средства Александра и его сына Александра Кобычевых в 1827 и 1849 годах

В центральной части Енисейска выделяются каменные дома купцов Кобычевых, Дементьевых, Грязновых

в конце 1815 года подал прошение в Тобольское губернское правление о временном зачислении в туруханское купечество: он писал, что торгует в Туруханске по доверенностям от енисейских купцов 2-й гильдии.

Александр Григорьевич (1790-1839) — сын Григория Прокопьевича, один из самых крупных енисейских купцов второй четверти XIX века. Занимался торговлей в Кяхте и по России пушниной и различными российскими и китайскими товарами оптом и в розницу. Правда, торговые дела его были не слишком устойчивы: в 1826 году он вошел в 1-ю гильдию, однако в 1830-м перешел в 3-ю гильдию, в 1831-м вновь объявил капитал по 1-й гильдии, но перед самой смертью, в 1839 году, снова оказался среди купцов 3-й гильдии. Первый енисейский губернатор А.П. Степанов высоко оценивал вклад Александра Григорьевича в развитие торговли в крае, выделяя наряду с ним еще двух местных купцов: Толстых и Хороших.

В 1828 году был енисейским городским головой. Во время своего служения жертвовал на каменные казармы для инвалидной команды и на пристройку над городской думой каменного второго этажа. Состав семьи: жена, сын — Александр, две дочери (одна из них — Наталья (р. 1822), стала женой енисейского купца Н.Ф. Дементьева).

Александр Александрович (р. 1821) — единственный сын Александра Гри-

горьевича, получил домашнее воспитание, но был человеком очень развитым и начитанным. В 1842 году, первому в Енисейске, ему было присвоено звание потомственного почетного гражданина. После смерти отца весьма успешно продолжил его дело — торговлю с Китаем, много ездил по торговым делам в Кяхту. В основном торговал в низовьях Енисея. Разработал проект преобразования Туруханского края, в котором предлагал отдать ему эти земли в монополию на 25 лет. За это он обещал вносить подати и ясак за местное население, обеспечить жителей хлебом, на свои средства содержать медика и казачью команду. Отказ удовлетворить этот проект пришел уже после смерти Александра Александровича.

В 1846 году он был избран на трехлетие енисейским городским головой. В течение службы за свой счет устроил биржевые лавки и приобрел хорошую мебель для городской думы, на что потратил 2 тысячи рублей серебром. Его же усилиями были собраны деньги на самый большой в то время в городе колокол в 500 пудов для Воскресенской церкви. Во время большого наводнения в Енисейске в 1848 году Александр Александрович раздавал хлеб нуждавшимся и этим способствовал снижению цен на него. Награжден золотой медалью «За усердие».

Несмотря на молодость, он пользовался всеобщим уважением горожан, и в 1852 году его снова избрали город-



ским головой. Был, правда, один человек, с которым Александр Александрович находился в «дурных» отношениях, — енисейский городничий Вахрушев. А.И. Кытманов называет А.А. Кобычева самым интересным представителем енисейского купечества середины XIX века. Александр Александрович любил общество, часто устраивал в своем «прекрасном доме» вечера, на которых собирались купцы, золотопромышленники, чиновники, приезжие. Гости весело проводили время, играли в карты, бильярд, курили табак «из длинных до пола трубок хозяина». Похоронен в ограде енисейского женского монастыря, которому давали средства.

Многие купцы из старожильческих фамилий не сохранили свои капиталы. Одним из исключений является краснорец из казаков, купец 3-й гильдии И.П. Ларионов, который представлял собой тип купца-предпринимателя старой закваски. Он вкладывал средства в различные отрасли, во все вникая сам; дела вел, больше уповая на личное доверие компаньонам и контрагентам, нежели на официальные бумаги; деньги делал с оглядкой на бога, например, считал зазорным наживаться во время голода. Он занимался «кирпичеделанием», одним из первых в губернии стал разводить пчел на пасеке в д. Еловке, «завел делание церковных свеч, а под горой у себя устроил мыловаренный завод». Одно время И.П. Ларионов был пайщи-

ком Российско-Американской компании. Около казенной палаты в переулке по своему плану выстроил каменный дом, который сохранился до наших дней (ул. Ленина, 3). По словам И.Ф. Парфентьева, «он самоучкой так знал архитектуру, что мог поучить ученого техника».

И.П. Ларионову чужда была безрасудная алчность. В голодное, из-за неурожая 1839-1842 годов, время он продавал хлеб по умеренной цене и хлопотал о доставках хлеба с Алтая. «Градское общество» выбирало его городским судьей (1850-1851 гг.) и дважды — градским головой. Ему доверили быть строителем нового каменного гостиного двора на Старособорной площади, который ныне является памятником архитектуры республиканского значения (ул. Карла Маркса, 6). И.П. Ларионов не чуждался просвещения. Он аккуратно хранил все экземпляры «Московских ведомостей», которые выписывал со дня их издания в 1812 году. Сын его окончил Петербургский университет с золотой медалью и стал стряпчим сначала в Томске, а потом в Красноярске. В быту купец придерживался старинного уклада жизни. По праздникам (на святки и Рождество) его любили поздравлять батальонные музыканты, военные певчие и ряженые компании из знакомых домов. Всем им он давал, как вспоминал Парфентьев, «на чаек с избытком».

Энергичным, предприимчивым, но беззастенчивым и нередко жестоким был



Александра Петровна Ларионова — внучка красноярского купца 3-й гильдии И.П. Ларионова

Усадьба Ларионовых, вторая четверть XIX века. Построена, по свидетельству И.Ф. Парфентьева, по проекту самого хозяина. В 1990-х годах необоснованной реконструкцией изменены внешний вид крыши, ворот и сделана пристройка





*Иван Кириллович
Кузнецов и его сын Петр*



*Самый богатый прииск
Кузнецовых
«Богомдарованный»,
спасший Кузнецовых
от разорения*

Иван Кириллович Кузнецов, отец известного мецената, участника Амурской экспедиции 1856-1858 годов. Малолетнего Ивана родитель, тобольский мещанин Кирилл Кириллович Кузнецов, отдал в услужение жившему в Красноярске винному откупщику. Было это на рубеже XVIII-XIX веков. Возмужав, Иван стал поверенным винных откупов, вошел в дело со своим хозяином, занялся торговлей через Кяхту чаем, пушниной, нажил большое состояние, оказался единственным в Красноярске купцом 1-й гильдии. Построив деревянный дом на Воскресенской улице, он скупил соседние усадьбы: слева — каменный дом И.И. Галкина, справа — первое здание уездного училища; вглубь квартала, к Благовещенской церкви — деревянный дом протоиерея Фортуната Петухова и дом за церковью. Так сложилось «Кузнецовское подворье», которое позже дети его застроили каменными домами (район пр. Мира между улицами Каратанова и 9-го Января). За своенравие горожане прозвали его «котом».

Ярким представителем купечества буржуазного типа с либеральными взглядами был А.М. Кабаков (1822-1882) — друг детства и молодости И.Ф. Парфентьева, автора уникальных воспоминаний о жизни Красноярска в конце XVIII — 90-х годах XIX века. Отец А.М. Кабакова, иркутский мещанин, переехал в Красноярск в 1820-е годы, купил деревянный

дом напротив усадьбы Парфентьевых (не сохранился, ныне место жилого дома по ул. Карла Маркса, 32).

«Алешка», или «Олинька», как звали А.М. Кабакова отец и мать, пошел в 1829 году (на год раньше соседа Вани Парфентьева) в уездное училище. Они вместе гоняли голубей, «спускали змейки», играли в городки. Позже оказались в канцелярии городского суда под началом Парфентьева-отца. Молодые чиновники вместе проводили досуг в будни и праздники: читали и переписывали книги, гуляли «в самородном» городском саду, ходили по знакомым ряжеными на Рождество и святки, посещали «вечерки» в Закачинской слободе, на одной из которых Алексей Кабаков так набрался настойки, используя вместо бокала присутственный судейский колокольчик, что еле дошел домой. За это он получил от отца трепку, хотя и был канцеляристом.

С 1843 года, когда А.М. Кабаков пошел к И.К. Кузнецову на золотые промыслы, служебные дороги друзей разошлись. К 1850 году А.М. Кабаков приобрел состояние и открыл свое дело — стал торговать пушниной, чаем, бакалейными товарами, брать казенные подряды. Встать на ноги и записаться в купцы 1-й гильдии, правда, ненадолго, ему помогла и выгодная женитьба на 18-летней дочке коллежского асессора Мамина. Удачливого, энергичного, обладавшего независимым характером и острым языком А.М. Кабакова стали



выбирать на общественные должности: он был заседателем городского суда, в течение трех лет — церковным старостой при городском соборе и даже кандидатом в градские головы. За бойкость языка старики прозвали его «мигалом», а за пристрастие к картам — «Пилатом». По словам И.Ф. Парфентьева, его друг молодости «имел свободословие... и нажил много врагов». Он рассорился с новым енисейским губернатором П.Н. Замятниным, который стал ему «вредить», по словам автора «Воспоминаний», за то, что «Алексей Михайлович призрел сосланного сюда в 1848 году (имеется в виду Сибирь, а не Красноярск. — Г.Б.) Петрашевского... а губернатор был патриот и таковых безбожников, как Петрашевский... не терпел... Петрашевский был высокоученый, но не практик, а потому Кабаков и указал на меня. Он (Петрашевский. — Г.Б.) был у меня с визитом, но я этим пренебрег и у него не был».

Как видим, к началу 1860-х годов друзья сильно разошлись в своих общественно-политических воззрениях. И.Ф. Парфентьев оставался на официозных позициях и не захотел помочь М.В. Буташевичу-Петрашевскому в борьбе с произволом местной администрации, в то время как А.М. Кабаков не только сочувствовал и поддерживал российского революционера-утописта, но и пошел ради него на конфликт с «мучилом и садилом», как прозвали красноярцы губернатора Замятнина, а также с епископом Никодимом, возмущавшимся большим влиянием Петрашевского на местную думу.

Единомышленниками А.М. Кабакова в 1840-е годы были, в частности, чи-

новник А.Г. Худоногов и мещанин А.П. Юшков. Колоритной фигурой был сын купца Александр Григорьевич Худоногов, первый красавец и щеголь города 1840-1850-х годов, что не мешало ему быть очень начитанным и демократичным в поведении и взглядах человеком. В 1850-е годы он, например, выступал сторонником эмансипации женщин, не ходил демонстративно поздравлять по праздникам самого богатого купца И.К. Кузнецова, говоря: «Золотому тельцу поклоняться не хочу».

Термин «мещане» в первой половине XIX века употреблялся в широком и узком смысле слова. В первом случае он обозначал всех мелких ремесленников, торговцев и выборных чиновников городского самоуправления, входивших в градское общество, а во втором — тех из них, кто занимался мелкой торговлей или работал по найму в лавках, на мануфактурах, заводах, рыбных промыслах и в судоходстве, превращаясь в пролетаризированный слой горожан.

Эта податная категория горожан интенсивнее, чем прежде, пополнялась за счет ссыльных и российских вольных переселенцев. К 1861 году в Енисейской губернии их насчитывалось 13,3 тысячи душ обоего пола. Состав их повинностей тоже почти не изменился, но их объем возрос. Если, например, в конце XVIII века мещане платили подушные подати до 5 рублей, то в первой четверти они увеличились до 8 рублей 30 копеек. Социальная неоднородность мещан, хотя и в меньшей степени, сохранялась. Большинство из них были мелкими владельцами мастерских или лавок. В то же время они прямо



*Тит Поликарпович
Зотов.*

*Первый со своей партией
вместе с партией
Платона Голубкова
проник в 1839 году
в Северную тайгу,
открыл и разработал
Титовский прииск,
назвав его без ложной
скромности своим
именем*

*Кузнецовское подворье,
угол улиц Воскресенской
(пр. Мира)
и Благовещенского
переуллка (ул. Ленина).
Окончательно
сложилось во второй
половине XIX века.
На переднем плане
дом, где проживала
Евдокия Петровна
Кузнецова, крупная
благотворительница*





Андрей Андреевич Саввиных (1853-1911), красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник

участвовали в производстве. Верхушка мещанского общества смыкалась с мелкой буржуазией. Типичной, например, для нее была судьба Воробьевых и Вологдиных.

Вологдины — купеческая династия в Енисейске в XIX веке. Основатель — Матвей Михайлович (1792 — до 1879) с тремя сыновьями, купцами 3-й и 2-й гильдий. Из городских старожилов, издавна занимавшихся кожевенным делом. Не оставляли своего ремесла, когда занялись торговлей. Выполняли почетные общественные службы, были «словесными судьями», городскими старостами, гласными думы и прочее. Родственники Скорняковых.

Воробьевы — две купеческие фамилии Енисейска в 1840-1860-х годах. Одна произошла от местных мещан, братьев Егора (1799-1853) и Ивана (1809-?) Андроновичей, которые стали третьегильдейцами. Вдова Егора, Авдотья (1804-?), осталась в купечестве, а ее старший сын Петр с 1864 года вошел во 2-ю гильдию. Он был женат на дочери видного местного купца Федота Дементьева. Петр Егорович выбирался словесным судьей и неоднократно — гласным думы. Имел каменный дом с торговыми магазинами на улице Большой. Другая купеческая семья Воробьевых жила в Енисейске в 1855-1864 годах. Она прибыла из Мариинска и состояла из Агафона Михайловича, его жены и дочери. Через год после записи в купцы 2-й гильдии они переехали в Минусинск.

О зажиточной верхушке красноярских мещан первой половины XIX века, активно участвовавших в местном городском

самоуправлении, можно судить по семье Парфентьевых, история которой подробно освещена одним из них в своих «Воспоминаниях». Автор этого своеобразного, почти неизвестного рукописного источника из истории Красноярска XIX века, Иван Федорович Парфентьев, родился 25 мая 1823 года в семье коренных красноярцев. Его мать, Анна Ивановна Нашивошникова, единственная выжившая из 18 братьев и сестер, происходила из известного потомственного рода местных детей боярских. Сам автор знал их родословную до восьмого колена благодаря «писанному дедом, Иваном Федоровичем, о роде Нашивошниковых... памятнику». Бабушка со стороны матери была дочерью ладейского священника Ивана Матвеевича Рачковского, написавшего летопись Красноярска, к сожалению, не дошедшую до нашего времени.

Предки со стороны отца, Федора Федоровича Парфентьева (1795-1868), были старинными красноярскими мещанами. Сам Федор Федорович прошел обычный в Сибири путь способного, грамотного выходца из мещанского сословия, вступившего на чиновничью стезю. За более чем полувековую службу в органах городского самоуправления (городовом магистрате и городском суде) он сделал максимальную карьеру: достиг должности городского судьи, а в 1844 году получил звание «степенного гражданина г. Красноярска» с правом ношения после отставки мундира чиновника VIII класса. Однако ни потомственного, ни личного дворянства Федор Федорович не получил, ибо, являясь членом градского

Панорама г. Енисейска с видом на Троицкую Церковь. Фото 1890-х годов



общества, считался податным человеком, был у города на службе и получал жалованье из городских сумм. Такая традиционная практика непредоставления по должности дворянского статуса выборным членам городского самоуправления была обусловлена нежеланием центральной власти допускать в ряды «благородных» российских дворян выходцев из податных сословий.

Своему сыну-первенцу Федор Федорович Парфентьев готовил такой же путь. Ване еще не было шести лет, когда бабушка Нашивошникова, у которой жил внук, отдала его к старушке Федосье Семеновне, подготавливавшей детей к училищу. Через полгода за особую плату отец определил мальчика в семью учителя уездного училища Василия Алексеевича Климовского, чтобы подучить его для «вступления в приходской класс училища». Два года Ваня жил у учителя, а «у родителей и бабушки, — по его словам, — только гостил». В училище мальчик ходил восемь лет — с 1831 до 1838 года. За два года до окончания учебы Парфентьевым училище перевели в новое каменное одноэтажное здание на углу Острожной (ныне ул. Перенсона) и Благовещенской (ул. Ленина), где позже учился В.И. Суриков (ул. Ленина, 79). Многие, в том числе и те декабристы, которые знали Ваню через бабушку Нашивошникову, советовали его родителям учить способного 15-летнего подростка дальше, но отец решил посвоему. На склоне лет Иван Федорович вспоминал: «Они (Пушкин, Фон-Визин и другие, не помню уже) говаривали моему родителю дать мне образование

в высших учебных заведениях, но родители моего отговорили впоследствии, когда я кончил здесь с похвалою в училище курс учения».

Вместо Иркутской гимназии юноша оказался в городском суде, где за пять рублей ассигнациями в месяц под бдительным присмотром отца прилежно списывал и копировал печатные циркуляры и другие казенные бумаги. В суде Иван Федорович прослужил до 1865 года, то есть 27 лет, но дошел только до должности столоначальника, которую получил в 1842 году. В свободное время он «услуживал перепиской» отдельным купцам, давал платные юридические консультации. Прекрасное знание сложного запутанного российского законодательства и судопроизводства позволило Парфентьеву со временем уйти со службы и стать юрисконсультантом, или частным поверенным в делах, а также «кассиром» у ряда крупных золотопромышленников и купцов.

И.Ф. Парфентьев гордился своим знанием законодательства, службой в суде и на общественных должностях в качестве гласного городского суда, члена церковного совета, и частной юридической практикой. Свое деловое кредо он сформулировал так: «Я всегда старался дело облечь в законную форму и непреодолимо поставить по желанию своему». Парфентьев не раз подчеркивал, что к нему за справкой или советом обращались члены губернского суда, многие из «аристократии», к которой он относил чиновную и имущую верхушку губернского города. Так, вспоминая о жизни



*Михаил
Константинович
Сидоров
за несколько лет
с В.Н. Латкиным
открыл и заявил около
двухсот приисков.
Через десять лет доходы
с аренды приисков
принесли первый
миллион.
Свои миллионы
он тратил на
благотворительность
и поиск металлов для
промышленного освоения
богатств Енисейского
Севера*

*Первое здание
Енисейского губернского
управления,
где размещалась
городская дума*





Никита Федорович Мясников. Вместе с братом из екатеринбургских купцов стал одним из крупных золотопромышленников губернии. Колесо фортуны привело его к разорению, а брата — на каторгу

Дом Н.Ф. Мясникова, лучшее, по мнению И.Ф. Парфентьева, каменное здание Красноярска середины XIX века. Угол пр. Мира и ул. Вейнбаума, ныне городская больница

и деятельности М.К. Сидорова, пионера освоения Северного морского пути, Парфентьев не преминул отметить, что был знаком с ним, тогда еще домашним учителем у Латкиных, с 1846 года: «Сидоров занимался деловыми бумагами под моим руководством, так как я был опытен в знании законов; бывало, каждый почти день и завернет ко мне что-нибудь спросить или показать деловую бумагу и исправить ее».

Особенно гордился Парфентьев своей службой городу, тем, что он, как и его отец, служил только в органах городского самоуправления, а не в государственных учреждениях. Ярый патриот Красноярска, он нередко противопоставлял себя, как и градских голов, кандидатов, гласных, служащих городской думы и городского суда, присланным казенным чиновникам светского и духовного ведомств. В этом плане весьма показательна его дневниковая запись о том, что в 1862 году на приглашение одного из крупных чиновников при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве «записаться в коронную службу» Иван Федорович ответил: «Я родился служилым и умру таковым же... Да и пресса убеждает, что мы все скоро будем гражданами, (а. — Г.Б.) чиновничество не будет». Эта же мысль проводится и при описании стычки автора с первым енисейским и красноярским епископом Никодимом по поводу пере-

носа памятника посланнику в Японию и известному путешественнику камергеру Н.П. Резанову, похороненному у алтарной восточной абсиды Воскресенского собора на Стрелке (ныне в сорока метрах севернее от центра северной стены Концертного зала).

И.Ф. Парфентьев часто занимал выборные должности в городском самоуправлении, был, как тогда называли его членов, «клячей общества» и гордился этим. Главным делом своей жизни он считал именно длительную службу всему градскому обществу. Поэтому в своем «Наставлении наследникам», начатом в 1888-м и законченном 18 января 1891 года, Иван Федорович завещал после смерти положить ему на могилу камень без указания имени и фамилии, с одной только надписью: «Здесь похоронен тот, кто служил городу пятьдесят лет. 1835-1885 гг.». В желании подкрепить идею важности служения городу звонкой эпитафией Парфентьев даже пошел на небольшие неточности: его служба в городском суде началась в 1838 году, а поверенным по городским делам он был до 1886 года.

По имущественному положению И.Ф. Парфентьев относился к среднезажиточным слоям города. Его отец слыл богачом, давал деньги взаймы под проценты, имел хороших лошадей, ни в чем не ограничивал сына, слывшего записным щеголем.



Правда, дом имел хотя и обширный, но деревянный, а после смерти, по словам наследника, больших денег не оставил. Некоторые даже советовали ему поискать в доме или на усадьбе закопанную отцовскую «захоронку», где могло бы быть до 100 тысяч рублей.

Часть мещан составляли цеховые — так назывались самостоятельно ведущие производство ремесленники. В связи с развитием ремесел впервые в это время специалисты одного профиля составляли особый цех, или «рукомесленную управу». Каждая управа имела свой значок, казну, печать, собирала сходы ремесленников. Возглавлял ее выборный старшина. Члены каждого цеха разделялись на мастеров, подмастерьев, позже рабочих и учеников. Звание мастера получали ремесленники, выдержавшие специальные испытания при ремесленной управе. Работники были полностью неимущими, но обладающими определенными профессиональными навыками. В учениках ходили не только подростки, но и взрослые, не владеющие специальными приемами труда. Квалифицированных рабочих называли мастерами. Условия труда были тяжелыми, не нормировался рабочий день. Условия, на которых нанимались «в услужение» к владельцам лавок, кондитерских, гостиниц, были ненамного лучше.

В городах края мастерские были в основном небольших размеров. Так, к 1861

году из 1735 ремесленников было всего 75 учеников и 572 рабочих. Резко возросла численность рабочих на заводах и мануфактурах.

Положение рабочих на золотых приисках было очень тяжелым. Они работали по 13-14 с половиной часов, получая на казенных или хозяйских харчах 3-3,5 рубля серебром в месяц. Этого не хватало, чтобы отработать задаток, который получал рабочий при найме. Поэтому широко практиковали сверхурочные (старательские) работы. «Старание» оплачивалось сдельно от 60 копеек до одного рубля серебром за сданный золотник золота. Изнурительная работа, недоброкачественная пища, крайне не приспособленные к жилью бараки или курные избушки, ужасающая антисанитария — все это приводило к большой заболеваемости и смертности. Нередко до половины рабочих не выходили на работу из-за болезни.

По роду занятий и реальному положению к мещанам были близки многочисленные городские крестьяне (только в Красноярске в 1860 году было 585 душ мужского пола, или 11,9 процента) и поселенцы (в 1861 году — 998 душ мужского пола, или 22,1 процента). Первых долго, но безуспешно власти пытались выдворить из городов, так как они в налоговом отношении числились по своим волостям, юридически не считались горожанами и не участвовали в городском самоуправлении.



Рафаил Александрович Черносвитов, отставной поручик, золотопромышленник, сотрудник и компаньон М.К. Сидорова. Возможно, член общества Буташевича-Петрашевского

Резиденция золотопромышленника И.П. Кузнецова на Богородском прииске по реке Немиру. Там летом 1892 года В.И. Суриков лечился и работал





Яким Меркурьевич Рязанов (1777-1849), екатеринбургский купец, земляк Баландиных, устроил первые публичные купальни в Енисее

В конце концов правительство примирилось с наличием в городе лиц с крестьянским сословным статусом, тем более что все больше среди них оказывалось ссыльнопоселенцев из бывших каторжных, которых после отбытия каторжных работ поселяли в Сибири с поражением прежних сословных прав. Например, дети всех находящихся в Красноярске на поселении декабристов по сословному статусу считались казенными крестьянами.

Наиболее бесправным было положение помещичьих крестьян и дворовых людей, которых имели дворяне-чиновники, предприниматели из приехавших российских дворян, а также богатые купцы.

Самым крупным помещиком Красноярска был коллежский советник И.И. Коновалов, долго служивший в казенной губернской палате. Крепостные работали на его Знаменском стекольном заводе недалеко от Красноярска (ныне пос. Стеклозавод) и обслуживали большой каменный дом, два верхних этажа которого были отведены в 1830-1840-х годах «под приезд господ генералов». Другой красноярский чиновник, И.Г. Родюков, бывший в конце 1850-х годов вице-губернатором, кроме дворовых, имел, по словам Парфентьева, в д. Тигиной Красноярского округа до 300 крепостных душ обоего пола.

Особняком стояло так называемое иногороднее население и «крестьяне, торгующие по свидетельствам». Эти лица различной сословной принадлежности годами могли жить в городах, правда, ежегодно за плату возобновляя специальные торговые

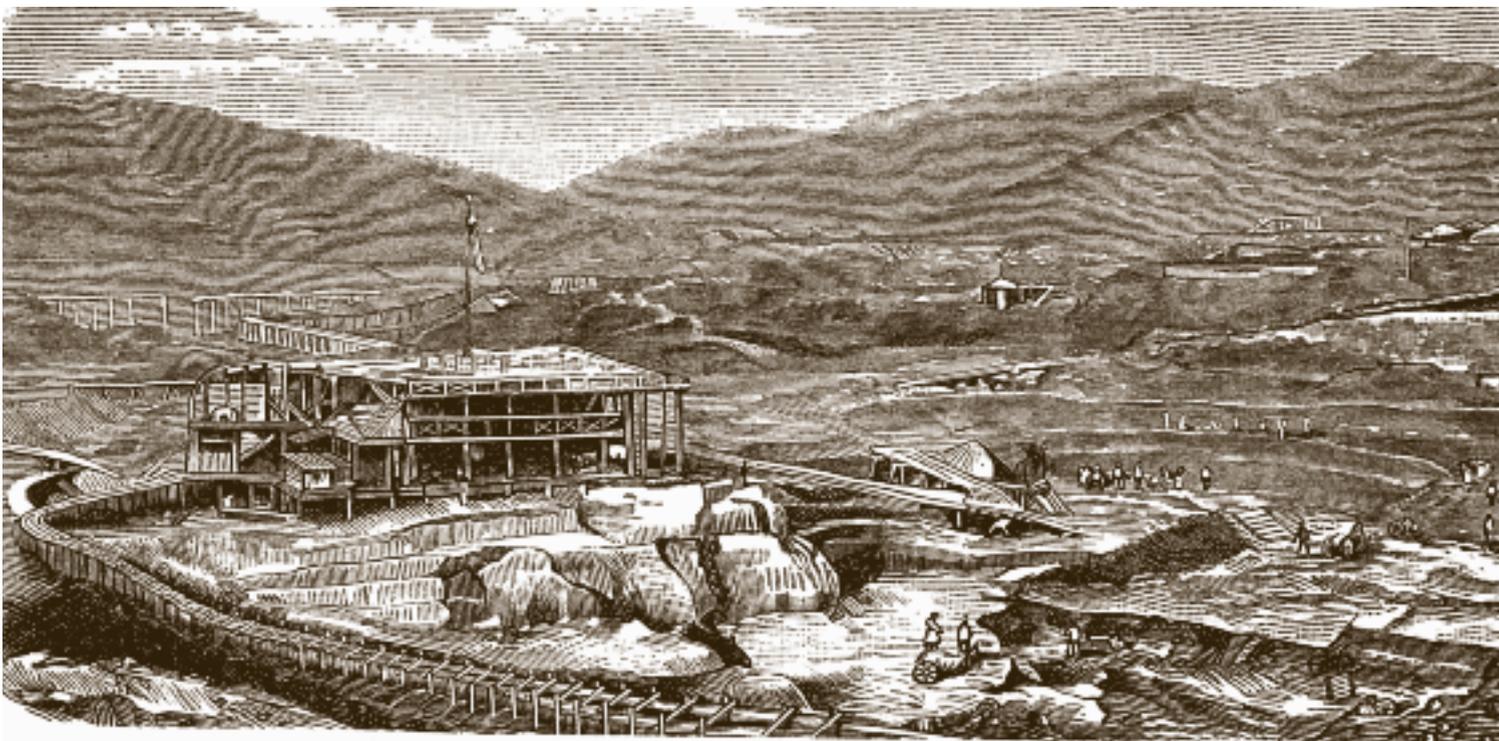
свидетельства, но не входили в местное градское общество и не считались гражданами города. По данным Красноярской городской думы, на 1 января 1861 года иногородними в городе числились 47 душ мужского пола и 4 женского пола почетных граждан; купцов соответственно — 52 и 62, мещан — 156 и 192.

Казенные крестьяне

Они по-прежнему оставались ведущим по численности сословием (90,3 тысячи человек). Статус, состав и источники пополнения государственных крестьян остались в основном прежними. Больше стали включать в их ряды ссыльных и их детей, а также новокрещенных оседлых инородцев.

Возрос объем податей и натуральных повинностей. Земские (обслуживание тракта, содержание уездной полиции, рекрутских старост, воинских и этапных помещений, присутственных мест, учебных заведений, казенных зданий и тюрем) и мирские (исправление проселочных дорог, содержание перевозов, хлебозапасных магазинов, волостных и сельских управлений) составляли в Енисейской губернии около четверти казенных налогов, но были очень обременительными. Официально все сборы с одной крестьянской души не превышали 15 рублей бумажными ассигнациями, но фактически, с тайными поборами, они составляли 30 и более рублей. В 1840-х годах в Енисейской губернии официально учтенные платежи и повинности лишали крестьян до 20

Гавриловский прииск Рязанова по р. Огне. Гравюра середины XIX в.





*Крестьянин-пахарь.
Красноярский округ*

«Тунгусы кочуют поодиночке или группами в две-три семьи. Несмотря на то что в южных областях многие тунгусы крещены, они дают детям случайные имена. И хотя впоследствии детям нарекают имена христианские, но в племени их все равно именуют первыми».
Из альбома «Этнографическое описание народов России» Ф.Х. Паули, на французском языке, 1862 г.

процентов общего их дохода от хозяйств. 60 процентов налогового тягла крестьяне выплачивали деньгами, а остальное приходилось на отработки.

Крепла у земледельцев общинная организация. Сибирская община отличалась от российской отсутствием обязательных уравнильных переделов пахотных земель. Она могла распределять покосы, определять правила пользования общественными покотинами, выгонами, пастбищами и лесами. Право на расчищенную целину, хотя и в урезанном виде, сохранялось. Но и община с ее круговой порукой не могла остановить углубляющуюся имущественную дифференциацию. В налоговом отношении с 1824 года казна стала различать «самых богатых», «достаточных», «посредственных» и «совершенно неимущих» крестьян. В Енисейской губернии владельческая верхушка крестьянства составляла 20 процентов, а беднота — около 30 процентов. Костяком крестьян, как видим, были середняки.

Ясачное население

Темпы развития нерусского населения края резко убыстрились. Хозяйственная жизнь усложнилась. В районах золотодобычи резко поднялась товарность хозяйств хакасов, эвенков, эвенов, койбалов, кызыльцев. Мясного и пушного зверя стали добывать путем ружейного отстрела. Это повысило продуктивность традиционной отрасли хозяйства ясачных.

В социальной области сдвиги были особенно заметными. В разной степени завершенности заканчивалось превращение родовой общины в соседскую. Ясак увеличился более чем в три раза, что ускорило имущественное расслоение и придало размах закабалению сородичей родовой верхушкой.

Феодализация в наибольшей степени охватила хакасов. Так, их немногие родовые старейшины и князья сосредоточили в своих руках почти половину поголовья скота и всех прочих видов благосостояния хакасского народа. Окончательно определилась их основная территория обитания. Закончился процесс ассимиляции





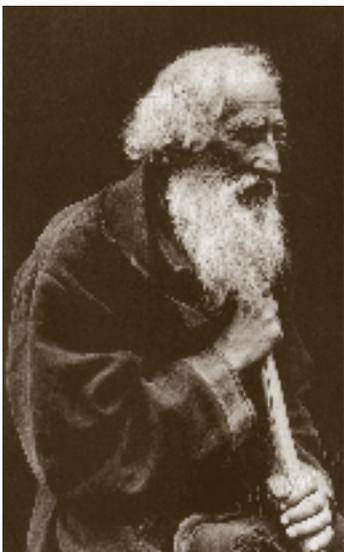
Юрта крещеного качинца, середина XIX века

хакасами самодийских и кетоязычных родов Минусинского и Ачинского округов. В свою очередь, окончательно растворились в русской среде ясачные по Арею, Бузимам, в Канской лесостепи. Старая зона смешанного расселения резко уменьшилась. Вместе с тем с развитием золотопромышленности сильно расширилась контактная зона в Приангарье. Крепли межэтнические связи. Особенно плодотворными они были на приисках и в промышленных заведениях. Работавшие там бедняки из ясачных бок о бок с русскими боролись против произвола и прижимок предпринимателей. Нерусское население участвовало таким образом в формировании енисейского отряда складывающегося рабочего класса страны.

Социальные конфликты и классовое сотрудничество

Социальные конфликты, как и прежде, развивались в двух направлениях. Все налогоплательщики города и деревни, включая купцов-богачей, противодействовали местной казенной администрации в лице губернаторов и чиновников, стараясь, например, уменьшить расходы на самоуправление, на различные местные нужды, получить новые или сохранить прежние земли, избежать новых расходов на самоуправление и так далее. В экономической сфере тяглые сословия саботировали различные казенные ограничения в свободе хозяйственной деятельности и передвижения. Свое недовольство карательной политикой царизма, превратившего Сибирь в «ледяную тюрьму», они выражали в сочувствии и поддержке беглых и ссыльных.

Формы социального протеста несколько изменились в результате усложнения социально-экономической жизни края. С усилением налогового пресса и возрастанием денежных платежей увеличились недоимки, активизировалась борьба с ростовщичеством. Крестьяне упорно саботировали такие меры властей, как ограничение в праве свободного распоряжения землей, проекты насаждения помещичьего землевладения и т.д.



Безрадостная старость во все времена одинакова

«Дедушка» золотых приисков в середине XIX века в Сибири



Важно подчеркнуть, что классовые позиции имущих верхов и низов городского и сельского обществ были противоположными. Для тружеников эти формы противодействия верховному феодалу — казне носили антагонистический, в конечном счете, антифеодальный характер и были борьбой за право распоряжения своим натуральным и овеществленным трудом. Для богатых купцов, мещан и крестьян оппозиция действиям властей сводилась к увеличению получаемых ими доходов и расширению политических прав. Из этой противоположности интересов и целей рядовых и богатых жителей вытекало второе направление классовой борьбы. Оно проявлялось значительно ярче, чем в XVIII столетии, так как в результате усложнения социально-экономического развития и появления раннебуржуазных отношений в городе и деревне четче стали выделяться имущие и неимущие слои местного общества. Столкновения между ними (так называемая вторая социальная война) наиболее отчетливо обнаружилось в первых стачках на золотых приисках. В городских же условиях этот классовый антагонизм выражался прежде всего при решении вопросов местного самоуправления, при раскладке расходов на несение подводных, земских и постоянных натуральных повинностей, выборе старост, голов и гласных в городскую думу.

Социальные отношения в Енисейской губернии определялись этими двумя основными типами социальных противоречий, а также общими условиями развития страны. Огромное влияние на нее оказывала политическая ссылка. По воле царизма в Красноярске первой половины XIX века содержались на поселении многие революционеры. Среди них были герои 14 декабря 1825 года, польские повстанцы 1830-1831 годов, видный деятель утопического социализма М.В. Буташевич-Петрашевский. Трудовое население сочувствовало и часто помогало беглым, укрывая их.

«Несчастливым ссыльным, бесприютным, сиротам, людям, потерпевшим несчастье от непредвидимых причин, крестьяне всегда готовы помочь. Проходят ли партия ссыльных — навстречу им бросают — кто сколько может — деньги и т.п. и снабжают их хлебом, рыбою и прочим; зайдут ли в деревню «прохожие» (беглые из ссыльно-каторжных заводов), крестьяне без расспросов о них и малейшего упрека по адресу их накормят несчастных, иногда дают немного денег и лишнюю обувь или одежду. В большие праздники иная хозяйка выпекает пирогов, шанег, изжарит кусок баранины и все это посылает в острог арестантам».

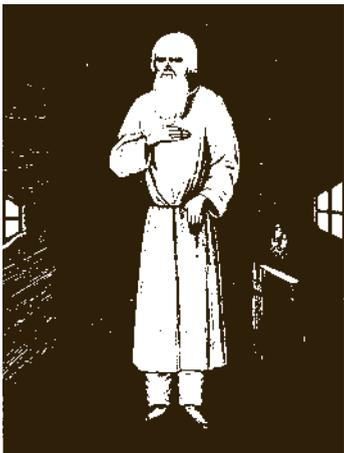
Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // Записки Сибирского отдела РГО. 1858. Кн. 1.



Каторжники на прииске

Наемные рабочие. XIX в.





Старец Федор Кузьмич

Конфликты с властями возникали на нравственно-этической основе. Этого старца как бродягу в 1837 году сослали в Боготольскую волость на Красноярский винзавод. По местной легенде, получившей огромное распространение в стране, это был Александр I, который тайным отказом от власти и бродяжничеством замаливал грех участия в отцеубийстве. В 1995 году его причислили к лику местночтимых святых Сибири. История Федора Кузьмича является ярким проявлением идеализации верховной власти, этого наивного народного монархизма, столь характерного для русского народа

Красноярские крестьяне поддерживали объявившихся в 1834-1835 годах самозванцев — дочь Павла I и «цесаревича Константина», которые предсказывали скорую перемену управления в стране.

Несомненно, что постоянные выступления сибирских крестьян тоже повлияли на решение правительства не распространять на Сибирь проводившуюся в центре в 1830-1840-х годах реформу управления государственными крестьянами, по которой усилилась опека чиновников и увеличились расходы на их содержание.

Борьба наемных рабочих в промышленности, особенно на золотых приисках, была более организованной. Первая стачка произошла в январе 1824 года на Ирбинском заводе. 38 рабочих оставили работу и двинулись в Минусинск, чтобы подать жалобу окружному начальству на притеснения заводчика. На приисках конфликты обычно возникали осенью, в конце работ. Наиболее массовыми были волнения в 1841 году на удерейских приисках Енисейского округа, где было более двух тысяч рабочих. Они добились более справедливой оплаты своего труда. На самом крупном в Сибири Новонико-

лаевском прииске Бирюсинской системы в мае 1842 года рабочие потребовали улучшения пищи и справедливого распределения работ. Три дня бездействовали прииски. Вызванные казаки подавили выступление. Зачинщиков публично наказали. Некоторых сослали в каторжную работу в Нерчинск. В этом году из 8 тысяч рабочих Енисейского округа половина участвовала в волнениях. Неповиновение рабочих целыми массами имело место в 1843, 1846 и 1847 годах. На приисках купцов Рязанова, Баландина и Казанцева казаки, чтобы арестовать вожаков стачек Неброкова и Малявина, даже открыли огонь по безоружным рабочим. Эти первые бои с капиталом еще не были связаны с сопротивлением землепашцев производу феодальной власти и кабале богачей.

Вместе с тем крестьяне активизировались в пресечении разбоев и поимке беглых ссыльных и каторжников. Этому способствовал и указ Николая I о вознаграждении пятью рублями за поимку беглых преступников. Расширились и стали более разнообразными функции волостных общин, этих низовых звеньев местного управления.

В условиях кризиса и разложения феодального строя в общественной и культурной жизни страны усилились прогрессивные тенденции развития. Движение декабристов всколыхнуло всю страну, дав начало первому дворянскому этапу освободительного движения. Отмеченные явления не могли не затронуть Сибирь, тем более что царизм по-прежнему использовал ее как тюрьму для своих политических противников.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

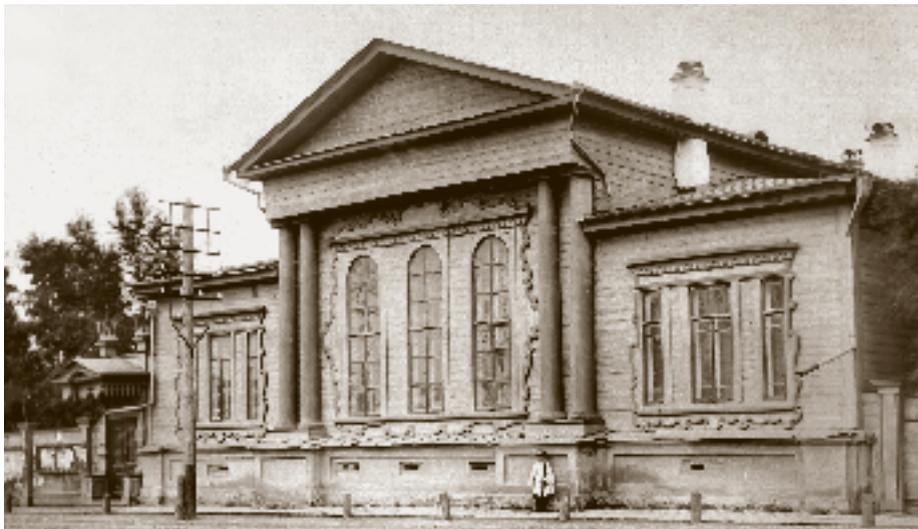
Декабристы в енисейской ссылке

В Енисейской губернии в разное время находился на поселении 31 участник движения декабристов. В Минусинском округе находилось 11 человек. В самом Минусинске жили братья Крюковы, С.Г. Краснокутский, С.И. Кривцов, братья А.П. и П.П. Беяевы. Н.О. Мозгалевский первоначально находился в с. Тесь, затем в Курагино и Минусинске. Двадцать лет прожил в Курагино и был там похоронен член Общества соединенных славян А.И. Тютчев. Более двадцати лет находились на поселении в с. Шушенском декабристы А.Ф. Фролов и П.И. Фаленберг. В селе Балахтинском пять лет

прожил декабрист П.Д. Мозган. В Красноярске и его округе в разное время жили Ф.П. Шаховской, братья Н.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины, С.Г. Краснокутский, А.Н. Луцкий, М.А. Фонвинин, видный деятель Северного общества М.Ф. Митьков, М.М. Спиридов — член Общества соединенных славян. Шестнадцать лет до конца дней своих прожил в Красноярске В.Л. Давыдов, сторонник Пестеля и друг А.С. Пушкина. Некоторое время в красноярском гарнизоне служили М.И. Пущин и Н.В. Петин. На городском кладбище похоронены Давыдов и Митьков. В Ачинском округе в селе Назарове жил и умер А.П. Арбузов. В Канском округе в с. Устьянском находились декабристы В.Н. Соловьев и А.Е. Мозалевский. В с. Тасеево жили Д.А. Щепин-Ростовский и К.Г. Игельстром. До перевода в Минусинск в селе Анаш Канского же округа был Н.А. Крюков. В Енисей-

ске жил А.В. Веденяпин, М.А. Фонвизин, Ф.П. Шаховской и А.И. Якубович. Больше года держали в Енисейском и Туруханском Спасском монастырях тяжелобольного Ф.П. Шаховского. В Туруханском крае 12 лет пробыл И.Б. Аврамов, трагически погибший в д. Осиновой. Н.Ф. Лисовский прожил в Туруханске 16 лет и похоронен на станке Толстый Нос. Некоторое время в Туруханске содержались А.А. Крюков, Ф.П. Шаховской, Н.С. Бобрищев-Пушкин.

Несмотря на тяжелые испытания, всевозможные препятствия со стороны властей, декабристы не изменили своим идеалам и продолжали служить народу. Их деятельность носила главным образом просветительский характер. Они обучали местных детей (Давыдов, Киреев, Беляевы, Фаленберг), помогали юридическими советами сельским и городским жителям (С.Г. Краснокутский), вводили новые сорта культур и передовую агротехнику (Спиридов, Беляевы, Фаленберг, Фролов), лечили, оказывали материальную помощь



беднякам (братья Бобрищевы-Пушкины, Давыдов, Шаховской, Митьков, Спиридов), занимались литературой (Давыдов, А.П. Беляев), научной деятельностью (Митьков, Шаховской, Якубович). Мозгалевский и Спиридов сами пахали, сеяли и убирали хлеб. Тютчев, Киреев, Фаленберг и Н.А. Крюков женились на местных деревенских девушках. Их далекие потомки и сейчас живут в нашем крае.

Здание Общественного губернского собрания (ныне пр. Мира, 50) было построено в 1854-1858 гг. по проекту декабриста Г.С. Батенькова. Проект здания выполнен по просьбе декабриста В.Л. Давыдова



АВРАМОВ Иван Борисович (1802-1840) из дворян Тульской губернии. Отец — отставной поручик Борис Иванович, мать — Елизавета Андреевна Кислинская. Воспитывался сначала дома, имея иностранных наставников, затем в пансионе при Тульском Александровском дворянском училище и в Московском учебном заведении для колонновожатых. Член Южного общества. Осужден по VII разряду и приговорен в каторжную работу на два года, срок сокращен до одного года. Имел приметы: рост 2 аршина 7 вершков, «лицо белое, продолговатое, глаза голубые, нос широковат, волосы на голове и бровях светлорусые». По окончании срока обращен на поселение в г. Туруханск Енисейской губернии. Ему было высочайше разрешено заниматься торговлей в Туруханском крае и ездить для покупки припасов в Енисейск. Умер близ зимовья Осиновского Анциферовской волости, следуя из Туруханска в Енисейск на судне с рыбой и разными товарами.



БОБРИЩЕВ-ПУШКИН Павел Сергеевич (1802-1865) вступил в Южное общество вместе со старшим братом Николаем. В 1832 году после окончания срока каторги на поселение прибыл в Красноярск. Павел Сергеевич, поселившись в доме Нашивошиниковых, взял больного брата Николая на попечение. Благодаря его заботливому уходу здоровье Николая Сергеевича стало поправляться. Братья сильно нуждались, так как средств из России не получали. Вскоре оба поступили на службу в казенную палату, вели деятельную жизнь. Павел Сергеевич был одаренной натурой, прекрасным математиком, философом, поэтом, врачом. Не раз обращался он к поэзии, чтобы осмыслить сущность и итоги движения декабристов. В 1839 году последовал приказ о переводе братьев в Тобольск, где они прожили 16 лет. В 1848 году во время холеры Павел Сергеевич мужественно выполнял долг врача, лично ухаживая за тяжелобольными. После амнистии 1856 года братья жили в имении сестры в Тульской губернии. Позднее, получив разрешение проживать в столичных городах, Павел Сергеевич переселился в Москву, где и умер.



БЕЛЯЕВ Александр Петрович (1803-1887) из дворян Пензенской губернии. Окончил Морской кадетский корпус, как и его брат Петр (1805-1864). Плавал к берегам Исландии, Англии и Франции. Один из основателей тайного Общества Гвардейского экипажа. Вместе с братом участвовал в восстании на Сенатской площади. Они были осуждены по IV разряду и после 8 лет каторги и нескольких месяцев на поселении в Иркутской губернии в 1833 году переведены в Минусинск, где активно занимались сельским хозяйством, завели молочную ферму, стадо мясного направления в 200 голов, вводили новые сельскохозяйственные орудия труда, культивировали продуктивные сорта гречихи, ячменя, проса и подсолнуха. Братья открыли небольшую школу, составили для нее учебник и сами стали в ней учителями. В марте 1840 года по разрешению поступили рядовыми на Кавказ, за отличие произведены в унтер-офицеры, прапорщики, в 1846 году уволены от службы из подпоручиков. Последние годы после амнистии в 1856 году Александр Петрович провел в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище. Петр Петрович построил и принял в свое управление буксирный пароход, совершал рейсы, умер в Саратове.



КРЮКОВ Александр Александрович (1794-1867) из дворян Тульской губернии. Отец — нижегородский губернатор Александр Семенович, мать — англичанка Елизавета Ивановна Манжен. Воспитывался в Петербурге в пансионах и в училище св. Петра. В службу вступил в 1805 году, участвовал в зарубежных походах 1813-1814 годов. Поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, адъютант главнокомандующего 2-й армией графа Витгенштейна. Принят в Южное общество в 1820 году, член Союза благоденствия. Осужден по II разряду к ссылке в каторжную работу на 20 лет. Имел приметы: рост 2 аршина $7\frac{5}{8}$ вершка, «лицо смугловатое, продолговатое, чистое, глаза карие, нос длинный, остр, волосы на голове и бровях темно-русые». После 10 лет каторги в 1835 году переведен с братом Николаем на поселение в с. Онашино Енисейской губернии, затем в Минусинск. Братья завели образцовое хозяйство, занимались селекцией, первыми с братьями Беляевыми стали выращивать арбузы и дыни. Дом А.А. Крюкова в Минусинске сохранился (ул. Обороны), отмечен мемориальной доской. Последние годы провел в Брюсселе, где умер от холеры.



ЯКУБОВИЧ Александр Иванович (1796 или 1797-1845) из дворян Черниговской губернии. Воспитывался дома и в Московском университетском пансионе. В службу вступил юнкером в лейб-гвардейский уланский полк. Участник зарубежных походов 1813-1814 годов. Членом тайных обществ декабристов, вероятно, не был, участник восстания на Сенатской площади. Арестован в 1825 году и заключен в Петропавловскую крепость. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен закованным в кандалы в Сибирь в 1826 году. После 13 лет каторги был определен на поселение в Иркутскую губернию, затем переведен в с. Назимово Анциферовской волости Енисейского уезда, куда прибыл в 1841 году. Неоднократно бывал в Красноярске. На поселении пытался заниматься предпринимательством, был управляющим прииска. Занимался также исследованиями климата, населения, статистикой Приенисейского Севера. По донесению полковника корпуса жандармов Я.Д. Казимирского, который летом 1845 года находился на золотых промыслах Енисейского округа, Якубович «одержим тяжкою болезнью, лишился употребления ног и от раскрытия головной раны нередко бывает в припадке безумия», вследствие этого енисейский губернатор распорядился о перемещении его в ближайшую больницу в г. Енисейск, где он и умер 3 сентября 1845 года «от водяной болезни в груди». Могила декабриста давно затеряна.

Портреты из книги
«Декабристы».
Издание
М.М. Зензинова,
1906 г.

Образование

Народное образование в первую очередь получило развитие как бы вширь, охватив сельское население по волостям и станичное казачество. С 1822 года новоучрежденная Енисейская губерния

была отнесена к Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству, поэтому в учебно-церковном отношении она стала подчиняться Иркутской епархии.

С 1839 года святейший Синод упорядочивает со своей стороны начальное обучение детей прихожан, издав указ об



учреждении сельских церковноприходских школ. Учителями в них выступали священники, что придавало начальному обучению простого народа явно религиозно-нравственный дух. С этого времени число одноклассных церковноприходских школ стало быстро увеличиваться, хотя их содержание по-прежнему лежало на плечах приходских общин, состоящих из лиц разных сословий. Так, в Минусинском округе к X переписи 1859 года число школ выросло с 5 до 20. В Минусинске и селе Ермаковском работали церковноприходские училища. Ермаковское в составе двух учителей и 60 учеников было открыто в 1856 году на средства местных золотопромышленников. В 1850 году открылось Минусинское церковноприходское училище с девятью учениками, в 1861 году — церковноприходское одноклассное училище в Шушенском. Всего в церковноприходских училищах и школах Енисейской губернии на 1863 год, обучалось в 1853 году 231, а в 1862 году — 372 ученика. Кроме того, часть детей училась на среднем духовно-профессиональном уровне за пределами края.

8 декабря 1828 года утвержден новый училищный устав, в силу которого все учебные заведения Сибири были подчинены гражданским губернаторам, облеченным правами попечителей учебных округов. Одновременно с уставом утверждены были и новые штаты уездных училищ. Однако ни одно из тогдашних уездных училищ всем упомянутым условиям не удовлетворяло, и новое положение не могло быть осуществлено.

Эта николаевская реформа 1828-1835 годов получила оценку у историков как контрреформа александровской 1802-1804 годов. Восстанавливался замкнутый характер школьной системы, отменялась прямая преемственность между типами и ступенями учебных заведений. В них устанавливается полицейский надзор и палочная дисциплина. Усилился узкопрактический подход в обучении в заведениях низшего типа, а в гимназиях — наоборот, усилили классицизм. В соответствии с формулой министра просвещения и полиции графа Уварова, что Россия есть самодержавие, православие и народность, преподавание Закона Божьего сделало обязательным, и оно легло в основу учебно-воспитательного процесса. Особое внимание стало уделяться политической благонадежности и воспитанию в духе служения престолу и Отечеству.

Учителей катастрофически не хватало. Недокомплект, например, в уездных и приходских училищах Томской губернии составлял в 1836 году 65 процентов штатного числа.

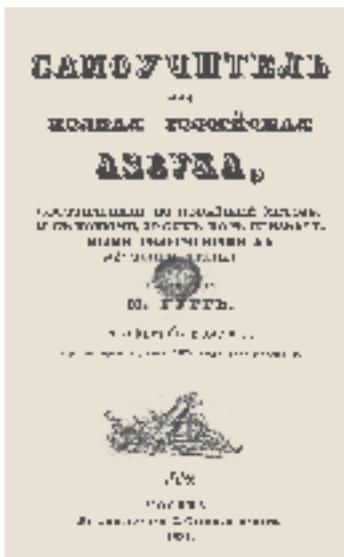
В училищах по-прежнему сохранялась зубрежка, в ходу были телесные наказания. Поэтому нередко состоятельные родители старались начальное подготовительное обучение детей дать дома.

Самый богатый в 1830-х годах краснорярец Иван Кириллович Кузнецов дал своей дочери-красавице Анне домашнее образование. Парфентьев писал, что «все образование состояло: в чтении, чистописании, арифметике, рисованию, грамматике, Закону Божьему». «Наставником ее был прекраснейший человек: учитель

Дом декабриста Н. Крюкова в Минусинске, построен в первой трети XIX в., ныне музей декабристов. Фото Л. Порошиной



Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год



Самоучитель, или Полная российская азбука, составленная по новейшей методе и с новыми, до сих пор неизвестными облегчениями к изучению чтения. Сост. М. Гутт. Типография Селивановского, 1831 г.

Дом семьи декабриста Давыдова в Красноярске, 1853-1856 гг. Акварель В.В. Давыдова, сына декабриста

отделения кантонистов Михаил Иванович Загуменский, унтер-офицер».

На дому продолжали обучать не только учителя, но и мало-мальски грамотные люди, особенно ссыльнопоселенцы. Так, минусинский окружной начальник Александр Кузьмич Козьмин вспоминал, что «в Минусинском округе в каждой порядочной деревне есть род школы для обучения детей. Грамотные поселенцы выискивают себе этим пропитание».

Видный след в народном образовании населения Енисейской губернии оставили декабристы. Многие из них занимались частным преподаванием отдельным ученикам из числа детей знакомых, и даже открывали своего рода частные школы. Так, братья Беляевы, жившие на поселении в Минусинске с 1835 года до своего отъезда в 1839 году, открыли школу, которую посещало до двадцати учеников.

В домашнюю школу В.Л. Давыдова кроме его детей ходили и дети близких друзей. Ее программа отличалась гражданской направленностью, интересом к естественным и социальным наукам. Позже она легла в основу программы первой Красноярской мужской гимназии.

Декабрист Фаленберг одним из первых стал заниматься частным преподаванием. Так, в письме братьям М. и К.А. Бестужевым от 25 августа 1849 года он сообщал, что «во все продолжение моего жительства в Шуше (1833-1847. — Г.Б.) я имел несколько учеников и учениц; из первых два брата Меркушевых поступили в корпус путей сообщения, а прочие в другие учебные заведения; от них получал я доход для пропитания себя с семейством. Теперь нет никого в моем пансионе, кроме собственной дочери (Мины. — Г.Б.),

следовательно, весь доход ограничивается моей табачной плантацией». Он выучил и свою будущую жену, дочь отставного урядника Соловьева.

Таким образом, в целом уровень грамотности даже в первой половине XIX века определялся домашним образованием. Поэтому Степанов, приведя в разделе «Отделение VI ...народное образование» скромные данные о школах, считал необходимым сказать, хотя и с долей пренебрежения, о ведущей роли частного и домашнего образования: «...не надобно полагать, однако же, чтоб Енисейская губерния была вовсе неграмотная. В нее, как и во всю Сибирь, поступает ежегодно такое количество грамотных людей, что никакие училища постольку доставлять не в состоянии. Сии грамотники, рассыпаясь по волостям и деревням, обучают на гулянках молодых крестьян и детей. В официальной ведомости несправедливо показывается крестьян, знающих грамоте, по всей губернии 1221 человек. Их несравненно более, даже многие из женского пола между крестьянами умеют читать и писать...»

Официальная статистика XIX века о грамотности населения исходила из данных об организованных казной и частными лицами формах обучения. Поэтому в 1861 году в Енисейской губернии приходился один грамотный на 100 человек. Это явно заниженная цифра. Ведь если посчитать число неподатных (дворяне, чиновники, духовенство, командный состав военных, почетные граждане), всего по X переписи 24 тысячи человек без детей и женщин, или 7,4 процента всех жителей, а с членами семей все 15 процентов, то этот процент даст примерное представление о минимальном уровне грамот-



ности русского населения в Енисейской губернии. В итоге он оказывается не ниже общероссийского показателя. Так, по подсчетам авторитетного российского историка Б.Н. Миронова, элементарная грамотность населения России старше 9-15 лет в 1850 году составляла у мужчин 19, а у женщин — 10 процентов.

Время неумолимо ставило перед обществом и властью задачу о необходимости поднятия уровня преподавания и обучения, реформирования его методов и приемов. Об этом задумывались и это понимали сибиряки. Оценка ими характера преподавания и личности учителя старого типа перед реформой 1861 года дошла до нашего времени в рукописной сатирической поэме неизвестного автора «Недовольные», которая ходила по рукам в Сибири.

Школьное обучение старались распространять и на ясачное население Енисейской губернии. По реформе Сперанского в ст. 58 «Устава об управлении инородцев Сибири» 1822 года записано: «Инородцы имеют право отдавать детей своих для обучения в учрежденные от правительства учебные заведения. Имеют право заводить собственные школы, но не иначе, как с позволения гражданских губернаторов или областных начальников».

Быт и нравы

На заре капиталистической эры в Сибири отчетливей стал проявляться разрыв между материальной и духовной культурой господствующей верхушки и культурой трудящихся. Богачи и крупные чиновники переселялись в каменные дома или обшитые тесом и выкрашенные

деревянные особняки. С 1830-х годов на центральных улицах губернского, а позже и окружных городов стали появляться деревянные тротуары, уличные фонари, будки ночных сторожей.

Особенно значительные изменения в бытовом укладе произошли во время «золотой лихорадки». Например, в Красноярске тогдашние хозяева жизни гуляли по украшенному вычурными китайскими беседками саду — частью естественно-го бора между Енисеем и Качей (ныне Центральный парк культуры и отдыха). Они бывали в затейливой купальне с комнатами отдыха и буфетом. Быстро стало привычным делом посещение Общественного собрания, где был зал для танцев, буфет, комната для карточных игр, бильярдная. В распоряжении для желающих из «приличной публики» была учрежденная в 1838 году библиотека. Некоторые же из местных богачей и золотопромышленников поражали воображение обывателей расточительной роскошью своего образа жизни.

«Богатые золотопромышленники ничего не жалеют ради хорошего стола и европейского комфорта... Они жаждут тех предметов роскоши, которые привозят с другого конца света, и платят за них непомерные цены... Сколько раз, сидя за столом, уставленным привезенными со всех концов света яствами, я не мог не поражаться невероятным контрастам. Вот алтаец в войлочной шапке подает на тарелке японского фарфора апельсин, привезенные на берега Енисея из Мессины или Марселя через Петербург и Москву. Вот после обильной трапезы вам предлагают лакомства со всех уголков мира,

Из поэмы «Недовольные»

*«... (Взял слово. — Г.Б.)
Червище-педагог:
— От этих юных неучей,
От этих девок стриженных,
Природою обиженных,
Оборони нас Бог!
При всей своей нахальности,
Под фирмою реальности,
Безбожный нигилизм
Погубит идеальности
Святой патриархальности
Блаженный классицизм.
Бывало, мы так правильно
Программу соблюдаючи
Ни gotol (jomt) не меняючи,
Свои преподавания
Отмеривали в год;
Зубрили наши юноши
Пластически, классически,
Разумно-педантически
Мы двигали тактически
Отечество вперед.
В часы того учения
Большие затруднения
Ребенок выносил;
И тратил над схоластикой,
Над умственной гимнастикой
Избыток вредных сил;
С такую педагогиею
Мы все вполне сжились:
Задашь, бывало, мелево
Отселева доселева,
А там хоть спать ложись.
Теперь из-за желанья
(На что оно? На что?)
Уж нам преподавания
Не поручит никто:
Учителя реальные
Нас будут окончательно
Теснить со всех сторон.
Забудется Овидий наш,
Корнелий Непот сладостный,
Гомер и Цицерон;
Потом уж понимается:
Где древность презирается,
Гомер не изучается,
Там вдохновенья дар
Ногами попирается!..»*



Интерьер гостиной
в доме Кузнецовых



Титульная страница двухтомного издания А.П. Степанова «Енисейская губерния», 1835 г.



Николай Петрович Резанов (1761-1807)

при этом не забыты даже вина Малаги, Рейна и Бордо. Вы наслаждаетесь ароматным нектаром Аравии и прекрасными гаванскими сигарами».

Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974. С. 250.

От этих рыцарей первоначального накопления и большинства чиновников заметно отличалась образованная и либерально настроенная часть губернского общества. Хотя деятели типа енисейского губернатора А.П. Степанова были далеки от мысли о необходимости коренного переустройства общества, их научная, литературная и общественная деятельность носила прогрессивный характер. К 200-летию Красноярска они выпустили в Москве «Енисейский альманах», один из первых литературных журналов Сибири. Еще раньше, в 1823 году, было создано и некоторое время действовало общество

«Беседы о Енисейском крае». Самостоятельной литературной организацией была основанная поэтом В.И. Соколовским в 1829 году «Красноярская литературная беседа». Туруханский фельдшер Я. Яроцкий, енисейский земский исправник С. Третьяков, председатель губернской казенной палаты И.С. Пестов в 1820-1840-х годах создали краеведческие работы, посвященные Туруханскому краю, Енисейскому округу и в целом всей губернии. Перу А.П. Степанова принадлежит самый крупный труд подобного плана. В изданной в 1835 году двухтомной «Енисейской губернии» он привел обширные сведения о природе и людях Приенисейского края.

Об усложнении духовной жизни самосознания красноярцев свидетельствует появление в губернском центре первых мемориальных памятников, связанных с отдельными яркими страницами прошлого города. На Караульной (Покровской) горе, на месте караульной вышки казаков XVII века, вместо простого креста в 1855 году на деньги золотопромышленника Петра Ивановича Кузнецова поставили каменную часовню, обозначающую символическую коллективную могилу всех погибших красноярцев в первый, боевой период жизни города-острога. К сожалению, при реконструкции ее главки в 1996 году нарушили внешний вид этого памятника истории и архитектуры федерального значения.

В 1831 году на средства Российско-Американской компании был сооружен памятник Н.П. Резанову, который возглавлял компанию с 1799 года. Резанов в качестве посланника в Японию был участником первой русской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянского, много сделал для устройства жизни русских в Северной Америке. Возвращаясь в Россию, он по дороге разболелся и умер в Красноярске первого марта 1807 года (по старому стилю). Его невеста, Консепсия де Аргуэльо, дочь коменданта испанской Калифорнии (ныне штат США), не зная о смерти своего избранника, прождала его 49 лет. История их романтической любви нашла отражение в художественных романах, поэмах, рок-опере «Юнона» и «Авось». В Америке существует общество имени Николая Резанова.

Резанов был похоронен в ограде Воскресенского собора на самом почетном месте — у окна престольной абсиды, сей-



Памятник Н.П. Резанову в ограде красноярского Воскресенского собора. Надпись, отлитая на чугунной овальной плите, в лавровом венке: «Лета 1831-го августа 16-го дня воздвигнутъ иждивениемъ Российско-Американской компании в ознаменованіе незабвенныхъ заслугъ, оказанныхъ ей Действительнымъ камергеромъ Николаемъ Петровичемъ Резановымъ, который, возвращаясь изъ Америки в Россию, скончался въ городе Красноярске 1-го марта 1807-го года, а погребен 13-го числа того же месяца»

час это место в двадцати метрах от центра северного пандуса-лестницы Большого концертного зала на Стрелке. Памятник на могиле представлял собой коринфскую вазу на гранитном постаменте и был снесен в 1936 году при переоборудовании здания собора в аэроклуб. В 2007 году у места захоронения Резанова поставлен памятник.

Наиболее яркая страница культурной жизни Енисейской губернии связана с декабристами. Например, в Красноярске настоящим культурным очагом, куда тянулось все лучшее, что было в городе, был дом декабриста В.Л. Давыдова. За обширные познания его прозвали «коробом просвещения». Богатая домашняя библиотека Давыдовых стала по существу публичной городской библиотекой. Обладая литературным даром, Давыдов сам писал острые эпиграммы и басни, направленные против ханжества, лицемерия, чванства, корыстолюбия местных властей. Против самого Николая I он написал целую поэму «Николосарос», где высказал свое неприемлимое отношение к реакционной политике Николая Палкина.

Вообще рукописная, в основном сатирическая, литература местных авторов пользовалась популярностью. В условиях николаевского режима она, несмотря на различные общественно-политические взгляды авторов и неизбежное мелкотемье, была одной из форм общественного протеста. В написанных от руки произ-

ведениях бичивали продажность местных властей, алчность купцов, сытую бездуховность обывателей, чревоугодие и другие пороки. Среди авторов были мелкий чиновник И.И. Варлаков, священник, позже монах Ф.И. Петухов, служащие на приисках М.А. Александров и П.А. Шумахер, отставной казак В.М. Суриков, дворянин М.А. Бутаков и другие.

Правительство пыталось держать трудовое население на минимальном духовном пайке. Церковь, тюрьма и кабаки были тремя китами «культурной» политики. В Енисейской губернии к 1821 году было свыше 100, а к 1861 году — более 360 храмов для прихожан различного вероисповедания. Еще больше насчитывалось различных питейных заведений — кабаков, штофных и ведерных лавок, винных выставок. В то же время уездных и приходских училищ было всего 25, в которых обучалось 870 учащихся, или 0,3 процента от общего числа жителей.

Забвение от изнуряющего труда, тяжелых налогов, безысходности повседневного бытия нередко искали в кабаке. В 1840 году, по официальным данным, на каждого крестьянина-налогоплательщика пришлось выпитого вина на 7 рублей 46 копеек серебром. В среднем каждый взрослый мужчина употребил в год от 1,5 до 2 ведер вина. С учетом широкого распространения «корчемства» (самогоноварения) это количество следует увеличить минимум в два раза.



*Часовня Параскевы
Пятницы*

*Вид Красноярска
и реки Енисей.
Акварель Андрея
Ефимовича Мартынова
(1769-1826) из «Атласа
путешествий»*



Официальную медицину в 1840-е годы представляло только 16 врачей. От болезней обычно в ход шли домашние средства, приглашались знахари или знахарки. Они лечили своих пациентов острой водкой, толченым хрусталем, древесным порошком, соскобленным с икон, разными заговорами и заклинаниями. Каждый пятый заболевший обычно умирал.

Естественно, что в таких условиях общий культурный уровень у массы тружеников был низким. Вместе с тем сибирский человек был развитее российского сельского жителя.

«Сознание своей свободы, самолюбие сильно развиты в сибиряках. Причиненные им обиды они помнят долго, и потому мщение затаенное, обдуманное и долговременное характеризует здешних крестьян. Правду редко можно узнать у здешнего крестьянина. Он полагает, что ничего не делается для его блага, а если что делается, то лишь из-за одних корыстных целей. Когда вы станете расспрашивать здешнего мужика о хозяйстве и достатках его, он никогда не скажет вам истины. На ваши расспросы он с величайшей осторожностью и недоверчивостью отвечает общими фразами, стараясь всегда представить свое положение в самом жалком виде. Должно быть, прошедшие времена неограниченного господства воевод глубоко запали в народные предания, и характеры дедов и отцов едва ли до сих пор не отражаются в поступках позднейшего и нынешнего поколений».

Приводимые Г. Пейзыном распространенные в Енисейской губернии народные приметы и пословицы свидетельствуют о практической сметке тружеников, их наблюдательности, нравственной чистоплотности, оптимистическом взгляде на жизнь:

«Если зима бывает морозливая и малоснежная, то знак, что будущее лето будет хлебородное; напротив, теплая и снежная зима предвещает необильно хлебородное лето.

В хорошую погоду, если свинья визжит, ворона каркает, а скотина утуляется под крышу, то знак, что скоро будет перемена погоды: летом — дождь, зимой — снег.

Не слушай старого, а слушай бывалого.

На чужую кучу глаза пучу.

Худого попа и в алтаре бьют.

На кривых колесах немного уедешь.

На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай и свой приспевай.

Это не беда, что во ржи лебеда, а то много беды, что ни ржи, ни лебеды...»

Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении. // Записки Сибирского отдела РГО. 1858. Книга 1. С. 170-181.

Сибирское трудовое население жило лучшего российского. Все путешественники в то время отмечали, что дома крестьян Енисейской губернии отличались особой чистотой. Жители носили опрятную и чистую одежду.

«Сравнительно минусинский крестьянин умнее великороссийского: он ловок, смел, хороший наездник, хороший стрелок из винтовки, с которой не разлучается и во время своих полевых работ. Вежлив со всеми, даже равным себе говорит «вы». Одевается чисто, всегда в сапогах, у редкого нет для праздника красной рубашки и нанкового халата. Женщины, как наши мещанки, ходят в платьях и платках; паневы и кичск нигде не увидишь. Все молодые крестьяне бреются, только пожилых и стариков можно увидеть с бородами».

Из подлинных записок А.К. Кузьмина // Атений. Книга 12. М., 1858.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях роста населения и формирования золотопромышленности экономика губернии стала перекрывать общесибирские показатели. Но в условиях начавшегося перехода экономики России к капиталистическому производству Сибирь продолжала оставаться аграрной окраиной. Правительство проводило курс на превращение Сибири в экономическую колонию. Сибирскому служебному населению значительно труднее было получить статус потомственного дворянина. Жившие за Уралом природные столбовые дворяне-чиновники и отставные

не могли владеть землями, населенными крепостными крестьянами.

Нарождавшаяся сибирская интеллигенция в середине XIX века стала говорить о «мануфактурном иге Москвы» и о возможности отделения Сибири от России. Реализуя публичную, то есть общегражданскую, функцию в отношении трудового населения, центральная власть преуспела значительно менее, чем в реализации эксплуататорской функции по защите интересов привилегированной богатой верхушки.

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

РЕЧНЫЕ ПУТИ



ТРАНССИБИРСКАЯ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ
(ТРАНССИБ)



Либеральные реформы 60-70-х годов XIX века дали заметный толчок для оживления хозяйственной и общественно-культурной жизни страны, включая и такие отдаленные ее регионы, как Сибирь. Однако модернизация экономики и формирование новой социально-классовой структуры здесь шли с заметным отставанием от европейской части страны. Положение Сибири как колонии в экономическом смысле, проявившееся, прежде всего, в отставании промышленности, сочеталось с такими особенностями, как отсутствие помещичьего землевладения, многоземелье, слабое по сравнению с европейской частью страны социальное расслоение общества, культурная изолированность. Тем не менее, несмотря на признаки колониального положения, развитие региона в пореформенную эпоху шло в поступательном направлении.

НАСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Источники роста и динамика численности населения



Император Александр II (1818-1881) вошел в русскую историю как либеральный реформатор

Отмена крепостного права коснулась лишь незначительной части населения Сибири. Помещичье землевладение, несмотря на неоднократные попытки его насаждения правительством, здесь так и не сложилось в сколько-нибудь значительных масштабах. На всю Сибирь насчитывалось лишь 36 помещиков, а крепостных — 3700 человек. В Енисейской губернии численность крепостных составила 1069 человек. В основном это были крестьяне и рабочие, приписанные к казенным заводам. Указом от 8.03.1861 г. они были переведены на трехлетний оброк с последующим освобождением.

Преобладающая часть населения губернии (91,8 процента) была занята в сфере сельского хозяйства, что во многом определяло и его распределение на громадных просторах Приенисейского края. Наиболее заселенными являлись территории Красноярского, Ачинского, Минусинского и Канского округов, природно-климатические условия которых благоприятствовали земледельческим занятиям. Население этих округов составляло 76,2 процента от общей массы.

Важным фактором, влиявшим на заселенность территории губернии, была близость к важным транспортным коммуникациям, проходившим по трактам и рекам. Так, в зоне Московского тракта проживало 32,6 процента населения Канского, Красноярского, Ачинского округов. До проведения железной дороги он служил главной организующей осью в распределении населения. Его ежегодный прирост здесь опережал темпы роста населения губернии.

Однако в целом заселенность губернии росла медленно. За тридцать пореформенных лет население увеличилось в 1,56 раза, а плотность его выросла с 0,14 до 0,26 человека на 1 квадратную версту. В общей массе населения Сибири на долю Енисейской губернии приходилось 10,4 процента. Она значительно уступала по заселенности западносибирским губерниям, а по плотности населения имела самый низкий показатель после Якутской области.

В первые пореформенные десятилетия увеличение населения губернии шло, главным образом, за счет естественного прироста, составлявшего 1,26 процента. Среднегодовое увеличение населения за счет естественного прироста составляло 10-13 человек на 1000 жителей. Рождаемость стабильно держалась на уровне пяти процентов от общей численности населения, или 50,3 человека на 1000 душ. Более высокая рождаемость была характерна для сельского населения — 50,7 человека на 1000 душ.

Демографическое поведение крестьянства определялось традиционным типом, для которого были свойственны жесткие стандарты, обусловленные хозяйственно-экономической целесообразностью и давлением социальных и религиозных стереотипов. Обычным явлением была ранняя брачность — до 30 лет. На возрастные группы от 15 до 30 лет приходилось у мужчин 83,5 процента браков, а у женщин — 93,2 процента. Несмотря на высокую рождаемость, средняя крестьянская семья была, однако, не так многочисленна: от 5 до 6,5 человека. В северных округах края, где слабо сказывалось влияние переселений, продолжала сохраняться большая патриархальная семья (20-25 человек), в которой объединялись несколько поколений.

Возрастание переселенческого потока приводило к упрощению структурно-поколенного состава крестьянской семьи.

Так, среди переселенцев при образовании семей на новом месте заметно тяготение к выделению в самостоятельные единицы. Это находило поддержку в крестьянском обществе, и мирские сходы, несмотря на законодательство, ограничивавшее семейные разделы, выносили, как правило, решения, поощрявшие стремление молодых к самостоятельной жизни.

Высокая рождаемость, стабильно державшаяся на протяжении всего пореформенного периода, обеспечивала положительный баланс в приросте населения, превышая смертность, которая колебалась в пределах 3-5 процентов, или 39,2 человека на 1000 жителей. Но это достигалось, прежде всего, за счет положительного коэффициента естественного прироста населения сельской местности. В городах же он имел отрицательное значение, и в среднем смертность здесь превышала рождаемость в 1,15 раза.

Анализ данных о смертности по возрастным группам показывает, что наибольший ее процент приходился на две группы детского возраста: до 1 года — 40,9 процента, и от одного года до 5 лет — 18,7 процента. Бедственное положение здравоохранения и крайне низкий санитарный уровень, почти полное отсутствие профилактики, единственной

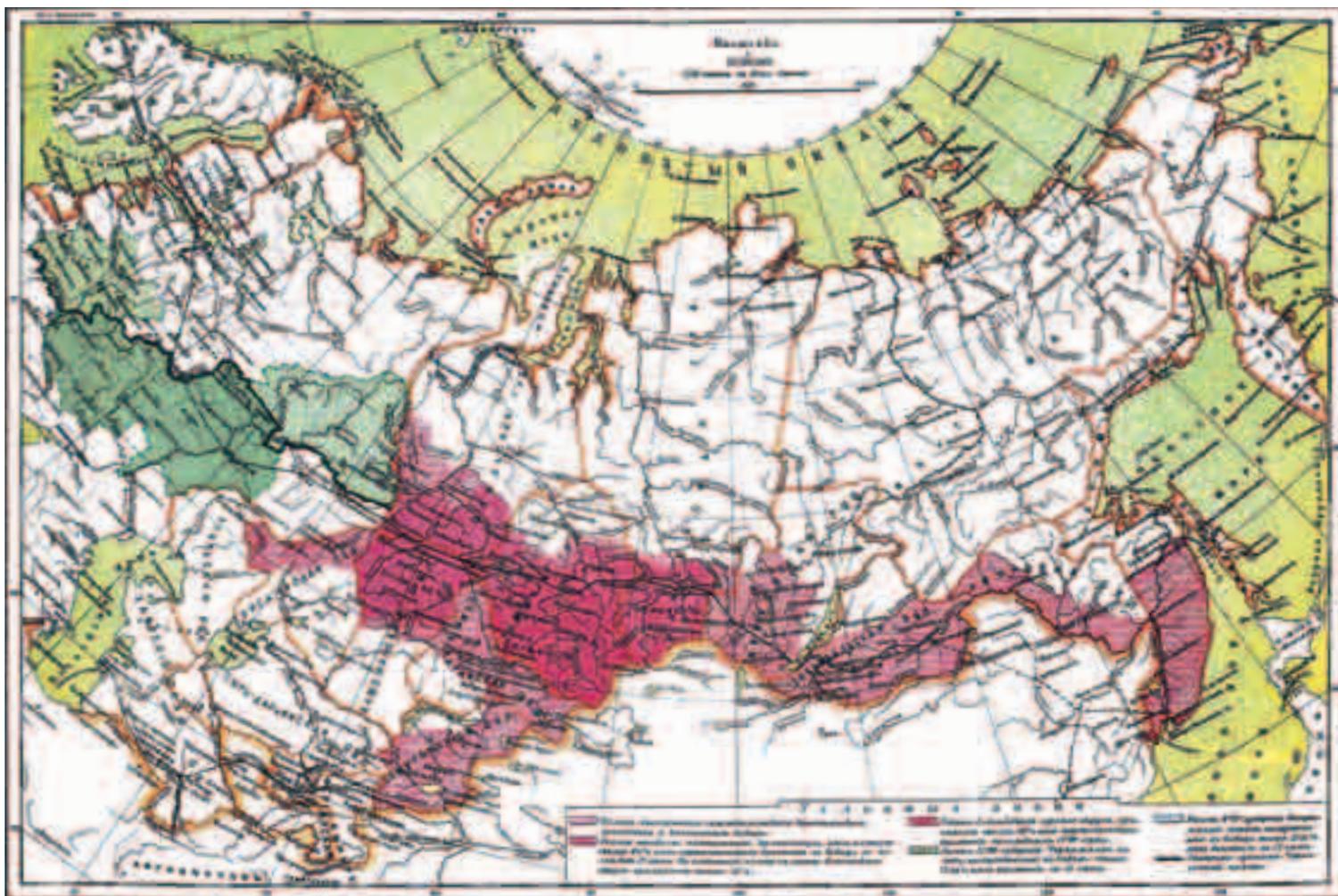


Крестьянская семья из деревни Ярки Енисейского уезда

формой которой было оспопрививание, охватывавшее всего лишь 53 процента населения губернии, приводили к тому, что после массовых эпидемий в деревнях порой не оставалось в живых ни одного ребенка.

На динамику естественного прироста несомненное влияние оказывал физический тип и половозрастная структура населения. Для Енисейской губернии, как и для всей Сибири, было характерно устойчивое преобладание мужчин. По данным статистического обследования четырех южных округов Енисейской губернии, на 100 мужчин приходилось 94,5

Карта заселения Сибири (1881-1898 гг.)





Крестьянская семья из деревни Ловатской Канского уезда, начало XX в.



Беглые каторжники, конец XIX в. Пробирались они в Европейскую Россию, но редко кто из них попадал туда — большей частью они скитались по дорогам, околицам сел и городов, представляя угрозу для населения

женщины. В конце 1890-х годов с увеличением переселенческого движения этот разрыв возрастает до 90,7 на 100.

При анализе возрастного состава населения выявляется несколько большая доля групп пожилого возраста: от 60 и более лет — 8,6 процента против 8,4 процента в европейской части России, что может рассматриваться как косвенный показатель более высокого уровня жизни сибиряков.

Дополнительным подтверждением этого служат и данные по состоянию здоровья призывников. Среди них преобладали группы высокорослых и среднерослых — 89,5 процента. По причине малорослости из сибиряков забраковывались призывными комиссиями всего лишь 9,9 процента, тогда как аналогичный показатель по России — 25,5 процента. По причине увечности из сибиряков освобождались от службы 42 на 1000 человек, а по России — 78,4, по хроническим болезням соответственно 45,8 против 81,8.

Положительное влияние на состояние генофонда сибирского населения оказывала вольная колонизация. В статистических обследованиях неизменно отмечалось, что среди переселенцев число увечных и больных самое низкое. При обследовании населения четырех южных округов Енисейской губернии констатировалась такая закономерность: чем больше местное крестьянское население разбавляется переселенческим элементом, тем меньше встречается среди него

лиц, обладающих какими-либо физическими недостатками.

Наряду с естественным приростом важным источником пополнения населения являлся механический прирост. Для Сибири, как колонизируемой окраины, он выступал в форме массовых переселений. Принято выделять принудительную и добровольную колонизацию. К принудительной относят уголовную ссылку. Удельный вес ссылки в общей массе населения в Енисейской губернии за 30 лет менялся, составляя по минимуму 13,9 процента, по максимуму 18,7 процента. В среднем в губернию ежегодно высылалось 2500 ссыльных.

Принудительная колонизация слабо влияла на формирование сибирского населения. Это отмечалось на всех уровнях как в официальных отчетах губернских властей, так и в выступлениях либерально-демократической оппозиции, решительно боровшейся против превращения края в «штрафную» окраину. Еще М.М. Сперанский — выдающийся государственный деятель, побывавший с ревизией в Сибири в 1818-1820 годах, предостерегал от ошибочного представления о сибиряках как о потомках ссыльнопоселенцев, указывая, что ссыльные плохо укореняются в местах своего нового водворения, оставаясь чужеродным элементом.

Ежегодно тысячами наводняя села и города, ссыльные, как правило, ненадолго оставались на одном месте. При подворных переписях неизменно выявлялось, что на местах оставалась лишь пятая часть ссыльнопоселенцев. Остальные либо уходили по отпускным билетам на прииски, либо пускались в бега или нищенствовали.

Хотя власти и пытались как-то помочь адаптироваться ссыльным в новой среде, давая льготы, безвозвратные ссуды для обзаведения имуществом, устраивая ремесленные цехи и прочее, однако это не имело сколько-нибудь заметных результатов. В одном из отчетов енисейского губернатора отмечалось, что «поселенцы с самого начала вступления в Сибирь еще полные сил, в редких случаях обращаются к труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояние, а по большей части поддерживают свое существование работой случайной, переходя с места на место, что приучает их к бродяжничеству».

Из той части, что оседала на местах поселения, лишь очень немногие включались в хозяйственную деятельность.

Из 100 ссыльных, свыше 10 лет проживших на одном месте, имели жилье 53, занимались ремеслом 45,9, работой по найму — 38, земледелием — 11,6, нищенствовали 4,5. В экономическом отношении хозяйства ссыльнопоселенцев значительно уступали в обеспеченности рабочим скотом, инвентарем и доходностью. Большая часть их хозяйств была недоимочна.

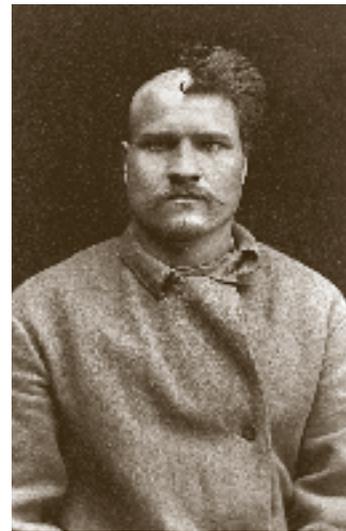
На слабую адаптацию ссыльных в губернии влиял их состав. Большую их часть составляли лица, осужденные за тяжкие преступления, бродяжничество и представлявшие худший контингент в сравнении с ссыльными в Западной Сибири, среди которых преобладали высланные административным порядком и по приговорам крестьянских обществ за незначительные проступки.

Уголовная ссылка превращалась в тяжелейшее испытание для местных жителей. Тысячами ссыльные зимовали вокруг городов и сел, держа население в страхе перед грабежами, убийствами, превращая Сибирь, по выражению Н.М. Ядринцева, в «постоянное поле битвы». Более трети всех преступлений в губернии, как следует из жандармских сводок, приходилось на долю ссыльнопоселенцев. Кроме того, ссылка ложилась тяжелым бременем на сибирских обывателей, поскольку они должны были обеспечивать содержание тюрем, этапов, доставлять подводы и лошадей для провоза партий ссыльных.

Это, конечно, сказывалось на отношении сибиряков к ссыльным, воспринимавших их не только как чужеродный, но и враждебный элемент, поэтому не спешивших принимать их в свою среду.

Браки сибиряков с ссыльными были нечастым явлением, да последние и не представляли соответствующий контингент для этого. Преобладающей возрастной группой среди них были мужчины старше 30 лет. К тому же основная масса ссыльных имела подорванное здоровье. Средняя продолжительность жизни их на местах водворения не превышала десяти лет. Смертность среди ссыльных вдвое превышала показатель средней смертности местного населения. Лишь очень незначительная их часть обзаводилась семьями, но, как правило, такие семьи были малолетними. Так же трудно приживались в крае и потомки ссыльнопоселенцев. Они могли адаптироваться в новой среде лишь во втором-третьем поколении, тогда как вольные переселенцы вставали на ноги уже в первом поколении.

Более эффективным путем освоения края являлась вольная крестьянская колонизация. Долгое время она сдерживалась крепостным правом. Его отмена в 1861 году, казалось бы, должна была снять все преграды для свободного потока переселенцев в Сибирь. Однако основные положения закона о выходе крестьян на волю фактически лишали



Ссыльнокаторжный. Красноярск, 1899 г. Циркуляром Министерства внутренних дел предписывалось: арестантам каторжного разряда брить правую половину головы, а осужденным, ссылаемым на поселение, и бродягам — левую сторону головы

Партия ссыльнопоселенцев во дворе пересыльного пункта, конец XIX в.





Крестьяне-переселенцы, прибывшие из европейской части России в Красноярск. Конец XIX — начало XX в.

бывших крепостных права на свободное переселение, поскольку они были связаны временно обязанным состоянием и выкупными платежами.

Но по мере того, как в центре страны все более остро стало ощущаться крестьянское малоземелье, правительству пришлось переходить от политики ограничения к поддержке крестьян-переселенцев. В 1881 году было разрешено переселяться в Сибирь бывшим помещичьим крестьянам. А с 1889 года крестьянам-переселенцам наряду с наделом стали предоставлять также и льготы: освобождение от арендных платежей, казенных сборов, отсрочку от воинской повинности на три года. Однако вплоть до второй половины 1890-х годов доля вольных переселенцев в увеличении населения губернии оставалась незначи-

тельной. Так, за пореформенное тридцатилетие вольная колонизация дала по Красноярскому, Канскому, Ачинскому и Минусинскому округам всего лишь одну двенадцатую часть населения. Положение стало меняться после проведения Великой Сибирской железной дороги, заметно облегчившей условия переселения. Ежегодный приток переселенцев в губернию к концу 1890-х годов вырос почти в шесть раз.

Движение переселенцев шло стихийно. Большую часть крестьян на это толкало возраставшее в центре страны малоземелье. Далекая Сибирь рисовалась обетованным краем, где вдоволь земли, богатые зверем леса, обильные рыбой реки. Эти представления, конечно, больше отвечали крестьянской мечте о сказочном Беловодье, чем суровой реальности, которая ждала переселенцев в новом краю. Значительная часть ехавших в Сибирь крестьян не имела точных сведений о месте будущего водворения и маршруте передвижения и шла наобум. По данным статистического обследования четырех южных округов губернии, из 196 партий переселенцев, пришедших сюда в 1892 году, в 105 знали о местах переселения по переписке, в 22 — по рассказам случайных людей, в 39 засылали перед отправкой ходоков, остальные шли, не имея никакой информации.

Решившись на переселение, крестьяне покидали родные места с таким расчетом,

*«В пути, смерть переселенца».
Репродукция картины
С.В. Иванова*



чтобы находиться в пути в летнее время. Большинство переселенцев прибывало в губернию с апреля по ноябрь. Шли, как правило, большими партиями по 40-50 семей. Переселенческие караваны двигались сибирским трактом, повозки с нехитрым скарбом служили не только средством передвижения, но и жильем. Переселенческие пункты с крытыми помещениями имели небольшую пропускную способность и не могли обеспечить всех переселенцев кровом.

Многочисленные лишения и опасности в дороге — все это становилось суровым испытанием для тех, кто выбрал путь самостоятельного устройства своей судьбы. Один из современников, писавший о горькой доле переселенцев, замечал, что путь в Сибирь для многих становился «злой мачехой, и кроме полного разорения, продолжительного страдания, а иногда и потери целой семьи ничего не приносил».

Однако с прибытием крестьян на место их злключения не заканчивались. Специально созданных для устройства переселенцев учреждений при губернской администрации не было. Лишь в мае 1892 года силами красноярской общественности был создан временный переселенческий комитет для помощи переселенцам. Главную роль в нем игра-

ла городская общественность. Активистами комитета стали В.М. Крутовский, Е.А. Рачковская, А.П. Кузнецов, А.Н. Шепетковский. Председательствовал городской голова И.А. Матвеев. Члены комитета занимались регистрацией переселенцев, организацией приемных пунктов, медицинской помощи, предоставлением денег, одежды, разъяснением инструкций, регламентируя положение переселенцев. Но комитет существовал на средства от пожертвований, которых явно не доставало для оказания полноценной помощи переселенцам.

Прибывшие в губернию крестьяне были предоставлены сами себе. Поиски места поселения превращались для них в цепь новых бедствий и унижений. Минусинский корреспондент газеты «Восточное обозрение» описал довольно типичный эпизод, иллюстрировавший брошенность переселенцев на произвол судьбы: «2 июля на улицах Минусинска появились целые толпы бедного оборванного люда, лица, одежды и говор которых сразу выдавали переселенцев; они снимали шапки, кланяясь, обращались к каждому встречному, прося указать — «куда идти, где есть свободные казенные земли?» «Экая беда какая, — жаловались они, — в какую деревню не придешь, везде нас ругают, гонят; а если не ругают, то обманывают: одни говорят — идите туда, другие туда, а здесь,



Крестьянская семья из села Богучанского Енисейского уезда, начало XX в. Основную часть населения уезда составляли русские старожилы, сохранившие свой культурный тип

Канский переселенческий пункт, начало XX в.





Крестьяне-переселенцы в Минусинском уезде. Условия переселения крестьян в Сибирь до проведения железной дороги были тяжелыми. Продолжительность времени между приходом новоселов и их окончательным обоснованием составляла более 10 лет



Переселенка из д. Ново-Полтавская Минусинского уезда, конец XIX в. Деревня находилась на речке Кебеже, населена была преимущественно выходцами из Малороссии

говорят, и земель нет, а если и есть, то никуда не годны; бросаемся мы из стороны в сторону, и нигде нас не принимают, измаялись мы, издержались и не знаем, что делать...»

Часто скитания по губернии в поисках места водворения занимали месяцы. Поскольку крестьяне поселялись, не зная местности, то приходилось нередко покидать ранее облюбованное место по причине его непригодности к земледелию. Доля таких вторичных переселенцев в губернии составляла около 30 процентов.

До конца 1890-х годов переселенцы в основном селились в старожильческих поселках, это облегчало их устройство на новом месте. Но с возрастаньем переселенческого потока это затруднялось тем, что старожилы, опасаясь ущемления своих земельных прав, ограничивали прием переселенцев в сельские общества. И с конца XIX века большая часть переселенцев стала основывать новые поселения. С 1892 по 1905 год в губернии возникло 331 новое поселение.

Итоги количественных и качественных изменений в населении Енисейской губернии, отражавшие ведущие процессы пореформенной эпохи, подвела первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Она показала, что в целом население губернии после отмены крепостного права выросло в 1,53 раза, составив 570 161 человека. Особенно быстро росло городское население, хотя его доля в общей массе все еще оставалась незначительной (11,03 процента). Прирост горожан шел главным образом за счет переселенцев из европейской части страны. Местное же сельское население еще слабо участво-

вало в формировании городского. Таким образом, процессы урбанизации в губернии, как и по всей Сибири, отставали от общероссийских.

Социальный и этнический состав населения

Заметные изменения произошли в социальной структуре населения. Наиболее динамично развивались те социальные группы, которые были связаны с торгово-промышленной деятельностью. Так, доля мещанства, составлявшего основной контингент городского населения и занятого мелкой торговлей и ремеслом, выросла в 2,75 раза, тогда как дворянство, и без того малочисленное в Сибири и занятое преимущественно в сфере управления, все более утрачивало свои позиции. В абсолютном значении его численность возросла на 21 процент, а в относительном доля дворянства сократилась в 1,7 раза.

Формирование буржуазии шло с некоторым отставанием не только в сравнении с показателями по европейской части России, но и по соседним сибирским губерниям. На протяжении исследуемого периода в развитии купечества, представлявшего крупный капитал, просматривается отрицательная динамика. В абсолютной массе его численность сократилась с 2013 человек в 1863 году до 1232 в 1896 году, а удельный вес этого сословия уменьшился с 0,6 до 0,32 процента. Отрицательные тенденции можно объяснить тем, что в торгово-промышленном развитии губернии в 1870-1880-х годах наблюдался глубокий кризис. Особенно сильно он ударил по золотопромышленности, где в основном концентрировались крупные капиталы, быстрее шло первоначальное накопление.

Самой многочисленной группой населения губернии по-прежнему оставалось крестьянство. В его составе преобладали государственные крестьяне — 60,3 процента. Реформирование государственной деревни в Сибири затянулось на 30 лет. Сибирские крестьяне, жившие на казенных землях, по сравнению со своими собратьями в европейской части страны оказались в результате реформ ограничены в своих правах. Так, если последние по закону 1886 года получили право выкупа своих земель в собственность, то в Сибири казна, стремясь ограничить сложившуюся здесь практику крестьянских земельных захватов, утвердила законом

1898 года свое монопольное право на земельную собственность. За пользование казенной землей крестьяне должны были платить оброчную подать, значительно выросшую с 1898 года в результате перечисления в нее подушной подати. Также права крестьян были урезаны и в сфере управления. Законами 1870-1880-х годов крестьянское самоуправление было поставлено под контроль полицейских чиновников. Эти меры были окончательно закреплены в 1898 году введением должности крестьянских начальников, сосредоточивших в своих руках судебную и административную власть над крестьянским миром.

Патриархальный уклад сибирской деревни в новую эпоху дал заметную трещину. В крестьянстве углубился раскол на зажиточную верхушку, тяготеющую к буржуазному предпринимательству, и деревенскую бедноту, из которой пополнялся рынок рабочей силы. Енисейская губерния не была исключением в этом плане, однако ее специфическое положение: значительный резерв свободных земель, слабое развитие торговли и промышленности — замедляло процессы социальной дифференциации в сравнении с другими сибирскими регионами.

Одной из причин, сдерживавших социальную дифференциацию в крае, было слабое в сравнении с Западной Сиби-



*Обыватели
города Красноярска,
конец XIX в.*

рю влияние переселенческого фактора. Переселенцы обычно пополняли ряды бедноты, живя наймом в старожильских хозяйствах. Однако обилие сравнительно благоприятных для сельскохозяйственной обработки земель, свобода хозяйственной деятельности способствовали тому, что большая часть новоселов сравнительно быстро улучшала свое хозяйственное положение по сравнению с тем, что было до переселения в Сибирь.



*Красноярские купцы на ярмарке
в Нижнем Новгороде.
Вторая половина 1860-х — начало
1870-х гг.*



*Полицеймейстер
города Красноярска,
начало 1890-х гг.*

*Крестьяне
города Красноярска,
конец XIX в.
Так называемые
городовые крестьяне
юридически горожанами
Красноярска
не считались,
не участвовали
в выборах в городское
самоуправление*



Примечательна в этом плане история, записанная в 1891 году исследователем крестьянских переселений И.А. Гурвичем со слов бывшего уроженца Рязанской губернии, переселившегося в Сибирь. Тот отправился в дорогу со своей невестой, не имея ни рубля денег, и прошел весь путь в составе небольшой партии переселенцев, живя лишь на подаяние. Молодая семья поселилась в Назаровской волости Ачинского округа. Первую зиму они жили в землянке, работая по найму. За работу пильщиком на постройке дома одного из старожилов новосел, кроме денежного оклада, получал в день по пуду ржаной муки и полпуда пшеничной. За зиму удалось скопить

на лошадь, а весной засеять десятину пашни. На проданный урожай купили дом за 11 рублей и корову. А через 17 лет в их хозяйстве имелось четыре рабочие лошади, семь коров, пятистенный дом и 16 десятин земли под пашней.

Социальную картину сельского населения губернии дают материалы статистического обследования, проведенного в 1890-1892 годах, в ходе которого было учтено 50 340 крестьянских хозяйств в четырех южных округах губернии. В результате были выделены по экономическому положению следующие группы: бедняцкая — 26,2 процента при средней запашке 1,8 десятины, из них 17,2 процента — безлошадные, 9 процентов — с одной лошадей. Промежуточное положение между этой группой и середняцкой занимали 13 процентов крестьянских дворов с наделом 5,4 десятины и двумя головами рабочего скота. К середняцкой группе было причислено 26,1 процента крестьянских дворов с 3-4 головами рабочего скота и средним наделом 8,2 десятины. Группу крепких середняцких хозяйств — 27,7 процента, приближавшихся по своему экономическому положению к зажиточным слоям, составляли двory, в которых в среднем приходилось по 5-9 рабочих лошадей и 19 десятин пашни. Зажиточную верхушку енисейской деревни составляли 7 процентов крестьянских хозяйств, в каждом из которых насчитывалось более 10

*Семья староверов
из поселка
на р. Мана
Красноярского уезда,
начало XX в.
Староверы, как правило,
селились обособленно
от основной массы
переселенцев*



голов рабочего скота и более 35 десятин запашки. Среди зажиточной верхушки преобладали старожилы — 42,4 процента. Две крайние группы крестьянства активно участвовали в формировании рынка рабочей силы. Но в целом по масштабам использования наемного труда Енисейская губерния уступала соседним сибирским губерниям. Так, по четырем южным округам губернии к использованию наемного труда прибегали 15,9 процента, тогда как в Иркутской губернии хозяйства, прибегавшие к наемному труду, составляли 21,2 процента, а в Тобольской — 25 процентов.

Приведенные цифры говорят о том, что мир енисейской деревни был неоднороден. Однако если сравнить показатели социальной дифференциации Енисейской губернии с соседними, то становится очевидным, что прослойка середняков здесь была гораздо более значительной. К тому же и среди зажиточной части нередко встречались большие нераздельные семьи, в которых высокая обеспеченность землей, скотом и инвентарем отнюдь не означала проявление буржуазного характера их хозяйства. Зачастую они были слабо втянуты в товарное производство.

Усиление миграций в пореформенный период не могло не сказаться и на этническом составе населения губернии, он становился все более многообразным. Выделяются три самые многочисленные группы: русские — 82,99 процента; тюрко-язычные коренные народности — 6,61 процента; украинцы — 3,75 процента. Затем по нисходящей шли татары — 1,05 процента, поляки — 1,04, евреи — 0,88, мордва — 0,66, тунгусы — 0,51, самоеды — 0,57, латыши — 0,25, эстонцы — 0,24, немцы — 0,16, чувашаи — 0,11, белорусы — 0,07 процента.

Следует заметить, что удельный вес коренных народностей сократился с 13,2 процента в 1863 году до 9 процентов в 1897 году. Однако это не означало вымирания инородцев, а объяснялось увеличением доли русского населения, связанным с переселенческим движением. На протяжении пореформенного периода естественный прирост коренного населения оставался стабильным, составляя 6,6 человека на 1000 душ, сохранялся положительный баланс между рождаемостью и смертностью.

Таким образом, количественные и качественные изменения в составе на-



Юраки (ненцы) — юго-восточная группа западных самоедов. Из альбома «Этнографическое описание народов России», Ф.Х. Паули, на французском языке, 1862 г.

Юраки (самоназвание — ненеча) — коренная народность, немногочисленные представители которой относились к самодийской этнической группе. Обитали между правым берегом р. Енисей и р. Таз, на Нижнем Тазе и по берегам Северного Ледовитого океана. Подразделялись на два рода — Тазовские и Береговые. Оба рода были причислены к Тазовской инородческой управе. Традиционные занятия — охота на пушного зверя, боровую и водоплавающую дичь, рыболовство, домашнее оленеводство.

Часть юраков была христианизирована и говорила на русском языке, но в то же время среди них сохранялись пережитки шаманизма. Они почитали божествами Солнце, Луну и утреннюю и вечернюю зори. Полярная звезда называлась божьим гвоздем, Млечный путь — божьим неводом; северное сияние — отблеск сильного морского волнения.

Большинство ненцев вело кочевой образ жизни. Традиционное жилище — разборный шестовой чум с покрытием из оленьих шкур зимой и бересты летом. Верхняя одежда (малица, сокуй) и обувь (пимы) шились из оленьих шкур. Передвигались на легких деревянных нартах. Пища — оленье мясо, рыба.

селения Енисейской губернии в пореформенное тридцатилетие развивались в поступательном направлении, способствуя хозяйственному и культурному освоению богатого края, ломке традиционного патриархального уклада, более тесной интеграции в общероссийские исторические процессы.

Основу губернской экономики составляло сельское хозяйство, дававшее более половины всего валового продукта. В структуре сельскохозяйственного производства преобладающее место занимало земледелие, чему способствовало наличие обширного фонда свободных земель. Основной объем производства сельскохозяйственной продукции (95 процентов) приходился на долю четырех округов губернии: Красноярского, Ачинского, Канского и Минусинского.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Земледелие

Господствующей системой в земледелии во всех округах губернии оставалась залежно-паровая, при которой вся возделываемая земля делилась на две части: одна под обработкой (пашня и пары), другая в резерве (залежь). По мере истощения или засорения пашни она поступала под залежь, а к обработке привлекались «отдохнувшие» земли. Использование залежей было не только средством повышения плодородия почвы и борьбы с засоренностью, но одновременно позволяло земледельцам более гибко приспосабливаться к сложному рельефу и резким климатическим колебаниям, существенно осложнявшим условия крестьянского производства по сравнению с европейской частью страны. Так, в засушливые годы крестьяне переходили к распашке резервных земель в низинах, в дождливые — использовали залежи на холмах. Наличие резервного фонда позволяло оперативно реагировать и на колебание рыночной конъюнктуры. При возрастающем рыночном спросе на хлеб расширение производства шло за счет введения в обработку залежей, и наоборот, сокращение

спроса приводило к переводу части земель в резерв. В целом по четырем округам губернии к началу XX века резервные земли составляли 38,8 процента.

Однако возможности экстенсивной системы были не безграничны, сокращение свободных земель заставляло переходить крестьян к трехпольным севооборотам, а также к методам более рационального использования земли. Так, в Минусинском округе крестьянин Ф. Девятов стал практиковать использование залежной земли под поскотину. Выгон скота на залежь способствовал уплотнению и унавоживанию земли, что позволяло сокращать сроки восстановительного периода и облегчало обработку земли после ее введения в оборот.

До 1880-х годов удобрение пашни в губернии не практиковалось. Типичной картиной сибирских деревень и городов, где население также занималось земледелием, были горы навоза, свозимого обычно к берегам рек, откуда они смывались весенним половодьем. Но опасность заражения водоемов и окрестного пространства беспокоила, главным образом, власти и санитарные учреждения, вызывая возмущение образованных чиновников невежеством крестьян, не желавших понимать значение удобрений для прогресса

«На пашне», 1870 г.
Репродукция картины
М.К. Клодта



в земледелии. Однако такое поведение крестьян коренилось отнюдь не в их косности и нерадивости к собственной выгоде, а в нерациональности этого метода. Даже переселенцы из европейской части России, продолжавшие практиковать на новом месте удобрение пашни, как они привыкли это делать у себя на родине, вскоре вынуждены были отказаться от этого, поскольку в большинстве случаев удобрение приводило к удлинению периода роста, хлеб не успевал вызревать. Как говорили сибирские крестьяне, «хлеб долго нежился».

Печально закончился опыт по внедрению удобрения Я. Прейна, известного в Красноярске ученого, биолога, ратовавшего за освоение передовых технологий в сельском хозяйстве. У себя на заимке он удобрил пашню, но урожая не получил. Хлеб вырос в стебель, а колос остался пустым. Успешные результаты с применением удобрения оставались единичными и не вдохновляли крестьян, среди которых было распространено устойчивое убеждение, что «удобрять — только землю гадить».

Однако в тех округах, где земля находилась в обороте продолжительное время, отношение к удобрению со временем начало меняться. Раньше это проявилось у крестьян Красноярского округа, где земли под пашней находились с XVIII века и была самая высокая плотность населения, что ограничивало возможности для экстенсивного ведения хозяйства.

В 1879 году один из крестьян села Березовка Красноярского округа в качестве



На дворе ангарского крестьянина, начало XX в.

опыта удобрил 0,5 десятины земли, посеяв клевер. Клевер не уродился, но посев на участке зерновых на следующий год дал урожай, в три раза превысивший средние сборы. Это дало толчок для использования удобрений в соседних селах округа.

Но даже в тех случаях, когда удобрение повышало урожайность в 2-3 раза, его дальнейшее применение было нерентабельным, поскольку выгоднее было поднять одну десятину новой пашни, чем удобрять такую же площадь старой. Затраты на подъем десятины нови обходились хозяину в 15 рублей, а удобрение такой же площади — в 13 рублей. Но при этом новь давала хороший урожай стабильно в течение 20 лет, не требуя дополнительных затрат, а удобренная пашня — всего лишь два года. Даже в волостях Красноярского округа, таких как Березовская и Заледеевская, где большая часть земель была уже истощена и наблю-

На сенокосе. Фото С.М. Прокудина-Горского





*Крестьяне на пашне.
Красноярский уезд,
конец XIX в.*

дался дефицит свободных земель, систематически применяли удобрения только 25 процентов хозяйств.

Для повышения плодородия земли в ряде волостей Минусинского округа, где земли были подвержены засухе, в 1870-х годах стали применять оросительные системы. Пионерами в этом деле явились крестьяне с. Иудино Бейской волости, использовавшие остатки ирригационных сооружений, построенных еще в древности обитателями хакасских степей. Для устройства водной системы делали запруды на реке, а затем поднятую воду отводили на поля с помощью канав или деревянных желобов. Подобные сооружения, называемые мочагами, использовали и для орошения сенокосных угодий. Это позволяло повысить укос трав в три раза. Однако такая система была довольно дорогостоящей. Устройство канавы длиной в одну версту обходилось в 500 рублей.



*«Старик-огородник».
Репродукция картины
В.И. Сурикова*

В структуре посевов преобладающее место занимали зерновые культуры (рожь, пшеница, овес, ячмень). Их соотношение определялось природно-климатическими условиями. В Енисейском округе преобладала озимая рожь (67 процентов), в южных округах — яровая рожь и пшеница (47,3 процента), а также овес (24,1 процента), незначительная доля приходилась на посевы ячменя (3,5 процента).

Определенное влияние на структуру посевов оказывала рыночная конъюнктура, с учетом которой крестьяне вынуждены были увеличивать долю посевов таких культур, как пшеница и овес, пользовавшихся повышенным спросом на рынке. Однако влияние рыночного фактора и в пореформенный период еще не стало необратимой тенденцией, и даже в Минусинском округе, дававшем основную массу товарного хлеба, в структуре посевов преобладала рожь, не пользовавшаяся особым спросом. Но она была легче в производстве, не требуя от крестьянина особых затрат.

Так, например, крестьяне Новоселовской волости предпочитали сеять яровую рожь вместо пшеницы, пользовавшейся на рынке спросом, потому что рожь более надежно обеспечивала потребности самого крестьянского хозяйства. «Рожь не ложь, а первая надежда крестьянина», — говорили местные земледельцы. А крестьяне с. Бейского того же округа преимущественно сеяли пшеницу, но отнюдь не потому, что она хорошо шла на рынке, а потому, что ее легче было сеять



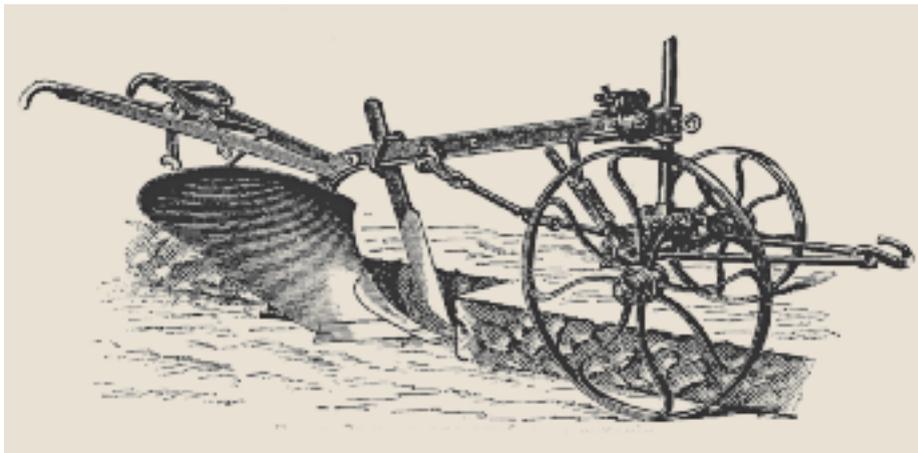
*На жнитве.
Фото С.М. Прокудина-Горского*

по жнивью, то есть более соответствовала сложившейся системе земледелия. Также и преобладание посевов овса у крестьян было обусловлено не столько потребностями рынка, а менее затратной и менее трудоемкой технологией производства. Таким образом, мотивация крестьян в выборе сельскохозяйственных культур и севооборотов диктовалась приоритетами внутренних потребностей крестьянского хозяйства, а не рыночным спросом.

Орудия труда

Главным орудием крестьянина была соха. В Енисейской губернии, как и в других местностях Сибири, она заметно отличалась от ее российского варианта тем, что имела приспособление для отвала — «брыло», и регулятор глубины вспашки. Таким образом, сибирская соха представляла промежуточный вариант между классической сохой и малороссийским плугом. Были известны два типа сибирской сохи: бесколесная «рукопашка», или «рогальюха», и колесная — «колесуха», которая существовала в двух разновидностях: одноколесная (сабан) и двухколесная.

Использование того или иного типа сохи определялось рельефом и качеством почвенного слоя. Сибирские почвы преимущественно относились к типу тяжелых, задернелых, поэтому требовали больших усилий для обработки. Для вспашки нови применялись обычно двухколесные, более тяжелые и требовавшие как минимум двух лошадей в упряжке. В местностях с более истощенным слоем чаще применялась «рогальюха», имевшая простую



конструкцию: две оглобли, рогаль, два железных лемеха и приспособление для отвала. С помощью «рогальюхи» производили неглубокую вспашку (3-4 вершка в глубину). Ее производительность позволяла обработать в течение одного дня всего лишь третью часть десятины.

В 1860-е годы «рогальюха» вытесняется «колесухой». Последняя давала более глубокую вспашку и позволяла в течение рабочего дня обработать почти десятину земли, так же, как и плуг.

В 1890-е годы переселенцы стали практиковать в своих хозяйствах плуг Эккерта. Однако он был довольно тяжел и требовал 5-6 лошадей в упряжке и к тому же плохо подходил к холмистому рельефу, характерному для местной пашни. Поэтому крестьяне предпочитали традиционные методы вспашки.

Для боронования применялась борона, представлявшая собой деревянную или железную раму с рядами металлических зубьев. Для уборки урожая в ходу были

Плуг Эккерта. Иллюстрация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890-1907)



Борона. Состоит из деревянной рамы и взаимно пересекающихся брусьев, уложенных в клетку, вставляющихся один в паз другому. В них вбиты деревянные заостренные книзу зубья. Минусинский уезд, конец XIX в.



*Крестьянка мнет лен.
Фото С.М. Прокудина-Горского*

косы, серпы, «литовки». Для молотбы применялись специальные приспособления — «молотяги».

В 1880-1890-е годы в крестьянских хозяйствах губернии начинает распространяться машинная техника: жнейки, молотилки, сеялки. Однако ее широкому применению мешала дороговизна. Так, молотилка фабричного производства стоила 400 рублей, веялка — 120 рублей. Но, несмотря на дороговизну, крестьяне с охотой шли на приобретение техники, так как это значительно сокращало затраты рабочего времени и расходы на наем рабочей силы. Уборка урожая с одной десятины пашни с использованием машинной техники обходилась в 5,5 рубля, тогда как при найме работника затраты возрастали до 9,5 рубля.

В 1890-е годы в Енисейской губернии насчитывалось 1743 веялки, 169 молотилок. По обеспеченности техникой крестьянского хозяйства губерния значительно обгоняла другие сибирские регионы.

Агрικультура

Цикл земледельческих работ начинался со схода снега и продолжался до первого снега осенью. В зависимости от климатических условий в каждом округе это время длилось с апреля-мая до сентября-октября. Чтобы обеспечить своевременное выполнение всего цикла работ (вспашку яровых на 2-3 раза, боронование, сев яровых, поднятие паров, уборку озими и яри, осеннюю вспашку и сенокос), крестьянин должен был работать в чрезвычайно напряженном ритме. При этом какая-то часть времени терялась

из-за непогоды, что ограничивало сроки работ и заставляло предельно ужесточать их интенсивность. Чтобы успеть уложиться в отведенный суровой сибирской природой срок, крестьянину иногда приходилось пренебрегать более тщательной обработкой пашни. Так, например, иногда приходилось сеять рожь по жнивью, без предварительной вспашки. Такой метод сами крестьяне называли «ленивки». Это, разумеется, не могло не сказываться на снижении агрокультуры.

Государственной агрономической службы в губернии до конца XIX века не было, и прогресс в земледелии осуществлялся, главным образом, благодаря таланту и трудам сибирского пахаря, создавшего народную агрономию. Усилиями самих крестьян создавались опытные поля, где апробировались новые сельскохозяйственные культуры, велись наблюдения и селекционные работы по адаптации новых семян, привозимых переселенцами, к сибирским условиям. Насколько эти опыты были успешны, свидетельствовали награды, полученные енисейскими крестьянами за участие в международных выставках, на которых были представлены образцы выведенных ими сортов ржи и пшеницы.

Увеличение сельскохозяйственного производства осуществлялось, главным образом, за счет расширения посевных площадей. При среднем посеве 11 пудов на десятину валовой сбор по всем зерновым в четырех округах губернии составил 71,4 пуда. Конечно, урожайность сильно колебалась по годам в зависимости

*Жатва.
Минусинский округ.
Фото Н.В. Федорова.
Начало XX в.*



от погодных условий. В хорошие годы максимальная урожайность, например, в Минусинском округе, достигала 300 пудов с десятины, минимальная составляла 50-60 пудов. В северных волостях Канского округа соответственно максимальные сборы составляли 69 и минимальные — 23 пуда.

При этом следует учесть, что стихийные природные явления, неблагоприятно сказывавшиеся на урожайности, были очень частыми. Так, в течение 1858-1890 годов, то есть за 32 года, в губернии весенние холода повторялись 11 лет, засухи — 10 лет, сильные ветра — 9 лет, нашествия насекомых и грызунов — 13 лет, наводнения — 5 лет, осенние заморозки — 4 года, сильное поражение полей сорняками — 8 лет. Таким образом, за 32 года 71 раз посевы и урожай подвергались риску.

И все же, несмотря на суровые условия, сибирским земледельцам удавалось поддерживать такую урожайность, чтобы в достаточной степени обеспечить население хлебом. Средний сбор всех зерновых в расчете на душу населения в губернии составлял 44 пуда, или 5,5 четверти, при норме потребления 2,5.

Таким образом, сбор хлебов оставался вполне достаточным, чтобы обеспечить не только потребление крестьян, но и определенный излишек, который шел на рынок. Однако рынок сбыта крестьянского хлеба, вплоть до проведения Сибирской железной дороги, ограничивался, главным образом, пределами губернии. Лишь небольшая часть хлеба из Ачинского



и Минусинского округов шла в соседнюю Томскую губернию. На внутругубернском рынке основными покупателями товарного хлеба являлись владельцы приисков, винокуренных заводов, население северных волостей, городов и коренные народности, главным занятием которых оставалось кочевое скотоводство.

Центрами сбыта товарного хлеба являлись базары в окружных центрах — Красноярске, Канске, Ачинске, Минусинске, и волостных селах — Тесинском, Абаканском, Каратузском, Ермаковском, Назаровском, Ужуре, Рыбинском, Емельяново, Сухобузимском. Главным поставщиком товарного хлеба был Минусинский округ, отсюда ежегодно по Енисею сплавлялось по 700 тысяч пудов зерна.

Сбыт на прииски и винокуренные заводы шел через скупщиков, перекупавших хлеб у крестьян. Скупка производилась, как правило, под задаток, составлявший от $\frac{1}{8}$ до $\frac{3}{4}$ цены продаваемого хлеба. Задаток представлял форму кабального

Посевные работы в Минусинском округе. Конец XIX в.

Базар на Субботней площади в г. Минусинске. Фото Н.В. Федорова. Минусинский округ в пореформенный период превратился в хлебную житницу Енисейской губернии, давая больше половины всего производимого зерна. Крестьяне сеяли яровую и озимую рожь, пшеницу, овес, ячмень. Средняя урожайность составляла по ржи — 60-73 пуда с десятины; по пшенице — до 90 пудов. Излишки зерна крестьяне продавали на винокуренный завод В. Данилова, золотые прииски Амыльской системы. В селах округа и самом Минусинске существовали хлебные базары и пристани, с которых велся сплав хлеба по Енисею в северные округа губернии



Заимка на берегу реки. Енисейская губерния. Начало 1900-х гг. Заимкой называли пашню, находившуюся в индивидуальном владении семьи. Заимка располагалась недалеко от деревни, но иногда в пределах 20 верст от населенного пункта. Вначале хозяева выстраивали здесь временное жилье в виде шалаша, балагана, затем обзаводились избой. Постепенно заимка превращалась в крестьянскую усадьбу со всеми необходимыми строениями. Иногда женатый сын селился здесь с семьей постоянно, обрабатывал землю, зимой промышлял. Его дети, вырастая, отделялись и селились неподалеку

кредита, при котором крестьянин терял от 1 до 10 копеек с 1 рубля за пуд хлеба. В удаленных же районах потери по цене возрастали от 5 до 15 копеек. Наценка являлась процентом за ссуду.

Цены на хлеб устанавливались зимой, достигая своего максимума к марту, и так держались вплоть до нового урожая. К осени в зависимости от нового урожая они опускались или росли.

В условиях узости рынка, почти полного отсутствия кредитных учреждений цены на хлеб на губернском рынке испытывали резкие колебания. От перепадов цены страдало прежде всего трудовое население. При сокращении спроса крестьяне были вынуждены продавать по дешевым ценам даже хлеб, необходимый для потребления семьи, чтобы расплатиться за задаток, полученный от скупщика. По этому случаю среди местных земледельцев бытовала такая поговорка: «Не плачь, батюшка хлебец, что теперь продаю тебя, придет время, и втрое за тебя заплачу, лишь бы домой вернуть».

Хлебные спекуляции были страшным бичом для городских жителей. Хлеб, поставившийся на городские базары, скупался оптовиками и затем перепродавался с наценкой. Рядовые обыватели вынуждены были платить за него двойную цену. Даже в Минусинске цена за пуд хлеба поднималась до 1 рубля 40 копеек при средней цене 40-60 копеек.

Попытки властей ограничить деятельность перекупщиков с помощью админи-

стративных запретов не давали успеха. Так, Красноярской городской управой было принято решение о введении потребительских норм на городском базаре, но оно игнорировалось оптовиками.

Крестьянское землепользование

Прогресс в земледелии сдерживался архаичной системой землевладения, сложившейся еще в XVIII веке. Верховная собственность на землю принадлежала государству и Кабинету, а крестьяне выступали в качестве пользователей при условии выплаты оброка и повинностей. Хотя на практике крестьяне часто выходили за рамки закона, фактически присваивая право личного распоряжения землей.

Крестьянское наделное землепользование основывалось на началах захватно-заимочного устройства, при котором крестьянин, приходивший на свободные земли, захватывал надел соответственно своим хозяйственным возможностям, считая его своим даже в том случае, если он переставал его обрабатывать и переходил на новые земли. Избрав понравившийся участок, он огораживал его или опахивал. Размер надела определялся по формуле «куда соха, топор и коса ходили». Крестьянин мог свободно распоряжаться наделом: продавать, сдавать в аренду или передавать по наследству. Однако, несмотря на относительно широкую самостоятельность сибирского крестьянина



в распоряжении земель, юридическое право регулирования земельных отношений принадлежало общине. Поэтому сибирский крестьянин обычно говорил: «земля наша», а не «земля моя», и распоряжаться своим наделом мог только с санкции общинного приговора.

Сохранение общины в Сибири было обусловлено не только традицией русских крестьян, принесших в новые края привычные формы быта, но и специфическими для Сибири условиями: неоднородностью социального состава земледельческого населения (старожилы, новоселы, казаки, инородцы, ссыльнопоселенцы и т.п.), постоянным притоком переселенцев, экстремальными условиями для земледельческого хозяйства. Все это повышало организаторскую роль общины, и если на ранних этапах она в основном ограничивалась административными функциями — сбором податей и организацией общинных работ, то со временем по мере сокращения фонда свободных земель и нарастания земельной тесноты община все активнее начала вмешиваться в поземельные отношения.

Важным условием владения землей было ее использование в качестве объекта трудовой деятельности. В спорных ситуациях, когда земля, принадлежавшая владельцу на основании захватного права, не обрабатывалась им, она могла перейти во владение другого земледельца, который использовал ее в хозяйственных целях. Практика волостных судов дает многочисленные свидетельства того, что даже грубое нарушение прав владения землей считалось для крестьян оправданным, если оно мотивировалось требованиями трудового права, сущность которого вы-

ражалась в известной формуле «кто не работает, тот не владеет».

В 1880-1890-е годы община в Сибири вступила в новую стадию своего развития — уравнильно-передельную, для которой было характерно дальнейшее ограничение прав отдельного крестьянина на землю. Община по решению мирского собрания сдавала в арендное содержание пахотные земли, покосы, заимки, производила передель земель, покосов, пастбищных угодий, регулировала пользование лесами, распоряжалась выморочными усадьбами, могла отбирать наделы и передавать их во владение другим хозяевам. Однако этот процесс не завершился, и индивидуальное землепользование еще в значительной степени сохраняло свой статус.

Возрастание уравнильных тенденций не следует представлять лишь как торжество примитивно коммунистического начала. Уравнение преследовало цель обеспечить право каждого на землю как на условие труда. Но труд для крестьянина был не только правом, но и обязанностью каждого члена общины. И если она не выполнялась или выполнялась недобросовестно, то община могла взыскивать с нерадивых хозяев. Так, за неисполнение повинностей и неплатежи по решению общины надел неплательщика мог быть передан хозяину, исправно платившему мирские сборы. Община заботилась о максимально эффективном с точки зрения агротехники использовании земель. Она не противоречила частной инициативе, а, напротив, защищала и даже стимулировала ее. Так, разверстка наделов производилась исходя из производственных возможностей крестьянского хозяйства,

Доля частного землевладения в Сибири, несмотря на неоднократные попытки правительства по его насаждению, составляла 582 тысячи десятин, а в Енисейской губернии — 60 тысяч, что не превышало одного процента от всех земель, находившихся в земледельческом обороте. Основная часть пахотных земель — 5,3 миллиона десятин (92,8 процента) — находилась в наделном землевладении.



«Спор на меже».
Репродукция картины
К.А. Савицкого



Поскотина близ выселка д. Сизой Кежемской волости

Уборка табака в Минусинском уезде. Начало XX в. Табачная культура в Енисейской губернии выращивалась преимущественно в Минусинском уезде (особенно в Новоселовской волости) и в некоторых волостях Ачинского уезда. Под табак в огороде отводили до одной десятины, с которой снимали по несколько десятков пудов табачных листьев



строго индивидуального подхода, учитывавшего физические способности и моральную мотивацию к труду. Поэтому в общине всегда было неравенство и разделение на крепких хозяев и бедняков. В этом смысле она не только не препятствовала сельскохозяйственному прогрессу, но и содействовала ему, используя рычаги экономического и административного давления, побуждая крестьян к рациональному ведению хозяйства.

Скотоводство и огородничество

Обеспеченность крестьян землей в губернии была несравненно выше, чем за Уралом. Средний душевой надел при трехпольной системе земледелия составлял 16 десятин, тогда как у государственных крестьян в европейской части страны он был равен 8 десятинам. В душевой надел наряду с пахотными землями вхо-

дили и покосы, поэтому его достаточно высокий размер создавал благоприятные условия для развития скотоводства. За пореформенное тридцатилетие общее поголовье скота по четырем южным округам губернии выросло на 49,5 процента и составило к 1890 году 1 451 069 голов.

Содержание скота не требовало от крестьян особых затрат. Большую часть времени (с апреля по октябрь) скот пасся на выгоне. В зимнее время скот находился на подворье. Постройки для его содержания устраивались в зависимости от хозяйственной состоятельности крестьянина. У зажиточного хозяина обычно имелось до пяти стаяк.

Местный скот не отличался высокой породистостью, поскольку специальной работы по улучшению качественного состояния поголовья в губернии не велось. Но, тем не менее, по своим рабочим качествам и продуктивности он не уступал знаменитым российским породам. Так, местная лошадь была хотя и малорослой, но выносливой, и могла по 5-6 часов давать пробеги рысью, делая с возом в 25-28 пудов по 30-50 верст. А сибирская буренка при хорошем уходе могла давать в день по 0,75 ведра молока.

Неотъемлемой частью хозяйства крестьянина был огород. В пореформенное время огородничество все больше приобретало промысловый характер. Особенно это было характерно для населения приотрактной полосы, где выращивание овощей для продажи стало важным источником дохода крестьянского хозяйства. К традиционным огородным культурам относились картофель, огурцы, капуста, лук, чеснок, морковь, редька, горох, свекла. В Минусинском округе на бахчах выращивали дыни и арбузы.

В огородничестве интенсивные методы получили более широкое распространение, чем в полеводстве. Успешно применялись удобрения, парниковые посадки, выращивание рассады, что позволяло существенно увеличить урожайность. Так, с одной грядки площадью 3 квадратных сажени снимали 150 вилок капусты, что по тем временам считалось неплохим урожаем. С лунки огурцов собирали по 16-50 штук, средний урожай лука с грядки — 1800 штук. Чистый доход с огорода, например, в Красноярском округе, за вычетом производственных затрат составлял 20 рублей. Однако на продажу шла только пятая часть продукции.

Успешное развитие сельского хозяйства в губернии создавало сырьевую базу для зарождения перерабатывающей промышленности. Питательной средой для нее являлись крестьянские промыслы, которые развивались в пореформенное время как в виде домашней промышленности, так и в разнообразных переходных формах, предшествовавших крупному капиталистическому производству.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Крестьянские промыслы

Земледельческий характер экономики края, его удаленность от крупных торгово-промышленных центров обусловили широкое распространение домашней промышленности.

Зачастую все — от орудий труда до домашней утвари, изготовлялось самими крестьянами. По данным обследования крестьянских хозяйств, проведенном в начале 1890-х годов по четырем южным округам губернии, в промысловую деятельность было втянуто 62 процента хозяйств и 67 процентов всего земледельческого населения.

В пореформенное время в развитии кустарной промышленности наметилась региональная специализация. Так, в Ачинском и Минусинском округах преобладали промыслы, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. В Енисейском округе жители издавна занимались охотой, рыболовством и кузнечным ремеслом. В Красноярском округе 41,9 процента крестьянских дворов было занято ремеслами, связанными с деревообработкой. Вто-

рое место по числу занятых дворов занимали извозный промысел и дворничество (содержание постоянных дворов), в которых было занято 16 процентов крестьянских хозяйств. Затем по степени занятости шли рыболовство — 11,2 процента, охота — 8,4, слесарно-кузнечные промыслы — 3, кожевенные — 3, шерстяные — 1,6, ткачество — 0,8 процента. Довольно высокий удельный вес имели промыслы, связанные с работой по найму на золотых приисках — 5 процентов, и личным услужением (прислуга, повара, парикмахеры, сторожа и т.д.) — 4,6 процента.

Среди ремесленных профессий встречались требующие от работника высокой квалификации и творчества: иконописцы, музыканты, ювелиры, мастера по изготовлению музыкальных инструментов. Мастерство некоторых енисейских умельцев пользовалось доброй славой. На первой выставке сельскохозяйственной и промышленной продукции, организованной в 1891 году губернскими властями для пропаганды передовых технологий и культуры производства, были удостоены наград изделия красноярского

*Ложкарное производство в деревне, 1897 г.
Фото М.П. Дмитриева*



Кустарь-горшечник из с. Атамановского Красноярского уезда





*Лов тугуна на станке
Верхне-Инбауком
Туруханского края.
Начало XX в.*

литейщика Чернышева, занимавшегося производством церковных колоколов, шапочных дел мастера Щербинина, изготавливавшего добротные казацкие шапки, Андреева — мастера по пошиву «барнаулок» — бараньих полушубков, шорника Грушко, седла которого пользовались известностью в губернии и за ее пределами не только своим удобством, но и изысканной художественной отделкой. На выставке также демонстрировалась мебель отличного качества, сделанная учениками Щеголевского ремесленного училища.

Однако это были единичные случаи, в основном уровень производства в мелкой промышленности был крайне низок: господствовал ручной труд, примитивные технологии, хищнические методы добычи природных ресурсов, что уже тогда порождало экологические проблемы. Так,

лесозаготовки велись в легкодоступных местах, что приводило к обезлесению больших территорий и, как следствие, к эрозии почв и засушливости климата. При заготовке бересты из-за повреждения древесины варварски уничтожались березовые леса.

Добыча дегтя и смолы в 95 процентах случаев велась так называемым ямным способом, при котором двухсаженные ямы заполнялись лесом и поджигались, в результате смола стекала в отверстие под ямой. Производительность при таком способе оставалась весьма низкой — 40-80 ведер за двое суток, что было значительно ниже, чем при кубовом способе, при котором лес сжигался в особых емкостях, построенных из кирпича и глины. Второй способ требовал определенных затрат и был доступен лишь зажиточной части хозяев. Максимальная производительность составляла 300-400 ведер смолы и 20 сажень угля.

В охоте, например, применялись ловушки, капканы с отравленной приманкой, не соблюдались ограничения, связанные с сохранением молодняка, а в рыболовстве использовали так называемые виски — перегородки в протоках, куда загонялась рыба во время икрометания, что приводило к ее массовому истреблению. Пагубным был и ямный лов, с помощью которого добывалась большая часть ценных пород рыбы в нижнем течении Енисея и его притоках. По сви-

*Сплав добытого
сохатого по реке Мане
Енисейской губернии,
начало XX в.*



детельству местного журналиста Н.В. Скорнякова, крестьяне приангарских сел, чтобы заманить рыбу в ловушки, спускали под воду ободранную медвежьей тушей. За одни сутки в таких ямах добывалось до 3,5 тысячи пудов рыбы.

Потери от хищнического лова рыбы исчислялись сотнями тысяч пудов. В конечном счете это приводило к противоречивым результатам: при росте добычи рыбы ее запасы сокращались. В среднем добыча рыбы в 1890-х годах в четырех южных округах на одного человека составляла 50 пудов стоимостью 150-180 рублей, а чистый доход за вычетом издержек колебался от 5 до 17 рублей.

Примитивная технология была характерна и для обрабатывающей промышленности. Незатейливые станки и приспособления обычно помещались прямо в доме ремесленника, все операции производились вручную, разделения труда в мелких мастерских не существовало. Так, при обработке кож их сначала вымачивали в реке, затем на две недели помещали в чаны со щелоком из извести, находившиеся прямо в жилищах, после вымачивания их выполаскивали в реке и помещали в дубильный чан на 15 дней, затем сушили и выделывали. У более зажиточных ремесленников производство осуществлялось в специально оборудованных мастерских, где уже встречались отдельные элементы механизации, делавшие труд более производительным, а продукцию



более качественной. При таких мастерских нередко возникало сопутствующее производство. Здесь же из выделанных кож шили обувь. Однако большая часть кож вывозилась из губернии за Урал, где на фабриках они обрабатывались с помощью новейших технологий с применением электричества. Разумеется, что продукция местных кустарей не могла конкурировать по качеству с фабричной.

Развитие кустарных промыслов по мере их втягивания в рыночные отношения неизбежно приводило к подчинению мелких производителей крупному торговому капиталу. Незрелость кредитной системы вынуждала кустарей брать у перекупщиков деньги в долг под громадные проценты. Потери кустарей от кабального кредита составляли от 4 до 59 процентов стоимости производства. Перекупщики

Выделка шкур и обработка кожи в улусе Чаптыков, начало XX в.



Самопрядка — ножная прядка, производившая прядение и кручение нити одновременно. Изготавливалась кустарным способом и продавалась на сельских и городских базарах по цене 1 рубль за штуку



Прядение. Фото С.М. Прокудина-Горского



*Изготовление телеги
в с. Частоостровском
Красноярского уезда.
Начало XX в.*

забирали товар под уплату процентов по кредиту, а расплачивались с кустарями необходимым для производства сырьем по завышенным ценам. В конечном счете это приводило к превращению кустаря в рабочего-надомника и перерастанию мелкотоварного производства в рассеянную мануфактуру — разновидность капиталистической мануфактуры, при которой продукция производится кустарями, работающих в своих мастерских, но подчиненных скупщику или владельцу крупного промышленного предприятия.

Поворотным рубежом в экономическом развитии сибирского края стало проведение железной дороги. Новоселам, прибывавшим в губернию, для обзаведения на новом месте требовались различного рода промышленные товары, что стимулировало рыночный спрос. Но далеко не всегда он удовлетворялся за счет товаров, завозившихся из европейской части страны. Кроме того, для самих переселенцев занятие промыслами стало важным источником пополнения семейного бюджета.

*Продукция стекольного
завода*



*Общий вид стекольного
завода И.Г. Гусева
со стороны реки Лугавки*

Крупное промышленное производство

Развитие мелкой промышленности создавало предпосылки для перехода к крупному капиталистическому производству. К моменту отмены крепостного права в Енисейской губернии действовали 126 предприятий, из которых всего лишь два можно отнести к предприятиям мануфактурного типа: Троицкий солеваренный завод в Канском округе и стекольный завод в Красноярском округе. Первый еще с XVIII века являлся одним из самых крупных предприятий по производству соли в Восточной Сибири. Здесь же было налажено производство сортового железа, из которого изготовлялись сошники, ножи и прочие необходимые в крестьянском быту металлические орудия. В 1880-е годы завод был сдан в аренду канскому купцу первой гильдии И.Н. Некрасову. На заводе к этому времени действовали три варницы, в которых вываривалась соль, добывавшаяся из двух колодцев с помощью механического приспособления, приводившегося в действие посредством конной тяги.

Стекольный завод был основан в 1823 году чиновником И.И. Коноваловым. В начале 1860-х годов численность рабочих на заводе колебалась от 30 до 50 человек. Стоимость всей продукции не превышала 3 тысяч рублей, в технологии производства преобладал ручной труд, ассортимент продукции был весьма ограничен: листовое стекло и аптечная посуда.

На долю этих двух крупных предприятий приходилось 35,5 процента стоимости всей промышленной продукции, производимой в губернии в начале 1860-х годов.



Остальную продукцию изготавливали на мелких предприятиях с числом рабочих 2-3 человека.

Важное место в производстве валового промышленного продукта занимала металлургия. Первые металлургические заводы в губернии возникли еще в XVIII веке, но к середине XIX века они практически прекратили свое существование. Вместе с тем начавшийся в 1840-е годы подъем золотопромышленности в губернии стимулировал спрос на полосное железо, необходимое для оснащения приисков. В связи с этим губернские власти, озабоченные созданием металлургической базы в крае, обратились в 1865 году в Министерство финансов с ходатайством о постройке железодельного завода в Минусинском округе, а в 1866 году московским купцом Кольчугиным на р. Абакан было начато строительство завода.

Новый завод имел четыре цеха: доменный, литейный, кузнечный и механический. Завод был оснащен по последнему слову техники: в доменном цехе работа печей велась с помощью паровой машины. В литейном цехе из чугуна изготавливали различные сорта стали, для чего использовали две пудлинговые и четыре сварочные печи. В кузнечном цехе работало 36 горнов, три паровых молота, три прокатных стана, один листопрокатный и ножницы. При пудлинговании использовались 9 паровых двигателей. Механический цех был оснащен металлообрабатывающими стан-



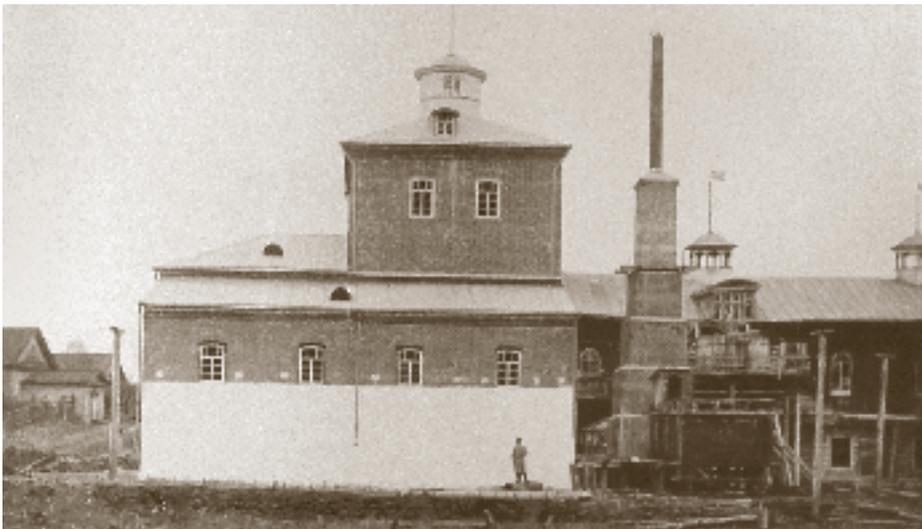
ками. Проектная мощность завода была рассчитана на 100 тысяч пудов чугуна. Железная руда добывалась открытым способом, что обеспечивало ее низкую себестоимость в 3,5-4 копейки за пуд.

В первые годы деятельности завода его продукция пользовалась спросом на губернском рынке и за его пределами — в Томской и Иркутской губерниях, давая неплохие прибыли. Но к концу 1870-х годов обозначились признаки надвигающегося кризиса. Первый владелец завода еще в 1870 году продал его коллежскому асессору Пермикину, при котором завод был окончательно обанкрочен. Местные власти вынуждены были назначить над предприятием опеку из его кредиторов, а с 1888 года управление заводом перешло в руки рабочей артели, которое продолжалось 12 лет. На не-

Упаковка гвоздей на Абаканском железодельном заводе, начало XX в. Фото Н.В. Федорова

Абаканский железодельный завод, начало XX в. Фото Н.В. Федорова





*Леонидовский
винокурный завод Г.В.
Юдина, начало XX в.*



*На Александровском
спиртзаводе*

*Винная монополия
в Минусинске по ул.
Степной, начало XX в.
Фото Н.В. Федорова*

которое время удалось улучшить положение дел, выпуск продукции в 1890-е годы стал расти, но так и не достиг уровня 1870-х годов.

Возрастание спроса на металлургическую продукцию на губернском рынке в начале 1880-х годов стимулировало строительство чугуно-литейного завода в Красноярске. Он принадлежал купцу первой гильдии А.П. Кузнецову и работал на металле, поступавшем с Абаканского завода. Слесарные, токарные и гранильные работы производились с помощью паровой машины мощностью 10 л.с. На заводе было занято 19 рабочих, стоимость производимой продукции (сельскохозяйственные орудия) составляла 13 540 рублей в год.

В 1874 году в Ачинском округе был открыт первый в губернии медеплавильный завод, за год его работы было выплавлено 1635 пудов меди, в 1876 году — 30 798 пудов, однако со следующего года производство стало неуклонно снижаться, в 1880-е годы завод работал с длительными перебоями.

В целом предприятия металлургической отрасли давали 10-15 процентов от стоимости всей производившейся в губернии промышленной продукции, основную же ее часть давали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Предприятия такого рода (мыловаренные, салотопенные, кожевенные, свечные и пр.), как правило, были невелики. На них было занято от 9 до 15 рабочих, преобладала примитивная технология. А сами предприятия располагались в ветхих зданиях, где работники и работали, и жили, здесь же хранилось сырье и готовая продукция. Их состояние вызывало постоянные нарекания чиновников фабричной инспекции и врачей санитарных комиссий.

В конце 1860-х годов доля крупных предприятий выросла в семь раз, и их продукция уже составляла 89,9 процента в валовом промышленном производстве. Однако столь высокие темпы роста крупной промышленности в губернии были связаны не с какими-либо позитивными качественными изменениями в ее экономике, а носили чисто конъюнктурный характер. Дело в том, что большую часть крупных предприятий с числом рабочих от 50 и более человек составляли винокурные заводы, на долю которых в 1870-е годы приходилось свыше 60 процентов промышленной продукции. Бурный рост винокурения объяснялся отменой старой откупной системы и переходом к акцизным сборам в производстве и торговле вином. При новой системе право на занятие винокурением предоставлялось без всяких ограничений.

Слабая концентрация капиталов в промышленности замедляла переход к со-



временным машинным технологиям, хотя машинная техника появилась на предприятиях губернии еще в 1860-х годах. По данным статистического обследования, на конец 1870-х годов в Енисейской губернии насчитывалось 14 предприятий, на которых действовали 23 паровых котла, 18 паровых машин, два паровых молота и один локомотив общей мощностью 305 л.с.

Если в 1860-1870-е годы механизация коснулась преимущественно горнодобывающей и металлургической промышленности, то в 1880-е годы она начала проникать и в другие отрасли. Машины появились в мукомольной промышленности. Первая паровая мельница была установлена в 1881 году красноярским купцом К. Плотниковым. Паровой двигатель мощностью 10 л.с. использовался не только для помола муки, но и для выделки кирпича. На заводе было занято 15 рабочих. С 1882 года в городе появилась вторая мельница, работавшая от паровой машины мощностью 16 л.с. Она принадлежала Н.Г. Гадалову. Годовая выработка продукции составляла 100 тысяч пудов на сумму 2 тысячи рублей. На мельнице были заняты 8 рабочих.

В 1890-е годы благодаря удешевлению транспортировки по железной дороге техника стала более доступна, и дело механизации местной промышленности пошло ускоренными темпами. К 1908 году в обрабатывающей промышленности губернии насчитывался 51 паровой двигатель общей мощностью 822 л.с., к 1916 году их количество выросло в два раза, а мощность — в 3,2 раза, составив в среднем на одного рабочего 1,2 л.с.

Наряду с паровыми двигателями на заводах и фабриках в губернии на рубе-



же веков появились электрические двигатели. К началу первой мировой войны они были зарегистрированы на заводах Красноярска, Канска, Минусинска, Енисейска.

Несмотря на известные подвижки в экономическом развитии края, обозначившиеся на рубеже веков, его колоссальный промышленный потенциал был использован очень слабо. Развивались, главным образом, отрасли, связанные с использованием сырьевых ресурсов. Однако и в этом направлении делались только первые шаги. Еще в 1870-х годах были открыты запасы каменного угля в Канском, Минусинском, Ачинском и Красноярских округах, но их разработка в те годы не имела промышленного значения, к ней удалось приступить лишь в 1908 году на Черногорских копях.

Практически не освоенными оставались богатства севера края, где еще в 1860-е годы были обнаружены залежи цветных металлов и графита. Лишь в начале XX века приступили к промышленному

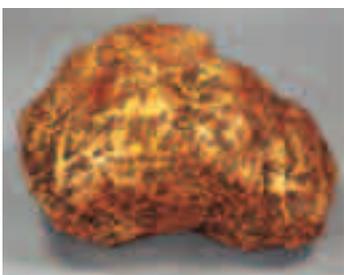
Паровая мельница, принадлежавшая Н.П. Пашенным в селе Курагино Минусинского уезда, начало XX в.

Ивановский сахарный завод, начало XX в. В 1889 г. минусинским купцом И.Г. Гусевым на берегах р. Оя был построен первый в губернии свеклосахарный завод. Вокруг него возник поселок, названный по имени основателя завода Ивановкой. Завод работал на местном сырье, имея достаточно высокую по тем временам производительность: за 9 лет существования им было выработано 123 600 пудов сахара. Он вполне мог обеспечить потребности внутреннего рынка губернии, но не выдержал конкуренции с более дешевым сахаром, который стал поступать после постройки железной дороги, и в 1898 г. был закрыт





Добыча золота открытым способом. Рождественский прииск



Золотой самородок, найденный старателем Колесниковым в Северной тайге, вес 19,633 тройского фунта (7328 граммов)

освоению месторождений меди в Минусинском округе. В 1904 году здесь было создано акционерное общество «Енисейская медь», предприятия которого были оборудованы по последнему слову техники с использованием электричества.

Одной из причин медленного промышленного освоения края являлся недостаток крупных капиталов. Нарождавшаяся сибирская буржуазия была лишена тех рычагов первоначального накопления, которыми пользовались ее российские собратья. Частично их отсутствие компенсировалось таким специфичным для Сибири источником, как золотодобыча. Не случайно основатели первых в губернии фабрик и заводов — Гадаловы, Гусевы, Кузнецовы, Данило-

вы, являлись одновременно и золотопромышленниками.

Начало золотодобычи в Енисейской губернии было положено в 1830-е годы, когда были открыты первые золотые россыпи в Минусинском и Ачинском округах, к 1840-м годам центр золотодобычи переместился в Енисейский округ. С невероятной быстротой в Енисейской тайге стали возникать золотопромышленные компании, как на дрожжах, росли миллионные капиталы скороспелых нуворишей. Прибыли некоторых компаний достигали 300-400 процентов.

Однако «золотая лихорадка» продолжалась недолго. Добыча золота велась примитивными хищническими способами: отрабатывались только верхние слои, а нижние сбрасывались в стволы шахт и засыпались пустой породой. В 1860-е годы в отрасли начали проявляться первые признаки надвигающегося кризиса. В 1863 году в губернии действовали 212 приисков, на которых добывалось 713 пудов золота, тогда как в 1840-е годы только на отдельных приисках добывалось от 600 до 970 пудов в год.

В 1870-е годы кризис в золотопромышленности в Енисейской губернии стал уже необратимым. Годовая добыча золота в это время составляла 409 пудов, в 1880-е — 281 пуд, в 1890-е — 266 пудов. Резко упало содержание золота в песках: к началу 1880-х годов оно составляло лишь 12 процентов от того, что



Промывка золотоносной горной породы на реке Кызас, Ачинский уезд

было в 1840-е годы. Енисейская губерния утратила свое значение как центр золотодобычи, он переместился в Якутию и на Дальний Восток.

Упадок золотопромышленности в губернии объясняется рядом причин, и в первую очередь низкой технической базой производства. Россыпное золото добывалось в основном из открытых разрезов. Основными орудиями при добыче песка были кайло, лом и лопата, для промывки использовались вашгерды, на которых эта операция производилась вручную. Песок возили тачками. На крупных приисках для промывки золота использовали специальные приспособления — бутары.

К 1870-м годам относятся признаки технической модернизации золотопромышленности. На приисках Енисейской губернии стали внедрять паровые двигатели, шлюзовые устройства. Однако дело продвигалось очень медленно. Так, в 1880-е годы на приисках Енисейского золотопромышленного района насчитывалось всего лишь 6 паровых двигателей мощностью 50 л.с.

Механизация коснулась лишь крупных компаний, которые составляли меньшую часть среди золотопромышленных предприятий. В 1880-1890-х годах мелкие компании с числом рабочих меньше 20 человек составляли в губернии 57 процентов; средние, с числом рабочих от 20 до 50, — 26 процентов; крупные, где было занято свыше 50 человек, — 10 процентов.

В 1890-х годах в крае началась разработка рудного золота. Она велась на руднике Богомдарованном, принадлежавшем К.И. Иваницкому, и по реке Енашимо в Северо-Енисейской тайге. Для его разработки требовалось современное техническое оборудование, и на рубеже веков на енисейских приисках появились первые драги — сооружения, в которых были механизированы основные операции по добыче золота. Однако широкое внедрение дражной техники тормозилось ее дороговизной. Так, стоимость драги составляла 85 тысяч рублей, а оборудование к ней стоило около 40 тысяч рублей, доставка ее до Минусинского округа обходилась в 77 тысяч рублей, уплата пошлин и прочих сопутствующих расходов увеличивала ее стоимость еще на 35-50 процентов, и в целом затраты составляли более 200 тысяч рублей.

Попытка перейти на новую технологию добычи золота была предпринята

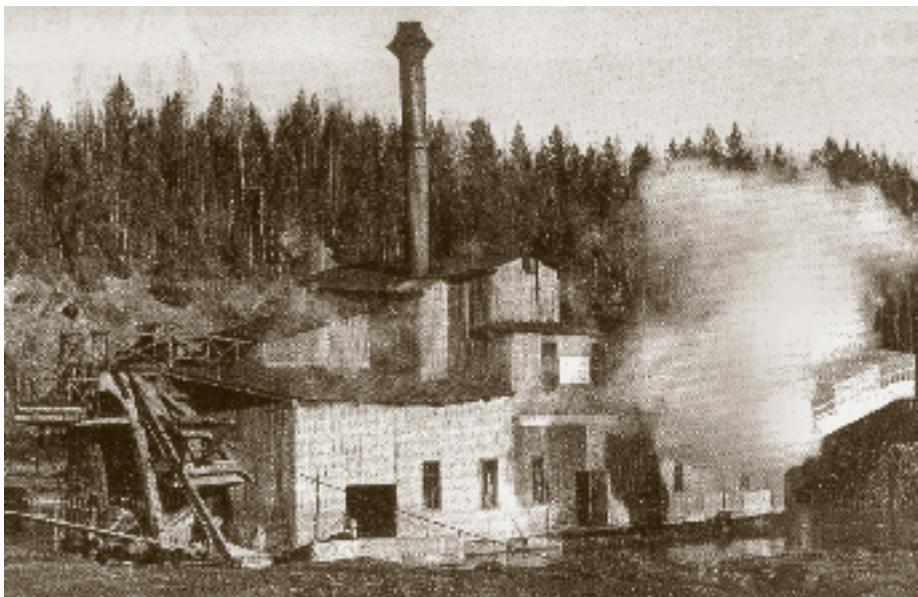


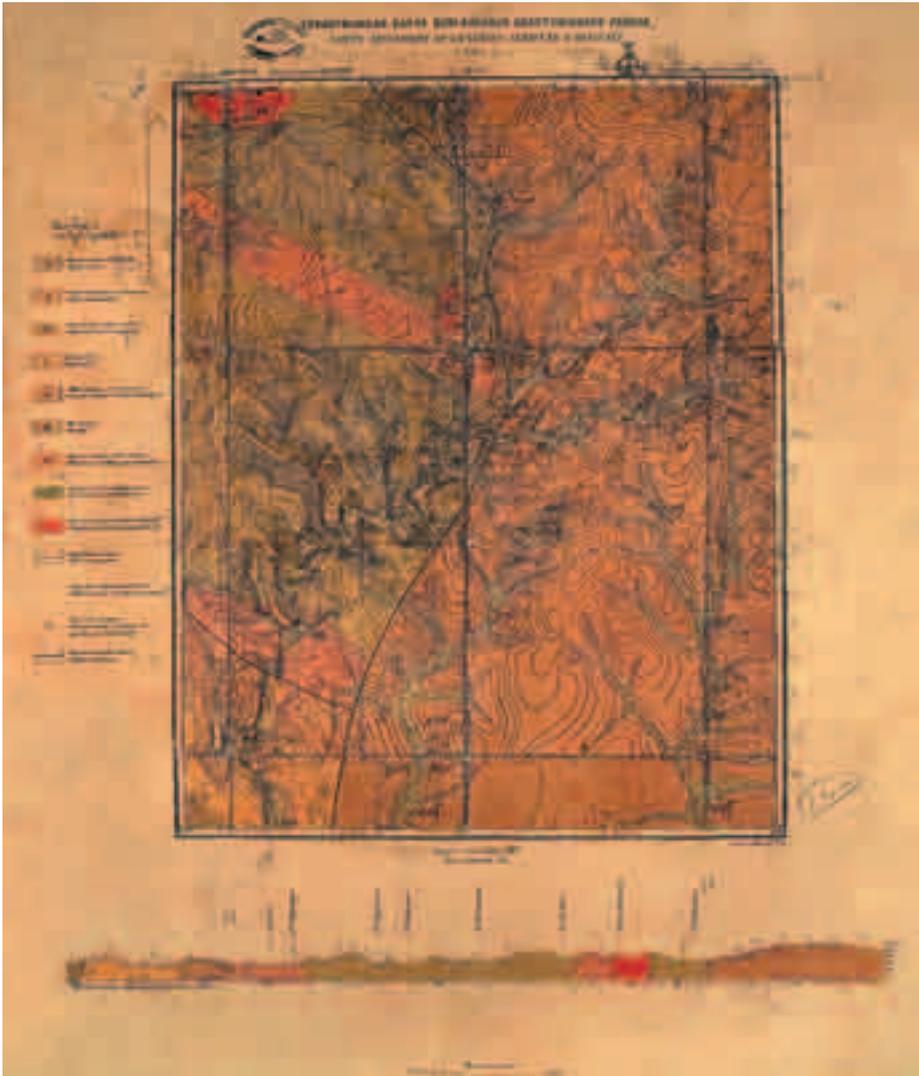
в 1895 году в компании «Абаканское золотопромышленное товарищество», принадлежавшей И.П. Барташову и В.И. Базилевскому. В 1899 году к дражной технологии перешло и Бейское золотопромышленное товарищество.

Однако техническое перевооружение отрасли наталкивалось на нехватку капиталов, концентрация которых тормозилась общей экономической отсталостью края. Это обстоятельство стимулировало процессы акционирования, и уже в начале 1890-х годов в губернии начали возникать первые акционерные общества. Пионером в этой области стал минусинский купец и золотопромышленник И. Гусев, основавший в 1890 году «Акционерное общество Минусинских золотых приисков». Следом возникла Боровинская акционерная компания с уставным капиталом 860 тысяч рублей в составе А.А. Саввиных, А.П. Кузнецова, П.С. Гудкова. В 1898 году создана компания «Драга» с основ-

*Прииск
Богомдарованный
К.И. Иваницкого*

*Паровая драга № 10,
произведена на
Невьянском заводе.
Емкость черпака
200 литров*





Геологическая карта Енисейского золотоностного района, 1903 г.

ным капиталом 150 тысяч рублей, в 1901 году она была преобразована в акционерное общество, в состав которого вошли братья Кузнецовы, томский купец Родюков, А.А. Саввиных, А.С. Баландин, иркутский купец Н.Н. Второв.

После первой русской революции в сибирскую золотопромышленность устремился крупный российский и ино-

странный капитал. Российские магнаты, опиравшиеся на союз со столичными банками и бюрократией, начинают теснить местную буржуазию. На долю крупных компаний с участием российских предпринимателей (Федоровское общество, Общество Путиловских заводов, Российское золотопромышленное общество), составлявших всего 3,5 процента от всех золотопромышленных предприятий в губернии, приходилось 50 процентов золотодобычи, 40 процентов рабочих в отрасли, 45 процентов всех драг.

Развитие золотопромышленности оказывало существенное влияние на экономику губернии. По количеству вложенных капиталов и привлеченных рабочих золотопромышленность занимала первое место. В то же время она являлась рынком сбыта для местной промышленности и сельского хозяйства. Поэтому все перепады в отрасли через рыночные связи отражались и на состоянии всей экономики края.

Подводя итоги промышленного развития губернии в пореформенное время, следует сказать, что оно имело в целом поступательный характер, но его масштабы и темпы существенно отставали по сравнению с российскими и даже некоторыми сибирскими губерниями. Позитивные подвижки в техническом перевооружении промышленности, переход к новым формам организации крупного капитала наметились только на рубеже веков, но к этому времени уже началось вытеснение с местного рынка сибирских предпринимателей российскими и иностранными компаниями.

Отставание в темпах промышленного развития не могло не повлиять на состояние торговли в крае. Развитие внутреннего рынка в губернии тормозилось слабостью хозяйственных связей между ее округами.

ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ

Организационные формы торговли

Наиболее развитые в экономическом отношении Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский округа были удалены на тысячи верст от торговых магистралей, проходивших через Северный морской путь близ северных границ края, от южных рубежей они были изолированы горной системой Саян и Куз-

нецкого Алатау. Возможности развития торговых связей с соседними губерниями также были ограничены.

Сбыт сельскохозяйственной продукции в Иркутскую губернию был осложнен из-за труднопроходимых порогов на Ангаре. А вывоз хлеба в губернии Западной Сибири был невыгоден, так как транспортировка на большие расстояния увеличивала его стоимость и делала неконкурентоспособным по сравнению с местной продукцией. Доля Енисейской губернии в вывозе хлеба оставалась мизерной по сравнению с другими сибирскими губер-

ниями даже после проведения железной дороги, значительно удешевившей его транспортировку. Она составляла всего лишь 5,7 процента, тогда как Омская губерния давала 44,4, Томская — 45,2 процента товарного хлеба.

Главным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции в губернии являлись золотые прииски, вот почему кризис золотопромышленности одним из своих последствий имел снижение торговых оборотов в губернии. Так, если в начале 1870-х годов в крае действовало 30-35 ярмарок, то в 1880-1890-е годы их число сократилось до 13. Для сравнения, в Тобольской губернии в эти годы действовало 567 ярмарок, в Томской — 68.

Ярмарки являлись главной формой организации торговли в крае. По количеству их выделялся Ачинский округ, где в 1880-е годы числилось шесть ярмарок из тринадцати, действовавших в губернии. При этом две из шести — Никольская в Балахте и Петропавловская в Ужуре, открывшиеся еще в 1830-х годах, являлись самыми крупными в губернии, давая 60 процентов торгового оборота. В начале 1880-х годов оборот каждой из них превышал 300 тысяч рублей, но к концу десятилетия он упал до 50 тысяч рублей и медленно начал расти лишь к середине 1890-х годов, приближаясь к 100 тысячам рублей.

Ареал торговых связей Никольской и Петропавловской ярмарок распростра-

нялся более чем на 100 верст в округе, включая не только близлежащие волости, но и территории соседних губерний. В Ужуре, например, съезжались купцы из Ачинска, Красноярска, Минусинска, Томска, Мариинска, Ялуторовска.

В Минусинском округе действовали две ярмарки: в с. Абаканском и в с. Соленоозерском, обороты которых в разное время колебались от 30 до 200 тысяч рублей.

Значительно уступали этим двум округам по масштабам ярмарочной торговли Красноярский и Канский округа. В Канском действовала единственная ярмарка в с. Амонаш. Возникнув в 1840-е годы во время «золотой лихорадки», она приносила некоторое время немалые прибыли, так как через нее на Бирюсинские прииски шел хлеб, скот, провиант. Но с закрытием приисков обороты ярмарки стали стремительно падать, и в 1880-е годы она влачила жалкое существование. Так, если в Ачинском округе в ярмарках участвовало 400-500 продавцов, то в Канском — 3-5 человек.

В Красноярском округе действовала единственная ярмарка в самом губернском центре. Она была открыта в 1869 году по ходатайству губернских властей, однако не оправдала надежд ее учредителей. Обороты ее были весьма скромными, не превышая 20 тысяч рублей.

Предметом ярмарочной торговли служили товары местного производства, но



Изделия местных мастеров, продававшиеся на сельских ярмарках

Обоз с хлебом на базарной площади Минусинска





«Коробейник».
Репродукция картины
Полины Лучановой

Базар в губернском центре действовал по пятницам и субботам. Он располагался на Новобазарной площади рядом с Кафедральным собором. Торговля открывалась в 6 часов утра поднятием флага. До полудня, по постановлению городской думы, разрешалась только розничная торговля, после спуска флага начиналась оптовая продажа.
Красноярск, 1895 г.

на крупных ярмарках торговали привозным мануфактурным и бакалейным товаром. Со временем в деятельности ярмарок наметилась определенная специализация: на Абаканской и Балахтинской шла оптовая торговля хлебом, на Ужурской торговали скотом, на Соленоозерской сбывали пушнину, продукцию местных ремесленников, на ярмарке в Каратузском заключали договоры по найму рабочих на прииски.

Ярмарки вносили заметное оживление в жизнь сельского населения губернии, подрывая патриархальный уклад в деревне, втягивая в новые общественно-экономические отношения. Это подмечали и сами крестьяне, рассказывая, что до появления в их округе ярмарок возможности сбыта продукции были предельно ограничены, да у них и не было в этом необходимости, поскольку все, что было нужно в хозяйстве и быту, делалось самими крестьянами. С открытием ярмарок в деревню хлынул поток разнообразных товаров лучшего качества, богатого ассортимента. Это, с одной стороны, стимулировало спрос на них, а с другой — необходимость сбыта продукции своего хозяйства.

Распространенной формой торговли в губернии являлись базары. Как правило, они устраивались в волостных центрах и городах. Так, в Красноярском округе насчитывалось шесть базаров: в Емельяново, Погорельском, Сухобузимском,

Еловском, Частоостровском и Красноярске. В Минусинском округе действовало одиннадцать базаров, в том числе в Минусинске, Тесинском, Абаканском, Ермаковском, Новоселовском, Бейском, Шушенском. В Ачинском округе базары были открыты в тех селах, где действовали ярмарки, но первые работали во время перерывов между ярмарочными сезонами. В Канском округе, заметно уступавшем по активности торговой жизни, в 1880-е годы было зарегистрировано всего лишь два базара — в с. Рыбинском и Канске.

На базарах обычно сбывалась продукция местного производства, привозным товаром торговали лишь на тех из них, что находились в селах, расположенных на оживленных торговых магистралях. Базарная торговля подчинялась определенному ритму. Наибольшее ее оживление наблюдалось осенью, после окончания уборочных работ и накануне больших религиозных праздников, особенно на Рождество и Пасху. Летом базарная жизнь замирала.

Базар являлся своеобразным центром экономической и общественной жизни не только одного села, но и целой округи, тяготевшей к нему. Поэтому для базарной торговли всегда отводилось место в центре села — рядом с волостным правлением или церковью. Торговля осуществлялась со специально построенных сооружений — лавок, балаганов, возведенных на средства сельского общества.



Они сдавались в аренду, сборы от которой шли на местные нужды. Население сел, в которых были устроены базары, получало выгоду не только тем, что само участвовало в торговле, но и имело возможность дополнительных заработков от доставки грузов, обеспечения фуражом, сдавая в аренду жилье и хозяйственные помещения для съезжавшихся на торги, оказывая мелкие услуги. Кроме того, базарная торговля подрывала монополию местных лавочников, вызывая понижение цен. Цены в селах, где действовали базары, и в ближайшей округе были несколько ниже, чем в удаленных деревнях.

Базары, как правило, работали только по определенным дням, и весь режим их работы был строго регламентирован местными властями.

Базарная торговля тесно переплеталась с разносной и лавочной, которой занимались в основном мелкие городские и сельские торговцы. Коробейники, или, как в Сибири их называли, «ходебщики», закупали мелким оптом на ярмарках и базарах товары и разносили их по близлежащим деревням. Но нередко ареал их деятельности распространялся и на удаленные от торговых путей и центров территории — на прииски, в улусы и стойбища коренного населения, где мелочная торговля сочеталась с кредитно-ростовщической деятельностью и приносила немалые прибыли. Некоторые из

наиболее предприимчивых и удачливых «ходебщиков» наживали капиталы, начиная с мелочной торговли вразнос. К таковым молва относил известного в Красноярске купца первой гильдии И. Щеголева.

За пореформенный период в губернии сложилась довольно разветвленная сеть лавочной торговли. По количеству торговых лавок Енисейская губерния опережала даже некоторые губернии Европейской России. Так, в Тамбовской губернии одна лавка приходилась на 988 человек, в Воронежской — на 910, Саратовской — на 549 человек, тогда как в южных округах Енисейской губернии это соотношение было равно 1:400, или 1 лавка на 0,85 села. Таким образом, в каждом селе существовала торговая точка. Хотя это усредненные данные, в реальности наличие торговых заведений было очень неравномерно. Большое их число приходилось на деревни, находившиеся недалеко от торговых путей и центров. Наиболее плотная обеспеченность торговыми заведениями была характерна для Ачинского округа. Здесь в среднем одна лавка приходилась на одно село, или на 474 человека. Наименьшая плотность торговых точек была в Канском округе: 0,8 лавки на село.

В лавках расчет обычно производился наличными, но в отдаленных деревнях, где лавка являлась фактически единственным торговым заведением, широко практиковалась торговля в кредит на кабально-



Интерьер лавки торговца Э.Д. Урбана. Экспозиция историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»





Интерьер питейного заведения (кабака), принадлежавшего Шушенскому сельскому обществу. В нем производилась продажа вина и «питий» количеством до 1500 ведер в год. Спиртное поступало из склада при Александровском винокуренном заводе Даниловых. Экспозиция историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»

ростовщических условиях под высокие проценты. Меновая торговля особенно была распространена среди аборигенного населения. Лавочники обменивали свой товар на пушнину, скот, кожу, рыбу, нередко не соблюдая ни мер, ни весов, поскольку местное население их просто не знало. Обсчеты, обмеры, завышение цены, недоброкачественный товар становились заурядным обыденным явлением особенно там, где лавочник был фактически монополистом. Но там, где вступала в силу конкуренция, положение менялось к лучшему. Цены в лавках, расположенных ближе к ярмаркам и базарам, были в среднем ниже на 15-20 процентов.

Постепенно с развитием товарно-денежных отношений в губернии начали распространяться такие формы стационарной торговли, как магазины, оптовые склады, характерные для новой капиталистической эпохи. Наиболее продвинутыми в этом отношении оказывались города. Сеть постоянных торговых заведений начала формироваться в них уже в 1860-е годы.

Оптовая торговля в губернии, как и по всей Сибири, носила посреднический характер. Сибирские купцы, доставлявшие товары из европейской части страны, были тесно связаны со своими зауральскими поставщиками. Товары закупались крупным оптом на российских ярмарках — Ирбитской, Нижегородской, в Москве — и доставлялись летом до Томска

по рекам, где они находились до зимы, а затем с ее наступлением отправлялись по санному пути в Красноярск, Ачинск, Канск.

Покупая товары у своих российских поставщиков, енисейские купцы переплачивали за них по 20 копеек с 1 рубля. Однако эти расходы с лихвой окупались благодаря монопольному характеру крупной оптовой торговли. Одним из способов держать высокий уровень цен были стачки крупных монополистов. Большой общественный резонанс в Сибири вызвали стачки виноторговцев в 1870-1880-х годах. Из енисейских купцов в них участвовали Г.В. Юдин, И.М. Некрасов, Л.И. Ярилов, А.С. Баландин, В.А. Данилов. Пользуясь фактическим господством на рынке, они подняли цены с 7 до 10 рублей за ведро, получив при этом огромную сверхприбыль.

Проведение железной дороги внесло заметные изменения в характер, масштабы и формы торговли. Доставка товаров стала доступнее и дешевле, что в свою очередь способствовало сокращению числа посредников между торговлей и производством, широкому развитию розничной торговли и ослаблению засилья оптовиков.

Еще более ограниченными в крае были условия для развития внешней торговли. Единственным торговым каналом, связывавшим губернию со странами Западной Европы, был Северный морской



путь через устье Енисея. К 1876 году относится первая попытка его использования. В этом году английский капитан Виггинс на торговом корабле прибыл в Туруханск с партией товаров. Однако установить более прочные торговые связи сибирякам не удалось.

Вторая попытка организации внешней торговли по Северному морскому пути была связана с деятельностью компании «Феникс», получившей от российского правительства право беспошлинной торговли в Сибири. Англичане продали в Енисейске и Красноярске товаров на сумму 30 тысяч, а закупили хлеб, соль, кожи, шерсть, масло. Но дальнейшего развития отношений с компанией не последовало, поскольку торговля не оправдывала себя из-за больших издержек. Нужно было вводить режим порто-франко. Однако все попытки сибиряков в этом направлении блокировались российской буржуазией, не желавшей усиления экономической самостоятельности местных промышленников и торговцев.

Более успешно развивались внешне-торговые связи на южных границах губернии с населением Монголии. Торговые пункты на русско-монгольской границе возникли в середине XIX века. Минусинские купцы Веселков, Сафьянов и Бяков через эти пункты вели торговлю, обменивая мануфактурные товары на скот. В 1860-х годах с разрешением беспошлинной пограничной торговли число ее участников заметно возросло, подрывая монополию крупных торговцев. Возникли многочисленные торговые фактории в верхнем течении Енисея и его притоках — Кемчику, Систекхему. Торговые обороты с 1877 по 1890 год выросли в два



раза. В 1890 году торговый оборот с Монголией составил 88 311 рублей.

Кредит

Одной из причин экономического отставания губернии являлась неразвитость банковско-кредитной системы. Частные коммерческие банки здесь отсутствовали, главными кредитными учреждениями, аккумулировавшими финансовые потоки, являлись отделения Государственного банка, открывшиеся в начале 1860-х годов в Енисейске и Красноярске. В основном их деятельность ограничивалась учетом векселей и была направлена на обеспечение кредита для крупного капитала в золотопромышленности и торговле.

Однако масштабы деятельности филиалов Госбанка не отвечали потребностям развития сибирской экономики. Значительная часть денег со счетов сибирских филиалов направлялась на фи-

Пароход «Lorna Doone» компании Ф.У. Лейборна-Попхема, которая в 1890 годах по соглашению с российским правительством обеспечивала доставку грузов в устье Енисея для строительства Сибирской железной дороги



Джозеф Виггинс — английский капитан. В 1876 году провел в устье Енисея торговое судно «Thamse», положив начало развитию внешней торговли по Северному морскому пути



Чайная лавка. Фото С.М. Прокудина-Горского. Торговля чаем с Китаем способствовала развитию сибирской экономики

Красноярское отделение
Государственного банка
на Гостинской улице.
Фото Л. Вонаго



Билет внутреннего
5-процентного
с выигрышами займа
Государственного
банка России,
1866 г.

Сенатским указом
от 13 февраля 1868 г.
было объявлено
о прекращении выпуска
кредитных билетов
образца
1843 года и о введении
в обращение новых
билетов образца
1866 года.
Это первые российские
деньги, на которых
появились портреты
замечательных людей.
Петр I обоснуется
на банкнотах надолго
и всерьез, и лишь
революция 1917 года
изменит этот обычай.
Но пройдет время,
и в 1995 году Петр
опять появится:
на этот раз —
на 500-тысячной купюре

нансирование предприятий правитель-
ства. На поддержку экономики Сибири
тратилось лишь 6 процентов от того,
что концентрировалось в сибирских фи-
лиалах банка. В результате росла задол-
женность им Государственного банка,
в 1893 году она составила 10,7 миллиона
рублей.

Финансовая политика Госбанка,
ущемлявшая интересы сибирской бур-
жуазии, стимулировала создание местных
кредитных учреждений. В 1860-х годах
в Енисейской губернии возник ряд обще-
ственных банков. В 1863 году открылись
банки в Канске с уставным капиталом 10
тысяч рублей и в Енисейске с капиталом
7 тысяч рублей, в 1867 году этому приме-
ру последовали жители Минусинска.

Но и городские банки кредитовали,
главным образом, крупных промышлен-
ников и торговцев. Система же организо-
ванного мелкого кредита в губернии прак-
тически отсутствовала. Лишь в 1880-х
годах в ряде волостных центров — Тин-

ском, Тасеево, Рыбинском и Тесинском
— возникли ссудно-сберегательные това-
рищества. Ссудный капитал в них образо-
вывался частично из взносов участников,
а частью из капитала от общественной
запашки, и был, как правило, невелик: от
1 до 5 тысяч рублей. Ссуды выдавались
под 12 процентов годовых.

Однако деятельность этих обществ не
получила сколько-нибудь значительных
масштабов, и в деревне по-прежнему про-
цветал ростовщический кредит. В роли
ростовщиков выступали как крупные
купцы, ведшие оптовую торговлю хлебом,
— Терсковы, Лыткины, Пашенных, так
и мелкие лавочники, а также зажиточные
крестьяне. Кредитные проценты у ро-
стовщиков были непомерно велики — от
10 до 15 процентов в месяц. Доходы от
такого кабального кредита составляли от
5 до 20 тысяч рублей. Иногда заемные
сделки заключались от имени сельского
общества, и, таким образом, в кабале ока-
зывались целые деревни.



С середины 1860-х годов в губернии стали возникать сберегательные кассы при отделениях Государственного банка. К 1889 году в губернии было выдано 2777 сберкнижек. Чтобы население проявляло больше доверия к сберегательным кассам, в 1895 году был издан закон, переводящий все сберегательные кассы в разряд государственных учреждений. В новом уставе сберегательных

касс, разработанном Министерством финансов, было записано: «Государственные сберегательные кассы имеют целью прием вкладов для приращения из процентов, в видах доставления населению способов к накоплению сбережений. Правительство принимает на себя ответственность за целостность сумм и капиталов, вверяемых государственным сберегательным кассам».

Громадные пространства Сибири при неразвитости транспортной сети становились ощутимой преградой на пути вовлечения края в общероссийские экономические связи.

ТРАНСПОРТ

Тракты

Вплоть до конца XIX века единственной транспортной артерией, связывавшей Сибирь с европейской частью страны, оставался Сибирский тракт. Центр губернии с северными территориями связывал Енисейский тракт: от Красноярска через Енисейск до Туруханска его протяженность составляла 1415 верст. Но в 1860-х годах в связи с началом паровозного движения по Енисею он утратил значение торговой магистрали и служил, главным образом, для почтового сообщения.

Гораздо более оживленным был тракт между Минусинском и Ачинском. По нему проходила хлебная торговля из Минусинского округа в северные волости Ачинского и Енисейского округов, а также в Том-

скую губернию. Связь между населенными пунктами внутри округов осуществлялась в основном по проселочным дорогам.

Хотя для поддержания дорог привлекались немалые средства, все же их состояние оставалось неудовлетворительным. Современники иронически сравнивали сибирские дороги с «восьмым чудом света». «Море жидкой грязи в распутицу, в сухую погоду пересохшие канавы и кочки, поднимавшиеся на аршин», — так описывала местная газета дорогу близ Красноярска. Она же с возмущением писала о случае, когда обоз с товарами шел из Томска до Красноярска 39 дней.

Однако плотность даже таких плохо обустроенных дорог была ничтожно мала по отношению к общей площади края. Так, протяженность Московского тракта в границах губернии составляла 519 верст.



*Старик-ямщик.
Акварель красноярского архитектора
Л.А. Чернышова.
Публикуется впервые*



*«Биржа извозчиков».
Репродукция картины
К.И. Матвеевой*



Николай Герасимович Гадалов (1835-1898), купец 1-й гильдии, крупный пароходовладелец

Енисейское пароходство

В этих условиях большое значение имело открытие пароходного движения по Енисею. Первая попытка основать пароходное дело в губернии относится к 1845 году и связана с именем крупного Красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова. Он обратился в Министерство путей сообщения с заявкой на предоставление ему «привилегии» на основание и эксплуатацию пароходства на Енисее сроком на шесть лет. Но, получив ее, так и не успел построить пароход в срок.

Начало енисейскому пароходству было положено в 1861 году основанием частной пароходной компании енисейскими купцами А.С. Баландиным, Кытмановыми, Калашниковыми и Грязновыми. Основной капитал компании составил 24 тысячи рублей. В 1862 году приступили к постройке парохода. Его корпус был построен талантливым мастером-самоучкой, бывшим крепостным Худяковым. Одновременно были построены две деревянные баржи, с которыми пароход отправился в свой первый рейс на север 31 мая 1863 года. На баржах был груз: хлеб и промышленные товары. Пароход следовал до Гольчихи. Судно прошло вниз более двух тысяч верст, сделав 15 остановок у зимовий, станков и стойбищ, и 22 июня прибыло в конечный пункт — базу рыбного промысла на Бреховских островах. В конце июня «Енисей» отправился в обратный путь. На устье рек Курейке и Нижней Тунгуске был принят груз — графит. И уже 16 июля караван прибыл вечером в Енисейск. Его встречали пушечной

Первый пароход на Енисее, 1863 г.



пальбой. Позднее был построен второй пароход — «Опыт» с двигателем мощностью 25 л.с. Оба первых парохода арендовал известный енисейский промышленник М.К. Сидоров. В 1870-х годах пароходная флотилия на Енисее увеличилась на два парохода: «Николай» и «Александр». Все четыре парохода курсировали в низовьях Енисея. Общий объем их грузоперевозок составлял 130 тысяч пудов.

Вплоть до 1880-х годов пароходное движение осуществлялось только в нижнем течении Енисея, путь к Красноярску преграждали Казачинские пороги. Но в 1881 году Н.Г. Гадалов приобрел у фирмы «Кноп» два парохода, «Москва» и «Дальман», с более мощными двигателями, которые успешно преодолели пороги. В 1882 году в Красноярск прибыл пароход «Москва», который через пороги перетащили с помощью специальных тросов и воротов, а в 1884 году «Дальман» уже своим ходом преодолел пороги, положив начало регулярному движению по всему течению Енисея. К 1888 году пароходный парк на Енисее увеличился до 6 пароходов, три из которых принадлежали фирме Гадаловых, остальные — известному иркутскому предпринимателю А.М. Сибирякову. К этому времени пароходное движение уже осуществлялось и по притокам Енисея: Подкаменной и Нижней Тунгускам и Ангаре. В 1890 году Гадаловы, объединившись с купцом Е. Жернаковым, учредили Сибирскую акционерную компанию срочного буксирно-пассажирского пароходства по рекам Енисею, Оби и Иртышу с основным капиталом 1250 тысяч рублей. К этому времени Гадаловы имели уже 8 пароходов и несколько барж.

С историей судоходства на Енисее связаны попытки устройства Обь-Енисейского канала. В 1872 году енисейский купец П. Фунтусов организовал на свои средства экспедицию для изучения притоков Енисея и Оби, через которые предполагалось соединить их каналом. В перспективе строительство канала давало возможность резко увеличить доставку грузов на золотые прииски в Енисейской тайге, что сулило огромные прибыли. Инициатива купца привлекла внимание в правительственных кругах. В 1875 году Министерство путей сообщения организовало ряд экспедиций в этот район, по материалам которых был разработан проект строительства канала по рекам Озерная, Язевая, Большой и Малый Кас. Проектная стоимость строительных работ, рассчитанных на семь лет,

составляла 8 миллионов рублей. Проект строительства Обь-Енисейского канала был рассмотрен в 1882 году на заседании Государственного совета и получил одобрение. Руководителем работ назначен талантливый российский гидротехник, начальник Томского округа путей сообщения, барон Б.А. Аминов.

Начавшиеся в 1883 году строительные работы продвигались очень медленно из-за недостатка финансирования, но уже в 1888 году по каналу был сделан первый рейс до Енисейска. Завершение работ и открытие судоходства планировалось на 1892 год. Несмотря на то что работы шли полным ходом, в чиновных кругах не прекращались споры о целесообразности строительства канала. И хотя проект пользовался поддержкой Александра III, все же у него было много противников, и в том числе в лице сибирских предпринимателей, связанных с извозным промыслом, опасавшихся, что со строительством канала изменится направление грузопотоков, и это приведет к сокращению их доходов. В 1893 году Обь-Енисейский водный путь был открыт, хотя фактически еще пять лет достраивались шлюзы, плотины и прочие сооружения. Однако практическое использование канала так и не началось, лишь несколько раз за навигацию по нему проходили пароходы и баржи. Начавшееся в 1891 году строительство Сибирской железной дороги окончательно похоронило этот проект, и к 1902 году



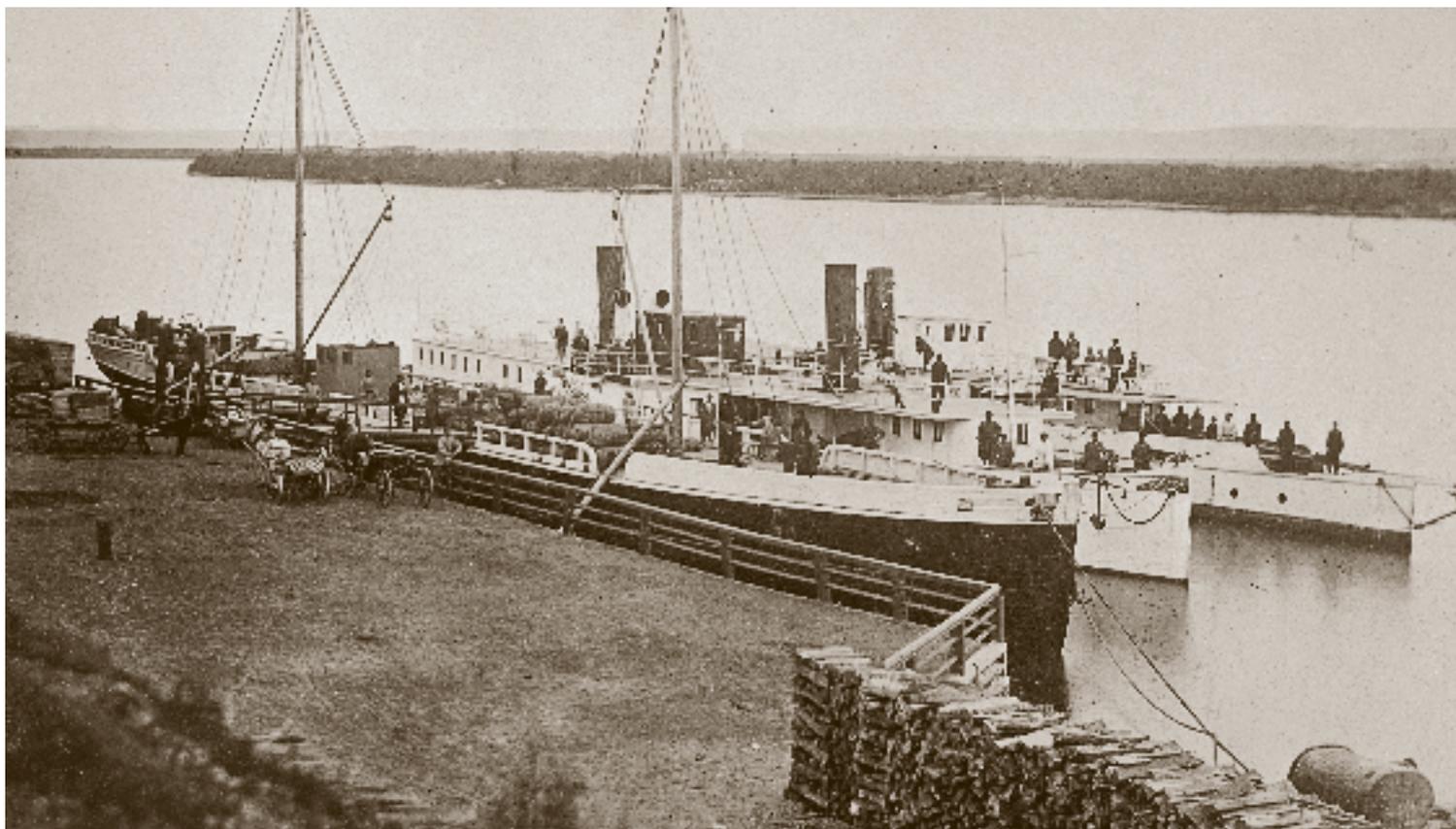
финансирование строительства канала было прекращено.

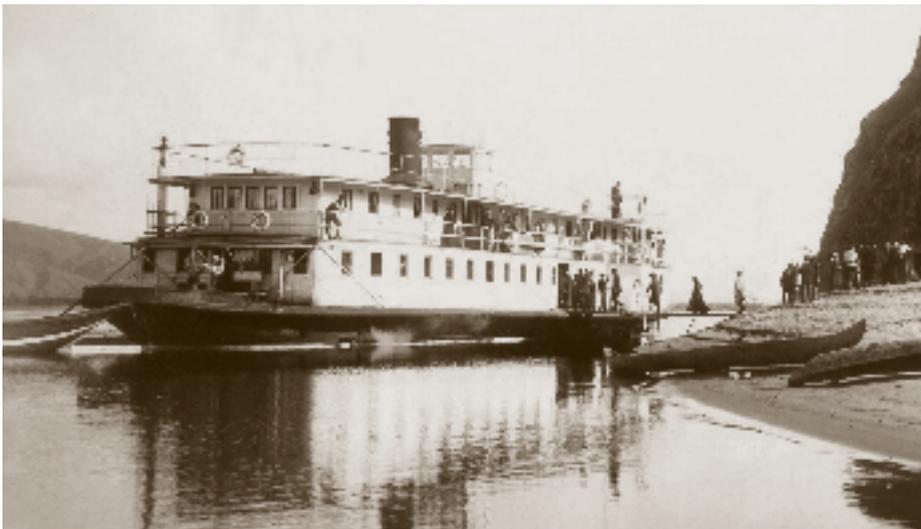
Почти одновременно с началом пароходства по Енисею стало развиваться пароходное движение на его притоках. По Ангаре до Иркутска ходили пароходы, принадлежавшие И.М. Сибирякову. С 1864 года началось движение пароходов по Чулыму. Пионером в этом деле стал тюменский купец И. Тюфин. Его пароход «Сибиряк» с двумя баржами поднимался по Чулыму до Ачинска, положив начало регулярному грузовому и пассажирскому сообщению.

В 1868 году был сделан первый рейс по реке Кеть до с. Маковского из Тобольска, однако регулярное пароходное сообщение по этому маршруту не удалось

В 1883 году началось строительство Обь-Енисейского канала (он же Кеть-Касский канал), а в 1893 году он был открыт для плавания небольших судов

Пароходная пристань на острове Посадном на Енисее, вид на остров Телячий, 1886 г. Из фондов ККМ





*Пароход «Сибиряк»
Н.Г. Гадалова
на Батеневской
пристані.
Минусинский уезд,
с. Батени*

наладить по причине мелкого фарватера реки. Поднимался вопрос о строительстве канала между Чулымом и Енисеем для транспортировки хлеба из Минусинского округа в Западную Сибирь. Однако изучение гидрологических условий и экономические расчеты проекта показали его несостоятельность.

Развитие пароходства в Енисейской губернии значительно отставало по масштабам и формам организации капитала в отрасли по сравнению с соседними губерниями Западной и Восточной Сибири. Пароходный парк за 30 лет вырос незначительно: в нижнем течении Енисея в начале 1890-х годов курсировали пять пароходов, между Красноярском и Минусинском — три; объем грузоперевозок вырос всего лишь на 22 процента. А в середине 1890-х годов в связи с постройкой железной дороги грузопотоки переместились, что привело к сокращению перевозок на речном транспорте.

Тормозящее влияние оказывала нехватка квалифицированных кадров. В губернии не было ни одного училища по подготовке плавсостава, нередко даже

капитаны и штурманы не имели соответствующей профессиональной подготовки. Кадры матросов комплектовались из крестьян-отходников.

Железнодорожный транспорт

Развитие пароходства в губернии способствовало ослаблению остроты транспортной проблемы, но не могло снять ее окончательно. С возрастанием в конце 1880-х годов переселенческого потока в Сибирь она приобрела особую злободневность. Решение транспортной проблемы сибирские власти связывали со строительством железной дороги.

С этой идеей еще в 1857 году выступил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, однако тогда она не нашла поддержки в правительственных кругах. Лишь в начале 1890-х годов в связи с общей переориентацией экономической политики на восточные рынки был поставлен вопрос о строительстве Транссибирской железной дороги от Урала до Владивостока. Активную поддержку проект получил со стороны С.Ю. Витте, возглавлявшего железнодорожный департамент в Министерстве финансов.

Сибирь с ее громадными ресурсами привлекала не только крупный российский, но и иностранный капитал. Пристальный интерес к стройке века проявили американские компании. В мае 1890 года американский генерал Баттерфилд обратился в Министерство финансов с предложением об участии американской стороны в финансировании проекта. Но правительство заняло твердую позицию опоры на национальный капитал. В постановлении созданного в 1891 году комитета для строительства дороги говорилось: «Сибирская железная дорога — это великое народное дело, которое должно осуществляться русскими людьми из русских капиталов». Такая установка объяснялась не столько патриотизмом русских властей, сколько опасением, что участие иностранного капитала приведет к ослаблению российского влияния в Сибири и на Дальнем Востоке.

Строительство, начавшееся в 1891 году сразу с двух концов — от Челябинска и Владивостока, первоначально велось медленно из-за недостаточного финансирования. Колоссальная протяженность (8 тысяч километров), невероятно сложные условия сибирского рельефа, множество рек, суровый климат — все это требовало

*Укладка пути
на Среднесибирской
железнодорожной дороге в 1898 г.*



громадных финансовых затрат. Первоначальная стоимость проекта составила 350 миллионов рублей золотом. Но с 1893 года наступает перелом, с этого времени ежегодно прокладывается по 500-600 километров. По тем временам это были невиданные темпы.

К концу 1895 года строительство рельсового пути на Среднесибирском участке, который проходил через территорию Енисейской губернии, было в основном завершено, и 6 декабря 1895 года в Красноярск прибыл первый поезд. Местная газета «Енисей» писала в связи с этим: «День 6 декабря должен начать новую эру в Сибири вообще и для Приенисейского края в частности». В следующем году было построено здание железнодорожного вокзала, депо, кузницы и железнодорожные мастерские. Общая площадь построек железнодорожного комплекса составила в городе 1,5 квадратных версты.

Однако для соединения Среднесибирского и Восточносибирского участков предстояло еще построить мост через Енисей, и 30 августа 1896 года в Красноярске состоялась торжественная закладка железнодорожного моста. Подрядными работами на строительство, исчислявшимися в сотни тысяч рублей, руководил красноярский инженер Е. Кнорре, а инженерно-технический проект моста принадлежал талантливому российскому ученому, мостостроителю Л.Д. Проскурякову. Он предложил новаторскую идею



шести главных пролетов по 144,5 метра и двух береговых. Мостовые фермы отличались большими размерами, конструкция благодаря этому становилась более экономичной. Этот проект принес автору мировую известность. Макет моста через Енисей экспонировался на международной выставке в Париже в 1900 году наряду со знаменитой Эйфелевой башней. Его автор был удостоен золотой медали.

В 1898 году строительство дороги на участке Красноярск—Иркутск было завершено, и поезда пошли от Урала до Тихого океана. Но в первые годы пропускная способность Сибирской железной дороги была невелика, и в 1907 году было принято решение о строительстве второй ее колеи. Ее постройка позволила значительно увеличить интенсивность перевозок.

Пассажирское здание на ст. Красноярск. Единственное здание 2-го класса на Среднесибирской железной дороге

«Скоро возле железной дороги вырастут избы переселенцев, которые постепенно превратятся в селения, и о непроходимой тайге будут свидетельствовать лишь кое-где торчащие пни».

Из альбома «Великий путь»



Отставание в торгово-промышленном развитии губернии сказывалось на особенностях формирования классовой структуры общества и прежде всего главных классов — торгово-промышленной буржуазии и пролетариата.

БУРЖУАЗИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ

Капитаны делового мира

Численность крупной буржуазии росла крайне медленно. И даже, как отмечалось ранее, в пореформенное время наблюдалось сокращение численности гильдейского купечества, представлявшего верхушку торгово-промышленного класса, с 2013 человек в 1863 году до 1232 в 1897-м. А после введения в 1898 году новой системы налогообложения и порядка вступления в гильдии, резко поднявшей планку требований к имущественному состоянию для представителей гильдейского звания, начался отток значительной части предпринимателей из этого сословия. В результате численность гильдейской буржуазии в Енисейской губернии к началу XX века составила всего лишь 101 человека. Это значительно меньше в сравнении с другими сибирскими губерниями, где гильдейское купечество составляло: в Томской — 193; в Иркутской — 204 человека.

К купцам первой гильдии, численность которых в 1860-1890-е годы в Енисейской губернии колебалась от 6 до 20 человек, принадлежали В.И. Бази-

левский, Баландины, Барташевы, Гадаловы, Кытмановы, Кузнецовы, Щеголевы, Я. Прейн. Гильдейское купечество занимало командные высоты в экономике губернии, присваивая львиную долю прибыли в промышленности и торговле. Опираясь на свой капитал и сословные привилегии (право получать отсрочку в воинской повинности, освобождение от ряда натуральных повинностей, которые выполняло податное население, преимуществва в ведении торгово-промышленной деятельности), они имели широкий доступ к выгодным казенным заказам и подрядам, кредитам Государственного банка, расширявшим возможности первоначального накопления.

Пути формирования енисейской буржуазии были многообразны. Более половины гильдейских купцов являлись выходцами из социальных низов: городского мещанства, крестьян. Из мещан вышли основатели крупных купеческих фамилий П.К. Гудков, И.Н. Некрасов, И.К. Кузнецов. Основой для формирования их капиталов служили промысловые занятия, мелкая розничная торговля в сочетании с ростовщичеством.

К крестьянскому сословию принадлежал родоначальник династии енисейских

*Участники I съезда
золотопромышленников
Северной тайги,
1898 г.*



золотопромышленников П.М. Кытманов. Он начал свое дело с торговли рыбой, затем стал поставлять товары на прииски. Там узнал от старателей о богатых месторождениях и приступил к их разработке, а к 1890 году в собственности семьи Кытмановых числилось уже 20 приисков. По размерам золотодобычи его предприятия вышли на второе место в губернии. В 1861 году он совместно со своими компаньонами положил начало пароходству на Енисее.

Выходцами из крестьян были гильдейские купцы Терских, Матонины, Пашенных. Последний занимался поставками хлеба на прииски в Минусинском округе, вкладывая свои капиталы в винокурение, мукомольное дело, торговлю. Пашенных принадлежала сеть магазинов и винных лавок в Минусинском и Красноярском округах.

Часть крупной торгово-промышленной буржуазии являлась потомками старинных купеческих династий — Юдины, Гарины, Барташевы, Беловы.

Характерным для сибирской буржуазии был высокий процент выходцев из Европейской России. Так, из 35 гильдейских купцов Красноярска 12 были переселенцами из европейской части страны, среди них основатели купеческих династий Крутовские, Гадаловы, архангелогородские купцы М.К. Сидоров и В.Н. Латкин.

В среде енисейской буржуазии встречались и немногочисленные выходцы из дворянства: Базилевские, Асташевы, Шепетковские.

В Сибири в этот период еще не произошло отделения торгового капитала от промышленного, и для сибирского капиталиста было характерно слияние в одном лице купца и промышленника. Типичным явлением для местной буржуазии было преобладание семейных фирм, представлявших первичную форму централизации капитала. Примером может служить торговая фирма «Николай Герасимович Гадалов и сыновья», основанная в 1888 году на правах полного товарищества для торговли мануфактурными товарами и пароходства, с уставным капиталом 225 тысяч рублей. Фирма просуществовала до 1893 года и с выходом одного из компаньонов распалась.

К типу семейных фирм относились и «Торговый дом Тонконоговых», фактически монополизировавший торговлю в Туруханском крае, золотопромышленное общество «Наследники Переплетчикова», компании «Кытманов И.А. и К°», «Данилов И.А. и К°», «Товарищество Востротинных».

На рубеже веков в Сибири начался переход к новым формам организации крупных капиталов — акционерным компаниям. Первая акционерная компания в Енисейской губернии — «Акционерное общество Минусинских золотых приисков», была основана в 1890 году купцом И. Гусевым. Однако она в значительной степени сохраняла черты семейного предприятия. К началу Первой мировой войны акционирование стало устойчивой тенденцией в ведущих отраслях промышленности и на транспорте. Акционерные



Николай Павлович Пашенных (1846-1918). Из крестьян Курагинской волости Минусинского округа. Скопил капитал на хлебной торговле, владел приисками, предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья, городской недвижимостью, совместно с купцами Поповым и Узуновым разрабатывал Изыхские угольные копи. Был почетным попечителем Минусинского реального училища

М.А. Крутовский с сыновьями Владимиром и Всеволодом



Дом Пашенных в Минусинске на углу Церковно-Загородной улицы и Базарной площади





Вера Арсеньевна Баландина (1871-1943). Окончив высшие женские курсы и стажировку в Сорбонне, занималась предпринимательством. По ее инициативе было начато строительство Ачинско-Минусинской железной дороги. Много сделала для развития женского образования в Енисейской губернии, была награждена медалью «За труды по народному образованию»



Георгий Павлович Сафьянов (1850-1913), минусинский купец. Миллионное состояние нажил благодаря монопольной торговле скотом из Урянхайского края на золотые прииски

Минусинская купчиха М.С. Белова за чаем

компании объединяли капиталы не только местной буржуазии, но и представителей крупного бизнеса из европейской части страны и других губерний Сибири.

Финансово-экономические позиции енисейской буржуазии заметно уступали позициям ее российских собратьев. Даже состояния самых могущественных местных кланов Тонконоговых, Востротиных, Кытмановых, Кузнецовых, Баландиных, Асташевых, Даниловых, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей, выглядели весьма скромно на фоне богатства российских магнатов, которое измерялось десятками миллионов. Поэтому, когда в начале XX века российский и иностранный капитал начал проникать на местный рынок, многие из них предпочли, не конкурируя, продать акции своих компаний и стать рантье. По такому пути пошли Кытмановы, Востротины, Переpletчиковы. Единичными были случаи, когда сибирским предпринимателям удавалось встать в бизнесе наравне с самыми могущественными и влиятельными силами российского капитала. К таковым среди енисейских купцов можно отнести Гадаловых.

Основатель династии Герасим Петрович (1804-1870) вышел из крепостных крестьян князя Шаховского, начал свое дело, сопровождая торговые караваны из Владимирской губернии в Сибирь, вскоре перешел к самостоятельной торговле, став канским купцом второй гильдии. Его сыновья — Николай и Иван, продолжившие дело отца, значительно расширили сферу приложения своих капиталов, вкладывая деньги в пароходство, золотопромышленность, в отрасли

обрабатывающей промышленности. Сын Н.Г. Гадалова — Николай Николаевич стал основателем крупнейших в губернии акционерных компаний: «Александровской», «Акционерного общества пароходства на Енисее», входил в правление Сибирского торгово-промышленного банка, а также ряда акционерных компаний со смешанным российским и иностранным капиталом. Общий капитал семейства Гадаловых накануне 1917 года составил около 6 миллионов рублей.

Многие из основателей местных купеческих династий начинали свое дело, не имея ни унаследованных торговых капиталов, ни опыта предпринимательской деятельности, ни образования. За короткое время, благодаря своей деловой хватке, они поднимались уже в первом поколении на вершину богатства и общественного признания.

Но восхождение на Олимп богатства и славы далеко не всегда было связано только с личным трудолюбием и предприимчивостью. В его достижении нередко приходилось отступать от праведного пути, который указывали мораль и закон. Специальные исследования историков показывают, что в пореформенное время с обострением конкурентной борьбы традиционные нормы деловой этики, бытовавшие в предшествующую эпоху в полупатриархальной купеческой среде, начали стремительно подрываться. Изучение судебных разбирательств, связанных с имущественными или коммерческими претензиями красноярских купцов, дает массу примеров, свидетельствующих о пренебрежении к нормам сословной



морали в купеческой среде и даже между членами купеческих семей. Подлоги, получение денег по чужим документам, обман компаньонов, перерасход компанийских сумм и так далее были обычным явлением в предпринимательской среде, и красноярские предприниматели не были исключением в этом отношении. Так, сибирские купцы сплошь и рядом использовали свое монопольное положение на рынке для получения сверхприбыли, не затрачивая усилий на снижение издержек производства, повышение его эффективности и культуры.

Однако нарождавшийся новый класс в Сибири не чуждался и более широких целей, чем только личное обогащение. Несомненный интерес в этом плане представляет фигура красноярского купца первой гильдии Михаила Константиновича Сидорова. Уроженец Архангельска, талантливый самоучка, начинавший свое дело с нуля, он, благодаря своим знаниям и предприимчивости, в короткое время стал одним из самых богатых енисейских золотопромышленников. Но свое богатство он направил на исследование и промышленное освоение природных ресурсов Енисейского Севера, участвовал в международных выставках, открывших миру богатства Сибири. Сидоров вложил огромные средства в организацию экспедиций, подготовивших открытие Северного морского пути, связавшего Сибирь и Европу. Организаторскую деятельность он успешно сочетал с исследовательской, выступив с рядом научных работ о геологических ископае-

мых Енисейского Севера и их экономическом значении.

Усилия неутомимого сибиряка получили широкое признание. Он был избран почетным президентом Африканского института в Париже по уничтожению рабства, его именем названа гора на острове Шпицберген. А красноярское общество почтило его избранием в 1864 году городским головой. Деятельность Сидорова можно без сомнения поставить в один ряд с деятельностью таких прославленных сибирских меценатов, как братья А.М. и И.М. Сибиряковы, П.И. Макушин, Н.А. Белоголовый.

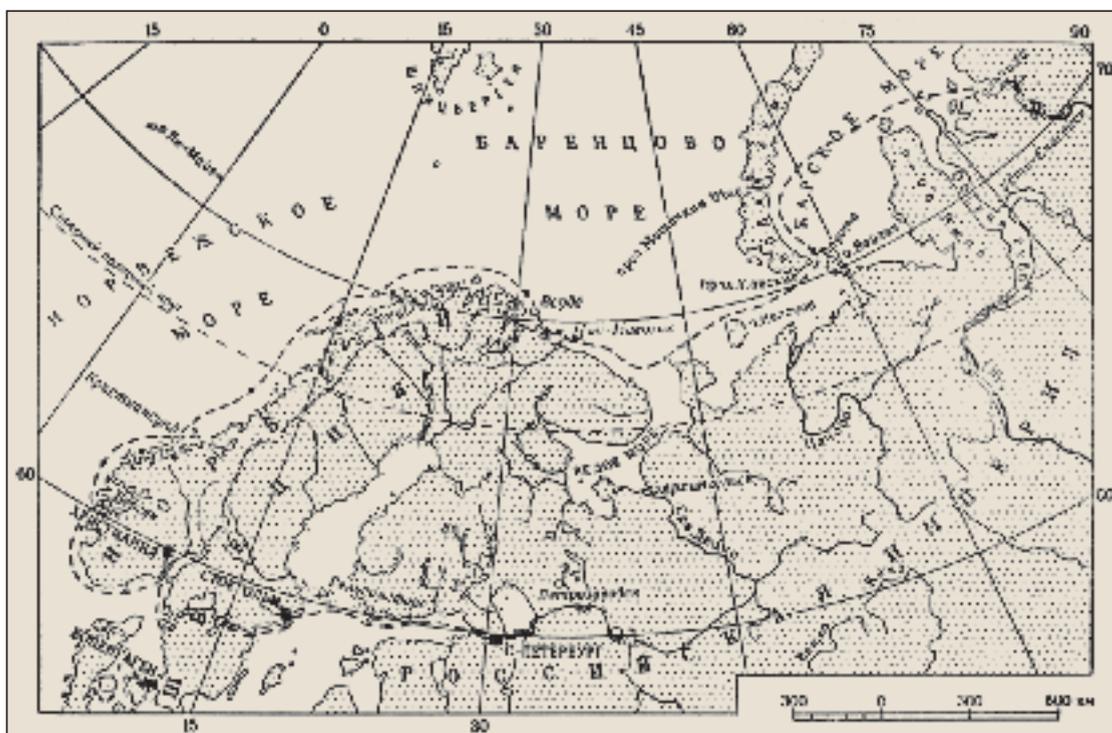
Неоценимое культурное значение имела собирательская деятельность красноярского купца-библиофила Г.В. Юдина. Свою книжную коллекцию он начал собирать в 1850-х годах, а к концу века она уже насчитывала 200 тысяч томов. В его коллекции были редкие издания по истории, генеалогии, нумизматике, один из 14 экземпляров книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», а также уникальные рукописи А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова. Однако судьба этого замечательного книжного собрания оказалась печальна, оно было потеряно для русского общества. В 1907 году Юдин продал большую часть своего книжного собрания в Вашингтонскую национальную библиотеку.

С именем золотопромышленника Н.В. Латкина связано зарождение научного краеведения в Енисейской губернии. Латкин представлял редко встречавший-



Титульная страница книги И.И. Голикова «Картины из деяний Петра Великого», 1872 г.

В книгу вошли представленные М.К. Сидоровым на Политехническую выставку в Москве рисунки и их объяснения, включены также приложения, касающиеся развития торгового мореплавания и морских промыслов на Севере, каталог предметов Севера и другие документы



В 1877 году М.К. Сидоров организовал экспедицию парусной шхуны «Утренняя заря», доставив за одну навигацию из Енисейска в Санкт-Петербург сибирские товары



Геннадий Васильевич Юдин (1840-1912), купец, промышленник и библиофил

Вывоз книг Г.В. Юдина, проданных библиотеке Конгресса США, с дачи в Таракановке, 1907 г.

ся среди буржуазии тип, успешно сочетавший предприимчивость с широтой культурных и общественных интересов. Он одним из первых стал внедрять новые прогрессивные формы организации в золотопромышленности, ввел современные технологии гидравлической разработки золотых песков.

Как ученого Н.В. Латкина характеризует широта и многогранность научных интересов. Он автор трудов по статистике и истории губернской промышленности, пароходства, железнодорожного строительства, финансам. Его крупное исследование «Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа и описание американского способа промывки золота» было удостоено золотой медали Русского географического общества.

Большую общественную значимость имела поддержка местной буржуазией учебных заведений. Скучные бюджетные ассигнования были не способны удовлетворить нужды народного образования в крае, и если бы не частные пожертвования предпринимателей, то отставание Сибири в этой сфере стало бы неизмеримо большим. Так, благодаря активной поддержке Гадаловых, Даниловых, Кузнецовых, Г.В. Юдина, Т.И. Щеголевой в Красноярске были открыты мужская и женская гимназии, на строительство которых было пожертвовано 62 тысячи рублей. Щедрую поддержку получали

учебные заведения в Енисейске от И.П. Кытманова, А.А. Баландина, в Минусинске от И.Г. Гусева, В.А. Данилова, И.П. Лыткина.

При непосредственном содействии А.П. Кузнецова, Н.К. Переплетчикова, Н.А. Шепетковского в Красноярске было открыто Общество попечения о начальном образовании, сыгравшее исключительную роль в распространении новаторских идей и методов в образовании. На стипендии Кузнецовых, И.П. Кытманова, В.А. Баландиной, В.А. Данилова, А.А. Саввиных обучались в университетах молодые сибиряки.

Можно сказать, что почти ни одно из сколько-нибудь крупных культурных и общественных начинаний в губернии не осталось без поддержки буржуазии. Сибирские меценаты вкладывали свои капиталы в создание бесплатных больниц, аптек, музеев, театров, научных обществ, библиотек, организацию научных экспедиций.

Традиционной сферой благотворительности были пожертвования на строительство церквей и содержание приютов. На этом поприще особое общественное признание получила купеческая семья Щеголевых. На пожертвования И.Г. Щеголева в 1866 году был достроен Кафедральный собор в центре Красноярска, автором архитектурного проекта которого был известный российский архитектор К. Тон, переустроена и укра-



шена Покровская церковь, содержался приют для престарелых. После смерти купца его дело продолжила жена — Татьяна Ивановна. Ее пожертвования на содержание ремесленного училища, богадельни, помощь пострадавшим от пожара 1881 года в Красноярске, взносы на бесплатную городскую больницу в общей сложности составили 300 тысяч рублей.

Однако следует помнить, что купеческая благотворительность и меценатство имели противоречивую мотивацию. Кроме искреннего стремления к помощи ближнему, глубокой религиозности, приверженности к своеобразному сословному кодексу чести, согласно которому благотворительность воспринималась как моральный долг перед обществом, к которому обязывало богатство и высокое общественное положение, была еще и другая сторона. Чины, награды, общественная признательность, получаемые за свои благодеяния, открывали широкие возможности для получения от власти всевозможных привилегий в предпринимательской деятельности.

Может быть, поэтому в общественном сознании искренность отцов-благотетелей не вызвала особого доверия. В публицистике и литературе того времени их называли не иначе, как «аршинники», «колупаевы», «разуваевы», «Тит Титычи» и прочее.

Промышленные рабочие

На противоположном конце социальной лестницы находился класс наемных рабочих. Динамика их численности находилась в прямом соответствии с темпами развития крупной промышленности, отражая противоречивые тенденции этого сложного процесса. Так, в 1860-1870-х годах ведущую роль в промышленном развитии губернии играла золотопромышленность, поэтому на долю приисковых рабочих приходилось 90-95 процентов от всего контингента наемных рабочих. Но по мере возрастания в промышленной структуре отраслей обрабатывающей промышленности, с одной стороны, и кризиса в золотопромышленности — с другой, соотношение начало меняться. Численность рабочих в отраслях обрабатывающей промышленности возросла в 2,5 раза, тогда как доля приисковых рабочих сократилась в два раза. По данным переписи 1897 года, общая численность рабочих в губернии составила 11 532 человека.

Формирование состава промышленных рабочих происходило по разным каналам. Специфическим источником формирования пролетариата в Сибири был ссыльный элемент. Ссыльнопоселенцы еще в дореформенный период составляли главный источник пополнения наемных рабочих, и особенно в золотопромышленности. В пореформенный период их значение начало неуклонно уменьшаться.



Приисковый рабочий в праздничной одежде. Фото из коллекции Ангарской экспедиции. Из фондов ККМ

Слобода Нахаловка в Красноярске, в которой проживал рабочий люд



«Частные предприниматели имели под рукой готовый контингент рабочих пролетариев в виде ссыльнопоселенцев. В 1847 году на приисках Енисейской губернии их было 68 процентов, в 1850 году — 53 процента. Со своей стороны, золотопромышленники сплошь и рядом предпочитали поселенцев как более сговорчивых рабочих, людям полноправным».

В.И. Семевский, «Рабочие на сибирских золотых промыслах». Т. 1. СПб., 1898. С. XXXI

Рабочие шлифовального цеха Знаменского стекольного завода. Из фондов ККМ

Место рабочего из ссыльнопоселенцев теперь занял крестьянин из переселенцев, для которого работа по найму стала необходимым источником для пополнения семейного бюджета.

Возрастание спроса на квалифицированную рабочую силу способствовало увеличению притока рабочих из Европейской России. Эта тенденция проявилась уже во время строительства железной дороги. Среди рабочих, занятых на ее строительстве, было немало выходцев из Прибалтики, южных и центральных губерний России. На старых предприятиях в металлургии, винокурении, стекольных и мукомольных заводах были заняты в основном местные рабочие. В этих отраслях за пореформенное время успел сложиться контингент потомственных рабочих. Например, на Абаканском металлургическом заводе костяк рабочих составляли мастеровые, приглашенные сюда еще в 1867 году с уральских заводов. На винокуренном заводе Г.В. Юдина больше половины рабочих имели стаж более 20 лет, и многие из них работали целыми семьями: аппаратчик Антонов, мельники братья Базаевы, братья Потехины.

Общее отставание от общероссийских темпов капиталистической эволюции во многом определяло положение формирующегося сибирского пролетариата. На предприятиях сибирской промышленности нередко встречались следы крепостной эпохи, проявлявшиеся в кабальных

формах эксплуатации. Так, например, хозяин в случае задолженности рабочего мог задерживать его на приисках после окончания срока договора, налагать арест и продавать имущество рабочего с молотка, передавать рабочего другому предпринимателю без перезаключения договора о найме, наказывать рабочего за провинности без судебного расследования. В определении норм и расценок работ царил полный произвол, который позволял предпринимателю перекладывать все издержки производства на рабочих путем предельной интенсификации труда и непомерно высоких штрафов.

Рабочий день на приисках в Енисейской тайге начинался в 5 часов утра и продолжался до 8 часов вечера с двухчасовым перерывом. Ежемесячно рабочий получал один выходной день, а также мог отдыхать в дни религиозных праздников; дни, пропущенные по болезни, не оплачивались. Средний заработок за сезон, продолжавшийся с апреля по октябрь, составлял 140-160 рублей. Большие потери рабочий нес за счет высоких задатков, составлявших от 20 до 80 процентов, вычетов по штрафам, за покупку продуктов, одежды в приисковой лавке, доходивших от 30 до 40 рублей. В итоге к выдаче на руки в лучшем случае оставалась четверть зарплаты. В худшем — рабочий оставался должником и тогда вынужден был наниматься вновь к хозяину, но уже на худших условиях. Закон не мог защитить



рабочего, единственное, что ему оставалось в утешение, — кабак.

Мало чем отличалось положение рабочих, занятых в других отраслях промышленности. Настоящим бичом были частые задержки зарплаты или ее выплата продукцией завода. Так, например, на Абаканском железоделательном заводе в течение многих лет постоянно задерживалась зарплата, на 1876 год долг рабочим составил 35 164 рублей. Администрация завода в поисках выхода проявляла завидную предприимчивость. Деньги давали небольшими частями, рабочие, получив их, тратили в заводских лавках и кабаке, выручка из которых шла на погашение оставшегося долга по зарплате. Практиковалась также выдача зарплаты продукцией завода.

Однако, несмотря на крайне бедственное положение рабочих, вплоть до начала XX века сколько-нибудь значительных протестных выступлений не наблюдалось. Хотя и отмечались отдельные вспышки недовольства среди приисковых рабочих, а также занятых на строительстве железной дороги, но они носили локальный характер. Гнев рабочих проявлялся в безотчетных разрушительных действиях, направленных против отдельных представителей приисковой или заводской администрации, или выливался в необузданный пьяный разгул, жертвами которого становились мелкие служащие, лавочники, случайные люди, а нередко

и сами рабочие. Эти явления часто сопровождали выход рабочих с приисков после окончания сезона работ и доставляли немало хлопот приисковой администрации и окружным полицейским властям.

Но по мере изменения социального состава пролетариата, повышения доли кадровых квалифицированных рабочих выступления их приобретают более зрелые формы. Так, в 1888 году во время стачки на Абаканском железоделательном заводе была создана «Артель мастеровых и рабочих», которая обратилась к властям с ходатайством о передаче управления в руки рабочих. Артель возглавил рабочий из казаков А.М. Макаров, впоследствии смененный А. Вьюковым. Все вопросы внутризаводской жизни решались на общем собрании, а для управления текущими делами были выбраны староста и казначей. Артель просуществовала 12 лет, обеспечивая стабильную работу предприятия.

Заметным событием в рабочем движении стала забастовка рабочих на Троицком прииске в Минусинском округе в 1890 году. Для подавления рабочих была вызвана военная команда. Участники стачки были привлечены к суду, который приговорил 108 из них к наказанию плетью, а зачинщиков — к 15 годам каторжных работ.

В целом рабочее движение в губернии по своим масштабам и степени организованности отставало от массовых выступлений их собратьев по классу в центре России.

**«Много денег нам сулили,
Только мало получили.
Вычет одолел.
Давай выпьем на остаток,
Да опять возьмем задаток,
И айда в тайгу».**

Из песни приисковых
рабочих

*Группа мастеровых
рабочих прииска
«Нижний стан» Северо-
Енисейской тайги*



Либеральные реформы 1860-1870-х годов, изменившие жизнь российских губерний, мало коснулись Сибири. Правительство не решилось провести здесь земскую реформу, и не только потому, что на далекой восточной окраине практически отсутствовало дворянство, являвшееся социальной опорой самодержавия, но еще и потому, что было обеспокоено сепаратистскими настроениями, распространенными среди части сибирской интеллигенции и буржуазии.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Губернская власть



Иван Иванович Крафт (1859-1914). Губернатор Енисейской губернии с 5 августа 1913 по 21 ноября 1914 г. Он происходил из семьи ссыльного польского дворянина, отбывавшего ссылку в Минусинском округе. Будущий губернатор начал свою карьеру писарем в Минусинском окружном правлении, последующее его стремительное продвижение по чиновничьей лестнице стало результатом исключительного личного трудолюбия, энергии и административного рвения. Крафт представлял не часто встречающийся в Сибири тип просвещенного администратора, сочетавшего широкий культурный кругозор с профессиональными качествами управленца

Вплоть до 1880-х годов в Сибири продолжало действовать «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 года, по которому власть губернатора уравнивалась органами бюрократической коллегиальности — губернскими советами. Однако тенденция к усилению власти губернаторов, возобладавшая в 1880-е годы, привела к тому, что в 1895 году они были преобразованы в общие губернские управления под председательством губернатора. Таким образом, губернатор становился полным хозяином губернии. Ему подчинялись полицейские и гражданские чины, от него зависело их назначение или смещение с должностей, он мог пересматривать судебные решения.

За последние полвека, предшествовавшие свержению самодержавия, на посту енисейских губернаторов сменилось 15 человек. Если к началу 1890-х годов срок их службы в губернии был сравнительно продолжительным, составляя 6-8 лет, то по мере нарастания политического кризиса в стране они начали меняться со

стремительной быстротой. Так, за 1903-1914 годы сменилось шесть губернаторов. В галерее многочисленных начальников Енисейской губернии практически невозможно отыскать сколько-нибудь яркие личности, выделявшиеся на общем фоне довольно одиозных чиновников.

Большая часть из них не блистала ни образованием, ни административными талантами. Из десяти губернаторов, правивших краем с 1861 по 1917 год, всего лишь один имел университетское образование (М.А. Плец — Санкт-Петербургский университет), двое имели домашнее образование, один — гимназическое, остальные окончили кадетские корпуса и лицеи. По служебной лестнице они обычно не поднимались выше чина действительного статского советника. Лишь двое из них — А.Д. Лохвицкий и Л.К. Теляковский — дослужились до чина тайных советников. Исключение из безликого ряда енисейских начальников, пожалуй, представляет фигура И.И. Крафта.

Губерния делилась на округа, власть в которых была представлена окружным начальником и окружным советом. Окружной совет осуществлял общий надзор за хозяйственной и административной деятельностью местных орга-



Чиновники Енисейского губернского суда. В третьем ряду четвертый слева А.И. Суриков, брат художника В.И. Сурикова. Фото М.Б. Аксельрода, 1897 г.

нов власти. Суд осуществлялся земским судом, в ведении которого находилось также и крестьянское самоуправление. Окружная полиция и земский суд подчинялись окружному исправнику. В 1898 году округа были преобразованы в уезды с сохранением административных границ и всей структуры власти.

Крестьянское самоуправление осуществлялось волостным правлением, состоявшим из выбранных на волостном сходе представителей крестьян. В 1882 году на территорию Енисейской губернии было распространено «Положение о преобразовании общественного управления крестьян». В соответствии с ним было проведено разукрупнение некоторых волостей. Это отчасти ослабило произвол волостной верхушки. Должностные лица волостного и сельского правления должны были избираться на крестьянских сходах. В каждой волости учреждался волостной суд.

В этом же году в соответствии с законом о преобразовании управления крестьянами Восточной Сибири было учреждено Енисейское по крестьянским делам присутствие. Оно вместе с казенной палатой занималось вопросами административного управления, составлением смет земских и волостных повинностей. В их ведении также находился контроль над деятельностью нижестоящих окружных и волостных управлений.

На уровне окружной власти крестьянскими делами занимались особые присутствия в составе окружного судьи, стряпчего, казначея, земского исправника

и земских заседателей. Такое положение позволяло земской полиции активно вмешиваться в дела волостных сходов крестьян, творя произвол. Даже губернские власти признавали, что чины земской полиции активно потворствовали «темным поборам», рукоприкладству по отношению к крестьянам.

В 1898 году в Восточной Сибири был учрежден институт крестьянских начальников, которые заменили земских заседателей. Основной их задачей являлось «поддержание порядка», для чего им предоставлялись широкие полномочия по руководству крестьянским самоуправлением. Они могли отменять решения крестьянского схода, смещать выборных лиц, налагать штрафы, применять полицейские санкции за невыполнение крестьянами их указаний, разбирать крестьянские споры, контролировать собираемость податей. Крестьянские дела рассматривались на уездном совете крестьянских начальников, сами же крестьянские начальники подчинялись присутствию губернского правления, созданного по указу от 2 июня 1898 года.

Волостная администрация состояла из волостного старшины, волостного заседателя и волостных судей. Сельскую администрацию составляли староста, сборщик податей и десятские. Но фактически полновластным хозяином в волости были волостной старшина и писарь. Волостное правление занималось раскладкой податей и повинностей, выдачей паспортов, приводило в жизнь решения волостных судов.



Нагрудный знак волостного судьи



Л.В. Смирнов, крестьянский начальник 4-го участка Ачинского уезда



Интерьер Шушенской волостной управы. Экспозиция историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»



Николай Кириллович Переплетчиков (1849-1893), красноярский купец 1-й гильдии. В 1887-1891 годах — городской голова Красноярска. При его содействии в городе был открыт приют для бедных, бесплатная аптека, уездное училище преобразовано в трехклассное, благоустроены улицы. В 1892 году решением городской думы ему было присвоено звание «Почетный гражданин Красноярска»



Иннокентий Алексеевич Матвеев, городской голова Красноярска в 1891-1893 гг. Выступил с инициативой открытия городского музея

Городское самоуправление

В наиболее полном объеме из реформ 1860-1870-х годов на Сибирь была распространена городская реформа. В 1870 году в соответствии с Городовым положением шестигласные сословные думы в Енисейской губернии были заменены бессословными. В ведении думы находились вопросы торгово-промышленного развития, попечения о народном образовании и здравоохранении, городского благоустройства. Исполнительным органом думы являлась городская управа. В структуру городского управления входили также мещанская управа, учрежденная для ведения сословных дел мещан, ремесленная управа, занимавшаяся учетом ремесленников, городской суд, являвшийся низшей судебной инстанцией городского самоуправления.

Право выбора членов думы — гласных, по новому Городовому положению получили только крупные домовладельцы, составлявшие в Красноярске чуть более 5 процентов от всего населения, в Ачинске — 7,8, Канске — 7,3, в Минусинске — 11,8 процента. Однако даже среди них в первый год после реформы не наблюдалось большой активности. Так, в Красноярске из 517 горожан, имевших право голоса, на выборах в 1871 году воспользовались им лишь 136 человек. В составе думы преобладали представители гильдейского купечества. В 1879 году из 45 гласных красноярской думы было 25 купцов, 11 мещан, 8 чиновников, один

казак и один представитель духовенства. Новое Городовое положение, введенное в 1892 году, еще более сократило представительство демократических слоев, существенно повысив имущественный ценз: в Красноярске — до 1000 рублей стоимости недвижимости, в окружных городах — до 300 рублей. В результате численность избирателей сократилась более чем в четыре раза.

Важной прерогативой думы было принятие городского бюджета. Источниками его являлись платежи за аренду городских земель и покосов, налоги с недвижимости, сборы с предпринимателей и многочисленные косвенные налоги. Кроме того, существенную часть городских доходов составляли крупные частные пожертвования. Практически в течение всего пореформенного периода городские бюджеты имели дефицитный характер. При этом большая часть расходов шла на статьи, не имевшие прямого отношения к хозяйственным и общественным нуждам города: на отчисление Государственному казначейству, уплату земских сборов, воинскую квартирную повинность и содержание управленческого аппарата. Так, на содержание чиновников красноярской городской управы и квартир для военнослужащих уходило более 40 процентов, тогда как расходы на учебные заведения составляли 9,4; на здравоохранение — 2; пожарную часть — 12,3; благоустройство — 14,9 процента.

Скудные финансовые возможности городских бюджетов ограничивали их дея-



Красноярская городская полиция 2-го участка, 1890-е годы

тельность. Но и без того скромные средства городского бюджета нередко расходовались не по назначению. Отсутствие системы контроля со стороны избирателей приводило к неоднократным случаям финансовых махинаций и злоупотреблений. Местная пресса не раз выступала с разоблачениями злоупотреблений властей: спекуляций по раздаче городских земель для общественных учреждений в аренду частным лицам, затягивания строительства зданий для культурно-просветительских учреждений и так далее.

Весьма критически о деятелях городского самоуправления отзывались и представители губернской власти. В одном из отчетов начальника Енисейского губернского жандармского управления за 1883 год говорилось о том, что представители городских властей относятся к своим обязанностям инертно, «видя в избрании на должность по городскому управлению одно лишь почетное звание». «Члены городских управ, за немногим исключением, предаваясь исключительно торговле и своим промыслам, чужды всяких политических соображений, притом, будучи мало умственно развиты и совершенно отсталыми от всего современного строя жизни, они ко всем преобразованиям и распоряжениям правительства, не касающихся их промышленности, относятся с полным равнодушием, подчиняясь бессознательно всякой новой мере».

Однако следует отметить, что среди думских деятелей встречались и люди, искренне заинтересованные в прогрессив-

ных изменениях. Можно назвать имена В.М. Крутовского, А.И. Матвеева, Н.А. Шепетковского, Н.К. Переплетчикова, П.С. Смирнова, ставших инициаторами многих важных начинаний в Красноярске: организации бесплатного медицинского лечения, лекториев, выставок, создания музея, обществ по содействию образовательным и культурным учреждениям. В Минусинске заслуженным уважением горожан пользовался городской голова И.Г. Гусев. Тем не менее и они вынуждены были признавать, что при существующей системе деятельность органов городского самоуправления обречена на работу вхолостую. Так, Шепетковский в своей записке, поданной на рассмотрение гласных думы, вынужден был признать равнодушное отношение общества к деятельности органов городского самоуправления. Причину этого он усматривал в несовершенстве Городового положения 1870 года. По его словам, оно «не принесло той пользы, которую оно (общество. — В.Ф.) ожидало от городского представительства», потому что из-за высокого имущественного ценза от участия в городском управлении была отчуждена большая часть населения. Вторую причину, тормозившую проведение в жизнь решений органов местного самоуправления, он видел в отсутствии реальных рычагов власти, что приводило к тому, что большая часть постановлений думы была «обязательной только на бумаге».

В 1890-1900-е годы имперская власть начала все более отчетливо осознавать



Иван Гаврилович Гусев (1834-1892) — минусинский купец 1-й гильдии. В 1875-1879 гг. — городской голова. Оказал активную поддержку Н.М. Мартьянову в создании городского музея. Являлся членом Общества попечения о начальном образовании. В 1885 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Минусинска»



Николай Александрович Шепетковский (1847-1918). Неоднократно избирался в городскую думу и на пост городского головы. За его заслуги решением городской думы было присвоено звание «Почетный гражданин Красноярска»



Члены отряда Красноярского вольно-пожарного общества

необходимость реформирования управления Сибири, пытаясь найти золотую середину между стремлением к централизации и местными интересами. Однако эти попытки оказались несостоятельными, и, в конце концов, противоречия между центром и окраиной стали одним из слагающих причин, которые привели страну

к революционным потрясениям в начале XX века. Лишь революция 1905 года заставила центральную власть поддержать инициативу сибирской общественности о введении в крае земств, однако приступить к реализации этого проекта удалось только Временному правительству в 1917 году.

Енисейская губерния относилась к наиболее отдаленным окраинам Российской империи, куда царское правительство высылало своих политических противников.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ САМОДЕРЖАВИЯ



Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский (1821-1866), общественный деятель, основатель кружка петрашевцев

В 1860 году в Красноярск был выслан видный общественный деятель 1840-х годов М.В. Буташевич-Петрашевский. Находясь в ссылке, он поддерживал связь с А.И. Герценом, посылая в «Колокол» корреспонденции, обличавшие произвол сибирских властей. В Красноярске он нашел для себя благодатную обстановку и людей, горячо сочувствовавших его идеям. У Петрашевского были достаточно широкие связи с членами городской думы, к его мнению прислушивались, что вызывало беспокойство губернских властей, и 23 марта 1864 года последовал указ о его высылке в с. Шушенское.

Высылка Петрашевского вызвала в красноярском обществе определенный

резонанс. Ш.Э. Латкина, О.В. Сидорова, Е.В. Бострем выразили публичный протест губернатору. И хотя это не спасло Михаила Васильевича от высылки, но было важно для него как проявление гражданского чувства. «Такие поступки, как взрывы электричества в воздухе, — писал он, — всегда освежают атмосферу, низводя благодатные действия в захиревших зачатках общественных сил, возбуждают их рост». На новом месте Петрашевский продолжал писать разоблачительные заметки, жалобы на местное начальство, стал ходатаем по крестьянским делам, лечил жителей. Кроме того, местное начальство смущали его связи с ссыльными поляками. Опасаясь усиления влияния Петрашевского, власти решили его выслать в с. Бельское Енисейского округа, но и отсюда он продолжал рассылать свои «предерзостные» послания.



Дом в г. Минусинске, в котором в 1865 г. жил М.В. Буташевич-Петрашевский. Из фондов МКМ

Вечером 6 декабря 1866 года он вернулся из Енисейска, куда ездил для разбирательства своей судебной тяжбы, а на следующее утро его нашли мертвым. Как было установлено полицейским расследованием, смерть наступила от кровоизлияния в мозг. На смерть Михаила Васильевича откликнулся А.И. Герцен. В «Колоколе» был помещен некролог, заканчивавшийся такими строками: «Да сохранит потомство память человека, погибшего ради русской свободы жертвой правительственных гонений».

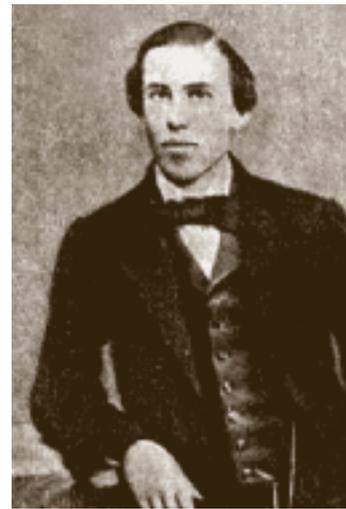
В 1864 году в Енисейскую губернию стали прибывать партии поляков, высланных в Сибирь за участие в восстании 1863 года. В губернию было выслано более 4 тысяч человек. Большая часть поляков была расселена в Канском и Минусинском округах.

Весной 1865 года в Красноярске и Канске были созданы подпольные организации под руководством П. Ляндовского, Ю. Шленкера, Ю. Ратынского. С прибытием в красноярскую тюрьму в октябре 1865 года Н.А. Серно-Соловьевича, одного из организаторов «Земли и воли», деятельность ссыльных приобрела более активный характер. Их связи шли не только в другие города Сибири, но и в центр страны. В их установлении активную поддержку ссыльным революционерам оказали жители губернии: жена чиновника Малецкого, капеллан красноярского католическо-

го прихода Пукен, врач И. Залесский, купец Е. Голубков. Денежную помощь полякам оказывал золотопромышленник П.И. Кузнецов. Вскоре жандармам стало известно о существовании организации ссыльных, однако власти не решились на гласное следствие и суд над ее участниками, опасаясь общественного резонанса, выслав в административном порядке ее участников в отдаленные местности Восточной Сибири.

Новый приток политических ссыльных в Сибирь был связан с массовыми политическими процессами по делам деятелей народнического движения. На территории Енисейской губернии с 1879 по 1892 год отбывали ссылку 1065 участников народнических организаций. По своему культурному и образовательному уровню они представляли настоящую находку для края, остро нуждавшегося в грамотных специалистах и в людях, равнодушных к общественным нуждам. Среди них доля имевших высшее образование составляла 29 процентов, незаконченное высшее — 40 процентов; 52 процента были заняты в сфере интеллигентных профессий.

Правительство и местные власти стремились всячески ограничивать участие политических ссыльных в жизни сибирского общества, прибегая к жесткой регламентации занятий, связанных с интеллектуальной деятельностью, поскольку это открывало возможности для идейного влияния ссыльных на местное население.



Николай Александрович Серно-Соловьевич (1834-1866) — общественный деятель 1860-х годов, один из организаторов «Земли и воли»

«Арест пропагандиста». Репродукция картины Ильи Репина





Дмитрий Александрович
Клеменц (1848-1914)



Павел Александрович
Аргунов (1862-1944)

А поэтому ссыльные, среди которых было немало лиц, имевших не только университетские дипломы, но и степени кандидатов наук, вынуждены были заниматься неквалифицированным трудом. Так, С. Геринг, окончивший курсы Коммерческой академии, с трудом нашел себе место приказчика в одном из магазинов Красноярска, Л.П. Семиренко (позднее известный селекционер, создатель сорта яблок, получившего его фамилию), имевший степень кандидата естественных наук, служил садовником у золотопромышленника Кузнецова.

Между тем потребности в квалифицированных специалистах были настолько остры, что местные власти нередко были вынуждены отступать от строгих инструкций и прибегать к помощи своих политических противников. С другой стороны, и для самих ссыльных научно-исследовательская и культурно-просветительская работа в условиях, когда другие формы общественной деятельности были предельно ограничены, становилась единственной возможностью, чтобы реализовать свои гражданские позиции.

Многие из них обратились к изучению народной культуры, при этом стремясь приблизить исследования к непосредственной среде, в которой протекала жизнь народа как хранителя истоков самобытной национальной культуры. Оригинальными исследователями культуры и быта старожильского населения Приангарья проявили себя ссыльные народники А.А. Макаренко и В.С. Арефьев.

Тематика научного творчества Арефьева поражает многогранностью: он изучал народную песню, медицину, религиозные верования, хозяйственный быт, свадебные обряды русского и коренного населения Енисейской губернии, фольклор поселенцев. В своих работах народник убедительно опроверг распространенное в научной литературе утверждение об ущербности духовной жизни сибиряка и искаженное представление о бедности его песенного фольклора.

Макаренко вошел в науку как талантливый исследователь сибирского крестьянства. Его работа «Сибирский народный календарь Енисейской губернии» (СПб., 1913) была премирована Русским географическим обществом, Академией наук и Томским университетом. Она стала для современников настоящим открытием многогранной и богатой духовной жизни сибирского крестьянства. Отмечая значение труда Макаренко, один из рецензентов сравнивал его с «эпопеей, которая нравится своей величавостью, архаичностью и которую хочется изучать, исследовать как сокровищницу русской народной культуры».

Крупным исследователем Сибири стал Д.А. Клеменц. Высланный в 1882 году за участие в народнической организации «Земля и воля» в Минусинский округ, он с первых дней своей жизни в Сибири обратился к научным занятиям. Свою первую научную работу «Древности Минусинского музея» (Томск, 1886) он написал в Минусинске. Книга принесла



Клеменцу известность в научном мире. Видный российский историк и этнограф А.Н. Пыпин видел в создании научного труда такого высокого уровня в нелегких условиях глухой провинции научный и человеческий подвиг.

Дмитрий Александрович внес огромный вклад в изучение экономических и природных ресурсов Енисейской губернии. При обследовании Канского и Ачинского округов он обнаружил значительные запасы каменного угля, первым указав на необходимость их промышленной разработки. Ученый широко пропагандировал идею развития пароходного сообщения в верхнем Енисее, выступая сторонником расширения торгово-экономических связей с Монголией. По мысли народника, это должно было дать толчок для развития крестьянской промышленности на юге Енисейской губернии. Подчеркивая значение материалов, собранных Клеменцем, для изучения верховьев Енисея, академик В.А. Обручев отмечал, что оно особенно велико, если учитывать, что он явился пионером в этой области.

Высокую оценку в научном мире получили труды ссыльных народников П.Е. Кулакова и Д.Е. Лаппо по изучению коренных народов юга Енисейской губернии. Кулаков, служивший секретарем губернского статистического комитета, в 1897 году возглавил научную экспедицию по изучению хозяйственного быта инородцев Минусинского и Ачинского

округов. По результатам исследования им были опубликованы статьи, в которых показывалось разрушающее влияние современных экономических процессов на родовые институты у коренных народов. Исследования Лаппо были в основном посвящены изучению традиционного права хакасов. В своих трудах он убедительно доказал, что правительство в своей политике в вопросах управления коренными народами ведет к консервации их отсталости и культурной изоляции. Сам народник видел пути решения проблемы в постепенной модернизации традиционного права, подчинении его определенным процессуальным нормам, чтобы «дикое и жестокое» постепенно ушло из общественной жизни, а права личности получили гарантию закона.

Исследование народника С.Л. Чудновского по истории Енисейской губернии положило начало для развития научного краеведения. В его работе «Енисейская губерния» была дана всесторонняя картина социально-экономического развития края в пореформенный период. В ее основу были положены очерки, написанные народником для «Сибирской газеты». По решению редакции газеты они были переданы в Красноярскую городскую думу, объявившую конкурс на работу, посвященную истории губернии, в связи с 300-летним юбилеем присоединения Сибири. Решением комиссии книга Чудновского была удостоена премии думы.



*Алексей Алексеевич
Макаренко (1860-1928)*



*Минусинские
политические ссыльные.
Слева направо:
А.В. Орочко,
Е.К. Яковлев,
А.В. Тырков, Ф.Я. Кон.
Снимок сделан
на Сафьяновской заимке
на о. Тагарском, 1897 г.
Из фондов МКМ*



*Александр Алексеевич
Кропоткин (1841-1886)*



*Сергей Яковлевич
Елпатьевский
(1854-1933)*

Большой вклад в изучение крестьянского хозяйства Минусинского округа внес П.А. Аргунов, высланный за участие в народнической организации «Общестуденческий союз». Используя статистические материалы и коллекции из фондов Минусинского музея, он написал капитальный труд «Очерки сельского хозяйства Минусинского края», получивший высокую оценку в научных кругах, и был удостоен медали Русского географического общества. Известный сибирский исследователь — статистик В.Ю. Григорьев писал об очерках как о «ценном вкладе в статистико-экономическую литературу о сельском хозяйстве Сибири».

Немало в изучении губернии сделал М. Маркс, высланный в 1866 году по делу каракозовцев в Енисейск. На протяжении 1871-1884 годов он вел метеорологические наблюдения в Енисейском округе, на основе которых составил таблицы времени для Енисейска, Минусинска, Туруханска. Труды его были удостоены золотой медали Российской Академии наук. Маркс принимал участие в научной экспедиции по изучению гидроресурсов в бассейне Оби, Енисея и Чулыма с целью выявления перспектив строительства Обь-Енисейского канала.

Исключительно яркой личностью среди ссыльных народников Енисейской губернии был А.А. Кропоткин, старший брат известного революционера и исследователя Восточной Сибири П.А. Кро-

поткина. В 1875 году он был выслан в административном порядке в Минусинск. Все свое время и силы Кропоткин отдавал научным занятиям. Двор дома, где он поселился, был превращен в метеостанцию. Здесь были устроены флюгер, дождемер, барометр, и ежедневно три раза проводились замеры. Кроме того, Кропоткин работал в музее, помогая в описании его коллекций. Авторству ученого принадлежит обширный очерк «Саянский хребет и Минусинский округ», опубликованный после его смерти. В нем автор дает обстоятельную характеристику природно-климатических условий, геологических и гидрологических ресурсов, указывая на их огромный потенциал для промышленного освоения края. С сожалением Кропоткин констатировал, что современное состояние экономического развития округа далеко не отвечает его возможностям.

Но главным увлечением Александра Алексеевича являлась астрономия. Он опубликовал в российских и зарубежных академических изданиях ряд статей, в которых рассматривались сложнейшие вопросы астрономии и космологии: строение солнца, природу падающих звезд, звездных туманностей, происхождение комет. Они получили высокую оценку в ученом мире. Видный астроном Гильден писал, что их автор «обладает замечательным даром обобщения и образного видения строения вселенной».



«Совещание 17 ссыльных социал-демократов под руководством В.И. Ульянова в селе Ермаковское. Август 1899 г.». Репродукция картины И. Тютикова из собрания музея-заповедника «Шушенское»

С Енисейской губернией было связано начало научной и творческой деятельности известного писателя и общественно-го деятеля С.Я. Елпатьевского. За связь с народовольческими организациями он был выслан в 1884 году в Восточную Сибирь. Сначала поселен в деревне Верхней Енисейского округа. В 1885 году, когда в Енисейском округе началась эпидемия дифтерита, унесшая сотни детских жизней, губернатор вынужден был обратиться за помощью к Елпатьевскому, имевшему медицинское образование. Ссылному народнику разрешили свободно разъезжать не только по территории округа, но и бывать за его пределами. В 1886 году Елпатьевский побывал в Минусинском округе. Здесь он заинтересовался солеными озерами. Проведя их обследование, он пришел к выводу о целебности минералогического состава грязей озера Ши́ра и прилегающих к нему малых озер, и одним из первых указал на необходимость развития на их базе местной курортологии.

В енисейской ссылке Сергей Яковлевич сложился как оригинальный писатель, выступив с циклом очерков о жизни сибирского населения. В своих лучших рассказах «Жиганы», «Маскарад в Тайгинске», «Окаанный город», «В Туруханском крае» автор воссоздал правдивую картину неустроенной жизни поселенцев, людей, сломленных судьбой. Но это только одна сторона сибирской жизни. Другая виделась ему в оптимистическом свете.

В своих рассказах он воздал должное силе духа русского человека, освоившего суровую природу сибирского края. Характер сибиряка, по мнению писателя, во многом сформировался под влиянием суровой, но прекрасной и могучей природы. Он писал: «Сибиряк уже менее сложен, чем русский, но он цельнее, структурнее. В нем мало русской тоски, русской мечты, русского раздумья и русского сердоболья... но он знает, чего хочет, и он крепкий, жилистый и умеет хотеть и может мочь. В нем мало тяги к художественности, к красоте, к украшению жизни, но у него огромная тяга к знанию, к практическому делу, к строительству своей сибирской жизни... Сибиряк всегда был глубоко демократичен и не очень верноподданный. Сыновья людей, преступивших русский закон, потомки беглых людей, бежавших от барина, от чиновника, от консистории и Синода, от царской власти, потомки вольных, смелых людей, уходивших от склоки, связанности, скудости русской жизни искать долю жизни в беспредельной Сибири, — сибиряки не чувствовали нежности к русскому правительству и не благоговели, не трепетали, как раньше русские пред царской властью».

В конце XIX — начале XX века партийный состав ссылки заметно поменялся, возросло представительство нарождавшейся российской социал-демократии. В конце 1890-х годов в Енисейскую губернию были высланы участники «Союза



*Владимир Ильич
Ульянов (Ленин)
(1870-1924)*

*Комната В.И. Ленина
в доме зажиточного
шушенского крестьянина
А.П. Зырянова, в которой
он жил с мая 1897-го по
июль 1898 года.
Экспозиция историко-
этнографического
музея-заповедника
«Шушенское»*



борьбы за освобождение рабочего класса» В.И. Ленин, П.Н. Лепешинский, М.А. Сильвин и другие.

Ленин еще до ссылки выдвинулся как один из лидеров молодой российской социал-демократии. И в далекой Сибири он не прекращал своей деятельности, нацеленной на консолидацию социал-демократии в единую партию, сплоченную на общей идейной платформе. По инициативе Ленина на заседании ссыльных, состоявшемся в 1899 году в селе Ермаковском, был принят «Протест российских социал-демократов». Он был опубликован за границей с помощью Г.В. Плеханова и получил большой отклик, ускорив объединение сторонников рево-

люционного направления в российской социал-демократии.

Под влиянием Ленина, неоднократно бывавшего в Красноярске, здесь сложился марксистский кружок во главе с П.А. Красиковым. Деятельность членов кружка подготовила предпосылки для создания Красноярского комитета РСДРП в 1901 году. В первый состав комитета вошли И.Э. Гуковский, Н.П. Калабин, Н.Л. Барабанщиков. Основным направлением деятельности красноярских социал-демократов стала политическая агитация среди местных рабочих, под влиянием которой усилилось стачечное движение в губернии, предвосхитившее события первой русской революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмена крепостного права дала могучий толчок для оживления экономической жизни сибирского края, втягивая его в общероссийские исторические процессы. Однако положение Сибири как колонии в экономическом смысле приводило к консервации докапиталистических отношений, сдерживая масштабы и темпы прогрессивных изменений. В развитии Енисейской губернии отмеченные тенденции усугублялись ее географическим положением: удаленностью от крупных торговых магистралей и рынков общесибирского значения, малой плотностью населения. Поэтому в сравнении с соседними сибирскими регионами темпы торгово-промышленного развития и формирования крупных капиталов в крае существенно уступали, а его громадный промышленный потенциал оставался нереализованным, экономика губернии носила аграрный характер. Формирующаяся местная буржуазия не могла сколько-нибудь эффективно использовать рычаги первоначального накопления, и ее предпринимательская деятельность и богатства выглядели довольно скромно на фоне ее российских и сибирских собратьев.

Лишь к концу XIX века с проведением Транссибирской железнодорожной магистрали богатства края были открыты для всей страны, и сюда устремился крупный российский и иностранный капитал. Это, с одной стороны, создало благоприятные условия для ускоренной технической модернизации и концентрации крупного промышленного производства, перехода к современным прогрессивным формам организации капитала, а с другой — усилило полуколониальную зависимость края, колоссальные богатства которого уходили на обогащение узкой верхушки столичных промышленных магнатов и чиновников в виде сверхвысоких монополистических прибылей.

Также противоречивыми оказались итоги развития в аграрной сфере. Массовое переселение крестьян, начавшееся с середины 1890-х годов, способствовало росту сельскохозяйственного производства за счет введения

новых посевных площадей, определенным подвижкам в культуре производства, более широкому распространению сельскохозяйственной техники. Однако приток переселенцев приводил к сокращению фонда свободных земель и, как следствие, к сужению возможностей для экстенсивного производства. Оно являлось в условиях крайней неразвитости экономической инфраструктуры в крае наиболее оптимальной моделью, обеспечивавшей поступательное развитие крестьянского хозяйства.

В результате на рубеже XIX-XX веков при общем росте валовых сборов производство зерна на душу населения в Енисейской губернии начало сокращаться, стали больше проявляться признаки аграрного кризиса, которому сопутствовало углубление социальной дифференциации. Благополучие сибирского крестьянства, основывавшееся на обилии свободных земель, неограниченном доступе к природным богатствам, постепенно ушло в прошлое. Углубилась пропасть между старожильческой верхушкой, активно втягивавшейся в торговоростовщическое предпринимательство, и прибывавшими из европейской части страны переселенцами, которым все труднее становилось подниматься на ноги, так как обилие дешевой рабочей силы в деревне понижало их заработки. Часть переселенцев стала уходить в города, на прииски, пополняя ряды промышленных рабочих. Однако процессы урбанизации и в это время еще очень слабо проявляли себя, а формирование новой социально-классовой структуры населения шло в крае с большим отставанием от общероссийских масштабов. Жизненный уклад населения губернии оставался неизменным.

Нараставший в стране общественный подъем доходил до берегов Енисея отдаленными отголосками, лишь через политических ссыльных, которые начинали все активнее влиять на настроения местной интеллигенции. Не случайно большая часть красноярской молодежи, уезжавшая на учебу в Москву и Петербург, пополняла ряды сибирских студенческих землячеств, члены которых были известны своими радикально-демократическими убеждениями.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ



Ускорение развития сибирского региона под влиянием строительства Транссиба вызвало к жизни проблемы, с которыми ранее местные власти не сталкивались: крестьянское малоземелье, рост социального неравенства в деревне и в городе, подрыв патриархальных начал и, как следствие этого, стремительная социально-культурная дифференциация общества и нарастание недовольства, резко усиленное русско-японской войной. Все это привело к тому, что начавшаяся в центре страны первая русская революция резонировала и на сибирскую окраину.

В ВИХРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Начало революции

Первая русская революция, начавшаяся 9 января 1905 года в Петербурге, всколыхнула жизнь отдаленной сибирской провинции. Еще до январских событий в Красноярске стали ощущаться признаки надвигавшегося кризиса. Стремительная политизация общественного сознания под влиянием русско-японской войны проявилась в выступлениях на страницах местной печати, обличавших бездарность военного командования и просчеты царской власти, распространении антивоенных прокламаций, усилении стачечного движения, росте крестьянских выступлений. Незадолго до начала революции в декабре 1904 года в городах Сибири развернулась банкетная кампания, в ходе которой звучали требования немедленных политических преобразований. Так, в Красноярске на собрании местной общественности городской голова Н.А. Шепетковский призывал все прогрессивные силы сплотиться вокруг требования «коренной реформы управления».

Известие о расстреле мирного шествия рабочих в Петербурге было получено в Красноярске уже на следующий день, вызвав волну общественного негодования. Банкетная кампания начинает перерастать в стихийные митинги, с трибун звучат призывы к уничтожению монархии. 17 января рабочие красноярских железнодорожных мастерских и паровозного депо объявили о стачке в знак солидарности с питерскими рабочими.

С этого времени события начинают развиваться по нарастающей, вовлекая в водоворот политической борьбы новые общественные силы: интеллигенцию, учащуюся молодежь, служащих, солдат и крестьян. Стачки, митинги, демонстрации становятся обыденным фоном жизни сибирского общества. Общими для всех лозунгами становятся требования демократизации политической системы, введения конституционных свобод. Для сибирской общественности это неразрывно было связано с земской реформой, поэтому, когда в апреле 1905 года был обнародован императорский рескрипт, обещавший введение земств в Сибири, это было воспринято частью либеральной



*«Солдатушки,
браво ребятушки.
Где же ваша слава?»,
1905 г.
Репродукция картины
Валентина Серова*

общественности как победа. В Красноярске, Ачинске, Енисейске и Канске были созданы комитеты по разработке проекта земской реформы.

Но если либерально-демократическая интеллигенция связывала свои надежды с политическими реформами, поддерживая идею созыва Булыгинской думы, то радикально-демократические элементы в лице местного комитета РСДРП и эсеровских организаций призывали к подготовке революционного восстания, чтобы «сместить с лица земли преступное сооружение, именуемое царским самодержавием». В Красноярский комитет РСДРП в это время входили Г.И. Крамольников, Н.Н. Баранский, рабочие К.В. Кузнецов, И.Н. Воронцов, А.Г. Рогов, во главе комитета стоял А.А. Мельников.

Местная организация эсеров, возглавляемая студентом Томского университета Юрковским, была менее многочисленной и в основном имела своих сторонников среди учащейся молодежи. Совместно с социал-демократами они организовали подпольную типографию, выпускавшую революционные прокламации и «Стачечные листки». Летом эсеры стали формировать свои боевые группы для самообороны.

Накалу революционных настроений способствовало и то, что местные власти в лице енисейского губернатора Н.А. Айгустова и вице-губернатора В.Н. Соколовского оказались полностью деморализованы напором политической активности населения, не решаясь на какие-либо репрессивные меры против участников многочисленных митингов и демонстраций.

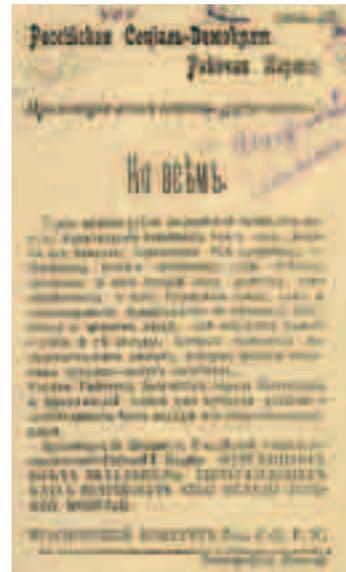
В конце июля 1905 года в Сибири началась политическая стачка, ее поддерживали железнодорожные рабочие Боготола

и Красноярска. 10 августа в Красноярске во время митинга на Николаевской горе произошло столкновение его участников с жандармской ротой, в ходе которого был убит рабочий железнодорожных мастерских М. Чальников. 13 августа состоялись его похороны, вылившиеся в политическую демонстрацию, в которой приняли участие 10 тысяч человек.

Власти, обеспокоенные тем, что события выйдут из-под контроля, потребовали присылки в Красноярск дополнительных армейских сил, и 20 августа в город прибыл 2-й железнодорожный батальон. Однако это не только не стабилизировало обстановку, но еще более усугубило революционную опасность, так как среди солдат и части офицеров преобладало сочувственное отношение к борьбе рабочих.

Октябрьская всероссийская политическая стачка, начатая рабочими Москвы и Петербурга, встретила активную поддержку в Красноярске. 13 октября 1905 года собрание рабочих железнодорожных мастерских, организованное Красноярским комитетом РСДРП, постановило поддержать всеобщую стачку. К ним присоединились рабочие других предприятий, служащие учреждений, учащиеся. Стачка охватила весь город: закрывались торговые заведения, аптеки, не работали телеграф и телефон, была парализована деятельность окружного суда. Город оказался во власти митинговой стихии. Центрами сбора митингующих стали железнодорожные мастерские и Народный дом.

В ходе стачки стали явочным путем вводить 8-часовой рабочий день, устанавливать новые порядки движения по железной дороге, рабочие дружины контролировали общественный порядок



Листовка Красноярского комитета РСДРП, 1905 г. Из фондов ККМ. Публикуется впервые



Устав Красноярского профессионального Союза городских служащих



Похороны Чальникова, 1905 г. Публикуется впервые. Из фондов ККМ

Первый номер
газеты Красноярской
организации Российской
социал-демократической
рабочей партии
«Красноярский
рабочий»,
10 декабря 1905 г.



в городе. Таким образом, уже в период октябрьской стачки были созданы зачатки демократического самоуправления, хотя в это время они еще не получили законченного организационного оформления. Разрозненные общественные организации — профессиональные союзы, Выборная комиссия, в которую входили представители от рабочих, стачечные комитеты, организация учащихся Красноярска, местная организация Сибирского областного союза — выражали интересы самых разных слоев общества, но были пока объединены в общем стремлении добиться права народного представительства.

Это хрупкое единение было разрушено Манифестом 17 октября 1905 года, обещавшим даровать народу Государственную думу с законодательными правами и демократические свободы. Либеральная общественность восприняла это как победу над самодержавием и возможность

направить политическую борьбу в русло парламентской деятельности.

В конце октября в Красноярске образовалось отделение Партии народной свободы (кадеты). Видную в нем роль играли В.А. Караулов, Д.Е. Лаппо, В.Ю. Григорьев, П.И. Кусков, П.С. Троицкий, Б.Л. Роганович, Вс. М. Крутовский. Из местных предпринимателей в ПНС вошли промышленники С.В. Востротин и А.А. Саввиных. Программа местных кадетов была довольно умеренной, ее лидеры категорически выступали против всяких контактов с левыми силами.

На правом фланге политических партий, возникших в губернии после опубликования Манифеста, стоял Союз мира и порядка, организатором которого выступил купец А.Г. Смирнов. Первоначально политические установки Союза были созвучны правомонархическому Союзу русского народа, но позднее в программу организации были внесены изменения, которые сблизили ее с Союзом 17 октября.

Представители левых сил видели в Манифесте лишь временную уступку, предпринятую властью, чтобы перейти в наступление против революции. Поэтому их лидеры настаивали на продолжении вооруженной борьбы до полной победы над самодержавием.

Причиной новой волны массовых выступлений послужили выборы в Красноярскую городскую думу, в результате которых либерально-демократические силы потерпели поражение, и в думе возобладали правомонархические элементы. В ответ на это 6 декабря в сборочном цехе железнодорожных мастерских состоялось общее собрание рабочих и солдат 2-го железнодорожного батальона, принявшее решение



«Манифест
17 октября», 1905 г.
Репродукция картины
И.Е. Репина

об образовании Объединенного Совета депутатов солдат и рабочих. В воззвании, опубликованном 9 декабря от имени Совета, объявлялось о проведении перевыборов в городскую думу на основе всеобщего избирательного права. 10 декабря на заседании Выборной комиссии было решено переименовать ее в Совет рабочих депутатов Красноярск. В составе Совета были образованы три комиссии: для наблюдения за движением воинских поездов, координации с выборными депутатами от солдат и заведования делами внутреннего распорядка во всех промышленных предприятиях города. Таким образом, Совет окончательно конституировался в альтернативную губернской и городской властям новую форму народовластия, а время его существования с 6 декабря 1905 года по 3 января 1906 года вошло в историю как Красноярская республика. Активными деятелями Красноярского Совета стали А.Г. Рогов, А.А. Мельников, И.Н. Воронцов, К.В. Кузнецов, А.И. Кузьмин.

Новая власть пользовалась большим доверием среди демократической части населения Красноярск, почувствовавшей в ней реальную защиту от социальной несправедливости. По решению Совета на предприятиях города был введен 8-часовой рабочий день, созданы народные суды, запрещена продажа водки, беспорядочная стрельба на улицах города. В Совете рабочие могли найти управу на своих хозяев, получить помощь в устройстве на работу, содействие в борьбе со спекулянтами и взяточниками.

Однако либеральная интеллигенция, купечество и чиновники смотрели на но-

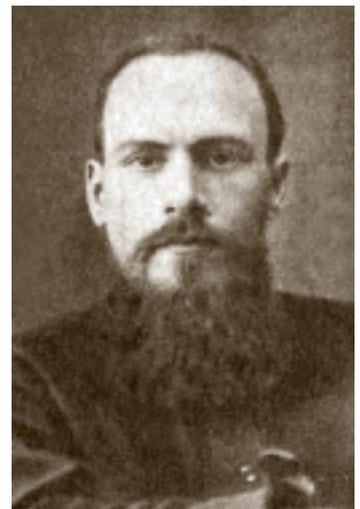
вую власть как на незаконную. Хотя в начале часть местных либералов согласилась сотрудничать с Советом в организации перевыборов городской думы, но вскоре она отказалась от этого, напуганная радикализмом руководства Совета. Между тем губернской власти в конце декабря удалось добиться присылки в Красноярск воинских частей. 26-27 декабря они взяли под контроль центр города, отеснив солдат железнодорожного батальона в железнодорожные мастерские, где они забаррикадировались вместе с рабочими.

28 декабря началась осада мастерских, продолжавшаяся до 3 января 1906 года. 800 солдат и рабочих семь дней держали осаду превосходящих сил противника, и только нехватка оружия и продовольствия заставила их сдаться властям. 479 участников восстания были отправлены в тюрьму, около 200 из них приговорено к разным срокам заключения.

За подавлением восстания в Красноярске последовали карательные экспедиции вдоль Сибирской железной дороги, во время которых сотни жителей железнодорожных станций и окрестных деревень без суда и следствия были подвергнуты наказаниям. Особенно жестокой была расправа с рабочими станции Иланская. Она была устроена прямо в депо, куда по распоряжению администрации были приглашены рабочие вместе с женами и детьми якобы для выяснения нужд рабочих и встречи с железнодорожным начальством. В ходе «встречи» были расстреляны 25 и ранены 70 рабочих, 150 арестованы и отправлены в тюрьму. Расправа над невооруженными людьми



*Алексей Гаврилович
Рогов
(1886-1950)*



*Андрей Илларионович
Кузьмин
(1880-1920).
Из фондов ККМ*



*Участники декабрьского
вооруженного восстания
1905 года в Красноярске*



*Николай Федорович
Николаевский, депутат
I Государственной думы
от Енисейской губернии*



*Александр Иванович
Бриллиантов, депутат
II Государственной думы
от Енисейской губернии*

всколыхнула общественность. По запросу депутатов Государственной думы было инициировано расследование событий, однако правительство не торопилось с этим. Характерной резолюцией Николая II по подобным делам было: «Жаль, что мало» (расстреляно народа. — В.Ф.).

Тем не менее, несмотря на репрессии, массовое движение в губернии не прекращалось. В 1906 году оно переместилось в уезды. Основными формами крестьянской борьбы стали отказы от уплаты податей и исполнения повинностей, самовольные порубки лесов, неподчинение приказаниям сельских властей. Особенно широкие масштабы крестьянское движение приняло в Минусинском уезде, где с осени 1905-го по декабрь 1906 года произошло 152 выступления. При этом во время выступлений наряду с требованиями экономического характера крестьяне под влиянием социал-демократической и эсеровской агитации выдвигали и политическое требование: требовали созыва Учредительного собрания.

Новый импульс крестьянское движение получило в связи с начавшимися выборами в I Государственную думу. Крестьяне принимали на сходах наказания, выражавшие их чаяния и надежды: введение всеобщего избирательного права, отмену сословий, широкого местного самоуправления, передачу казенных, кабинетских и церковно-монастырских земель в пользование крестьян, отмену косвенных налогов, установление подоходного налога.

В городах губернии в это время усилилось преследование деятелей либерально-демократических партий. Большие потери понесли социал-демократы и эсеры. Даже кадеты в этой обстановке вынуждены были действовать полулегально. В самой партии в это время усилилось ее

правое крыло, идеологом которого выступил В.А. Караулов, публично заявивший, что предпочитает лучше «умереть у ног правительства», чем попасть под диктатуру крайних партий. Отказ кадет от блокирования с левыми силами привел к полному поражению партии на выборах в I Государственную думу. Победу на думских выборах одержали представители леворадикальных сил: крестьянин Симон Ермолаев и врач Николай Николаевский, примкнувшие в думе к фракции трудовиков.

После разгона I Госдумы выборы в губернии во II Госдуму вновь показали, что демократический потенциал еще не был исчерпан. Победу на выборах одержали минусинский священник А.И. Бриллиантов, близкий по своим взглядам к эсерам, и красноярский социал-демократ И.К. Юдин.

Енисейская губерния накануне Первой мировой войны

Бурные события революционных лет привели к спаду губернской экономики. Сильнее всего пострадала промышленность: забастовки привели к перебоям в работе промышленных предприятий и транспорта, сокращению торговых оборотов. Однако уже к 1909 году наметились явные признаки хозяйственного оживления. Важную роль в этом сыграло начавшееся массовое переселение крестьян, ставшее частью столыпинской аграрной реформы. За 1906-1914 годы переселилось 274 516 крестьян, на карте губернии возник 671 новый поселок. Благодаря переселенцам в сельскохозяйственный оборот были введены сотни тысяч десятин пашни, в результате чего посевные площади увеличились на 35



*Патриотическая
манifestация
Красноярского отдела
Союза русского народа
на Воскресенской улице,
1907 г.*

процентов. В отдельных уездах, как, например, в Канском, рост посевных площадей составил более чем 300 процентов. Под эгидой Переселенческого управления проводили землеустроительные и мелиоративные работы, устраивали склады сельскохозяйственной техники, строили больницы, школы, прокладывали дороги.

Положительные подвижки произошли в агрикультуре: сложилась система губернской агрономической службы, заметно выросла обеспеченность крестьянских хозяйств сельскохозяйственной техникой. Так, число веялок в губернии выросло в 14 раз, молотилок — в 61 раз. С увеличением валового производства сельскохозяйственной продукции росла и ее товарность. Более чем в 1,5 раза вырос вывоз зерна из губернии.

Важную роль в поступательном развитии крестьянского хозяйства сыграло кооперативное движение, развернувшееся в губернии накануне первой мировой войны. Крестьяне создавали кредитные товарищества, кооперативы по закупке промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной продукции. Особенно широкое развитие получили маслодельные кооперативы. К 1914 году в губернии насчитывалось 249 кооперативных обществ.

Вместе с тем столыпинская реформа не смогла решить главную задачу: перехода к более высокому уровню агрикультуры как в центре страны, так и в Сибири. Огромный приток переселенцев привел к сокращению в губернии значительной части резервного земельного фонда в виде залежей, благодаря которому поддерживались высокая урожайность в крестьянском хозяйстве. В отдельных уездах губернии залежи сократились в 3-4 раза. Следствием этого стало падение урожайности и душевых сборов зерна почти в два

раза. Даже переход к использованию более совершенной техники вспашки не мог компенсировать это. Если до начала реформы производство зерна полностью обеспечивало нужды населения Енисейской губернии, то в предвоенные годы возник дефицит зерна на губернском рынке, и ввоз зерна превысил его вывоз. Потерпели провал и попытки создания хозяйств хуторского типа как альтернативы общинному землепользованию. К 1916 году хуторяне в Енисейской губернии составили лишь 0,3 процента крестьянских хозяйств.

В промышленности Енисейской губернии в предвоенное пятилетие стал явственно наблюдаться переход к новым формам в организации производства и капитала, связанный с вступлением российского капитализма в монополистическую фазу. В золотопромышленности ведущую роль начали играть акционерные общества, пайщиками которых являлись крупные столичные и иностранные предприниматели. Так, акционерные общества «Драга» и «Александровское» кредитовались Русско-Азиатским банком. Петербургский международный банк финансировал золотодобывающую компанию «Золоторосс». В акционерном обществе «Енисейская медь» преобладал английский капитал. Акционерные компании появились в речном транспорте. В 1910 году возникло «Акционерное общество пароходства по Енисею», учредителями которого стали А.П. Кузнецов, Н.Н. Гадалов, В.И. Карнаков, А.И. Кытманов, А. Баландин, А. Терсков, Н. Пашенных. Основной капитал общества составил 700 тысяч рублей. В руках компании была сконцентрирована половина всего пароходного парка на Енисее: 6 пароходов мощностью 2380 л.с. Монопольное положение компании на рынке позволяло ее



Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), реформатор и государственный деятель России

Объявление акционерного золотопромышленного общества «Драга»



Оформление наделов крестьян-переселенцев чиновниками землеустроительного комитета





Йонас Лид, норвежский предприниматель. Фото 1960-х гг.

Участники акционерного общества пароходства по р. Енисею, 1911 г. Фото И.Е. Уткина. Из фондов ККМ

участникам завышать фрахты на перевозку грузов, получая монополистическую сверхприбыль. Особенно резко возросли прибыли в пароходстве в годы войны. Это привлекло внимание крупных российских предпринимателей. В 1915 году один из основателей крупнейшей российской пароходной компании «Камво» Д.В. Сироткин учредил компанию «Енисей» с основным капиталом в 300 тысяч рублей. Правление общества находилось в Нижнем Новгороде.

Перед началом Первой мировой войны в речной транспорт Сибири начал активно вторгаться иностранный капитал. В 1910 году в Красноярск прибыл эмиссар английского «Синдиката по изучению особенностей и потребностей сибирского рынка» И. Лид. Убедившись в том, что развитие судоходства по сибирским рекам сулит большие перспективы для международной торговли, он в 1912 году основал англо-норвежскую компанию «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли», капитал которой составил 225 тысяч фунтов стерлингов.

Компания вскоре подмяла под себя местных пароходоладельцев и фактически стала монополистом в Обь-Енисейском речном бассейне. К 1917 году Лид контролировал речные подходы к Северному морскому пути, установил тесные финансовые связи с американскими бизнесменами, ему принадлежало более 50 процентов акций треста «Товарпар».

Вместе с тем большую часть промышленных предприятий в губернии по-прежнему составляли полукустарные мастерские с оборотом капитала менее 1 тысячи рублей в год. На 1915 год в губернии числилось 798 предприятий, на которых были заняты 5295 рабочих. Примитивная технология, низкая производительность труда, сохранявшаяся даже на таких крупных предприятиях, как железнодорожные мастерские, не могли обеспечить промышленную модернизацию, и экономика губернии и на этом этапе сохраняла аграрный характер.

В общественно-политической жизни края после первой русской революции умиротворения не наступило. Сто-



льпинская аграрная реформа привела к столкновению интересов переселенцев и старожилов, потерявших в результате землеустройства тысячи десятин земли. Если раньше недовольство крестьянства губернии вызывалось, главным образом, непомерными налогами и повинностями, то в предвоенные годы основной причиной крестьянских выступлений стало землеустройство. В ряде случаев проведение землеустройства вызывало открытые выступления крестьян, и властям удавалось навязать новые порядки только в результате репрессий. Поэтому власти не спешили отменять военное положение, введенное в годы революции в уездах губернии. Так, в Ачинском уезде оно сохранялось до 1910 года, а в Минусинском — до 1912 года. В 1907-1917 годов в уездах губернии было отмечено более 40 выступлений. При этом наибольшее их число было в уездах, в которые шел основной приток переселенцев, — Канском и Ачинском.

В городах стачечное движение рабочих в первые годы после революции практически затухло. Успокоению отчасти способствовало то, что рабочее движение было направлено в русло профсоюзной и кооперативной деятельности, главный упор делался на вопросы улучшения быта и культурно-просветительскую работу. В сентябре 1915 года состоялся съезд представителей потребительских организаций, принявший решение о создании торгово-промышленного товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии.

Политические партии в первые годы после революции переживали кризис. Заметно уменьшилась численность партийных организаций. Так, самая многочисленная Красноярская организация

РСДРП сократилась почти вдвое. Эсеровские организации, ослабленные внутренними разногласиями, направили свою работу на организацию крестьянских кооперативов, артелей и сотрудничество в легальной печати. Анархисты действовали в виде разрозненных малочисленных групп в составе 3-10 человек. Самой крупной акцией их стал Туруханский бунт в 1908 году, сопровождавшийся убийством зажиточных крестьян и раздачей их имущества бедноте. Кадеты главное внимание в это время уделяли работе в легальных общественных организациях и городском самоуправлении. В 1912 году на выборах в III Государственную думу им удалось провести своего кандидата В.А. Караулова, которого вскоре сменил С.В. Востротин.

Новый подъем общественного движения, начавшийся под влиянием событий в 1912 году на Ленских приисках, затронул и Енисейскую губернию. В знак солидарности с жертвами Ленского расстрела на предприятиях и приисках проходили митинги, устраивался сбор средств в помощь пострадавшим.

Большое влияние на оживление общественной жизни оказала политическая ссылка. Численность политссыльных в губернии в результате усиления правительственных репрессий против участников революционного движения в центре страны увеличилась до 12 тысяч. В эти годы в губернию были высланы такие видные деятели большевистской партии, как И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе, Ф.Э. Дзержинский, Е.Д. Стасова, Я.М. Свердлов, В.А. Ватин-Быстрянский, А.Г. Шлихтер, большевистские депутаты IV Государственной думы Г.И. Петровский, А.С. Бадаев, М.К. Муранов, Н.Ф.



Василий Андреевич Караулов, депутат III Государственной думы от Енисейской губернии, лидер красноярской организации партии кадетов



Степан (Стефан) Васильевич Востротин, депутат III и IV Государственных дум, член кадетской партии, енисейский промышленник и пароходовладелец



Пароход «Атаман». Красноярская пристань, 1916 г. Из фондов ККМ



В.А. Ватин-Быстрянский, политссылный, социал-демократ

Самойлов, Н.Р. Шагов, меньшевики А.В. Байкалов, Ф.И. Дан, Л.Г. Дейч, Б.И. Николаевский, эсеры Е.К. Брешко-Брешковская, Н.В. Мазурин, С.А. Лазо, А.П. Лебедева и другие.

Начавшаяся Первая мировая война резко ухудшила экономическое положение основной части населения губернии и привела к росту массового недовольства. Волна стачек прокатилась среди рабочих на золотых приисках, предприятиях Красноярска, Ачинска, Канска. В селах крестьяне выступали против реквизиции скота для армейских нужд. В некоторых случаях протесты принимали активную форму. Так, в 1916 году для подавления выступлений крестьян в Рыбинской волости Канского уезда были вызваны воин-

ские части. В мае этого же года в Боготоле толпа солдаток потребовала увеличения пособий, угрожая разгромом лавок, владельцы которых повысили цены на продукты. Положение осложнялось тем, что в губернию хлынул поток беженцев из прифронтовых территорий. Местные власти не могли обеспечить их обустройство, общественные благотворительные организации, располагавшие весьма скудными средствами, были не способны оказать сколько-нибудь эффективную помощь в разрешении острых социальных проблем. На фоне нараставшего недовольства войной и усиливавшегося социального напряжения в стране все явственнее стали проявляться признаки нового революционного кризиса.



Группа ссыльных в Туруханске (третий слева И.В. Джугашвили (Сталин), 1915 г.

Признаки оживления общественной жизни в Енисейской губернии в пореформенную эпоху особенно рельефно проявились в сфере культуры.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЕНИСЕЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Народное образование

Либеральные реформы 1860-х годов дали ощутимый толчок для приобщения к образованию широких демократических слоев населения. Большую роль в этом сыграли земства, взяв на себя основной груз по содержанию учебных заведений. Однако в Сибири не было земств, поэтому здесь особенно остро ощущалась нехватка общеобразовательных учреждений. Так, на всю Енисейскую губернию

к началу 1880-х годов насчитывалось всего 59 учебных заведений, в которых обучалось 2687 учеников, то есть одна школа приходилась на 7135 жителей губернии.

Основным типом учебных заведений в губернии долгое время оставались двухгодичные приходские училища. Это был отсталый тип учебных заведений, не отвечавший потребностям в подготовке грамотных кадров, так как давал самое элементарное начальное образование.

Наряду с ними по инициативе общест-венности началось создание школ, в образовательных программах которых было большее количество предметов. Не-полное среднее образование можно было получить в шестиклассных училищах, существовавших в Красноярске, Ачин-ске, Енисейске. Однако их выпускники не имели возможности продолжить свое дальнейшее образование, кроме как в тех-нических и ремесленных училищах. Та-ким образом, в губернии не существова-ло учебных заведений, дававших полное среднее образование. Попытку воспол-нить этот недостаток в 1864 году пред-принял известный общественный деятель С.С. Шашков, открыв в Красноярске класс для мальчиков и девочек, обучение в котором шло по программе гимназии. Поскольку это было частное учреждение, то доступ в него был возможен для огра-ниченного круга лиц, а потому его дея-тельность не могла снять остроты вопроса об открытии в городе гимназии.

В 1864 году в Красноярске был создан Временный комитет по устройству гимна-зии. После долгих проволочек в Мини-стерстве народного просвещения проект новой гимназии был утвержден, одна-ко приступить к его реализации удалось лишь четыре года спустя. 1 февраля 1868 года в Красноярске открылась мужская гимназия. Первый набор ее насчитывал 70 человек. Состав учеников формиро-вался, главным образом, из детей дворян, чиновников и купцов. И в последующие годы он мало изменился. Так, по ведомо-сти об учениках гимназии 1892 года со-став учащихся выглядел так: дети дворян

и чиновников — 42,8, купцов — 21, ме-щан — 23, крестьян — 6,8, казаков — 3,1 процента.

В 1876 году состоялся первый выпуск: из 70 поступивших к выпускным экзаме-нам дошло 6 учеников, а выдержали их и получили аттестаты только 3 ученика. За 25 лет гимназию окончили всего лишь 144 ученика.

Год спустя после открытия Краснояр-ской мужской гимназии в городе стала действовать женская прогимназия. По примеру Красноярска гимназии стали основывать и в других городах губер-нии, и к 1890 году их число выросло до 6, а количество учащихся в них составило 794 человека. Рост численности учащих-ся сдерживался довольно высокой платой за обучение. В младших классах гимназии она составляла в 1860-е годы 20 рублей, а в старших — 25 рублей, в 1880-е годы плата за обучение выросла до 30 рублей. Существование гимназий осложнялось многочисленными финансовыми и орга-низационными трудностями: отсутствова-ли библиотеки, не хватало учебной лите-ратуры, не были оборудованы кабинеты, плохо держались педагогические кадры. Половина преподавательских должнос-тей в гимназиях оставалась вакантной, занятия нередко вели преподаватели, не имевшие специальной подготовки, или го-родские чиновники.

Задачу подготовки педагогических кадров для губернских начальных за-ведений выполняла Красноярская учи-тельская семинария, открывшаяся в 1873 году. Она готовила учителей для одно-классных сельских училищ, но две трети



Красноярский гимназист, начало XX в. Из фондов ККМ



Ученики и преподаватели церковно-приходской школы г. Красноярска



*Группа преподавателей
и классных дам
Красноярской женской
гимназии,
1900 г.*

ее выпускников оставались в городе, занимая чиновничьи должности.

С учительской семинарией была тесно связана деятельность ее первого директора И.Т. Савенкова, внесшего огромный вклад в подготовку учительских кадров и развитие педагогической мысли в Сибири. Разработанная им система основывалась на передовых идеях российской педагогической школы и продолжала традиции К.Д. Ушинского. Его книга «Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий, начинающим сельским учителям и учительницам о главнейших обязанностях народного учителя» (Красноярск, 1892) стала, по существу, одним из первых в истории народного образования Сибири примером разработки основ профессиональной этики педагогов.

Резкое увеличение переселенческого движения в Енисейскую губернию на рубеже XIX-XX веков поставило задачу расширения сети сельских школ. И хотя их число в это время начало стремительно расти (ежегодно открывалось 56 новых школ), все же их общее количество (781 школа к 1916 году) не могло удовлетворить потребности в развитии народного образования в крае. Необеспеченность школами приводила к тому, что только 10 детей из 100 могли получить образование.

Между тем возроставшие потребности промышленного развития в квалифицированных кадрах поставили перед местной общественностью проблему введения всеобщего начального образования. Однако к ее практическому осуществлению оказался подготовленным только Красноярск. Здесь по решению городской думы в 1908 году было объявлено о введении всеобщего начального образования. Во многом это стало возможным благодаря активной поддержке дела народного образования городской общественностью, по инициативе которой еще в 1884 году было создано

Общество попечения о начальном образовании, главной целью которого была материальная помощь приходским училищам и наиболее способным их ученикам. Подобные общества вскоре возникли в Енисейске (1884 г.) и Минусинске (1887 г.).

Благодаря активной поддержке учреждений образования со стороны общественности произошли позитивные перемены в организации учебно-воспитательного процесса: наметился переход от дисциплинарных наказаний к мерам по предупреждению проступков учащихся, стало больше уделяться внимания развитию творческой самостоятельности учеников. Гласность в освещении школьных проблем приводила к большей открытости в работе школы, участию в ней родительских комитетов, способствуя в целом общей демократизации внутришкольной жизни.

С января 1916 года в Красноярске начал выходить педагогический журнал «Сибирская школа» под редакцией Г.И. Итыгина. Журнал ставил своей целью ознакомление учителей с новейшими методами обучения и воспитания, освещение проблем сибирской школы и жизни сибирского учителя, сыграв серьезную роль в распространении передового педагогического опыта и объединении учительской интеллигенции.

Здравоохранение

Здравоохранение в Сибири в пореформенный период испытывало в своем развитии немалые трудности. До проведения в 1897 году реформы в системе врачебной помощи сельскому населению в Енисейской губернии по штатному расписанию полагались 1 врач и 3 фельдшера на каждый округ. В ходе реформы вся территория губернии была поделена на 22 врачебных участка, за каждым из которых были закреплены по одному врачу и 3 фельд-

*Красноярская женская
гимназия.
Ул. Воскресенская*



*Красноярская мужская гимназия на Благовещенской
улице, 1907 г.*

шера. В результате численность врачебного персонала выросла почти в пять раз. Однако и этого было недостаточно, поскольку один врач приходился на 32 278 человек, что в пять раз было больше, чем в Европейской России. Кроме того, территории врачебных участков были столь велики, что иногда превосходили по площади некоторые европейские страны. При таких громадных расстояниях и плохих дорогах врач вынужден был затрачивать много времени на разъезды, что делало его работу малопродуктивной.

Сельские больницы обычно располагались в непригодных для оказания квалифицированной медицинской помощи зданиях, в них не было ни операционных, ни перевязочных, невозможно было изолировать инфекционных больных. Финансирование больниц было более чем скудным: на лечение одного больного отпускалось по 7 копеек. Но даже и таких больниц явно не хватало: в 22 сельских больницах в 1897 году насчитывалось всего лишь 114 койко-мест почти на 500 тысяч сельского населения.

В городах с обеспечением населения медицинской помощью было чуть лучше. Так, в Красноярске в начале 1880-х годов практиковали 9 врачей, действовала больница на 125 мест. В 1883 году по инициативе городской общественности была открыта бесплатная больница, на содержание которой дума выделила из городского бюджета 1,2 тысячи рублей.

Несмотря на некоторые подвижки в развитии здравоохранения, было очевидно, что губернские власти не справлялись с его организацией. Задачи руководства здравоохранением, подобные тем, что выполняли земства в центре страны,

взяло на себя Общество врачей Енисейской губернии, созданное в 1886 году. Первым президентом Общества был избран доктор П.И. Можаров. В первые годы в его состав вошло девять городских врачей и два уездных, а в 1890 году оно уже насчитывало в своих рядах 83 человека. Общество возглавило работу по улучшению врачебной помощи в губернии. В 1887 году при нем была открыта фельдшерская школа, ставшая первым учебным заведением в Сибири для подготовки медицинских кадров среднего звена. Усилиями членов Общества в Красноярске стали систематически проводиться медико-санитарные обследования школ и промышленных предприятий, издавался бюллетень, а с 1889 года — протоколы, отражавшие положение здравоохранения, был организован лекторий для жителей города. С 1903 года при Обществе стала издаваться первая в Сибири медицинская газета «Сибирские врачебные ведомости».

Отношение губернской администрации к Обществу врачей было двойственным. Она готова была использовать его в своих интересах, но как только инициатива общественности переходила рамки, очерченные властью, показывала прямую враждебность. А это случалось достаточно часто, поскольку члены Общества не ограничивались узкими рамками профессиональной деятельности, а стремились увязать задачи улучшения медицинской помощи с решением острых социальных вопросов. Так, большой общественный и научный отклик получил доклад В.М. Крутовского, сделанный им на заседании Общества врачей по материалам медико-статистического обследования рабочих на золотых приисках Енисейской губер-



Владимир Михайлович Крутовский (1856-1938), врач, один из организаторов Общества врачей Енисейской губернии, фельдшерской школы, председатель Красноярского отдела Сибирского областного союза, министр внутренних дел Временного Сибирского правительства. Умер в красноярской тюрьме в 1938 г.



На приеме у фельдшера в сельской больнице, с. Большой Улуй, 1910 г.



Здание лечебницы в селе Абаканском Минусинского уезда, после 1900 г.



*Р.К. Пикок,
статский советник,
врач-хирург, старший
врач Красноярской
городской больницы,
1903 г.*

*Приемная комната
врача на курорте озера
Шира, Минусинский
уезд,
начало 1900-х годов*



нии. Он обоснованно доказал, что нормы выработки, назначавшиеся предпринимателями для рабочих, превосходили физиологические возможности человека. Власти сочли, что его доклад носил предвзятый в политическом отношении характер. В рапорте начальника губернского жандармского управления утверждалось, что автор «придал своему докладу характер, могущий возбудить рабочих против золотопромышленников».

Большое значение для развития здравоохранения в крае имело открытие по инициативе Общества врачей в 1898 году на озере Шира курорта. Постепенно пустынные берега целебного озера превратились в благоустроенный курорт, который могли посещать не только состоятельные жители, но и люди небогатые, для отдыха которых на общественные средства были построены незатейливые пристанища.

Массовое переселение крестьян в годы столыпинской реформы еще более заострило проблемы организации медицинской помощи в губернии. Огромный приток переселенцев приводил к распространению среди них болезней социального характера: истощения, малокровия, цинги, туберкулеза, алкоголизма, сифилиса. Очень высока была смертность, которая в некоторых переселенческих районах была равна прибыли населения.

С целью улучшения медицинской помощи для переселенцев была создана медицинская часть при Переселенческом управлении, в штат которой входили 11 врачей и 52 фельдшера. Однако ведомственная разобщенность медицинских учреждений, хроническое недофинансирование, правовая и социальная незащищенность медперсонала, перегру-

женность врачей, которые помимо своих непосредственных обязанностей должны были выполнять и медико-полицейские функции, — все это сводило на нет отдельные попытки улучшения в организации здравоохранения. Требовались коренные преобразования всей системы, о необходимости которых говорилось в выступлениях участников первого губернского съезда врачей, состоявшегося в 1912 году. Но из всех требований, звучавших на съезде, енисейский губернатор согласился рассмотреть только требование об уменьшении территориальных границ врачебных участков.

Научное изучение края

Организация научного изучения края заметно отставала от потребностей освоения его природных и экономических ресурсов. Малочисленность и разобщенность интеллигенции, удаленность от крупных научных центров тормозили становление местной науки. Она делалась самоотверженными усилиями немногих энтузиастов — преподавателей, врачей, чиновников, политических ссыльных.

Большой вклад в изучение Приенисейского края внес уроженец Красноярска И.А. Лопатин. В 1866 году он возглавил Туруханскую экспедицию, увенчавшуюся открытием Норильского медно-никелевого месторождения. Ученый первым указал на необходимость промышленного освоения природных богатств этого уникального района.

Изучению географии Енисейской губернии были посвящены труды члена РГО, преподавателя Красноярской гимназии А.К. Завадского-Краснопольского и директора гимназии А.С. Еленева. Известностью в научном мире пользовались работы по исследованию флоры Сибири Я. Прейна, открывшего и описавшего ряд неизвестных ранее растений.

В начале 1890-х годов в связи с проектированием Сибирской железной дороги развернулось геологическое изучение местности вдоль будущей трассы. По результатам этих исследований К.И. Богдановичем была составлена первая геологическая карта Красноярского, Канского и Ачинского округов. В 1896 году Богданович одним из первых указал на наличие угольных пластов в Минусинском округе.

В 1893 году видный исследователь Арктики Э.В. Толль в ходе экспедиции

в район Анабарской губы и Хатангского залива открыл плоскогорье на междуречье Анабара и Попигая, сделал орографическое описание хребта Прончищева, собрал ценную палеонтологическую, зоологическую и этнографическую коллекции. Во время своей второй экспедиции в 1900 году он организовал обширное геологическое исследование побережья Таймыра, а также провел геофизическое и метеорологическое изучение местности.

Большую роль в изучении крестьянского хозяйства Енисейской губернии сыграл В.Ю. Григорьев. Он участвовал в статистическом обследовании крестьянских хозяйств Енисейской губернии, организованном в начале 1890-х годов департаментом государственного земельного имущества. Результатом обследования стал многотомный труд «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний». Григорьеву в нем принадлежали разделы «Население» и «Землевладение», в которых содержались обширные сведения о численности населения, размере посевных площадей, урожайности и характеристике производительных сил крестьянского хозяйства.

С Красноярском была связана деятельность известного сибирского историка и архивиста Н.Н. Бакая. В начале 1890-х годов он возглавил работу комиссии по разборке архивов разных учреждений Енисейской губернии. Благодаря неутомимой деятельности ученого были спасены уникальные документальные материалы по сибирской истории, оказавшиеся под угрозой исчезновения.

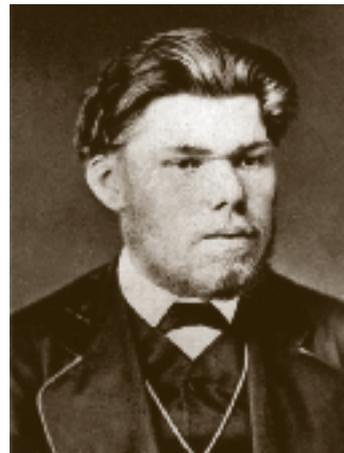
Пионером в изучении археологических памятников палеолита на территории края можно назвать И.Т. Савенкова. В 1884 году при раскопках на Афонтовой горе в окрестностях Красноярска он обнаружил стоянку древнего человека, отнесенную им к эпохе палеолита. Находка ученого имела сенсационный характер, так как коренным образом меняла научные представления о границах расселения человека в древности.

В 1907 году Савенков возглавил Минусинский музей. В поле его интересов оказались памятники древнего наскального искусства, обнаруженные в верховьях Енисея и его притоков. Собранный материал послужил основой книги «Изобразительное искусство на Енисее» (М., 1910), в которой он высказал новаторские

мысли о датировке енисейских петроглифов и эволюции наскальной живописи к первобытным системам письменности. Эта работа получила высокую оценку в академических кругах, Савенков был удостоен диплома члена-корреспондента Академии наук.

Исключительное значение для организации научного изучения Енисейской губернии имело создание в 1901 году Красноярского подотдела Русского географического общества. Отдел вскоре стал главным центром по организации и финансированию научных экспедиций, координации связей с научными учреждениями в губернии и за ее пределами. К числу наиболее значительных исследовательских проектов, осуществленных членами отдела, следует отнести этнографическую экспедицию Ф.Я. Кона в Урянхайский край в 1902 году, экспедицию П.Е. Островских по изучению физико-географических особенностей Туруханского края в 1904 году, экспедиции А.Я. Тугаринова в 1907-1908 годах с целью комплексного изучения природы и населения Туруханского края.

Важную роль в научном изучении сибирского края во второй половине XIX века начали играть местные музеи. Одним из первых в Сибири был создан Минусинский музей. С инициативой его создания выступил городской аптекарь Н.М. Мартьянов. Разработанный им устав был представлен в городскую думу и получил одобрение 18 июня 1877 года, а сам Мартьянов был назначен распорядителем музея. Устав Минусинского музея был положен в основу многих музеев Сибири. Главную задачу музеев Мартьянов видел в сочетании научно-исследовательской и



А.И. Кытманов (1858-1911), предприниматель, основатель Енисейского музея, автор ряда научных работ по геологии, флоре и истории Енисейского округа



И.Т. Савенков (1846-1914), первый директор Красноярской учительской семинарии, ученый-археолог. Портрет И.И. Репана



Минусинский городской музей им. Н.М. Мартьянова



*Николай Михайлович
Мартьянов
(1844-1904),
провизор, основатель
Минусинского музея*

культурно-просветительской деятельности: пропаганде новейших промышленных и сельскохозяйственных технологий среди местного населения.

Благодаря самоотверженному труду и энтузиазму его основателя музей из далекой сибирской провинции вскоре стал известным в научных кругах страны и за рубежом. С музеем сотрудничали выдающиеся российские и зарубежные ученые: П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, Мартин, Колон, Тюмен.

С 1887 года музей принимает участие в выставках, организованных научными обществами Сибири, во всероссийских выставках в Нижнем Новгороде. В 1900 году на всемирной выставке в Париже Мартьянов экспонировал образцы, раскрывающие перед европейцами хозяйственные достижения сибиряков и памятники истории и культуры Енисейской губернии. За участие в ней музей был удостоен диплома и серебряной медали.

Пример Мартьянова послужил толчком для активизации общественности и в других городах губернии. В 1883 году по инициативе А.И. Кытманова открылся музей в Енисейске, который вскоре стал базой научных экспедиций по изучению Енисейского Севера, в его работе принимали участие известные исследователи Арктики А.И. Вилькицкий, Э.В. Толль, С.О. Макаров.

В Красноярске открытию музея предшествовала большая подготовительная работа, в которой активное участие приняли П.С. Проскуряков, И.Т. Савенков, М.Е. Киборт, А.С. Еленев и другие. Ядро фондов будущего музея составили собрание минералов А.П. Кузнецова, ботаническая коллекция Н.М.

Мартьянова, нумизматическая коллекция Матвеевых.

12 февраля 1889 года состоялось открытие музея. Первые годы его существования были нелегкими. Городская дума затягивала принятие устава, что делало его положение неопределенным. Единственным источником финансирования были добровольные пожертвования, поэтому бюджет нового учреждения был более чем скромным. С первых лет своей работы музей стал играть заметную роль в общественно-культурной жизни города.

В 1887 году учителем Д.С. Каргополовым был открыт музей в Ачинске. Хотя он значительно уступал по количеству экспонатов Минусинскому, Красноярскому и Енисейскому музеям, его экспозиция вполне отвечала задачам краеведческого исследования. Каргополову также принадлежала и заслуга создания в 1912 году краеведческого музея в Канске.

Таким образом, оживление в научном изучении края, наметившееся на рубеже веков, было связано с вовлечением его природных, экономических и культурных ресурсов в процессы, вызванные ускорением капиталистической модернизации страны.

Печать

Заметная роль в культурной жизни города и губернии принадлежала печати. Начало местной печати было положено изданием «Енисейских губернских ведомостей» в 1857 году. Официозный характер издания не отвечал общественным запросам сибиряков, жаждавших слышать свободное слово, однако неоднократные попытки красноярцев организовать частные издания оставались безуспешными, наталкиваясь на препоны со стороны губернских властей. Лишь в 1889 году красноярскому учителю Е. Кудрявцеву удалось добиться разрешения на издание газеты «Справочный листок Енисейской губернии». Программа издания в первое время ограничивалась вопросами справочно-информационного характера, но вскоре было получено разрешение публиковать материалы о состоянии губернской экономики, городской жизни и фельетоны. И хотя газета стала более привлекательной по содержанию, тем не менее Кудрявцеву так и не удалось вывести свое издание на уровень таких газет, как «Восточное обозрение» и «Степной край», которые имели общесибирское

*Строительство
здания Красноярского
краеведческого музея
было начато в 1914 г.
и закончено в 1929 г.*



значение. С 1895 года газета стала издаваться под названием «Енисей», а с 1905 года — «Сибирский край».

Одним из завоеваний первой русской революции стало провозглашение в Манифесте 17 октября 1905 года свободы слова. Это дало толчок к возникновению в губернии целого ряда различных по своей общественно-политической ориентации изданий. Только в Красноярске было основано более 10 газет. Как правило, они являлись печатными органами местных партийных организаций. Либерально-областническую окраску имели «Енисейский край», «Сибирь», «Красноярце», «Енисейское слово», «Голос Сибири», являвшийся трибуной красноярского отдела Сибирского областного союза.

В дни вооруженного декабрьского восстания стал выходить «Красноярский рабочий», издававшийся от имени Красноярского комитета РСДРП. Вышло пять номеров газеты, после подавления восстания ее издание было прекращено и возобновлено нелегально в августе 1907 года под названием «Рабочий». Однако вышло всего лишь два номера.

Издания правомонархического плана начали выходить, когда массовое революционное движение уже пошло на спад. В 1907 году в Красноярске вышла газета «Сусанин», издававшаяся правомонархической организацией «Союз мира и порядка». Близкую ей идейно-политическую окраску имела и газета «Православный сибиряк».

После революции в связи с ужесточением цензуры число газет в губернии заметно сократилось, остались лишь издания узкоспециального профиля, а также совершенно лояльный к властям «Су-

санин». Из либеральных газет выжил только «Красноярце», издававшийся поверенным окружного суда А.А. Жалудским, однако даже весьма робкая критика властей, которую позволяла себе редакция, раздражала власти, и в 1909 году газета была закрыта.

К началу Первой мировой войны издательский рынок вновь оживился. Издание газет стало прибыльным делом, и местная буржуазия начала вкладывать свои капиталы в новую для себя сферу предпринимательской деятельности. К этому времени в губернии зародилось и журнальное дело. Начало было положено сатирическими изданиями, пользовавшимися спросом у публики. Один за другим появлялись журналы такого плана, как «Хи-ха-Ха!», «Куманек», но их существование было весьма непродолжительным, поскольку даже шуточные намеки в адрес власти нередко приводили к нешуточным неприятностям для редакции журналов.

Самым ярким явлением в губернской журналистике стал журнал «Сибирские записки», который начал издавать с 1916 года В.М. Крутовский. Программа журнала включала вопросы научно-просветительского и общественно-политического плана, художественную часть, литературную критику. Вокруг его редакции объединились видные российские и сибирские литераторы, ученые, общественные деятели: Г.Н. Потанин, Н.Н. Козьмин, С.Я. Елпатьевский, А.И. Иванчин-Писарев, В. Шишков, Л. Пантелеев, Г. Гребенщиков, Ф. Лыткин, А. Новоселов. Выход первого номера журнала приветствовал А.М. Горький. Журнал оказался «долгожителем»



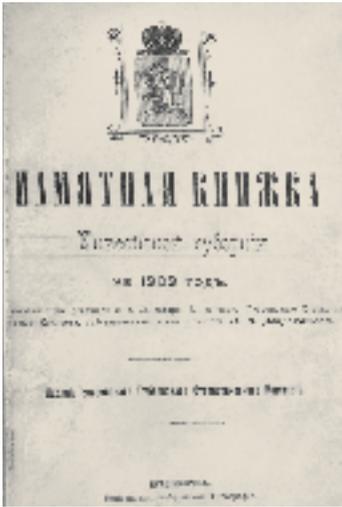
Емельян Федорович Кудрявцев был владельцем типографии и издателем газет «Енисейский справочный листок» (1893), «Енисейский листок» (1892), «Енисей» (1895-1905), «Сибирский край» (1905), «Енисейская мысль» (1912-1915)



Журнал «Сибирские записки» № 1, январь 1916 г., издаваемый В.М. Крутовским. Из фондов ККМ



Типолиитография и переплетная мастерская М.Я. Кохановской на Воскресенской улице Красноярска, 1911 г.



«Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год».

Издание Енисейского губернского статистического комитета.

Из фондов ГУНБ Красноярского края



Журнал «Сибирская школа» издавался в Красноярске с 1916 г. учителем Г.И. Итыгиным. В журнале публиковались статьи по самым злободневным вопросам школьной жизни, корреспонденции с мест, отражавшие положение школ и учителей в сибирской глубинке

в сибирской журналистике, где время издания журналов иногда исчислялось несколькими месяцами. «Сибирские записки» издавались даже в годы гражданской войны.

С развитием губернской журналистики связано складывание особого отряда местной интеллигенции — профессиональных литераторов. Среди мастеров «литературного цеха» можно назвать Ф.Ф. Филимонова, М.Ф. Глебова, Ф.И. Романова, А.Б. Ключе, И.И. Лебедева, В.И. Анучина, Н.В. Скорнякова.

Конечно, губернская литература не блистала громкими именами. Исключение, пожалуй, представляет творчество уроженца губернии С.А. Сретенского. Его рассказы, повести и статьи на сибирские темы печатались в столичных изданиях. Он вел один из разделов в популярном сатирическом журнале «Искра». В произведениях Сретенского с документальной достоверностью и большой художественной силой отражен тяжелый быт приисковых рабочих, бесправие сибирского крестьянина, страдавшего от произвола местных начальников, жестокие нравы сибирской бурсы. К самым значительным произведениям писателя можно отнести повесть «Сибирские мученики», опубликованную в 1888 году уже после смерти писателя в сборнике «Рассказы из жизни приискового люда». Ее сюжет был взят из жизни крестьян, отправившихся на заработки на прииски.

Художественная культура

Рост культурных запросов проявился в отношении сибиряков к театру. Интерес к нему первоначально удовлетворялся за счет гастролировавших трупп, репертуар и постановки которых не отличались особенно высоким вкусом. Поэтому местная интеллигенция, жаждавшая видеть на сцене лучшие образцы театральной классики, нередко сама устраивала самодеятельные представления. Прекрасными актерами были И.Т. Савенков, отдавший много времени и творческих сил театру, и И.П. Кузнецов, который не только играл на сцене, но и писал пьесы для любителейских спектаклей.

В 1874 году антрепренер А. Егоров организовал в Красноярске постоянную труппу, однако вскоре она распалась. Из ее остатков было позднее сформировано первое в Сибири актерское товарищество, но и оно просуществовало недолго,

столкнувшись с финансовыми трудностями. Именно последнее обстоятельство привело к тому, что к концу 1880-х годов театр в Красноярске влачил жалкое существование. Городская дума выделяла из своего скудного бюджета такие мизерные средства, что их не хватало даже на поддержание здания театра в нормальном состоянии. И тогда городская общественность, не желавшая примириться с перспективой утраты театра, взяла инициативу в свои руки.

В 1887 году красноярскими театрами было создано Общество любителей драматического искусства, в числе учредителей которого выступили известные в городе люди И.П. Кузнецов, супруги Матвеевы, В.А. Данилов, И.Т. Савенков, В.М. Крутовский и другие. Общество взяло на себя все заботы о содержании театра, затраты которого должны были покрываться из денежных взносов его членов и сборами со спектаклей. Чтобы привлечь как можно больше зрителей и одновременно наполнить театральную кассу, почти каждую неделю давали премьеру. Поспешность, с которой в репертуар вводились новые спектакли, разумеется, не могла не сказаться на их художественном уровне. Нередко шли пьесы низкопробного плана, вроде «Час в тюрьме, или В чужом пиру похмелье». Но все же красноярские театралы не чуждались и сложных постановок, знакомя горожан с лучшими образцами русской и зарубежной классики: пьесами В. Шекспира, Ф. Шиллера, А.С. Грибоедова, А.Н. Островского.

С постройкой железной дороги в енисейскую провинцию все чаще стали приезжать столичные театральные труппы. Большим событием для местных театралов стал приезд труппы Малого театра во главе с великой русской актрисой Г.Н. Федотовой. В мае 1902 года труппа артистов московских театров под руководством А.П. Щепкиной показала в Красноярске пять спектаклей, среди них «Бешеные деньги», «Волки и овцы» А.Н. Островского.

Большой популярностью у красноярцев пользовались музыкальные вечера, обычно проводившиеся в зале Общественного собрания. Концертировали в основном гастролеры. Однако увлеченность музыкой у отдельных красноярцев была столь велика, что решено было организовать свой музыкальный коллектив. В ноябре 1882 года красноярский педагог

З.А. Барш объединил вокруг себя городских меломанов в кружок, участники которого стали концерттировать с программой, включавшей достаточно сложные в профессиональном отношении произведения музыкальной классики. С 1886 года кружок стал называться Красноярским обществом любителей музыки и литературы. Большой вклад в его деятельность внес ученик Н.А. Римского-Корсакова С.М. Безносиков, организовавший в 1887-1888 годах в Красноярске симфонический оркестр. В концертах оркестра пропагандировалась русская классическая музыка, ставились сцены из опер. Однако его деятельность оказалась кратковременной. После отъезда Безносикова ему не нашлось достойной замены, и оркестр распался.

Самым ярким явлением в культурной жизни енисейской провинции стало творчество выдающегося художника В.И. Сурикова. Свои первые шаги в живописи он сделал в родном городе под руководством учителя рисования Н.В. Гребнева. Почувствовав исключительную одаренность своего ученика, он поддержал его стремление поступить в Академию художеств. Однако осуществить свою мечту талантливому юноше сразу не удалось, и лишь в 1870 году он смог отправиться в Петербург. Это стало возможно благодаря помощи известного енисейского золотопромышленника П.И. Кузнецова, предоставившего ему стипендию на время обучения в Академии.

После окончания в 1875 году академии Суриков не порывал связей с Сибирью, она по-прежнему оставалась источником, питавшим его творческие замыслы. Сибирская тема присутствует в таких знаменитых картинах художника, как «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова». Сюжет, внешний антураж и лица героев также имеют прямые ассоциации с сибирским периодом жизни Сурикова. Так, историю боярыни Морозовой он слышал в детстве от крестной матери О.М. Дурандиной, в доме которой жил, когда учился в училище. Также и композиция картины сложилась из воспоминаний о том, как по одной из улиц Красноярска везли кого-то из осужденных к публичному наказанию. Прообразами героини картины стали его родственницы.

После окончания работы над «Боярыней Морозовой» Суриков в 1887 году вместе с семьей приехал в Красноярск на отдых. Здесь он делал зарисовки видов

города, писал портреты матери, брата, знакомых. С пребыванием в Красноярске связана картина «Взятие снежного городка», сюжетом которой послужило любимое развлечение сибиряков, устраивавшееся обычно на масленичные гуляния. Местом, где Суриков делал этюды с построенного по его заказу снежного городка, стало с. Лодейское под Красноярском. Большая часть из 30 персонажей картины была написана художником со своих родственников, красноярских знакомых и жителей села.

Сам художник не раз высказывал мысль об особом типе духовного склада сибиряка. Он был убежден, что в Сибири дух свободы способствовал развитию человеческого достоинства и активности личности, поднимая ее на такую нравственную высоту, которая была невозможна в условиях многовекового крепостного рабства, господствовавшего в коренной России. «В Сибири народ другой, чем в России, — вольный, смелый», — писал он. И эти качества глубоко импонировали художнику.

Взгляды художника на историю Сибири наиболее полно проявились в его картине «Покорение Сибири Ермаком», которую можно назвать программной в мировоззрении Сурикова. Собирая материал для картины, он много работал в Красноярске, Минусинске, Тюмени, Тобольске, Сургуте, Таре, искал прототипы своих героев, делал этюды.

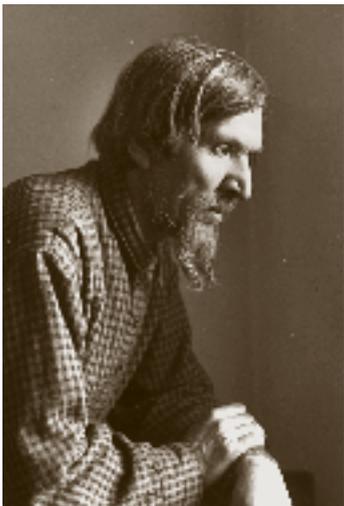
Продолжением сибирской исторической тематики стала работа над картиной «Красноярский бунт». Сюжет ее был навеян знакомством со статьей сибирского историка Н. Оглобина «Красноярский бунт 1695-1698 годов», на которую



Сергей Михайлович Безносиков, композитор, организатор и руководитель первого Красноярского симфонического оркестра

Выступление первого Красноярского симфонического оркестра, дирижер С.М. Безносиков, 1888 г.





*Дмитрий
Иннокентьевич
Каратанов (1874-1952),
красноярский художник,
продолжатель
художественных
традиций В.И. Сурикова*



*Портрет юноши
Леонида Чернышова
работы В.И. Сурикова*



«Енисей у Красноярска». Репродукция этюда В.И. Сурикова

обратил внимание художника красноярский общественный деятель В.М. Крутовский. Сурикова этот сюжет привлек тем, что в событиях, описанных историком, принимали участие его предки. Художник сделал несколько набросков с картины, но она так и осталась незавершенной.

До конца своей жизни Суриков не порывал своих связей с родными местами. Сибирь не только питала его творчество, она определяла глубинные пласты его мироощущения. Очень точно органическую связь творчества художника с его родиной подчеркнул внук художника М. Кончаловский, заметив, что «если бы Суриков не был сибиряком, он бы не был Суриковым».

Приезды великого русского художника на родину оказывали благотворное влияние на становление молодых сибирских художников. По инициативе Сурикова в Красноярске в 1910 году была открыта рисовальная школа с четырехгодовалым сроком обучения. Одним из ее первых преподавателей стал Д.И. Каратанов, которого с Суриковым связывали дружеские отношения. Под его влиянием в творчестве самого Каратанова начинает преобладать тематика, связанная с историей Сибири.

Влияние Сурикова сказалось и на творчестве красноярского архитектора Л.А. Чернышева, ставшего первым директором рисовальной школы. По проектам Чернышева был построен целый ряд зданий, преобразивших архитектурный облик Красноярска: купеческий клуб, ныне гостиница «Енисей» (пр. Мира, 71); особняк в стиле «ориенталь» с мавританскими элементами (ул. Кирова, 24); здание музея (ул. Дубровинского).

Будни и праздники сибиряков

В повседневной жизни населения Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков происходят такие перемены, которые постепенно начинают подрывать патриархальные устои. Более заметно веяния нового времени проявлялись в городах. Благодаря таким новшествам, как телеграф и телефон, до сибиряков стали быстрее доходить столичные новости, не так явно стала ощущаться изоляция сибирской провинции. Во внешнем облике городов губернии проступили новые черты. Если раньше в них преобладали деревянные постройки, мало чем отличавшиеся от деревенских усадеб, то к началу XX века возросло количество капитальных каменных строений, архитектуре которых присущ самобытный художественный стиль. По мере роста городских доходов «отцы города» стремились уделять больше внимания благоустройству. В губернском центре по инициативе городского головы П.С. Смирнова в 1912 году была построена электростанция и проведено электрическое освещение улиц города, а на следующий год был введен в действие водопровод.

В жизни горожан появились новые увлечения. В начале 1890-х годов стала популярной езда на велосипеде. В 1895 году в Красноярске новым видом спорта овладели уже 50 человек, и вскоре велосипедисты организовали первый в истории города велокросс по маршруту Красноярск — Томск.

Не менее популярным среди горожан стал кинематограф. Первый сеанс состоялся в Красноярске в 1897 году, а в начале XX века в городе действовали уже три частных кинотеатра. Но сибиряки восприняли кинематограф не только как разновидность досуга, но и довольно быстро овладели им как профессией. Местный фотограф М.П. Чулков в 1913 году снял документальный фильм «Живая хроника Красноярска», в котором нашло отражение пребывание в городе известного популярного исследователя Ф. Нансена.

Городская интеллигенция стремилась как-то оживить и разнообразить досуг жителей, отвлечь от пагубного пристрастия простого люда к пьянству. С этой целью было решено организовать народные чтения, которые, по замыслу организаторов, должны были популяризировать научные знания, приобщать к достижениям

культуры и искусства. С 1885 года такие чтения стали проводиться в Красноярске, а вскоре этому примеру последовала общественность и других городов губернии. Программа лектория была весьма разнообразна: сведения о природных явлениях, об истории Российского государства и освоения Сибири, о творчестве выдающихся русских писателей, художников и ученых, религиозно-нравственная тематика, вопросы социально-правового характера (как, например охрана труда рабочих на производстве).

С 1891 года в Красноярске стали устраивать рождественские елки для детей. Инициатива этого начинания принадлежала городскому голове П.К. Переплетчикову, который 4 января устроил на свои средства праздник для детей городской бедноты. На елку собралось 500 детей. Праздник имел такой успех, что с этого времени стал проводиться ежегодно.

Однако новые формы общественно-культурного уклада не могли вытеснить старые привычки. В жизни мещанства, составлявшего основную часть городского населения, еще прочно держались быто-

вые традиции, характерные для сибирского крестьянства. Большая часть времени этой части сибиряков была занята тяжелым трудом. Весной и летом все помыслы труженика были поглощены заботами о будущем урожае, но и с окончанием сельскохозяйственных работ жизнь не становилась беззаботнее. Часть крестьян и горожан уходила подзаработать на прииски, часть занималась извозом, кто-то уходил в тайгу за пушниной и дичью. Летом обычным занятием сибиряков был сбор ягод, грибов и орехов. Значительная часть времени поглощалась работой в домашнем хозяйстве: уходом за скотом, заготовкой дров, ремонтом хозяйственных построек, исправлением сельскохозяйственного инвентаря. Женщины занимались домашними заготовками, стряпней, ткали полотно, домашние ковры, вязали рукавицы, чулки, мяли и пряли куделю, шили обновы.

Однообразный утомительный ритм будней сменялся праздниками, связанными, главным образом, с датами религиозного календаря. Из светских праздников, имевших общесибирское значение, можно



Красный угол в крестьянской избе. Из экспозиции музея-заповедника «Шушенское»

Лубочная картинка «Дерево познания добра и зла» религиозно-назидательного характера, часто встречавшаяся в домах простых сибиряков





*Детская зыбка
в крестьянской избе.
Музей-заповедник
«Шушенское»*

Карусель у Богородице-Рожественского собора в Красноярске, начало 1900-х годов.

Карусели и качели устраивались обычно на Пасху, когда народ гулял и веселился, а также на ярмарках и базарах. Обычно в городе сооружалось несколько разных типов качелей, от простых до весьма сложных, во многих местах карусели и качели были платными



отметить только день Дмитрия Солунского (26 октября) как исторический день завоевания Сибири. В этот день в городах местные власти устраивали банкеты и балы, в селах праздник отмечался крестным ходом в честь Ермака и первопроходцев, основателей своих поселений, ставили поминальные свечи своим предкам.

Самыми значимыми в календаре православных сибиряков были праздники Рождества, Богоявления (Крещения), Благовещения, Пасхи, Троицы, Петрова дня, Ильина дня, Покрова дня, Казанской божьей матери, Николина дня. В эти дни обычно запрещалось трудиться. Но помимо этих праздников в церковном календаре было немало таких, празднование которых не имело обязательных ритуальных регламентаций и отмечалось лишь теми, кто считал их своими. Так, было немало праздников, отмечавшихся только женщинами (Варвары мученицы, Авдотьи-каплюжницы, Параскевы мученицы, Кирики-Улиты, Марии-Магдалины и так далее) или молодежью (Иванов день, Еремей-запрягальник).

Наряду с общерусскими религиозными праздниками у жителей губернии были святые сибирского пантеона — Иннокентий Иркутский (26 ноября) и Василий Мангазейский, мощи которого находились в Туруханском монастыре. Помимо общерусских и общесибирских праздников отмечались храмовые — в честь святого своей приходской церкви. Как правило, на их празднование съезжались жители деревень данного прихода, поэтому они еще назывались «съезжие». Проходили такие праздники при большом стечении народа — от 100 до 300 человек

— и длились по нескольку дней. Участники переходили из дома в дом, где гостям устраивалось обильное угощение, дарили подарки. В некоторых деревнях было принято варить канун — поминальное пиво в честь святого приходской церкви, и угощать им гостей. Угощавшиеся жертвовали «грошики» на церковь.

Праздники требовали немалых затрат. По подсчетам исследователя крестьянского быта Енисейской губернии А.А. Макаренко, на это у каждого хозяина уходило 34 рубля 40 копеек в год. Это немалые для крестьянина деньги, и их можно было потратить и более рационально, например, на накопление и покупку необходимой в крестьянском хозяйстве техники. Однако не следует думать, что сибирский крестьянин, придерживавшийся этой традиции, был таким легкомысленным и руководствовался только мотивами удовольствия. Можно посмотреть на этот обычай, принятый и в коренной России, иначе: как на своего рода инвестирование в общинную солидарность, которая в условиях высоких хозяйственных рисков выступала своеобразным фактором социального страхования. Ведь участие в общем застолье, с одной стороны, воспринималось каждым как моральное обязательство в оказании помощи, а с другой — служило гарантией для ее получения. А помощь общинника, соседа, родственника в трудный момент была даже более значимой, чем денежные накопления. Поэтому во время таких праздников обычно стирались различия между богатым и бедным, деревенским и городским, поскольку на праздники нередко приезжали и родственники из городов.

По подсчетам Макаренко, в календаре сибиряков Енисейской губернии было 45 религиозных праздников, а если к ним прибавить съезжие, полупраздники, свадебные и воскресные дни, то в общей сложности количество праздничных дней в году составит 135. Конечно, это не означало, что жизнь сибиряков была весела и беззаботна, протекая в довольстве и обильных возлияниях. Достаток сибиряка добывался напряженным трудом. За короткое сибирское лето нужно было успеть сделать ту работу, на которую земледельцам в южных районах природа отвела несколько месяцев с весны и до осени. В страдные дни крестьяне работали по 16-18 часов, и в это время, конечно, приходилось отказываться от отдыха не только по воскресным дням, но и по цер-

ковным праздникам, пренебрегая религиозными ритуалами.

В самих праздничных действиях причудливо переплетались собственные народному сознанию христианские религиозно-нравственные представления и языческие верования, рациональные знания и наблюдательность с иррационально-мистическими предрассудками и суевериями. Высокая духовность и утонченная поэзия народного творчества, проявившиеся в песнях, праздничных обрядах, нередко соседствовали с грубыми, унижающими человеческую личность обычаями, пьянством, сквернословием и цинизмом. Все это свидетельствовало о том, что в глубинных недрах духовной жизни народа содержался могучий потенциал, но для его развития необходимо было внести свет знания и культуры.

Потребность в этом со временем все более стала ощущаться и в самом народе. В енисейской деревне начал формироваться пока еще очень тонкий слой сельской интеллигенции, представлявшей цвет сибирского крестьянства. Это крестьянские умельцы, которые по образцам фабричной техники могли изготавливать самодельные сеялки, веялки, жнейки, и представители народной агрономии, по крупицам собиравшие земледельческий опыт, накопленный сибирским крестьянством. К последним можно отнести Ф.Ф. Девятова. На своем земельном наделе в с. Курагино Минусинского округа он разводил луч-

шие сорта пшеницы, огородных культур, апробировал посеvy льна, проводил опыты по травосеянию. Девятов вывел новую породу рогатого скота, полученную путем скрещивания голландского производителя с местной породой, разводил йоркширскую породу свиней, а маленьких поросят продавал местным крестьянам.

Федор Федорович также принимал участие во всевозможных сельскохозяйственных выставках. В 1892 году он представил образцы яровой ржи и пшеницы на Красноярской выставке, получив золотую медаль. В 1896 году коллекция зерновых культур Девятова была представлена на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и отмечена похвальной грамотой. Но самым крупным признанием достижений сибирского крестьянина-самоучки стало присуждение ему бронзовой медали на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году. Красноярская газета писала о крестьянине-новаторе: «Дай Бог, чтобы таких скромных, с полной любовью отдающихся своему делу тружеников, как Девятов, было у нас побольше в различных отраслях производительности, и тогда с уверенностью можно сказать, что культурное развитие и процветание Сибири пойдет быстрыми шагами».

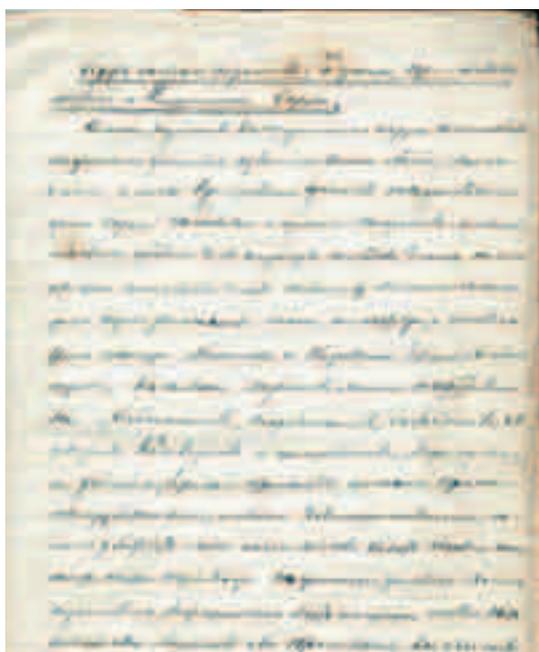
Девятов был знатоком быта сибирского крестьянства, записывая свадебные обряды, народные предания, песни. Собранные им материалы были положены в основу музейной коллекции Н.М. Мартынова. Сам Девятов считал важным



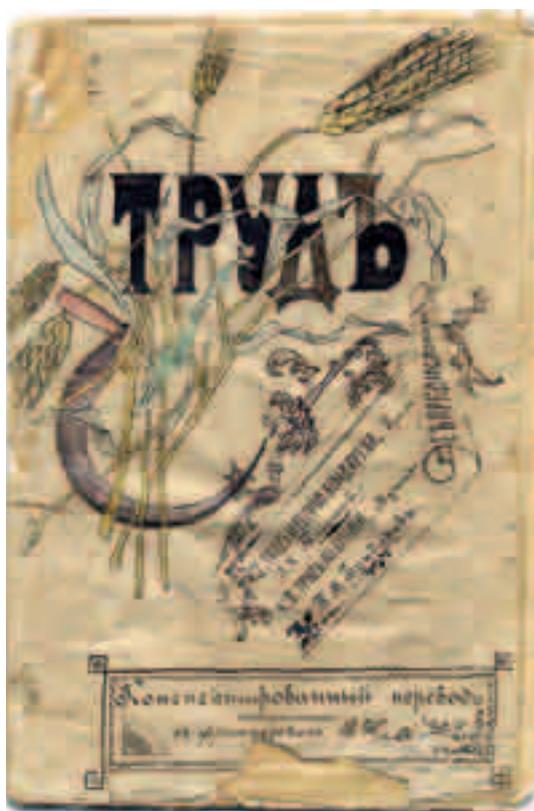
Бондарев Тимофей Михайлович (1820-1898), крестьянский философ и писатель-моралист



Лев Николаевич Толстой (1828-1910), выдающийся русский писатель, мыслитель, общественный деятель



Рукопись статьи Ф.Ф. Девятова «Обзор сельского хозяйства и других промыслов жителей Минусинского округа», 1879 г. Из фондов МКМ



Обложка русского перевода с французского издания рукописи Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». Сокращенный вариант его труда на французском языке был издан при посредничестве Л.Н. Толстого в 1890 г., а в 1906 г. издан на русском языке

фактором прогресса крестьянского хозяйства просвещение народа. «Грамотность, — писал он, — есть первая необходимая мера к поднятию благосостояния края, к нравственному и умственному развитию его жителей, а поэтому и благоденствию народа». По его инициативе в Курагино была открыта школа и библиотека, под которую он отдал свой дом.

Не менее ярким примером, отражающим глубинные изменения в крестьянском мировоззрении, является судьба крестьянина села Иудина Минусинского округа Т.М. Бондарева. Любознательного земледельца не могла удовлетворить обычная жизнь с ее повседневными заботами о хлебе насущном. В поисках ответа на волновавшие его вопросы общественной жизни и государственного устройства, высшего морального закона он много читал, занимался самообразованием. При этом в круг чтения его входили не только книги религиозного характера, но и сочинения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.И. Крылова.

Итогом его многолетних размышлений стал ряд произведений, в которых он выступил как оригинальный философ-моралист: «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», «Се человек», «Первородное покаяние», «Гордиев узел», «О любви к ближнему», «Спасение от тяжкой нищеты» и другие. Философ-

ские идеи Бондарева представляют самостоятельную трактовку христианства, сочетаясь с резкой критикой официальной церкви. В них нашли свое отражение народные идеалы социальной справедливости. Великий русский писатель Л.Н. Толстой, ознакомившись с рукописями Бондарева, был глубоко потрясен идеей об обязательности труда для каждого человека. Это оказалось созвучно с его духовными исканиями. «Мое мнение, писал он, — что вся русская мысль, с тех пор как она выражается, не произвела со своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказали два мужика — Сютяев и Бондарев. Это не шутка и не интересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества». Усилиями писателя труд Тимофея Михайловича был опубликован в 1906 году, спустя несколько лет после смерти Бондарева.

Таким образом, в духовной жизни земледельческого и городского населения Енисейской губернии на рубеже веков все заметнее стали проявляться новые черты, связанные с вовлечением далекой сибирской окраины в общероссийские культурно-исторические процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мощным ускорителем развития экономики Енисейской губернии в начале XX века стало проведение Сибирской железнодорожной магистрали, способствовавшей преодолению ее хозяйственной и обществено-культурной изоляции и все более тесному вовлечению в общероссийские процессы. Тем не менее, и в это время экономика губернии носила в основном аграрный характер. В промышленности преобладали мелкие предприятия кустарного типа. Крупные предприятия были малочисленными и отсталыми в техническом отношении. Наиболее продвинутой в технико-экономическом развитии являлась золотопромышленность. Здесь в начале XX века в связи с проникновением в отрасль крупного российского и иностранного капитала началась быстрая модернизация производства. Росли прибыли акционерных компаний, однако их большая часть присваивалась российской буржуазией и не вкладывалась в развитие губернии. Таким образом, использованию огромного экономического потенциала края препятствовало полукOLONIAльное положение Сибири.

Далекий сибирский край, как и вся страна, медленно, но неуклонно набирал темпы развития, преодолевая

дремотное состояние полукOLONIAльной жизни, а вместе с этим приближаясь и к революционным потрясениям, которые несла новая эпоха. В годы первой русской революции губернский центр Красноярск превратился в революционную республику, где были апробированы новые формы демократии, альтернативные либерально-буржуазной государственности. Их носителями выступили рабочие и солдатские массы, руководимые леворадикальными политическими силами.

Попытки имперской власти выйти из революционного кризиса с помощью ограниченных либеральных реформ, проводником которых стал П.А. Столыпин, оказались безуспешными. Массовое переселение крестьян на восточные окраины страны, в том числе и в Енисейскую губернию, не только не ослабило аграрный кризис в центре страны, но привело к его распространению и на Сибирь. Начавшаяся Первая мировая война послужила мощным катализатором, обострившим нерешенные противоречия в социально-экономическом и политическом развитии страны, приведшие ее к революционным событиям 1917 года, коренным образом изменившим вектор исторического развития Российского государства.

ИСТОЧНИКИ

Архивные

1. ААН ЛО. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 215 ; Д. 222.
2. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11 ; Ф. 160. Оп. 1. Д. 207, 808, 809 ; Ф. 161. Оп. 2. Д. 1471 ; Ф. 173. Оп. 1. Д. 2159 ; Ф. 345. Оп. 1. Д. 39 ; Ф. 595. Оп. 63. Д. 2009 ; Ф. 796. Оп. 1. Д. 4617.
3. Известие С.М. Кашкарева в Красноярский городской магистрат о передаче им городу книг // ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 47. Оп. 1. Д. 34.
4. Список отставных солдат, проживающих в Кежемской волости Богучанского отделения // ГАКК. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4.
5. Челобитная енисейских посадских в Москву. 1648 г. // РГАДА. Сибирский приказ (ф. 214).
6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 278.
7. План винокурни Боготольского завода, 1795 г. // РГАДА. Ф. 275. Оп. 2. Д. 175.
8. РГАДА. Ф. 281. Владимир. № 90/1867.
9. План Краснореченского винокурного завода с предлагаемым его расширением // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 798.

Опубликованные

1. Акты исторические. Т. 11-12. — СПб., 1846-1868.
2. Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. — Л., 1977.
3. Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822-1917) : Сб. документов / ред. Т.А. Катцина. — Красноярск : КГТЭИ, 2009.
4. Гмелин, И.Г. Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 г. : в 4 т. / И.Г. Гмелин. — Ч. 3. — Геттинген, 1751. — Репринтное изд. 1751-1752 гг. — СПб.
5. Елпатьевский, С.Я. Из воспоминаний / С.Я. Елпатьевский. — Уфа, 1984.
6. Зиннер, Э.П. Сибирь в известиях иностранных ученых и путешественников в XVIII в. / Э.П. Зиннер. — Иркутск, 1968.
7. Идес, И. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695) / И. Идес, А. Бранд ; вступит. статья, пер. и коммент. М.И. Казанина. — М. : АН СССР, 1967. — 404 с.
8. Из подлинных записок А.К. Кузьмина // Атений. — Кн. 12. — М., 1858.
9. История Красноярска : Документы и материалы по истории города. XVII — первая половина XIX в. / сост. Г.Ф. Быконя. — Красноярск : Офсет, 2000. — 848 с.
10. Красноярский край в истории отечества. 1890-1917 гг. : Сб. документов / ред. А.А. Григорьев. — Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1996.
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. — Т. 4. Вып. 4. — Иркутск, 1894.
12. Межэтнические связи Приенисейского региона : Сб. документов. — Т. 1. 1609-1916 гг. — Красноярск, 2007.
13. Наказная грамота тасеевских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // Археография и источниковедение Сибири. — Новосибирск, 1975.
14. Народное образование в Енисейской губернии : Сб. стат. сведений о состоянии среднего и низшего образования в России. — СПб., 1910.

15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Енисейская губерния. — Т. 73. / ред. Н.А. Троицкий. — СПб., 1904.

16. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. — СПб., 1875-1876.

17. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1893 г. — СПб., 1896.

18. Сибирские письма декабристов 1838-1850 / сост. Т. Комарова. — Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1987.

19. Список фабрик и заводов Российской империи. — СПб., 1912.

20. Статистика Российской империи. Движение населения в Европейской России и двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. — Т. 66. — СПб., 1907.

21. 1905 год в Красноярске : Сб. документов. — Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1955.

22. Памятные книжки Енисейской губернии. 1863-1915 гг. / Енисейский губернский статистический комитет. — СПб. ; Красноярск, 1865-1916.

23. Экономическое состояние городских поселений Сибири. — СПб., 1882.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, В.А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В.А. Александров, Н.Н. Покровский. — Новосибирск, 1991.
2. Александров, В.А. Русское население Сибири в XVII — начале XVIII в. / В.А. Александров. — М., 1964. — 316 с.
3. Асочакова, В.Н. Христианизация хакасов (до образования Енисейской епархии) / В.Н. Асочакова. — Абакан, 2008. — 246 с.
4. Бахрушин, С.В. Научные труды / С.В. Бахрушин. — Т. 3. Ч. 2. — М., 1955.
5. Бахрушин, С.В. Научные труды / С.В. Бахрушин. — Т. 4. — М., 1959.
6. Безъязыков, Л.В. Красноярск изначальный / Л.В. Безъязыков. — Красноярск, 1978.
7. Белявский, М.Т. Наказы сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. / М.Т. Белявский // Археография и источниковедение Сибири. — Новосибирск, 1975.
8. Берг, Л.С. История великих географических открытий / Л.С. Берг. — М. : Эксмо, 2011.
9. Буланков, В.В. Енисейск : Очерки по истории развития и застройки города / В.В. Буланков, К.Ю. Шумов. — Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1999. — 216 с.
10. Бутанаев, В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России / В.Я. Бутанаев. — Абакан, 2007. — 295 с.
11. Быконя, Г.Ф. Андрей Дубенский — основатель Красноярска / Г.Ф. Быконя. — Красноярск : Тренд, 2008.
12. Быконя, Г.Ф. Енисейское купечество в лицах. XVIII — начало XX века / Г.Ф. Быконя, Е.С. Комлева, А.И. Погребняк. — Новосибирск, 2012.
13. Быконя, Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г.Ф. Быконя. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1981. — 280 с.
14. Быконя, Г.Ф. История Приенисейского края. XVII — первая половина XIX в. / Г.Ф. Быконя. — Красноярск : Горница, 1997. — 320 с.

15. Быконя, Г.Ф. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / Г.Ф. Быконя, Л.Р. Кызласов, К.Г. Копкоев, В.Г. Карцев, К.М. Патачаков, П.Н. Мешалкин, М.Б. Шейнфелд. — М. : Наука, 1993.
16. Быконя, Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX века : демографо-сословный аспект / Г.Ф. Быконя. — Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. — 415 с.
17. Быконя, Г.Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVIII-XIX вв. / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, Л.П. Бердников. — Красноярск : Изд-во Красноярского госуниверситета, 1990. — 304 с.
18. Быконя, Г.Ф. Неизвестная карта Средней Сибири Ф.И. Страленберга / Г.Ф. Быконя // Известия Всесоюзного географического общества (ВГО). — Т. 105. — Вып. 2. — Л., 1973.
19. Быконя, Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII-XVIII вв. / Г.Ф. Быконя. — Красноярск : Изд-во Красноярского гос. пед. института, 1979.
20. Быконя, Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства / Г.Ф. Быконя. — Красноярск : Изд-во Красноярского госуниверситета, 1985. — 300 с.
21. Ватин-Быстрянский, В.А. Село Минусинское : Исторический очерк / В.А. Ватин-Быстрянский. — Минусинск, 1914.
22. Григорьев, В.Ю. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири (Енисейский край) / В.Ю. Григорьев // Записки Красноярского подотдела ВСОРГО. — Т. 3. В. 1. — Красноярск, 1914.
23. Гурвич, И.А. Переселение крестьян в Сибирь / И.А. Гурвич. — М., 1888.
24. Декабристы : Биографический справочник / под ред. М.В. Нечкиной. — М. : Наука, 1988. — 450 с.
25. Енисейский энциклопедический словарь / гл. редактор Н.И. Дроздов. — Красноярск : Русская энциклопедия, 1998.
26. Зиновьев, В.П. Индустриальные кадры Старой Сибири / В.П. Зиновьев — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — 258 с.
27. Зиновьев, В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX — начала XX в. / В.П. Зиновьев. — Томск : Томский госуниверситет, 2009. — 334 с.
28. Зиннер, Э.П. Сибирь в известиях иностранных ученых и путешественников в XVIII в. / Э.П. Зиннер. — Иркутск, 1968.
29. История Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск : Наука, Сибирское отд-ние, 1982. — 507 с.
30. Кистерев, С.Н. // Русский дипломатарий. № 6. — М., 2001.
31. Командор : Страницы жизни и деятельности Двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Н.П. Резанова. — Красноярск : Офсет, 1995. — 703 с.
32. Комлева, Е.В. Енисейское купечество: последняя половина XVIII — первая половина XIX в. / Е.В. Комлева. — М. : Academia, 2006. — 382 с.
33. Красноярск: этапы исторического пути / ред. В.И. Федорова. — Красноярск : Буква, 2003. — С. 559.
34. Красноярский библиофил. — Вып. 1. — Красноярск, 1987.
35. Красноярский краевед. — Вып. 1. — Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1991.
36. Красноярский материк : Времена. Люди. Документы / ред.-сост.: О.А. Карлова, Р.Х. Солнцев, Б.А. Чмыхало. — Красноярск : Гротеск, 1998. — 583 с.
37. Красноярье: пять веков истории : Уч. пособие по краеведению. — Ч. 1 / ред. В.И. Федорова. — Красноярск : Платина, 2005. — 240 с.
38. Красноярье: пять веков истории : Уч. пособие по краеведению. — Ч. 3. Города и районы Красноярского края / ред. В.И. Федорова. — Красноярск : Платина, 2008. — 448 с.
39. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4 т. — Новосибирск : ВО РИПЭЛ, 1993-1999.
40. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. редакт. А.П. Окладников. — Л. ; Новосибирск : Наука, 1980.
41. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. редакт. А.П. Окладников. — Новосибирск : Наука, 1983.
42. Ламин, В.А. Золотой след Сибири / В.А. Ламин ; отв. ред. Д.Я. Резун, Е.В. Логунов ; Ин-т истории Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. — Новосибирск : Наука, 2002.
43. Латкин, Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее / Н.В. Латкин. — СПб. : Типография В.А.Тиханова, 1892.
44. Латкин, Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии / Н.В. Латкин. — СПб., 1890.
45. Макаренко, А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении / Макаренко А.А. — СПб., 1913.
46. Пейзын, Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении / Г. Пейзын // Записки Сибирского отдела РГО. — 1858. — Кн. 1.
47. Погребняк, А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии / Погребняк А.И. — Красноярск : КГТЭИ, 2002.
48. Ремнев, А.В. Самодержавие и Сибирь : Административная политика в первой половине XIX века / А.В. Ремнев. — Омск, 1995, 1997.
49. Смирнов, В.В. Золото Сибири : Исторические очерки о людях, добывающих золото в сибирской тайге / В.В. Смирнов. — Красноярск : Растр, 2011. — 300 с. : ил.
50. Стальное звено Транссиба : 100 лет Красноярской железной дороге. — Красноярск, 1998.
51. Степанов, А.П. Енисейская губерния / А.П. Степанов. — Красноярск : Горница, 1997.
52. Степынин, В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В.А. Степынин. — Красноярск : Изд-во Красноярского гос. пед. института, 1962.
53. Федорова, В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период / В.И. Федорова. — Красноярск : Изд-во Красноярского пед-университета, 1999.
54. Хроленок, С.Ф. Золотодобывающая промышленность Сибири (1832-1917) : Историко-экономический очерк / С.Ф. Хроленок. — Иркутск, 1990.
55. Шахеров, В.П. Города Восточной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. : Очерки социально-экономической и культурной жизни / В.П. Шахеров. — Иркутск, 2001.
56. Шлихтер, А.Г. Кустарные промыслы Енисейской губернии / А.Г. Шлихтер. — Красноярск, 1915. — 164 с.

57. Чертыков, В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии / В.К. Чертыков. – Абакан, 2007. – 335 с.

58. Юркин, И.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641-1716 / И.Н. Юркин. – М. : Наука, 2007.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

1. Atkinson J.A. / Аткинсон Д.А. A picturesque representation of the manners, costumes, and amusements of the Russians, in one hundred / Живописные зарисовки манер, обычаев и развлечений русских в 100 раскрашенных рисунках : London. W.Blumer & Co. Cleveland-Row (обработка ГПИБ), 1803-1804 (2006, Reprint на CD).

2. Атлас географический Тобольского наместничества / РГВИА. – 1788.

3. Атлас Томской губернии, состоящей из восьми уездов. – Факсимильное издание 1821 г. – СПб. : Альфарет, 2009. – 10 с. ; 48 л. карт.

4. Винклер, П.П. Гербы городов, губерний и посадов Российской империи / Репринтное воспроизведение издания 1899 г. / П.П. Винклер. – М. : Планета, 1990.

5. Витсен, Н. Путешествие в Московию (дневник 1664-1665) / Николас Витсен. – СПб. : Symposium. 1996.

6. Витсен, Н. Северная и Восточная Тартария [CD-ROM] / Николас Витсен ; науч. рук. проекта Копанева Н.П. – Ханты-Мансийск ; СПб., 2009.

7. Георги, И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Т. 1–4. / И.-Г. Георги, К.В. Миллер. – Изд-во книгопродавца Ивана Глазунова, 1776-1799.

8. Гербы губерний и областей Российской губернии. – СПб., 1880. – 84 с.

9. Декабристы / поясн. биограф. текст П.М. Головачева ; вст. статья В.А. Мякотина. – М. : изд. М.М. Зензинова, 1906.

10. Живописная Россия. В 19 т. : Популярное описание регионов Российской империи. – М. ; СПб. : Тов. М.О. Вольфа, 1879-1900.

11. Живописная Россия – отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под об. ред. П.П. Семенова. Т. 12. Ч. 1. Восточные окраины России : Восточная Сибирь. – М. ; СПб. : Тов. М.О. Вольфа, 1895.

12. Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров. – СПб., 1794.

13. Иллюстрированная Отечественная война 1812 года. – СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1887.

14. Историческое описание одежды и вооружения российских войск съ рисунками, 19 т. – СПб., 1899.

15. Крадин, Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество / Н.П. Крадин. – М., 1988.

16. Люде, Я. Изображение мундиров российско-императорского войска, состоящих из 88 лиц иллюминированных / Яков фон Люде. – СПб. : Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1793.

17. Лялина, М.А. Русские мореплаватели арктические и кругосветные / М.А. Лялина. – СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1898. – 448 с.

18. Мартынов, А. Живописное путешествие от Москвы до китайской границы / А. Мартынов. – 1819.

19. Нансен, Ф. В страну будущего : Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море : с порт-ретом автора, 155 рис. и 3 картами / Фритьоф Нансен ; авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Петроград : издание К.И. Ксидо, 1915. – 454 с., 1 л. фронт. (портр.), [51] л. ил.

20. Олеарий, А. Описание путешествия в Московию / Адам Олеарий – Смоленск : Русич, 2003.

21. Паллас, П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук / П.С. Паллас : в 3 ч. : в 5 кн. – Репринтное издание 1773-1778 гг. – СПб. : Альфарет, 2007.

22. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 годъ / Издание Енисейского губ. стат. комитета. – СПб., 1863.

23. Паули, Г.-Т. Этнографическое описание народов России / Г.-Т. Паули. – СПб. : Тип. Ф. Беллизард, 1862. – 436 с.

24. Ремезов, С.У. История Сибири (Ремезовская летопись), созданная им вместе с сыновьями в к. XVII в. Факсимильное издание / С.У. Ремезов. – СПб. ; Тобольск. – 154 ил.

25. Ремезов, С.У. Хорографическая книга Сибири (1697–1711) / С.У. Ремезов.

26. Ремезов, С.У. Чертежная книга Сибири / С.У. Ремезов. – 1701. – 98 с.

27. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. / сост. Д.А. Ровинский. (Посмерт. изд.). Т. 1-2. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1895. Предисл.: Н. Собко. – Т. 1. А–И. – Переиздано: М. : Центрполиграф, 2004.

28. Русский дипломатарий. Вып. 6. – М. : Памятники исторической мысли, 2000. – 300 с.

29. Саннес Т.Б. «Фрам»: приключения полярных экспедиций / Т.Б. Саннес, пер. с нем. А.Л. Маковкина. – Л. : Судостроение, 1991. – 272 с.

30. Сарычев, Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану... / Г.А. Сарычев. – СПб. : Тип. Шнора, 1802.

31. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, по годам кончины : С приложением их кратких жизнеописаний. – М. : Издано Платоном Бекетовым, 1821. – 344 с.

32. Соловьев, А.И. Оружие и доспехи : Сибирское вооружение : от каменного века до средневековья / А. И. Соловьев. – Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с. : ил.

33. Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. – Красноярск, 1921.

34. Томашкевич, И.Р. Великий путь : Виды Сибири и великой сибирской железной дороги / И.Р. Томашкевич. – Вып. 1. От р. Оби до р. Енисея и Томская ветвь. – Красноярск : М.Б. Аксельрод и К°, 1899.

35. Черкашин, В.В. Енисейская губерния, Красноярский край. История в фотографиях. 1870-1970 гг. : Фотоальбом / В.В. Черкашин, С.Г. Копцев. – Красноярск : Тренд, 2011. – 252 с. : ил.

36. Чихачев, П.А. Путешествие в Восточный Алтай. 1842 г. / П.А. Чихачев. – М., 1974. – 360 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3	Глава IV. ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 20-60-е годы XIX ВЕКА	
Глава I. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАСНОЯРЬЯ		Заселение и управление краем	
Географическое положение и границы	6	Новое в заселении	110
Рельеф и геологическое строение	6	Экономическое развитие	
Полезные ископаемые	8	Промыслы и ремесла	116
Климат и агроклиматические ресурсы	9	Золотодобыча	119
Воды: моря, реки, озера	10	Города края	123
Почвы и земельные ресурсы	11	Торговля	124
Природные зоны, растительность и животный мир	12	Социальные отношения	
Глава II. ПРИЕНИСЕЙСКИЙ КРАЙ В XVII ВЕКЕ		Неподатное население	126
Присоединение Приенисейского края к России		Купцы и мещане	131
Первоначальное освоение Сибири	16	Казенные крестьяне	140
Пути на Енисей	18	Ясачное население	141
Характер русского присоединения края	18	Социальные конфликты и классовое сотрудничество	142
Основание Красноярска	20	Общественное движение и культурная жизнь	
Включение Хакасии в состав России	23	Декабристы в енисейской ссылке	144
Русские первооткрыватели. Численность и размещение		Образование	146
Кто вы, сибиряки?	29	Быт и нравы	149
Очаги расселения	31	Заключение	152
«Вельми хлебна, овощна, скотна и рукодельна»		Глава V. ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	
«Мягкое золото»	34	Население Енисейской губернии	
Хлебопашество	38	Источники роста и динамика численности населения	154
Ремесла и торговля	41	Социальный и этнический состав населения	160
Социальные отношения		Сельское хозяйство	
Крестьяне	43	Земледелие	164
Казачество	44	Крестьянское землепользование	170
Посадские люди	45	Скотоводство и огородничество	172
Ясачные люди	46	Промышленность	
Воеводское управление	47	Крестьянские промыслы	173
Социальные конфликты	47	Крупное промышленное производство	176
Красноярское восстание	48	Торговля и кредит	
Культура и быт русского населения		Организационные формы торговли	182
Материальная культура	50	Кредит	187
Духовная культура	51	Транспорт	
Заключение	52	Тракты	189
Глава III. НАШ КРАЙ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА		Енисейское пароходство	190
Хозяйственная жизнь края		Железнодорожный транспорт	192
Заселение	54	Буржуазия и пролетариат	
Развитие городов и первые заводы	59	Капитаны делового мира	194
Земледелие	62	Промышленные рабочие	199
Ремесла и промыслы	63	Власть и общество	
Социальные отношения: и сотрудничество, и классовое противостояние		Губернская власть	202
Неподатное служебное население	64	Городское самоуправление	204
Тяглые сословия	78	Политические противники самодержавия	206
Социальные конфликты и управление	85	Заключение	212
Система управления	87	Глава VI. НА РУБЕЖЕ ЭПОХ	
Культура		В вихре революции	
Научное изучение	89	Начало революции	214
Просвещение и медицина	92	Енисейская губерния накануне	
Быт и духовные запросы	98	Первой мировой войны	218
Хозяйственно-культурные контакты народов края	100	Культурная жизнь енисейской провинции	
Отечественная война 1812 года и Сибирь	101	Народное образование	222
Заключение	108	Здравоохранение	224
		Научное изучение края	226
		Печать	228
		Художественная культура	230
		Будни и праздники сибиряков	232
		Заклучение	236
		Литература	237